

Кира Бег

Король моих
мыслей

16+

Кира Бег

Король моих мыслей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56530923

SelfPub; 2020

Аннотация

Юная леди Лира, ученица Академии для благородных девиц, после встречи с Королём может слышать чужие мысли. Это дар или проклятие, как не сойти с ума и не потерять себя? А ещё предстоит разобраться с настырным поклонником, понять свои чувства к милому профессору и избежать похищения. И ни в коем случае нельзя влюбляться, ведь судьбу юных леди решают родители, а брак по сердцу – недостижимый дар богов. Но учиться осталось всего год, а за порогом Академии ждёт судьба.

Содержание

Глава 1. Последний бал в Академии	5
Лира	5
Король	7
Лира	12
Глава 2. Похищение	21
Лира	21
Король	29
Лира	30
Король	32
Глава 3. Переезд	35
Лира	35
Глава 4. Экзамены	52
Глава 5. Самооборона	65
Глава 6. Новый преподаватель	71
Глава 7. Урок танцев	75
Глава 8. Первый бал в Королевском Институте	79
Король	85
Глава 9. Учебные будни	87
Лира	87
Глава 10. Вторая встреча	95
Глава 11. Краткая генеалогия	102
Глава 12. Простуда	108
Глава 13. Родительский день	123

Глава 14. Усталость	132
Глава 15. Прогулка	151
Глава 16. Субботний бал	156
Король	180
Лира	188
Глава 17. День рождения Ксании	231
Глава 18. Праздник в честь Дня Коронации	236
Король	251
Глава 19. Столичный театр	253
Лира	253
Король	273
Лира	275
Глава 20. Ночная прогулка	278
Глава 21. Пропущенный бал	303
Глава 22. Разговор с Эриком	325
Глава 23. После признания	334
Глава 24. День Середины Зимы	352
Глава 25. Сессия и отравление	369
Глава 26. Деликатная история	392
Глава 27. Дворец и шут	415
Король	428
Лира	432
Глава 28. Тайна Григория	440
Глава 29. Вести из дома	466
От автора	486

Глава 1. Последний бал в Академии

Ли́ра

Меня зовут Ли́ра, и я ученица самой престижной женской Академии в нашем королевстве. Здесь учится весь цвет общества, а на открытые балы – в честь начала и окончания учебного года, а так же в День Середины Зимы, – приезжают представители королевского двора.

Как и положено, два месяца назад, на Весеннем Королевском Балу, меня представили ко двору, и официально я достигла второго совершеннолетия. Третье совершеннолетие наступит, когда я выйду замуж. У простолюдинок часто третья ступень наступает раньше, чем вторая, что недопустимо для нас, благородных девушек.

Первая ступень – первая кровь. Вторая – первый бал шестнадцатилетия, когда нас представляют ко двору, а у простолюдинок это просто шестнадцатый день рождения. Нам же, благородным, выпадает честь увидеть самого Короля.

В день моего представления Его Величество сидел на троне в приёмной зале, на возвышении, в золотой маске, закрывающей почти всё лицо. Злые языки говорят, что это специально, и под маской может скрываться кто угодно. В конце концов, среди знатной молодежи сейчас модно появляться

на светских мероприятиях в масках. Но я верю, что это был действительно Он.

Говорят, все короли нашей страны могут слышать мысли окружающих, и потому их приказы и решения не оспариваются, а несколько поколений назад короли стали неприкосновенными – любой, кто до них дотронется, должен понести наказание. Конечно, кроме тех, кому Король сам это позволил. Но я не представляю, как к нему можно подойти ближе, чем на три метра, вокруг всегда столько охраны!

А сразу после того бала я вдруг получила предписание за подписью Короля перейти в другой институт. С чего вдруг такое пристальное внимание к моей скромной персоне? Причём о том учебном заведении говорят хуже, чем о моей нынешней альма матер. И как это понимать? Понижение в статусе? Особое покровительство? Намёк на что-то или козни придворных неблагожелателей отца? Кто бы пояснил!

Король

Надежда рано или поздно встретить Её, ту, что сможет разделить со мной бремя, всегда жила где-то на задворках сознания. Несмотря на способность слышать мысли и все приложенные усилия, долгое время не везло. Но однажды, когда на представлении ко двору молодых аристократов я сидел в приёмной зале на троне, возвышаясь над окружающими, в полагающейся по протоколу тяжёлой маске, меня словно поразила молния. Весь мой мир разом перевернулся, все мысли, стремления, тревоги потеряли своё значение. Стало важно лишь одно: она здесь, она рядом!

Только кто из этой пёстрой толпы?! Хотелось подскочить, закричать, но приходилось с невозмутимым видом сидеть на своём месте и выслушивать пустые велеречивые речи. Я радовался, что маска скрывает почти всё лицо, и никто не заметит моего волнения. Я до боли в пальцах стискивал подлокотники и молился богам, чтобы они пощадили меня и дали шанс обрести счастье и сохранить разум. Моему отцу это не удалось...

Раз я до этого ничего подобного не чувствовал, значит, это кто-то из новеньких? Я еле дождался части, когда к трону по одному стали подходить на поклон молодые девушки и парни со своими родителями. Кажется... Она?! Вот это маленькое, хрупкое и воздушное? Боги, за что? Она же не вы-

держит такой ноши!

А потом приём закончился. Я всё время, как положено по протоколу, сидел на ставшем вдруг бесконечно жёстким троне, наблюдая, как она улыбается и кокетничает с другими. Больно. Грустно. Ошибки быть не может.

Едва вышли все посетители, я стремительно прошёл в дверь позади трона. Пролетел, не замечая, петляющий коридор и едва не перевернул столик на Эдварда, своего двойника, который мирно попивал чай в малой гостиной.

– Она была там, – выдохнул я, не в силах остановиться, успокоиться.

– Кто?! – опешил приятель, отставляя чашку, а когда пришло понимание, вскочил на ноги.

– Ты в этом уверен? – недоверчиво глядя на меня, спросил Эдвард. Я метался по комнате, не слыша и не видя ничего вокруг, и не удостоил его ответа. С такими вещами не шутят, он должен это знать.

Эдвард нахмурился, и, когда я в очередной раз промчался мимо него, просто схватил меня за руку и чуть ли не насильно усадил на диван, сунул в руки чашку и не отвязался, пока я не осушил бокал. Я не стал на него злиться за такие вольности.

Кого другого уже ждала бы плаха, но Эду многое было позволено. Например, он мог вот так беспринципно схватить меня или усадить ужинать. Он был единственным, кому я позволял помогать мне с утренним туалетом, никого другого

с бритвой у своей шеи я просто не мог представить.

Я слышал царящий в мыслях Эда хаос, озадаченный новостью, он сам с трудом заставлял себя сидеть спокойно.

– Кто она? – спросил Эд, убедившись, что я осушил чашку до дна и прожевал ломтик копчёного мяса.

– Новенькая. Обучается в Первой Женской Академии. Только сегодня отпраздновала второе совершеннолетие, – я покачал головой. Такая нежная и воздушная, такая беззащитная, прямо лесная птичка.

– Я подготовлю приказ о переводе в Королевский Институт со следующего учебного года, оформлю бумаги о покровительстве и улажу прочие необходимые формальности, – ответил Эд с шальной улыбкой, мечтая, чтобы я был прав и это и вправду оказалась Она.

– Спасибо, друг, – я поднял на него взгляд.

– Рано благодаришь, с тебя ещё имя этой красотки и обещание самому сходить на Совет напыщенных стариков, – подмигнул двойник.

Я усмехнулся.

– Имя получишь, но Совет остаётся за тобой. Не собираюсь я с этими, как ты говоришь, стариками сидеть, когда у меня личное счастье намечается! И вообще, ты еще не отработал своё наказание. Зачем было спорить с главным назначаем? Он меня теперь на каждом углу подкарауливает! – напустился я на друга. Не всерьёз, шутя, но с Королем не спорят...

– Ладно-ладно, понял, Совет за мной. Приказ вечером принесу на подпись, не пропадай пока никуда, – хмыкнул Эд и умчался составлять бумаги.

«Боги, сжальтесь, пусть хоть это правление пройдет спокойно!» – мелькнуло в его мыслях. Я только головой качал, слушая мысли единственного друга и помощника.

Когда через час двойник вернулся с папкой, я сидел всё на том же диване, направив мечтательный взгляд куда-то в стену. Заслышав шаги, на удивление легко вынырнул из своих дум, тщательно перепроверил все бумаги, кое-где внёс правки, заверил сопроводительное письмо. Наконец, подписал документы и поставил оттиск личной печати. Откинулся на спинку дивана и вновь задумался.

– Знаешь, у неё такие руки, – мечтательно произнес я, но Эд безо всякого пиетета перебил меня:

– Не знаю и знать не хочу! А ты рано расслабился. Тебе завтра отстаивать позиции перед послами, а потом ещё полдня с казначеем обсуждать схему налогов на грядущий год! Что ты им скажешь? Что встретил свою мечту и потому думать о делах не хочешь? Фигу! Они тут же тебя съедят и не подавятся! Так что марш спать, и чтобы утром никаких синяков под глазами!

– Вот за это я тебя и люблю, – хмыкнул я, поднимаясь с дивана. Эд прав, не дело показывать окружающим, что что-то изменилось. Этим я поставлю под угрозу не только государство и себя самого, но и Её. Боги, какая у неё тёплая роб-

кая улыбка! Какое невозможное счастье, просто видеть её! Если я хочу, чтобы она была рядом, надо приложить усилия. И первым делом нужно спрятать все мысли о ней так глубоко, насколько это вообще возможно. Я вздохнул, возводя ментальные блоки, даже от себя самого. Так надо.

Ли́ра

Вот и подошёл последний бал в родной академии. Не зря это место по праву считается ведущим для обучения девиц из высшего света. По традиции, последний бал года открывает кто-нибудь из неженатых герцогов, а в этот раз нас посетил сам Король.

Все ученицы, затаив дыхание, смотрели за танцем Его Величества и лучшей выпускницы года. Тоже одна из традиций, и, к слову, дабы удостоится подобной чести, девушки из кожи вон лезут, зарабатывая хорошие оценки.

Больше Король никого не приглашал, а вскоре и вовсе покинул залу. По протоколу, он должен будет станцевать еще как минимум один, завершающий танец, и непременно с другой девушкой.

Ученицы и их наставницы вздохнули с сожалением и облегчением одновременно. Ужасно сложно смотреть за своими манерами перед столь строгим судьёй, но побывать в обществе Его Величества – едва ли не самое яркое событие в жизни выпускниц, и всем моим сокурсницам грезилось, что Он обратит на них своё внимание.

Как и окружающие, я чувствовала невероятное волнение, а ещё меня не покидало странное ощущение, как будто что-то пушистое ворочалось в груди, и я никак не могла понять, что же это значит.

Потом из коридора послышался визг и грохот. Любопытствующее женское море рвануло к источнику шума. Кто бы сомневался, что это окажутся королевские покои?

Я незаметно для себя оказалась одной из первых. И очень пожалела об этом, когда дверь покоев распахнулась, и мужская рука грубо выставила одну из учениц. Девушка придерживала разодранное окровавленное платье, кровь была на руках, на плече, была и в спутанных волосах, а в глазах плескался ужас.

Я словно оцепенела. Прикрыв рот рукой, никак не могла отвести взгляд от сокурсницы. Мы ведь с Алисой сидели рядом на некоторых предметах! А теперь девушка обесчещена. И не важно, было у неё с Королем что-то или нет.

Король... Короля все боятся. Он может слышать мысли окружающих и всегда ходит в маске, закрывающей лицо. И его ждет сумасшествие, потому как королевский род постепенно вырождается.

Дед нынешнего правителя потерял над собой контроль вскоре после смерти жены. Ходят слухи, при жизни только она могла его успокоить. Отец, предыдущий Король, в сорок лет превратился в лютого берсерка. Он убил собственную жену и двоих детей, прежде чем встретился взглядом с нынешним Королём. Очевидцы говорят, что отец и пятнадцатилетний сын несколько минут просто стояли и смотрели друг на друга, а потом покойный Король воткнул кинжал себе в сердце. Да, недюжинная сила – тоже наследие монар-

шей крови.

Вокруг стояла оглушающая тишина, только Алиса старалась не всхлипывать. Она замерла возле порога, не имея сил сделать хоть шаг. А Его Величество стоял у распахнутой двери, без сюртука, в сапогах, брюках и белоснежной рубашке. И с неизменной маской на лице, которая сегодня была серебряной, в тон костюму. Он медленно и внимательно обводил взглядом собравшуюся толпу, а люди не смели шелохнуться.

Я почувствовала на себе обжигающий взгляд и подняла глаза. За маской ничего было не разобрать, а Король вдруг шагнул назад и резко хлопнул дверью. В тот же миг Алиса рухнула на пол и разрыдалась, размазывая кровь по лицу. Ректор, леди Розетта, и несколько подруг кинулись к девушке, спешно увели её к лекарю и договорились, что подружки будут по очереди дежурить у постели бедняжки.

Тут же официально объявили, что Алиса неудачно споткнулась о ковёр и упала головой и плечом на каминную решётку. Но все откуда-то знали и шептались, что на самом деле Король принудил её к близости. И избил. Никто не смел осуждать Короля – решения и поступки Его Величества не принято оспаривать. Он ведь прямой наследник древней династии, сохранивший их таланты и способности. И он читает мысли.

Я смотрела, как вводили девушку, и очень боялась – про Короля ходили жуткие слухи, и, похоже, они правдивы.

Король

Я выставил нахалку за дверь. Она собиралась залезть ко мне в постель, а затем шантажировать! Вот только не учла, что рассказы про чтение мыслей – не просто жуткие сказки. Поэтому я не повёлся на провокацию и указал леди на дверь. Та вспылила, схватила со столика с фруктами нож и пообещала, что убьёт себя, если я её сейчас же не поцелую.

Мне не потребовалось особых усилий, чтобы выбить «оружие» из рук шантажистки, но девушка не удержалась на ногах. Наступив на подол собственного платья, она чуть было не рухнула в камин, но, по счастью, лишь содрала кожу на плече. Я рывком поднял девицу на ноги и вышвырнул её прочь. Ещё только на жалость она не давила!

А в коридоре уже собралась целая толпа. Я обвёл гневным взглядом собравшихся. Страх, ужас, осуждение... Да меня уже практически признали сумасшедшим! Но нет, они не правы, у меня ещё есть шанс, и времени достаточно. Тут я наткнулся взглядом на Неё.

Нет, пожалуйста, только не это! Эмоции, нахлынувшие на меня вместе с мыслями девушки, заставили отшатнуться. Я поспешно закрыл дверь, чтобы никто не заметил моего состояния. Боги, за что?! Что же я наделал! И как это теперь исправлять?

Я мерил шагами комнату и проклинал ту минуту, когда идея посетить бал в Академии, чтобы ещё раз, хоть мельком, увидеть свою малышку, показалась мне здоровой. И ведь

Эд меня отговаривал, как и Роман, начальник моей личной охраны. Но я думал лишь о том, что смогу пригласить её на танец, заглянуть в глаза, коснуться её руки, за что теперь и поплатился.

С того момента, как я выставил нахалку-ученицу за дверь, прошло уже почти четверть часа, и нужно что-то решать. Мысль о том, что Она меня боится, возможно, даже ненавидит, причиняла почти физическую боль. Слушать слова она не станет, но, быть может, поверит хотя бы мыслям? Ведь они не могут врать.

Отдав распоряжения, я споро переоделся и вернулся в залу. Нужно закончить начатое.

Лира

Как положено по протоколу, Король вернулся в бальную залу под конец мероприятия. Танцы не стали прерывать, но настроение у всех упало. Только Его Величество, как ни в чем не бывало, протанцевал три партии с разными девушками. Одной из них, к своему ужасу, оказалась я.

Еще хуже было то, что Король попросил вечером встретиться с ним, сказал, что за мной придут. Как бы это ни было произнесено, любое слово Короля – приказ. Я испугалась. В панике ушла с бала, стала метаться по комнате и кидать на кровать вещи для побега. Убьёт? Сделает фавориткой? Отдаст солдатам за непотребные мысли о нём? В комнату поспешно вошла леди ректор.

– Я всё знаю, милая, – леди Розетта, невысокая, энергичная, немного полноватая пожилая дама всплеснула руками.

Не выдержав, я кинулась леди ректору на шею и разрыдалась. Что теперь со мной будет?

– Тише, милая, тише. Только умоляю, не делай глупостей. Подумай о семье. Знаю, ты боишься, я сама в ужасе от всего этого. Но, прошу, послушай старую леди, побег ничего не решит...

Я всхлипывала, когда леди Розетта помогала переодеться в меру скромное, но элегантное платье голубого цвета с дымкой. Пыталась разучиться думать, когда она поправляла мне причёску и наводила лёгкий макияж. Вообще-то ученицам запрещено пользоваться косметикой, но раз такое дело...

Через час раздался стук и, не дожидаясь разрешения, в комнату вошли двое солдат из личной охраны Его Величества. И как только они проворонили Алису?

Мужчины повели меня через проходные кабинеты и дальние коридорчики, подальше от шума и лишних глаз. Такой маршрут вызывал мысли о похищении и скорой кончине. Так не пойдет. Я глубоко вздохнула и тряхнула головой. Будь что будет!

Если от меня сейчас ничего не зависит, лучшее, что можно сделать, это остаться с трезвой головой, чтобы не наделать глупостей и не упустить возможность... Какую – не знаю, но твёрдо уверена, что мне повезёт. Всегда везло, и не может

быть иначе!

На заднем дворике стояла тёмная, готовая к отъезду карета без каких-либо отличительных знаков. Передо мной услужливо распахнули дверь. Словно на занятиях, я аккуратно, заученным движением приподняла край платья и забралась внутрь. И ту же оказалась нос к носу с Его Величеством. Одна, в закрытой и уже мерно покачивающейся на ходу карете.

Тут я поняла, что устала паниковать. Ну не съест же он меня! И леди ректор знает, где я и с кем. Если что – родители выручат! Я отвернулась к окну и старалась думать о чем-то нейтральном, чтобы не оскорбить и не спровоцировать Его Величество.

Карета остановилась у храма. Зачем мы здесь? Недоумение и страх накрыли с новой силой. Вопреки всем правилам, Король вышел из кареты первый и подал мне руку, помогая спуститься. Я не могла отказаться. Радовало только то, что на Нём были белоснежные перчатки из дорогой ткани и мне не пришлось касаться его напрямую.

Было неуютно не только от самой ситуации, но и от того, что рядом с одетым в дорогой тёмно-синий кафтан с серебряным шитьём, серебряную маску, украшенную драгоценными камнями Королём в своём строгом платье я смотрелась нелепо. Охрана обступила нас со всех сторон, и не оставалось ничего другого, как послушно следовать за Его Величеством.

Я удивилась, когда мы направились не к центральным воротам храма, а к маленькой неприметной боковой двери, которая вела в длинный коридор. После него мы очутились в просторном помещении, в центре которого стояла каменная чаша, чем-то напоминавшая королевский кубок.

Здесь нас встретил Главный настоятель, пожилой благообразный мужчина с добрым взглядом в серой рясе до пола. Покачав головой и пробормотав что-то про нетерпеливых юнцов, служитель попросил меня и Его Величество встать напротив друг друга с разных сторон огромной каменной чаши, которая была наполнена мутной водой. Потом настоятель, раскачиваясь из стороны в сторону, читал на древнем наречии какую-то тарабарщину, и, неожиданно схватив за руку, надрезал мне левое запястье.

Я вскрикнула, но служитель дождался, пока в чашу упадет пара капель крови, и обмотал порез белоснежным платком. К моему удивлению, то же проделали и с рукой Короля. И, судя по всему, он изначально знал, что так и будет! Ещё немного попричитав, Главный настоятель коснулся кончиком пальца жидкости в чаше и нарисовал какой-то знак у меня на лбу.

В ушах тяжело загудело, перед глазами всё поплыло, голова внезапно стала тяжелой. Я ещё успела увидеть, как сквозь окна и двери хлынули вооруженные люди. Мне показалось, что их было невероятно, безумно много.

Настоятель укрылся за широкой колонной и бормотал мо-

литвы. Охранники окружили Его Величество, а он ледяным тоном отдавал им приказы и указывал на меня. Между нами уже стояла стена из нападавших, меня словно специально оттесняли в сторону.

Слышался звон, невнятные крики. Кто-то грубо схватил меня за плечо, и на этом разум окончательно взбунтовался. Я потеряла сознание.

Глава 2. Похищение

Ли́ра

Голова нещадно болела и кружилась, тело отказывалось слушаться. Холодным страхом сковало горло, когда на миг показалось, что я больше не смогу шевелиться и видеть. Вокруг раздавались незнакомые голоса. Потребовалось время, чтобы понять, что я связана, с мешком на голове, и меня куда-то везут, перекинув через седло лошади.

Верёвка жгла руки, от неудобного положения всё тело ныло. Из разговоров я поняла, что Короля среди похитителей нет и он тут совершенно ни при чём. Похоже, разбойники приняли его за обычного богача, а сейчас он ранен и должен будет выплатить за меня нереально огромный выкуп. Боги!

От потрясения всё в голове путалось, и я не сразу поняла, что меня насторожило, что показалось неправильным. А потом сообразила, что похабные и мерзкие идеи о том, что со мной делать, пока будут ждать выкуп, это не слова, а мысли.

И тут я испугалась по-настоящему. Вспомнились строки из учебника: в мыслях невозможно врать. Даже если в данный момент ты думаешь специально о чём-то отстранённом, где-то там, под третьим или четвёртым слоем мыслей будут истинные мотивы и правда.

Я запаниковала. Король – милая фея по сравнению с этими преступниками, которые решили устроить мне третье совершеннолетие на ближайшей стоянке! Хотят пустить по кругу, как и предыдущих девушек, которых ловили раньше. А их главарь твёрдо решил, что после этого отрезет мне палец или ухо и отправит вместе с письмом о выкупе. В доказательство того, что я действительно у них.

От ужаса я оцепенела.

Пока я пыталась собраться с мыслями, найти выход, разобраться в творящемся вокруг хаосе, лошади остановились. Меня небрежно стащили на землю, сняли верёвки, завели в избу и грубо швырнули на дощатый пол, от чего я рассадила колени и ладони.

Меня с гогом окружили, стали хватать сквозь платье, запугивая. От страха мне казалось, что похитителей бесконечно много. Я дрожала, стискивала зубы и старалась сдерживать слёзы, чтобы не провоцировать преступников. Один из них предложил сначала перекусить, мол, с вечера маковой росинки во рту не было.

Бандиты начали спорить, не стесняясь в выражениях, чем заняться в первую очередь – поразвлечься с добычей или поужинать? И тут во дворе послышался шум. Меня оставили в покое, впрочем, не выпуская из вида, и я, стараясь быть как можно тише и незаметнее, с тревогой наблюдала за происходящим.

Один из похитителей ушёл проверять и не вернулся. За

ним ещё двое. Пятеро оставшихся переглянулись. Главварь выругался, грубо поднял меня с пола и встал к стене, прикрывшись мной. В горло упёрся кинжал. Моё сердце колотилось так, словно хотело выпрыгнуть из груди, я замерла, боясь пошевелиться, и молилась всем богам, чтобы происходящее оказалось дурным сном.

Похитители встали по бокам от дверей. Ожидание длилось бесконечно долго, а потом, когда преступники стали терять терпение и решили выглянуть наружу, будто смерч ворвался в двери, сбив двоих, и сцепился со всеми сразу в невероятной схватке. Это было похоже на дикий танец, оканчивающийся криками и кровью.

Я задрожала. Перед глазами всё плыло: кровь на корсаже ученицы, и здесь, снова, повсюду... Я слышала крики и мысли, полные боли, видела мелькание железа и кровавые росчерки на одежде.

«Закрой глаза», – поймалась чья-то мысль, и я крепко зажмурилась. В какой-то миг пол и стена больно ударили в бок и спину, и я тут же отползла подальше, в угол, опасаясь случайно попасть в горячке боя кому-нибудь под руку.

«Молодец», – снова чужая мысль-одобрение.

Через какое-то время повисла тишина. Исчезли не только вскрики и лязг. Исчезли мысли. И это было намного, намного страшнее того, что происходило до этого. Я боялась шевельнуться и привлечь к себе внимание.

«Не бойся, я рядом». Мягкие шаги по дощатому полу,

ощущение чьего-то близкого присутствия. Кто он?

«Друг. Можешь открыть глаза, но смотри только прямо, договорились?».

Я робко открыла глаза и уставилась на доски под ногами. Возле колен оказалось бурое пятно, и я постаралась отодвинуться от него, но только сильнее вжалась в стену.

«Я же просил, не смотри по сторонам. Давай, подними на меня взгляд».

Дорогие сапоги, мягкие кожаные брюки, ножны с мечом без украшений на поясе. Тот, кто представился другом, сидел передо мной на корточках. Ткань порезана на бедре. Он ранен?

«Нет, они не успели зацепить меня серьёзно. Это просто царапина, прошло вскользь», – показалось, или в его мыслях послышалась улыбка?

Запылённая некогда белая рубашка с длинными рукавами, вся в разводах от грязи и травы. Его валяли по земле?

«Я упал с коня, его подстрелили из арбалета. Жалко, очень умный был».

На рукавах – пятна крови, но не похоже, чтобы его. А на плече...

«Не бойся, это не серьёзно. Лекарь поставит меня на ноги за один день. Просто царапина на плече, она не стоит твоего внимания».

Я сглотнула и подняла взгляд ещё выше. Спаситель меня не торопил, давая время самой принять решение, доверять

ли ему.

Волевой гладко выбритый подбородок. Каштановые волнистые волосы чуть ниже плеч. Упрямые губы изогнуты в мягкой улыбке. Родинка над правой бровью. Прямой нос, высокие скулы и карие глаза, глядящие с нежностью и тоской. Захотелось утонуть в этом взгляде, обнять, утешить.

Я поспешно отвела взгляд. Что за мысли? Мои ли? И не этот ли мужчина минуту назад равнодушно убивал людей?

«Не веришь. Не думал, что это так больно. Тогда... Загляни сама. Я снял блоки, и сейчас открыт перед тобой, как ни перед кем».

Было не понятно, о чем идет речь, но я осмелилась ещё раз взглянуть спасителю в глаза. И тут же задохнулась, утонув в водовороте мыслей. Желание защитить, страх опоздать, боль в плече, отчаяние при мысли, что мне могут причинить вред... Рука сама оказалась в протянутой ладони.

Мозолистые от меча пальцы мягко сжались. «Я возьму тебя на руки, а ты зажмурься и не открывай глаза, пока не разрешу».

Я замотала головой. Ну куда он, с раненым плечом, собрался меня нести? Я уже не маленькая девочка, и в силах выйти сама. Надо будет осмотреть и перевязать рану.

«Хорошо, только не сейчас. Сначала уйдем отсюда».

Мы не сказали за всё время ни слова вслух. Казалось, это может что-то нарушить, спугнуть. Или вернуть похитителей, или уронить крышу нам на головы. Я не знала сама, почему

так упорно молчала.

От испуга я даже забыла, что вдруг начала слышать чужие мысли. Не придавала значения и тому, что спаситель слышит меня. Просто позволила поднять себя на ноги и послушно шагнула следом. Ноги подгибались, колени и ладони саднили.

Мой спаситель сделал шаг, отдаляясь. Вдруг показалось, что он может исчезнуть, и я поспешно догнала его. Глядя на некогда белую ткань, коснулась пальцами рубашки и прислонилась лбом к мужской спине. Что со мной? Будто боюсь, что он мне примерещился.

Вздохнула, беря себя в руки и стыдясь внезапного порыва, желания прикоснуться. Уцепилась за ткань на спине.

– Пойдем, – мой собственный тихий, но твердый голос разрушил чары момента.

Стараясь смотреть только в широкую спину, я всё же замечала кровь и тела по бокам. Он шёл осторожно, приноравливаясь к моим шагам, обходя грязь и загораживая самые страшные места. Я не отводила взгляд от своих пальцев, которые дрожали, сжимая рубашку.

«Я тебя слышу не постоянно», – мысленно произнесла я, стараясь заполнить тишину вокруг хотя бы так.

«Просто я ставлю блоки. Тебя тоже этому научат».

Я озадачилась, но спаситель продолжать мысль не стал.

Оказывается, мы были в лесу, в небрежно устроенной из-

бе без крыльца, с покосившимися стенами и дырявой крышей. Мой спаситель отвязал нервно всхрапывающих лошадей от деревьев, и они тут же куда-то умчались. На последнего коня, выглядящего приличнее остальных, он посадил меня и прыгнул следом, оказавшись за спиной.

«Ничего, если поедем так?».

Я замотала головой. Мне уже всё равно, лишь бы уехать. Увиденного здесь мне надолго хватит. Я почувствовала сильную ладонь на талии, и мужчина тронул коня.

Совсем скоро мы выбрались к деревне. Оказалось, меня увезли не так уж и далеко. До города, а значит, и родной академии, около часа езды. В деревню мужчина почему-то заезжать не захотел, сразу направил лошадь дальше. Тут уже я заартачилась: ну нельзя же ехать с раной! А вдруг заражение?

Спаситель устал от погони и драки, я – от переживаний. Мы оба еле сидим верхом. Поддавшись на уговоры, мужчина свернул к бегущей в сторону столицы речушке. Пока он умывался, я ушла за ближайšie кусты и оторвала одну из нижних юбок и на повязки. Мужчина только хмыкнул.

Я помогла ему снять рубашку. Спаситель морщился, но больше ничем не выдал своего состояния. Я вознесла хвалу тем, кто поставил в программу благородных девиц основы лекарского дела. Обмыла края раны, приложила росшую неподалеку лечебную травку, чтобы унять кровь и не допустить воспаления. Перевязала.

Мелкие царапины были всюду, на теле, руках, запястьях, но спаситель только отмахнулся, когда я предложила осмотреть и их. Насколько могла, я почистила рубашку и помогла осторожно одеть назад. Я бы посоветовала не тревожить рану и одеться уже после осмотра врача, но мужчине эта идея почему-то не понравилась, и я не стала настаивать.

Всё это время я старалась не думать о тёплом взгляде и сильных мозолистых пальцах, что помогали мне с бинтами. О мышцах, которые бугрились на спине и руках. О том, что я касалась его кожи, широких плеч, твёрдой груди, упругих мышц на животе. Он никак не показал, что слышит эти мысли, а я отчаянно гнала их прочь – и не могла не думать.

Король

Я смотрел, как солнечные лучи играют в волосах моей голубки, забывал, что нужно дышать под озабоченным внимательным взглядом голубых и таких родных глаз, и никак не мог поверить, что вот она, совсем рядом. Больше всего происходящее походило на сон.

Запал боя уже прошёл, красная пелена, застилавшая разум с того момента, как я понял, что на мою малышку покушаются, растаяла, словно дым. Я не мог отвести от неё взгляда и любовался задумчиво прикушенной губой, работой изящных рук и редкими, случайными прикосновениями, от которых сердце готово было выпрыгнуть из груди. Как же её не хватало раньше!

Ли́ра

В дороге я то и дело проваливалась в дрёму. Сперва, после стоянки, я старалась сидеть прямо и как можно дальше от мужчины, чтобы нечаянно не задеть рану, как я себя уверяла. Само присутствие спасителя так невозможно близко меня смущало.

«Ну что ты дичишься. Так неудобно. Не бойся, облокотись. И твоя макушка перестанет закрывать мне обзор», – немного насмешливо подумал мой спаситель.

Так что остаток пути мой разум смущала не только рука, деликатно лежащая на талии, но и ощущение мощной груди и сильных мышц за спиной. Нас раздела только ткань платья и тонкая рубашка.

Лошадь шла плавно, и вскоре от всех волнений дня я незаметно для себя задремала.

«Просыпайся, приехали».

Я вынырнула из сна и с удивлением уставилась на заднюю калитку родной академии. «Подожди, я помогу тебе слезть».

Мой спаситель легко спрыгнул с коня и осторожно опустил меня на землю. Спросонья я забыла спросить, как его зовут и откуда он знает, куда меня везти. Было только сожаление, что это приключение заканчивается.

И о чём я думаю! Меня чуть не убили, едва не обесчестили, хотели изуродовать. А я стою и радуюсь тёплым сильным

рукам, которые, вопреки всем нормам приличия, продолжают держать меня за талию. Я неожиданно зевнула.

«Тебе пора», – пришла тёплая мысль.

«А мы еще увидимся?» – наплевав на скромность, спросила я. В конце концов, если это не было сказано вслух, то не нарушит постулаты уроков изящных манер?

«Обязательно. А теперь иди».

И неожиданно для себя я оказалась уже за калиткой. После всех событий дня было невозможно удивляться тому, что мне навстречу выбежала, подобрав юбки, сама леди Розетта. Мимо прошёл кто-то из прислуги.

Занятая своими мыслями, я не обращала внимания на взволнованные причитания – и вслух, и в мыслях, – леди ректора, всерьёз обеспокоенной благополучием каждой из своих учениц, словно мы были её детьми. И не придавала значения безмолвным жалобам прислуги на тяжёлую работу.

Пожилая дама проводила меня в комнату и оставила одну, только убедившись, что я не пострадала. Она не спрашивала, что случилось и почему я в таком подтрёпанном виде, а я не рассказывала.

Уже лёжа на кровати и глядя в потолок, я раз за разом перебирала события с момента своего спасения. Сильные плечи, карие глаза. Красивое мужское тело без рубашки. Случайные касания к коже, от которых краска прилиwała к лицу и по спине бежали мурашки. Остаток ночи я так и не уснула. А следующий день обернулся новым кошмаром.

Король

Незаметное сопровождение для своей милой я уже организовал. Трём ребятам Романа я поставил ментальный щит, чтобы не напугать малышку и не выдать себя раньше времени. Короля она боится, и, уловив в мыслях кого-то, что её стерегут по приказу Его Величества, наделала бы глупостей.

Хотела сбежать! Ну надо же! Хорошо, что ректоры ключевых институтов подчиняются мне напрямую. И носят блоки на сведения, относящиеся к государственным тайнам, так, что все, кто пожелает заглянуть ректорам в мысли, услышат лишь причитания о благе вверенных им заведений.

Я заранее предупредил леди Розетту и леди Амалию, какой ценный бриллиант у них обучается. Дамы чуть не упали в обморок от подобной ответственности.

Я надел маску только в храме, вернувшись через чёрный вход. К тому времени нельзя было сказать, что уже поздно. Было очень рано. Настоятель под присмотром Романа, начальника моей личной охраны, пил чай в одном из залов для медитаций.

– Ты где был?! – едва я появился в дверях, налетел на меня мрачным коршуном Роман и зашипел на ухо, благо его подопечных в зале не было.

– Спасал свою невесту, – я невозмутимо пожал плечами и

подошёл к настоятелю, извиниться за сегодняшней бедлам.

Было забавно слушать, как удивлёнными зайцами скачут мысли приятеля. Он обиделся на меня за то, что я приказал ждать в храме! А кто отвлекал бы внимание, чтобы нападавшие не бросились в погоню? Так мне досталась лишь горстка разбойников, а ребята расквитались с остальной бандой. Хорошая у Романа команда, слаженно работают.

Настоятель официальные извинения принял, отечески попенял на мою поспешность и благословил на долгое и мудрое правление. Когда я днём лично примчался к нему, старик очень удивился и согласился провести обряд только в том случае, если опознает в девушке мою Истинную Половину Души. И, едва увидев Лиру, пригласил нас к Чаше Душ.

Да, я знал, чувствовал, что встретил Её, но подтверждение Главного Настоятеля заменило надежду на уверенность. Когда придёт время, Храм проведёт не формальную, но полную коронацию будущей Королевы и, если со мной что-то случится, поддержит Лиру как регента, наследника, заместителя. Теперь у моей милой есть безоговорочная, абсолютная поддержка храма, а значит, она всегда найдёт у них защиту и помощь.

Уже давно рассвело, когда мы выехали из ворот храма. Перед этим я приказал собрать всех работников храма во внутреннем дворике. Вышел к ним в тёмной маске с золотым узором, обнажённым мечом в руке, решительный, холодный, властный. С Романом и двумя его ребятами за спиной, в со-

провождении Главного Настоятеля я прошёл мимо выстро-
енных в шеренгу людей и без тени сомнения проткнул одно-
го из прислужников.

Именно он дал наводку похитителям, что в храм приехал
знатный вельможа в маске, да не один, а с девушкой, которой
оказывает особое расположение.

– За предательство, – холодно пояснил остальным и залез
в карету, махнув рукой, чтобы Роман ко мне присоединился.

Главный настоятель громко объявил, что этот послушник
уже не в первый раз сообщает местной банде, когда в храм
приезжают состоятельные люди. И приказал похоронить его
за оградой кладбища без надгробия – предатели не заслужи-
вают посмертия.

В мыслях моих охранников не было осуждения. Лишь
презрение к предательству и гордость, что служат человеку
с твёрдой рукой и непоколебимой волей. Доверие солдат за-
воевать непросто.

– Докладывай, – строго бросил я, едва Роман очутился в
карете.

Глава 3. Переезд

Ли́ра

Утром мне полагалось отправиться в Королевский Институт. С другими ученицами мы прощались с того момента, как я узнала о переводе, и я очень волновалась о причинах такого приказа, было жаль покидать место, где я всех знала и все знали меня. Но встреча с таинственным спасителем сгладила горечь расставания с родными стенами и отодвинула эти переживания на задний план.

Было странно, что в Академии на лето девушки уезжают домой, и многие отправятся уже сегодня, хвастаться нарядами и демонстрировать хорошие манеры. А в Королевском Институте мне полагается провести все каникулы. Интересно, зачем?

Конечно, я слышала об Институте. Есть Мужской Кадетский Институт, и его выпускники традиционно становятся министрами, послами, ректорами учебных заведений. Ведь воспитание нового поколения – одна из важнейших задач, от этого зависит благополучие и стабильность государства в будущем, а так же лояльность народа к Королю.

Выпускниц Женского Королевского Института ожидают должности придворных фрейлин, учителей и ректоров, ра-

ботниц канцелярии. Они становятся жёнами и сопровождающими в свите послов, зрителями Королевской библиотеки, которая хранит в себе множество тайн, недоступных простым людям.

Вот только в моей Академии принято свысока смотреть на воспитанников Королевских Институтов. Туда попадают «по милости Короля», и часто среди учеников встречаются представители разорившихся дворян и угасающих родов. А это совсем не то, что высшая аристократия в самом рассвете их могущества. За что меня туда ссылают?

Утром, еще затемно, за мной пришла сама леди Розетта. Одна из служанок принесла поднос с завтраком и тут же ушла обратно на кухню, чистить овощи. Я слышала её мысли так, словно девушка говорила об это вслух.

Леди ректор смотрела, как я одеваюсь в дорогу. Сумки были собраны давно, ещё до бала. Боги, это случилось только вчера, но кажется, что прошла целая жизнь!

Я старалась делать вид, что не слышу мыслей женщины, но было сложно. Я не оставляла надежду, что мои неожиданные способности, – явление временное, как простуда. Очевидно, что в их появлении как-то замешан Король, но идти к нему с вопросами я не собиралась.

Карета с эмблемой Королевских Конюшен, услугами которых пользуется Академия, уже стояла у крыльца, и грузный кучер вяло смотрел по сторонам, вспоминая сытный завтрак.

Служанка несла мои сумки, их было совсем немного. Ученицам полагается форма, выдаваемая учебным заведением, даже в город выходить положено в ней, и поэтому одежды было мало, в основном личные вещи.

Вспомнились слухи о том, что воспитанниц Института совсем не выпускают за пределы территории корпусов. Неужели я не попаду на ежегодную осеннюю ярмарку?

Я быстро забралась внутрь кареты, стремясь остаться в одиночестве, но мысли окружающих не исчезли. Напротив, за то время, пока мы проезжали город, я против воли подслушала спешащих на рынок торговков, едва выскочившего из-под копыт пьяницу, жрицу дома терпимости, бредущую домой, мальчишку-сироту, лавочников, многодетную мать, воришку, прислугу, молодого парня после бурной ночи... Я ёжилась на сиденье, закрывала уши руками, напевала мысленно и вслух, читала молитву и вспоминала семьдесят шесть негласных правил поведения на балу.

Бесполезно. Поток чужого сознания было не перекрыть ничем. Голова нещадно разболелась, я едва не плакала от этой пытки. Как деликатно, оказывается, поступил мой неожиданный спаситель, скрывая от меня большую часть своих мыслей! Почему бы остальным не поступить так же и не прекратить думать?

Когда мы выехали за город, стало полегче, но ненадолго. Иногда мы проезжали мимо других путников, и их заботы накрывали меня с головой.

Кроме того, рядом, за стенкой, сидел кучер, решивший вспомнить посиделки за пивом с друзьями. Потом он мечтал о ночи с супругой, волновался за шалопая-сына и гадал, где взять приданое на трёх дочерей. Думал об обеде и о том, что пора бы уже притормозить и посетить кустики. Или сделать это, не слезая со своего места?

Я плакала. Попыталась прилечь, насколько позволяла скамья, и стала снова вспоминать самые нудные уроки. Где-то на девяносто восьмой комбинации языка цветов, наконец, задремала.

Мы выехали на рассвете, а к воротам Института подъезжали уже в темноте. И если моя Академия располагалась в одном из крупных городов, так как при её строительстве посчитали, что для воспитания леди столичные соблазны принесут только вред, то Институт стоял на окраине сердца нашей страны.

Вокруг стен Института вырос городок, где жил персонал, и просто люди, которые не смогли себе позволить жильё в столице. От крепостных стен совсем близко, но при это нет ограничений на постройки. Институт, как было написано в Большом Королевском Справочнике, вынесли за крепостную стену по этой же причине. Зато теперь в ведении учебного заведения находится лес, сад и, поговаривают, даже озеро.

Я была измотана, как никогда в жизни, не было сил даже смотреть по сторонам. Довольно сухо ответила на приветствие мальчишки, который тут, похоже, помогал леди ректо-

ру и бегал по всяким поручениям. Судя по мыслям, её племянник.

Меня провели сразу в кабинет начальницы, на второй этаж учебного корпуса. Леди Амалия оказалась высокой, худой, довольно молодой для такой должности женщиной в строгом тёмно-зеленом платье, с пучком на голове. Бело-снежные кружевные манжеты и воротник немного разбавляли образ.

В мыслях – холодные цифры, говорящие о благополучии вверенного ей Института. Она равнодушно меня поприветствовала, зачитала вслух приказ о моём переводе, озвучила правила поведения и проживания. Ничего разительно нового, только личных комнат ученицам не полагается, и живут они по двое. Ванные и умывальные расположены на жилом этаже.

В пятницу официальные приёмы и в субботу ученические балы. Надо же леди как-то практиковаться и прорабатывать полученные знания? Но все эти объяснения и указания в данный момент проходило мимо меня.

– Леди, что я буду делать во время каникул? – наконец, мне разрешили задавать вопросы.

– Учиться, конечно, – изогнула брови леди ректор. – Ваше первое занятие начнётся через пятнадцать минут, учитель уже ждёт.

Я едва не упала со стула.

– Но я только с дороги и ужасно устала!

– У вас есть пятнадцать минут, чтобы привести себя в порядок. Жилой корпус стоит отдельно, поэтому можете пока воспользоваться ванной в конце этажа. Хотите поужинать?

– Нет, спасибо, я не голодна.

– Мой помощник проводит вас на урок и отнесёт вещи в комнату. Хорошего вечера.

Леди уткнулась в бумаги, показывая, что приём окончен, а я на негнущихся ногах отправилась следом за мальчишкой. Он отвёл меня в просторную библиотеку на первом этаже и ушёл, указав на столик у окна. В одном из кресел сидел сухонький старичок с аккуратной стриженной бородкой и седыми волосами, убранными в хвост.

«О, а вот и пострадавшая», – старичок поднял на меня глаза цвета жжёного сахара от какого-то талмуда, что занимал чуть ли не весь стол.

– Доброго дня, профессор. Простите, вы назвали меня пострадавшей? Разрешите присесть? – изобразила я реверанс, нарушив все правила вежливости первым вопросом. В конце концов, это не было сказано вслух!

– Конечно, раз вы меня слышите, даже когда я молчу. Но не переживайте, леди, мы это быстро исправим. Моё имя профессор Сардер, я всю сознательную жизнь изучал ментальные способности. Меня приглашают как раз в таких, особых, случаях, – мужчина выделил голосом слово «особый».

– А как вы узнали, что мне нужна ваша помощь? Кто вас

пригласил? – я медленно подошла ближе, с опаской прислушиваясь к мыслям профессора и своей реакции на них. Удивительно, но ничего отторгающего, противного не звучало.

– Обо всём позже, леди, сейчас не время. Присаживайтесь напротив, и первое, что мы сделаем – поставим блокирующий щит. Очень не советую носить его постоянно, лучше всё-таки фильтры, но ими мы займёмся завтра. Надеюсь, – мужчина строго посмотрел на меня, насупив брови, – вы достаточно благоразумны, чтобы молчать о своих способностях? И перед родителями, и перед лучшей подругой? Поклонитесь именем Короля!

Я произнесла необходимую фразу. Я понимала, почему нужно молчать. Эти способности пугают даже меня саму, что уж говорить об окружающих, у каждого из которых живёт свой призрак в шкафу?

– Вот и чудесно. А теперь приступим. Повторяю, использовать этот щит только в крайних случаях и никому не говорить о своём даре!

Да какой же это дар?! Самое настоящее наказание!

Через четверть часа у меня что-то начало получаться, а еще через полчаса я смогла честно ответить учителю, что совершенно его не слышу. Мужчина хмыкнул, собрал со стола пергамент, на котором мы чертили схемы и ассоциации. Твёрдо на меня посмотрел:

– Нигде и никогда не оставляйте свидетельств своей силы, даже намёков на свою уникальность.

После чего он разорвал бумагу и кинул в огонь камина.

Всего за один час я зауважала мужчину и прониклась к нему глубокой благодарностью. Профессор объяснял всё простым и доступным языком, так, что даже я, впервые услышавшая о ментальных блоках, смогла понять и сделать.

У мужчины были слабые ментальные способности, ещё в юности он заинтересовался их изучением, а после окончания Мужской Академии получил Королевский Гранд и целиком посвятил себя любимому делу.

Об этом профессор Сардер поведал между делом, пока я чертила карту ассоциаций для собственного ментального блока. Похоже, профессору не так часто приходится работать с живыми людьми, всё-таки дар не настолько широко распространён. До вчерашнего вечера я и вовсе была уверена, что это прерогатива исключительно Королевского рода.

В жилой корпус меня проводил всё тот же мальчишка. По пути я узнала, что его зовут Юнг и следующей весной он поедет учиться военную школу, а после планирует попытаться поступить в Мужской Королевский Институт.

Юнг рассказал, что на территории Института три основных здания: центральный, он же учебный корпус, слева от него жилой корпус для учениц, справа – отдельный жилой корпус для преподавателей. Вместе здания образуют букву «П», внутри которой раскинулся сад с широкими дорожками и скамейками, где в тёплую погоду любят сидеть с рукоделием леди.

Позади центрального корпуса есть озеро, которое видно из классных комнат, и зимой озеро превращается в каток. Дальше идёт лес, в тени которого прячутся поляны, на которых преподаватели и ученицы по утрам занимаются самообороной.

Ещё на территории есть конюшня, которая обычно пустует, но приезжающие верхом каждую субботу кадеты оставляют там своих лошадей. Ну и, конечно, несколько служебных построек и пристроек.

Я наслаждалась тишиной, которая пришла на смену чужим мыслям, и с удовольствием выслушивала Юнга. Слова о самообороне меня удивили. Это учебная дисциплина или нечто иное? Можно ли и мне будет этому обучаться?

Юнг открыл передо мной дверь жилого корпуса, пропустил внутрь, в широкий уютно обставленный коридор. Нас встретила пожилая леди в тёмно-зелёном платье сотрудницы Института и белоснежном накрахмаленном переднике. Юнг представил нас с леди-комендантом друг другу и оставил одних.

Леди-комендант проводила меня в выделенную комнату и передала ключ. Пояснила, что все места заняты, но по обоюдному согласию девушкам разрешено меняться комнатами.

Я огляделась. Предстоящий год мне предстояло жить в светлой комнате вместе с соседкой, которая, как мне пояснили, на время каникул отбыла домой. Справа и слева у ок-

на стояли письменные столы, за ними, вдоль стен, кровати с деревянными спинками. В ногах – по сундуку для личных вещей, дальше стояли одинаковые шкафы.

Половину каждого шкафа скрывала дверца, вероятно, там была перекладина для одежды, вторую половину занимали открытые полки. На полках шкафа по левую руку стояли несколько книг, круглая коробка, вероятно, для шляп, и корзинка для белья. Возле кровати по правую сторону комнаты уже лежали мои сумки.

Слева от входной двери были вбиты в стену крючки для зонтов, шляпок и верхней одежды. Справа стояла тумба, над которой к стене было прибито зеркало. Окно выходило в сторону сада и учебного корпуса, и прямо напротив горел газовый фонарь.

– Располагайтесь, леди. Через полчаса за вами зайдет Юнг и проводит вас на ужин. Потом подходите ко мне, первая дверь на входе в корпус, я выдам вам ученическую форму. Вы приехали поздно, обычно столовая в это время уже закрыта, но на кухне кто-нибудь из поваров всегда есть, можете заходить туда в любое время, повара вас накормят.

Ужин был на удивление приличным. На выбор можно было взять кашу, пудинг, мясные рулетики. Из напитков полагался яблочный или ягодный компот, хлеб и фрукты стояли прямо на столах. Непривычно, что воспитанницам предлагают выбор. Да ещё и фрукты без ограничений. Что же это за

Институт, что не экономят на питании учениц? В Академии с этим было намного строже.

Форма так же вызвала удивление. Если в Академии нам полагались классические строгие серо-голубые ученические платья на пуговицах и передники с накидками к ним, то здесь было иначе. Комендантша ровно пояснила, что Институт – место особое, попасть сюда можно только по рекомендации, и потому к нам особое отношение и особая форма.

Я тихо охнула, взяв в руки платье. Ткань и фасон намного лучше, чем в Академии. Нежного ненавязчивого голубого цвета, с более лёгким и мягким, чем в бальных платьях, но всё-таки корсетом, нижним платьем и одной, на каждый день, или двумя, на балы, нижними юбками для пышности.

Мне выдали пока два платья на смену, до прихода портнихи. Оказалось, что форма шьется для каждой ученицы отдельно, по индивидуальным меркам. Так же комендантша пояснила, что в зависимости от года обучения ученицам выдают бежевые, светло-зелёные, розовые и голубые платья.

Форма заставила улыбнуться. Хотя что-то в моём переводе хорошее! Ведь так приятно чувствовать себя красивой и нарядной, а не серой мышкой над учебниками. Я решила, что вторая нижняя юбка мне вряд ли пригодится, никакого желания посещать балы не было. В Академии это были необязательные мероприятия, надо будет узнать, какие здесь на этот счёт правила.

Месяц я ежедневно занималась с профессором Сардером.

Он учил меня ставить фильтры, чтобы слышать не все мысли, а лишь те слои, которые мне нужны. Например, только текущий внутренний диалог. Или только реакцию на свои слова и действия. Можно было заглянуть глубже, в сокровенные надежды и желания.

Оказалось, что сознание людей похоже на слоёный пирог, и каждый уровень раскрывает новые грани личности. Видеть прошлое, если человек об этом не думал, я не могла, но училась задавать наводящие вопросы. Других учениц пока не было, они разъехались по домам, как в обычном институте.

Это у меня была особая программа, но я не расстраивалась, с каждым днём всё больше овладевая своим неожиданным даром. Через месяц профессор уехал, наказав продолжать тренировки. Я часами сидела в библиотеке, повторяя выученные блоки, схемы и читая рекомендованные книги. А потом послушно сжигала все конспекты и зарисовки.

Помимо щитов и фильтров, одним из самых ценных знаний для управления моим неожиданным проклятием было понимание разницы между фантазией и намерением, пустыми рассуждениями и готовностью к действиям.

Мы с профессором прогуливались по парку, пока позволяла погода, и я слушала мысли окружающих. Племянник ректора, юный Юнг, был влюблён в одну из служанок. Он мог сколько угодно вздыхать о её прелестях и мечтать о поцелуях, но в жизни никогда бы не подошёл к девушке и старался по возможности даже не говорить с ней.

Это было главное различие между намерением и фантазией.

Таинственный спаситель будоражил мой ум. Вечерами, уже лёжа в постели, я вспоминала его жесты, взгляды, улыбку, уютное тепло его мыслей. Удивительно, но вслух он тогда не проронил ни слова! Интересно, почему.

И, чего уж таиться перед собой, мне было приятно вспоминать его прикосновения. И то, как я сама касалась обнажённого торса, промывая раны. В такие моменты щёки заливал румянец, а в голову лезли неподобающие леди мысли.

Я корила себя за это, но ничего не могла поделать. Хотелось снова его увидеть, поговорить, узнать имя. Коснуться родинки над бровью, положить ладони на широкие плечи, потянуться за поцелуем. На этом смущение становилось слишком сильным, и я, прикусив губу, заставляла себя думать о чём-нибудь другом.

Постепенно начали прибывать ученицы. В конце лета и осенью дороги сильно раскисают из-за дождей, и многие старались проехать до этого досадного времени. Я с удивлением обнаружила, что могу общаться с окружающими, не боясь сойти с ума.

Ко мне девушки отнеслись ровно, здесь не в новинку неожиданные переводы из других мест. Стало приятным удивлением то, что в Институте обучались исключительно

целеустремленные и способные леди. И если в Академии находился весь цвет общества, то здесь занимались лучшие умы государства.

Не все ученицы были столь высокородными, как в Академии, попадались и девушки из обедневших дворянских родов, из семей, получивших звания только недавно, представительницы мелкопоместной знати. Такие леди учились за счёт Короны, а потом должны были несколько лет отработать на благо королевства.

Моей соседкой по комнате оказалась леди Розалинда. Она уже видела себя как минимум Главным Казначеем и никому и ничему не позволяла сбить себя с намеченного пути. Её лучшая подруга, леди Анника, была девушкой хоть и способной, но не в меру высокомерной. Её гонора хватило бы на трёх Королей.

В комнате с Розалиной мне было не очень комфортно, девушка оценивала всё, что видела вокруг. Платье и туфли, манеры и внешность окружающих взвешивались, сравнивались. Радовало только то, что Розалинда не любила говорить о своих наблюдениях вслух. Девушка допоздна сидела над какими-то расчётами с зажжённой лампой, что мешало мне отдыхать и мечтать о таинственном незнакомце. Интересно, есть ли у него невеста или возлюбленная?

Как-то в коридоре жилого корпуса, на моем этаже, поднялся дикий крик. Нет, это был не потоп и не пожар. Всего лишь леди Анника делила комнату со своей соседкой. Пока

я шла на шум, успела подслушать у проходящих мимо девушек, что такие разборки происходят чуть ли не каждый день.

Соседку Анники зовут леди Ксания, она из обедневших, разорившихся дворян, и Анника считает ниже своего достоинства общаться с ней.

Девушки громили комнату, раскидывая вещи друг друга. В мыслях Анники было презрение, а у Ксании – лишь недоумение такой реакцией соседки и желание отстоять чувство собственного достоинства.

– Видеть тебя не могу! Как тебя вообще пустили в стены этого института! – верещала Анника, скидывая со стола вещи своей соседки.

– Да я бы с радостью от тебя съехала, мымра! – закипала Ксания, со слезами глядя, как чернила заливают недешёвые книги.

– Кто согласится с тобой жить, чучело! – разорялась Анника.

– Например, я, – стоя в дверях комнаты, четко произнесла я. Взвесив все «за» и «против», я решила, что общество Ксании мне будет приятнее, чем целый год терпеть занудство нынешней соседки. Во всяком случае, у неё нет тьмы в мыслях.

– Ты? Да кто ты такая? – вскипела Анника.

– Я – твоё избавление. Если леди Ксания согласится перенести свои вещи, то тебе не придётся терпеть её общество, а я займу солнечную сторону комнаты, которую сейчас зани-

мает Розалинда.

– Постой, так ты – её новая соседка? – Анника с недоверием окинула меня взглядом с ног до головы. Она не могла понять, как кто-то может согласиться жить с таким убеждением, как Ксения.

– Договорились, – поспешила ответить Анника, пока я не передумала. – Эй, ты, собирай вещи и выметайся. Розалинда, милая, пойдём, я помогу тебе переехать!

Я пропустила Аннику мимо и зашла в комнату. Присела на корточки рядом с Ксанией и подмигнула, собирая раскиданные тетради:

– Не бери в голову, она просто расфуфыренная курица.

Ксения фыркнула и улыбнулась.

Переезд много времени не занял. Я, как и грозились Аннике, перенесла свои вещи на другую половину комнаты. Ксения просто бросила вещи кучей на кровать и огляделась.

– Почти никакой разницы, все комнаты практически одинаковые. Ты давно здесь? – девушка села на ближайший стул и с интересом меня оглядела.

– Нет, только перевелась, – я дружелюбно улыбнулась. Ксения уже напрочь выкинула из головы все обиды и с интересом ожидала новую радость от жизни.

– Я так и подумала. Знаешь уже своё расписание? В учебной части выдают. Я тоже только с каникул, можем вместе за ними сходить. Не люблю тянуть до последнего, – она сморщила носик, болтая ногами. Чудное создание!

– Конечно. Буду рада!

Глава 4. Экзамены

Дни потянулись за днями. За окном всё чаще накрапывал дождь, и на входе в учебный корпус, на перекладине вдоль стены, всё чаще висели разноцветные зонтики.

Мы с Ксанией забрали расписание в учебной части, и меня ждал неприятный сюрприз. Помимо тех предметов, которые я проходила в Академии, в Институте входили в программу и многие другие дисциплины.

Мне придётся срочно навёрстывать, дабы не выглядеть на уроках полным бездарем. Я очень жалела потраченного впусую лета. Ведь могла бы столько выучить!

Бесценной оказалась помощь Ксании. Девушка очень старательно записывала все лекции каллиграфическим почерком, понимая, что второго шанса ей никто не даст и от полученных знаний зависит её судьба и благосостояние.

Она сама предложила мне помощь и свои записи по новым для меня предметам. Довольно скоро я уже сносно разбираюсь в экономике нашего королевства и сопредельных стран, взаимоотношениях с соседними государствами и основах торговли. Не идеально, конечно, многое надо было еще доучить, но хотя бы понимала суть предмета.

Военное дело шло хуже, я в упор не могла понять, зачем это знать девушкам. А культуру прочих народов я изучала как дополнительный предмет ещё в Академии, здесь про-

блем возникнуть не должно было.

Незадолго до начала занятий меня вызвала к себе леди ректор.

– Проходите, присаживайтесь, – леди Амалия указала на стул перед своим рабочим столом. – Как вам наш Институт, есть вопросы, пожелания, замечания?

Я не ожидала такого внимания к себе, поэтому несколько растерялась. В голове у леди опять были исключительно цифры. Да это же щит с маскировкой! – запоздало сообразила я.

Невольно с уважением посмотрела на ректора, ведь поставить и постоянно держать такой щит стоит немалых усилий. Леди Амалия, поймав мой взгляд, располагаясь улыбнулась. Ну что ж. Попробую говорить откровенно.

– Леди Амалия, учебный курс Института несколько отличается от того, что я проходила в прежнем учебном заведении. И меня волнует, насколько я смогла догнать программу по новым для меня предметам. Кроме того, в Академии нам разрешалось брать дополнительные уроки на выбор. Здесь есть такая возможность?

– Замечательно, – немного помолчав, произнесла леди Амалия и откинулась на спинку кресла. – Признаюсь, вы меня приятно удивили, юная леди. Давайте условимся, что вы, как и прочие наши ученицы, можете в любое время дня и ночи обращаться ко мне с любыми вопросами. Даже если они кажутся несущественными, но волнуют ваш ум, я всегда го-

това вас выслушать. Что касается новых для вас предметов... дайте подумать... – ректор закопалась в одну из стопок бумаг, что-то прикинула, сделала пометки карандашом. – Могу предложить вот что. Преподаватели приезжают за несколько дней до начала занятий, а основной состав – и того раньше. Я попрошу их заранее вас протестировать, как только это будет возможно. По результатам вам в расписание добавятся предметы, которые необходимо нагнать. Кроме того, вы подадите мне заявку со списком дисциплин, которые хотели бы добавить к основным занятиям, и мы подберём вам преподавателей.

– А это будет удобно? – я смущенно опустила взгляд на свои руки. Если я правильно поняла, преподаватели будут заниматься со мной одной, а это может быть накладно.

– Не переживайте, юная леди, все профессора получают достойную плату за счёт Короны, и многие почтут за радость взять дополнительные часы занятий.

Услышав про Корону, я нахмурилась, а леди Амалия покачала головой и улыбнулась кончиками губ.

– Идите, леди, я вас более не держу. Или у вас есть ещё какие-то вопросы?

– Да, леди Амалия. Я слышала... из разговоров других девушек, что многие из них занимаются плаванием и самообороной. Я могла бы к ним присоединиться? – я споткнулась, пытаясь обойти фразу «слышала в мыслях». Да, эти занятия упоминал ещё Юнг в мой первый день, но вдруг ему нельзя

болтать об этом?

– Конечно, если таково ваше желание. Институт поощряет стремление к новым знаниям и навыкам. Вы умеете плавать? – довольно кивнула ректор.

– Совсем немного, – окончательно смутилась я.

– Я вас поняла. Завтра прибудет швея для снятия мерок на форму. закажите у неё так же плавательный и тренировочный костюмы. Занятия самообороной и плаванием проходят рано утром, до завтрака. Вы готовы встать так рано?

Просыпаться чуть раньше, чтобы получить навыки, которые мне не дадут ни в одном другом учебном заведении для девушек? И которые кажутся мне просто необходимыми после похищения?

– Конечно, леди, я согласна.

Распрощались с ректором мы обе довольные друг другом.

Швея приехала даже раньше, в тот же вечер. И сразу, к неудовольствию Анники и её подруг, направилась в нашу с Ксанией комнату. Даже через закрытую дверь было слышно, какой ажиотаж вызвало её появление.

– Ну что вы, милочки, что вы! С новенькими всегда столько возни, вы не представляете! Ваши-то фигурки я уже все знаю, разве что талии стали уже. Право, Анника, вы так похорошели за лето! Румянец вам очень к лицу. Леди Розалинда, не беспокойтесь, я вас обслужу по высшему разряду, как и всегда. Только закончу возиться с новенькой, и сразу к вам.

Ах, вы теперь живёте в одной комнате? Это же чудесно, тогда сразу к вам и приду, – ворковала швея, пока шла по коридору под возмущённое кудахтанье учениц.

В мыслях мастерицы жила глубокая усталость капризами богатых девочек. Ещё ничего в жизни не достигли, не добились, а гонору, словно у Королев.

Тут я была с ней полностью согласна. К счастью, в Институте Анника была скорее исключением, чем правилом. Остальные ученицы вели себя намного спокойнее, ибо были увлечены учёбой и жизнью, как Ксения.

Швея деликатно постучала и, войдя в комнату, сразу деловито засуетилась. Попросила нас с Ксанией раздеться до нижнего платья и достала портняжные ленты.

Я была измерена вдоль и поперек, попутно оговорив необходимость плавательного костюма. Ксения, послушав меня, тоже себе заказала, хотя плавать не умела совершенно. Но надо же когда-то учиться.

– Плавание это хорошо, леди. Ещё какие-нибудь занятия посещать будете? – швея старательно заносила снятые мерки в потрёпанную тетрадь, по профессиональной привычке занимая клиенток разговором.

– Да. Давно хотела взять расширенный курс танцев и самообороны, – кивнула я, помогая Ксании зашнуровать платье. С моими застёжками она уже справилась. А всё-таки есть определенное удобство в том, чтобы делить с кем-то

комнату.

– Что же вы сразу не сказали, леди, – всплеснула руками швея. – Это же надо предусмотреть укромные кармашки на всех ваших нарядах, два отдельных костюма для тренировок и пышное платье на танцы!

– Простите, не знала, что это так важно. А зачем... – я не стала заканчивать вопрос, так как все ответы увидела в мыслях женщины и, к своему удивлению, Ксании.

– А я самообороной с первого дня в Институте занимаюсь, только плавание раньше не посещала. Это целый комплекс занятий, с утра тренировки, вечером теория. Жаль, преподаватели ещё не приехали. Обычно они остаются в Институте на лето и занимаются со всеми желающими, даже учителя иногда присоединяются. А в этом году наши преподаватели самообороны уезжали на свадьбу к родственнице. Ой, я же тебе не говорила, эти занятия ведут профессор Олрид, он бывший военный, говорят, в Королевских войсках служил, и его кузина, леди Виктория, – весело щебетала моя соседка, крутясь перед зеркалом. Я открыла для себя еще одну сторону... подруги?

После памятной дороги к Институту, у меня не было желания лезть в чужие мысли, да и непривычно постоянно слышать окружающих. Поэтому щиты и фильтры стали моими лучшими друзьями, я держала их и днём и ночью, уже почти не замечая этого. Окружающие по большей части оставались для меня закрытыми книгами, как это и должно быть.

Оказалось, на самообороне не преподают фехтование в том виде, как парням. Девушкам надо беречь руки от мозолей, да и классическое оружие тяжёлое. Кроме того, мечом невозможно овладеть за столь короткий срок, как четыре года обучения в институте.

Поэтому ректор придумала нечто иное. И теперь приглашённый преподаватель вместе со своей двоюродной сестрой, которая ему ассистирует, учит девушек обращаться с кинжалом, длинными острыми шпильками, дротиками и прочим мелким оружием, а так же прятать всё это на себе. Ещё обучают уходить из захватов и находить болевые точки, чтобы после удара по ним хватило времени убежать. Ведь со взрослым мужчиной хрупким барышням справиться очень сложно.

– Хорошо, леди, я вас поняла. Сделаю как надо. Если будут вопросы или особые пожелания, обращайтесь, – швея, распрощавшись с нами, ушла в комнату Анники и Розалинды.

– Уф, эти замеры меня всегда так утомляют! – Ксения плюхнулась на кровать прямо в платье. Я, уже привыкшая к странностям соседки, только покачала головой.

– Саня, расскажи, что ещё интересного в Институте есть? – Я аккуратно присела на краешек стула и сложила руки на коленях. После строжайшего воспитания с ранних лет выполнять постулаты изящных манер вошло в привычку, даже когда никто не видит и это не обязательно.

– Ну даже не знаю, с чего начать, – Ксания задумчиво разглядывала потолок. – Например, среди преподавателей есть мужчины и помимо профессора Олрида.

– Правда?! С ума сойти! А живут они где? – я с интересом наклонилась вперёд.

– А у преподавателей отдельное общежитие. Видела двухэтажное здание с другой стороны учебного корпуса? Первый этаж мужской, выше – комнаты леди. Лесок позади всех строений знаешь? – я кивнула. – Там спрятаны две площадки для тренировок по самообороне и озеро. Там мы с тобой по утрам теперь и будем заниматься.

– Погоди, скоро же похолодает. Как мы будем плавать?

Ксания села ровно и смешливо на меня посмотрела.

– А это, дорогая моя, ещё одна тайна. В подвале хозяйственного здания, где парильни и прачечная, вырыт самый настоящий ров с водой. Вот в нём ученицы зимой и плавают, – заговорщически подмигнула Саня. – Сколько раз уговаривали меня с ними пойти.

– Ну надо же. Не верится!

– Сама увидишь!

– А почему ты вдруг передумала по поводу плавания?

– Так последний год же, не научусь сейчас, то, скорей всего, не научусь уже никогда, – беспечно пожала плечами Саня.

Расписание проверочных экзаменов я получила на следующий день. И первый зачёт неприятно удивил. Во-первых,

сдавать его полагалось в этот же день, вечером. Во-вторых, преподавателем был мужчина. А в-третьих...

Войдя в обед в столовую, сразу отметила, что народу заметно прибавилось. За преподавательскими столиками свободных мест почти не осталось. Мы с Ксанией взяли подносы с едой и присоединились к прочим ученицам.

– Сань, а профессор Йорк, это кто? Мне у него сегодня экзамен сдавать.

– Это не профессор, а недоразумение. Так что я тебе сочувствую, подруга. Вон, видишь, франт за третьим столиком?

Я оглянулась и поняла, что это действительно недоразумение, по-другому и не скажешь. В Институте учились девушки разного достатка, поэтому всем шилась одинаковая форма. Можно было добавить к ней шарфик или брошку, но не более того.

У учителей тоже была своя форма. Считалось, что это добавляет строгости учебному процессу и девушки не отвлекаются на разглядывание рюш и манжет на преподавателях. А этот... франт превзошел все мыслимые нормы.

Он не носил положенный тёмно-зелёный костюм, вместо него нацепил оранжевый сюртук, не заколол и не заплёл длинные волосы, зато обвешался с ног до головы украшениями. И это – учитель изящных манер и культуры иных народов?

Преподаватель-недоразумение, почувствовав чужой

взгляд, оглянулся и подмигнул мне. Я поспешно отвернулась.

Через час я сидела в парке перед корпусами, листая конспекты. Последние летние дни радовали солнечной погодой, редкие облака неспешно тянули тени по дорожкам. Ветер с тихим шёпотом перебирал листья клёна над головой, клумба справа от скамейки радовала красками.

Это был мой любимый уголок. Достаточно далеко от центральных дорожек, чтобы мимо сновали люди, но при этом близко к учебному корпусу и в любой момент можно добежать до библиотеки или заглянуть на кухню за соком. Уединённость настраивала на занятия, и я с удовольствием читала про традиции степняков. Чужой голос стал полной неожиданностью.

– Чем занимается прекрасная леди в столь укромном месте? – с придыханием произнёс профессор Йорк прямо мне на ухо. Заметно вздрогнув, всё же нашла в себе силы не сорваться на грубость:

– Изучает культурные особенности степного народа, – холодно ответила я и, захлопнув тетрадь, направилась к корпусам.

Судя по конспекту Ксании, мы в Академии проходили те же темы, так что проблем по этому предмету возникнуть не должно. Оставаться в обществе франта, равно как и читать его мысли, не хотелось совершенно.

– Пойдите, – против всех правил приличия профессор

схватил меня за руку и заставил остановиться.

– Пустите меня! Что вы себе позволяете! – взвизгнула я, освобождая руку. Как жаль, что уроки самообороны ещё не начались!

– Напротив, это вы забываетесь, леди. Я преподаю уже много лет, повидал таких девиц сотни. Я профессор высшего класса. И знаете, что я вам скажу? – шипел Йорк, пристально глядя мне в глаза. – Очень сомневаюсь, что в этой белокурой головке скрываются хоть какие-то крупницы знаний. По вашим чудным голубым глазкам вижу, что вы с этим согласны, – с шипения профессор перешел на воркование. – Но ведь нам обоим не нужны проблемы, ведь так? Я уверен, мы с вами сможем всё решить к взаимному удовольствию.

Я заглянула к профессору в мысли и тут же с отвращением отшатнулась. В понимании мистера Йорка, сдавать культуру иных народов полагается начиная с темы брачных обычаев. На практике.

– Не смейте ко мне подходить! Что за грязные намёки, профессор Йорк! Это невысказано! Все свои оценки я получаю исключительно за знания! – я почти кричала.

Было откровенно противно, и липкий страх положил лапы мне на плечи. Почему им всем от меня нужно только одно? Похитители, Йорк? Чего добивался Король, наградив меня этим проклятием?

– Профессор Йорк, я жду вас в своём кабинете. Сейчас же, – ледяной голос ректора выхолодил лето, превратив его

в стылую осень.

Развернувшись, я со всех ног бросилась к ученическому общежитию. Никогда не понимала девушек, которые обходят этот угол сада только потому, что сюда выходят окна кабинета леди Амалии.

До зачёта я тряслась, как лист на ветру. Как отомстит профессор? Но оказалось, никак. На экзамене, помимо мистера Йорка, присутствовала леди Амалия и преподаватель изящной словесности, мистер Джозеф. Элегантный и сдержанный мужчина солидных лет бросал в сторону Йорка насмешливые взгляды, и уже этим заслужил мою симпатию.

Экзамен прошёл гладко, леди ректор похвалила мои знания и вычеркнула предмет из списка дополнительных занятий. Я попросила тут же сдать зачёт по языку цветов. В Академии мы уже это прошли, а в Институте девушки только начинают изучать.

Профессор Джозеф позвал еще одного преподавателя, и через полчаса из расписания убрали ещё одно занятие. Второй год этой скуки я бы не вынесла!

По остальным новым предметам мне выдали список обязательных вопросов и назначили дни экзаменов в течение семестра. Профессора Йорка в институте я больше не видела. Кто-то говорил, что его с позором выгнали, иные шептались, что его пригласили работать в Первую Женскую Академию и он принял предложение. Но я слухам никогда не

верила.

Начались обычные учебные дни. После уроков я каждый день старательно занималась в библиотеке, и через месяц сдала ещё один предмет. А спустя неделю завалила военное дело. С сожалением пришлось признать, что с этой дисциплиной мне придётся расстаться ещё не скоро.

Глава 5. Самооборона

Занятия самообороной начались в первый учебный день. Ни свет ни заря меня растолкала Саня и сунула в руки форменный спортивный костюм.

– Просыпайся, соня! Сама напросилась на эти уроки, так что теперь не жалуйся! – соседка металась по комнате, пытаясь заколоть волосы и одновременно зашнуровать обувь.

– И не собиралась, – зевая, я сползла с кровати и начала споро одеваться. Брючный костюм я раньше носила только на конные прогулки с братьями, поэтому чувствовала себя в нём странно.

– Не бойся, в таком виде только утренние изваляния, а днём и вечером занимаемся в обычной форме, – Саня, видя мои сомнения, помогла быстро застегнуть и зашнуровать всё, что следовало, и за руку выволокла в коридор. Там мне пришлось буквально бежать за ней, чтобы не отстать.

– У нас что, ещё и днем тренировки будут? И что это за «изваляния»? – ужаснулась я, стараясь не споткнуться на лестнице.

– Конечно, будут. Но там всякая ерунда, а с утра нас валяют в грязи, – Саня не стала мелочиться и просто перепрыгивала ступени. Мне же пока не позволяли вбитые с детства манеры. Но, чувствую, пара дней такого безумия по утрам, и я буду скакать не хуже Ксании.

Мы галопом промчались мимо корпусов и ринулись в лес. Через несколько минут мы действительно оказались на краю огромной поляны. Под ногами мягко шуршала трава, деревья надёжно укрывали от взглядов со стороны корпусов.

По поляне бродили, нелепо размахивая руками и приседая, леди разных годов обучения. К моему удивлению, здесь собралось как минимум пол института. Ещё больше удивило, что среди разминающихся была леди ректор и еще несколько преподавателей.

– Так, леди, все здесь? – прогремел голос мужчины в чёрном тренировочном костюме. Кроме него и одной незнакомой леди в сером, остальные были одеты в зелёную спортивную форму.

– Тогда начнём. Для новеньких, позвольте представиться. Профессор Олрид, и моя ассистентка, леди Виктория, – леди в сером улыбнулась, изящно поклонилась, а потом в прыжке «ударил» ногой выше головы профессора, да ещё и метнула при этом пару кинжалов в разные деревья.

Все они достигли цели и завязли в стволах едва ли не по рукоятку. Ученицы слаженно ахнули, преподаватели стали шёпотом обсуждать технику приема.

– Сейчас, как обычно, мы разделимся на три группы. Новички – налево, к моей ассистентке. Те, кто занимается давно и чувствует себя уверенно, – направо. Остальные останутся в центре.

Я вместе с десятком девушек отошла в группу начинаю-

щих. Ксания, к моему удивлению, ушла направо, вместе с преподавателями и несколькими ученицами. Большая часть осталась в центре. А потом начались «изваляния», и я поняла, почему Саня их так называла.

Профессор ходил от одной группы к другой, показывал упражнения, исправлял ошибки. Уже после разминки мы были грязными с ног до головы. Меня поразило, как профессор захватывал ассистентку, а она раз за разом уворачивалась, заставляла отпустить и валила профессора на землю. Появилось огромное желание уметь так же.

После тренировки мы вяло плелись к корпусам. Чумазые, извадюканные, уставшие, но довольные проделанной работой и полные энтузиазма. Слышался смех учениц и преподавательниц. И как у них ещё силы на это остались?

– Чур, я первая в душ, – вдруг заявила Саня и припустила бегом.

– Эй, так не честно! У меня первая тренировка, мне больше досталось! – и я попыталась бежать следом, оскальзываясь и спотыкаясь от усталости.

Уже позже я поняла идею Сани. Душевых кабинок на этаже было меньше, чем проживающих учениц, и отставшим пришлось ждать очереди. Мы с Саней до корпуса доковыляли первыми и успели привести себя в порядок перед занятиями.

В столовой было почти пусто, только девушки, которых я видела на тренировке, спешно доедали завтрак. Мы с Саней

к ним присоединились, а через четверть часа уже поднимались на урок изящной словесности.

К вечеру дали о себе знать уставшие с непривычки мышцы. Я боялась, что с утра на тренировку просто не смогу встать, но Саня отвела меня к лекарю, который состоял при Институте.

Объяснив свою проблему пожилой леди, я получила баночку мази и подробную инструкцию, как применять. Мазь была очень густой и жирной, но приятно пахла и давала мягкий разогревающий эффект. Благодаря ей к утру я чувствовала себя превосходно и на утреннюю тренировку, на этот раз – плавание на озере, собралась быстрее своей соседки.

Дни занятий мчались друг за другом. Я не отставала от прочих учениц, но и не выделялась особыми знаниями, а вечерами мы собирались в общей комнате на первом этаже жилого корпуса с рукоделием или музицировали. Я познакомилась почти со всеми ученицами, мы весело болтали и смеялись.

Каждый день до завтрака нас валяли в грязи, а дважды в неделю вместо извальяний мы плавали в озере, пока погода позволяла. Затем с утра у меня было на одно занятие больше, так как надо было нагонять по новым предметам. Особенно мне нравились уроки экономики поместья и управления слугами.

Потом шёл обед, я даже не всегда успевала к нему пере-

одеться, за что получала осуждающие взгляды Анники. А во второй половине дня было время для самостоятельных занятий в библиотеке или в комнатах, прогулок в парке, а также уроки танцев или музыки и вторая часть уроков самообороны.

Это было самым интересным. Леди Виктория показывала нам, как плести замысловатые причёски и скрывать в них и складки платья то, что может послужить оружием, – острые шпильки, маленькие пакетики с мукой или флакончики с чернилами. Предполагалось, что начинкой может быть снотворное или даже яд.

Конечно, давать юным леди такие идеи – не лучший педагогический ход, но леди Амалия посчитала, что пользоваться этим нам не обязательно, а распознавать на других может быть важно для жизни и здоровья. Поэтому мы прятали дропки в рукава и кинжалы в корсеты, цепляли ножны под юбки и уходили с занятий в чернилах и муке.

Это было едва ли не самым главным стимулом делать всё аккуратно, ведь ходить несколько дней с пятном на щеке или шее не захочется ни одной леди. У меня был собственный стимул, причина, почему я здесь, поэтому пятна на мне перестали появляться очень скоро.

Каждый вечер, перед тем как заснуть, я вспоминала самый странный день своей жизни. Король, похищение, неожиданный дар и мой спаситель. Тёплый взгляд карих глаз, милая родинка над бровью.

Мне представлялось, как я прикасаюсь кончиками пальцев к гладко выбритому подбородку, провожу по скулам, по линии бровей, касаюсь губ. Он крепко обнимает меня за талию и медленно наклоняется, чтобы коснуться моих губ поцелуем. Мои руки бродят по обнаженным плечам и спине, меня всё сильнее прижимают сильные руки с мозолями от меча... От таких мыслей где-то внутри становилось горячо, я обнимала одеяло и кусала губы, очень смутно представляя, что же происходит между мужчиной и женщиной за закрытыми дверьми спальни. Благородных девиц принято ограждать от таких знаний.

Глава 6. Новый преподаватель

В четверг, в конце первой недели, я сидела в библиотеке у окна и листала справочник со схемами для вышивки. По правилам Института каждую пятницу во второй половине дня проходят светские мероприятия.

Балы, встречи со знаменитыми дамами высшего света, литературные чтения, конкурсы на лучшие букеты и вечера игр в карты и фишки, которые стали популярны при дворе не так давно.

К моей радости, большие балы проходят довольно редко, только по особым поводам. Чтобы леди не скучали в остальное время, в Институте дважды в неделю проходят обязательные уроки танцев, а по субботам иногда привозят кадетов из военного училища.

Судя во восторженному настроению учениц, этих суббот они ждут даже больше, чем официальные балы, и все как одна сожалеют, что в первую неделю гостей не будет.

Завтра, в ближайшую пятницу, нас ожидает литературный вечер, к нему я уже подготовилась. А вот через неделю приедет дама высшего света, мы будем пить чай по всем правилам этикета, как в салоне, помимо этого, надо вести и поддерживать светские беседы, а руки должны быть заняты рукоделием.

Самый нейтральный вариант – платочки. Кружево и

изящная кайма по краю, вензеля, инициалы и растительные узоры в уголках. Много места не займёт и не придётся отвечать, для кого это.

Скрипнула дверь библиотеки. Я удивилась, что не я одна сижу в такой чудесный день в стенах института, и вернулась к справочнику со схемами вышивки. Определившись с видом рукоделия, я уже четверть часа потратила на подбор узоров, чтобы не выглядеть нелепо, выдумывая их на ходу. Могут же и спросить, почему выбора именно такой орнамент или попросят раскрыть смысл рисунка.

За соседним стеллажом послышался грохот и сдержанная ругань. Я отложила книгу и поспешно заглянула за шкаф, узнать, не нужна ли помощь, и с удивлением обнаружила незнакомого молодого мужчину, который, сидя на корточках, собирал разбросанные книги.

Он был одет в тёмно-зелёную учительскую форму, светлые волосы рассыпались по плечам, заколка лежала на полу. На изящных пальцах блеснуло только одно кольцо-печатка, показывающая принадлежность к уважаемому роду, кольца наследника не видно. Любопытство заскреблось резвой кошкой, и я приоткрыла щиты.

– Добрый день, профессор. Вам нужна помощь? – я изобразила неглубокий, повседневный реверанс.

– Ох, леди, – профессор поднял голову и бросил на меня извиняющийся взгляд ярко-синих глаз. – Простите, что помешал вашим занятиям. Я только вчера приехал, искал кни-

ги по своему предмету, а тут такое недоразумение, – профессор обвёл рукой упавшие книги. Я присела рядом и стала собирать тома.

– Вам нужны книги по культурам разных народов? Третий стеллаж от стены, второй шкаф от края, три верхние полки, – я улыбнулась профессору и встала, расставляя книги в алфавитном порядке на средней полке.

Профессор удивлённо посмотрел на меня, а потом вернул улыбку, – понял, что у нас, вероятно, не хватало только одного преподавателя. Тоже поднялся, держа увесистую стопку.

– А вы проницательны, леди. В какой группе вы занимаетесь?

Профессор сообразил, что удержать гору талмудов одной рукой не получится, и напряженно смотрел на книги в своих руках. Пока он думал, поставить стопку на пол или всё-таки рискнуть и освободить одну руку, я взяла у него верхний учебник и вернула на полку. Поймав благодарный взгляд профессора, я улыбнулась и споро расставила оставшиеся книги.

– Я уже сдала ваш предмет, поэтому на занятиях мы не увидимся, – в эмоциях профессора скользнуло лёгкое сожаление, а потом он лукаво улыбнулся:

– Скажу вам по секрету, леди, что я, как и большинство мужчин-преподавателей, буду присутствовать на танцевальных классах в понедельник и четверг, – профессор рассеяно похлопал себя по бокам, огляделся, поднял с пола заколку и

собрал волосы в низкий хвост.

– А на дополнительных уроках танцев? – спросила я и прикусила язык.

Этот вопрос был за пределами тех, что положено задавать юным леди. Профессор взял себе на заметку, что в Институте проводятся дополнительные уроки.

– Если вы их посещаете, обязательно запишусь, – ответил профессор.

Я смутилась, а он, сообразив, что сказал лишнего, извинился и поспешно ушёл.

Я вернулась к оставленному справочнику и спустя три страницы нашла подходящий рисунок, перерисовала схему себе в блокнот и вернула книгу на место.

Мы с профессором так и не узнали имён друг друга. Я поостереглась лезть глубоко в мысли, а он то ли запомнил, то ли постеснялся спросить. От этой встречи осталось приятное впечатление. Интересно, а как профессор танцует?

Глава 7. Урок танцев

Всю первую неделю продолжали прибывать ученицы и преподаватели, было много суеты по поводу начала года, и некоторых занятий пока не было. Уроки танцев начались в субботу.

Ученицы одели форменные пышные платья и туфли на каблучке. Кто-то расстарался с прическами, но все понимали, что это не бал, а лишь урок, и к тому же без приглашённых гостей, поэтому особого волнения не было.

Когда мы шумной толпой вошли в бальную залу, у дальней стены уже ждали преподаватели. Здесь действительно были все преподаватели-мужчины, которых я знала. Несколько профессоров-леди о чем-то договаривались, небольшой оркестр настраивал инструменты. Едва последняя ученица переступила порог залы, началась музыка.

Я огляделась. Некоторые ученицы подходили к преподавателям сами, наверное, договорились заранее или занимались вместе в прошлом году. Иногда, напротив, преподаватели выбирали леди.

– Рад вас видеть, леди. Не возражаете, если я приглашу вас на первый круг? – голос над ухом прозвучал неожиданно, но не напугал. Профессор, которого я встретила в библиотеке, сиял белоснежной улыбкой и удивлял сложной элегантной прической. Я пожалела, что просто заколола волосы, а

не стала их плести и укладывать.

– Конечно, профессор, – я присела в реверансе. – Я не ошибусь, если буду обращаться к вам профессор Эрик?

Без имён было все-таки не комфортно, и я решилась на миг заглянуть в его мысли. К своей радости, не увидела там ничего грубого или отталкивающего.

– Простите, леди, забыл представиться. Да, вы абсолютно правы, я профессор Эрик Алманский. А вы...

– Леди Лира, профессор. Ученица последнего курса

Мы вслед за другими парами прошли в центр залы. Девушки, которым не досталось кавалеров, пожали плечами и встали парами в центр, вместе со всеми. На следующий танец все поменяются партнёрами, и им тоже будет с кем танцевать.

Леди-преподаватели громко считали шаги, иногда им вторили мужчины-профессора. Мы повторяли раз за разом последовательность шагов и поворотов, приседали в поклонах, обходили друг друга по кругу.

Профессор Эрик был сосредоточен и собран, а я получала удовольствие от процесса. Основные шаги выучены очень давно, а новая связка оживила танец. Потом несколько раз громко ухнул барабан, пары сменились, и второй круг я танцевала с профессором Джозефом.

Профессор вёл деликатно и вежливо, мы сдержанно друг другу улыбались. Когда я сбилась на правом повороте, профессор сделал вид, что не заметил, а я покраснела. Вот не

надо было в сторону профессора Эрика смотреть!

На третий круг я оказалась среди девушек без пары, и рядом со мной встала Анника. Смерила меня недобрым взглядом, поджала губы. Во время одной из дорожек встала у меня на пути, не давая закончить связку. Потом задела локтем. Да что же это такое? Я вопросительно посмотрела на девушку. Лезть в её мысли не хотелось совершенно.

– Если ты вздумала строить глазки Эрику, так и знай, ничего у тебя не выйдет, – прошипела Анника так, чтобы никто не услышал. Меня передернуло от того, как она говорит о профессоре.

– Почему? – скорее от удивления, чем по какой иной причине спросила я.

– Потому, что профессору уже нравлюсь я. И, если ты встанешь на пути наших чувств, то пожалеешь, что тебя выперли из этой вашей Академии, – желчно бросила Анника, наступила мне на подол, толкнула плечом и перешла в другой конец зала.

Было обидно, что кто-то считает, будто я кокетничаю с профессором. Я никогда не делала ничего, чтобы заслужить такую репутацию. Но, в конце концов, судят по себе, так ведь?

Я усилием воли выкинула это нелепое происшествие и сосредоточилась на движениях. А вечером, по привычке вспоминая своего спасителя, вдруг подумала про урок танцев.

И впервые с того момента, как приехала в Институт, меч-

тала не о таинственном незнакомце, а о том, как профессор Эрик уверенно ведёт в танце, несмотря на свою милую рассеянность. Интересно, у профессора есть жена или подруга?

Глава 8. Первый бал в Королевском Институте

В конце второй недели объявили, что первый бал пройдёт уже в следующую пятницу. Меня при слове «бал» кинуло в жар. Нет, такое не проходит бесследно и не забывается за одно лето.

Глаза спасителя мне мерещились каждый вечер, а ужасные мысли похитителей преследовали по ночам, в кошмарах. Я даже сходила к ректору с просьбой освободить от пятничного бала, но разрешения не получила. Светские мероприятия обязательны для всех учениц.

Субботние тренировочные танцы с кадетами допустимо иногда, но не постоянно, пропускать, а на официальных балах присутствие для всех обязательно.

Всю неделю я волновалась, а в пятницу надевала форменное пышное платье так, словно собираюсь идти в нём на казнь.

– Лира, ты чего так переживаешь? Танцуешь ты хорошо, лучше той же Анники. Не бойся, не опозоришься! Или у вас в Академии балов не было?

– Были. Скажи, Саня, а представители знати к вам на балы приезжают?

– Вот оно что! – рассмеялась подруга. – Хочешь увидеть

Короля?

– Напротив, не хочу, – мрачно ответила я. Саня нахмурилась и замолчала.

Мы спустились в бальную залу. По такому поводу её украсили цветами, звучала веселая музыка, а я судорожно оглядывалась по сторонам.

– Сегодня к нам присоединились ребята из военной академии, – шепнула одна из учениц и указала на стоящих поодаль молодых людей в офицерской форме.

Согласно последним модным веяниям, на светских мероприятиях все мужчины носили маски, похожие на Королевские. Уж не знаю, к чему это подражание. Меня в последнее время маски пугают. Слава богам, если приехали кадеты, значит, гостей из дворца не ожидается.

Я немного расслабилась, выпила разбавленного вина, пощebetала с девушками на отвлечённые темы. Даже станцевала с одним из молодых офицеров. Ксения уже всюю кружила по залу, ни на секунду не оставаясь без внимания мужчин.

Я за неё порадовалась и ответила на приглашение очередного кавалера, ибо стоять у стенки уже становилось неприличным. И ошиблась.

Едва прозвучали первые такты музыки, я напрягалась. В движениях кавалера было что-то странно знакомое, будто мы уже танцевали раньше. А манера вести в танце казалась слишком властной, слишком категоричной.

На милое замечание о погоде он ничего не ответил. Я при-

опустила свои щиты и поставила фильтр, чтобы узнать, о чём думает молчаливый кавалер. И не услышала ничего. Тишина.

– Тихо, без паники, – одними губами произнес кавалер. Ошибки быть не может. Но как! Это же невозможно! Это издевательство!

Я не очень ловко возвела самые прочные ментальные щиты, которые только знала. На мои усилия Король только приподнял бровь.

– Сейчас мы отойдём и две минуты поговорим. А потом я уеду, – едва слышно произнёс Его Величество, направляя меня ближе к стене.

Через минуту мы стояли в нише между колонн, где обычно висит доска с расписанием, а сегодня этот угол для красоты завесили светлыми портьерами.

Я шла первая, и мне не оставалось ничего иного, как забиться в угол, к стенке. Путь к отступлению загородил Король. Лицом ко мне, спиной к залу, зачем-то придерживая край портьеры. Против всех правил самообороны.

– У меня теперь есть кое-что важнее страха за свою жизнь. Сейчас ты снимешь свой верхний блок и просканируешь через фильтры зал. Видел ли кто-нибудь, что мы сюда ушли. И собирается ли кто-то последовать нашему примеру. Я жду.

Сухой тон Его Величества не предполагал споров. Это был приказ.

– Нет. На оба вопроса, – ответила я спустя минуту. Нас

никто не видел и никто не потревожит в ближайшие десять минут.

– Очень хорошо, – кивнул Король. Что это? Проверка? Для чего?

– Зачем... Зачем Вы это со мной сделали? – прошептала я, глядя в пол, главный вопрос последних месяцев. И, возможно, всей последующей жизни.

– Ты меня боишься, – констатировал Его Величество, и, как мне показалось, тяжело вздохнул.

А как мне не бояться? Когда он уже семь лет правит странной железной рукой? Отдаёт приказы о казнях? Выставляет из собственной спальни окровавленных девушек? Если его решения и приказы не обсуждаются? И он слышит все мои мысли, не смотря на щиты?

– Не обязательно слышать мысли, чтобы понять, о чём ты думаешь.

Какой странный разговор. Почему он здесь? Зачем это говорит? Какое дело до меня человеку, чьего лица я ни разу даже не видела?

– Видела.

Что?! Я подняла удивленный взгляд на мужчину. Медленно, словно во сне, он поднял руку к лицу и столь же медленно опустил её, держа маску.

Я разучилась дышать. Закрыла рот рукой, чтобы не вскрикнуть. Оперлась спиной на стену, ибо ноги отказались держать.

Глаза. Нос. Губы. Скулы. Внимательный взгляд карих глаз. Родинка над бровью. Лицо, которое я вспоминаю каждый вечер. Он. Спаситель. Или, напротив, человек, сгубивший меня?!

«Тихо. Ни звука. Я сейчас уйду» – чужая мысль, прозвучавшая отчётливо, будто он произнёс это вслух.

– Но...

«На все вопросы отвечу в следующий раз. Сейчас не место и не время».

– Я приеду на неделе, когда смогу выкроить время. Вас уведомят. На мероприятиях в Институте больше появляться не собираюсь, можете посещать их спокойно, – сухо произнес Его Величество, надевая маску.

Колыхнулась портьера. Я осталась одна. Со всех сторон грянула музыка, – неужели она играла всё это время?

Я продолжала стоять в нише, цепляясь руками за стены, пытаюсь заново научиться дышать. Боги, за что?!

– Леди Лира? Почему вы здесь? Юным леди не положено... Леди, вы бледнее мела. Всё в порядке? – леди ректор обнаружила меня спустя два танца, отодвинув край портьеры.

– Нет, леди Амалия. Я больна. Лучше я пойду в свою комнату.

Я покинула зал, не видя ничего вокруг, и помчалась по коридорам.

Спустя какое-то время я обнаружила себя на кровати, су-

дорожно вцепившуюся в подушку. Поняла, что не помню, как добралась до комнаты. Вернулась Ксения, весело напевая, и с порога стала что-то щебетать. Но, заметив моё состояние и не сумев вытащить из меня ни слова, замолкла.

Король

Какой я был дурак! Вздумал её удивить, мечтал услышать слова благодарности за спасение, а в итоге напугал до полусмерти. Зачем я вообще отправился на этот богами проклятый бал?!

Зачем... Затем, что не могу прожить и дня, не вспоминая Её. Как она тогда, на берегу реки, деликатно и чуть неловко перевязывала мне плечо, как мило краснела, как легко касалась пальцами кожи, на которой в этих местах оставался огненный след. Я сошёл с ума.

– Пятый слева! – окликнул меня Роман. «Ты убьёшь его!» – добавил он мысленно, но я и сам уже осознал, что пора остановиться. Передо мной согнулся один из моих стражей, рядом тяжело дышали ещё двое. Вот и потренировались. Демон!

– Все свободны, – по моему знаку Роман прервал занятие. Я молча развернулся и пошёл прочь. Тёмная кожаная маска, которую я и все мои личные стражи надеваем на тренировки, обжигала лицо.

Да что это со мной такое! Никак не могу успокоиться, что бы ни делал, перед глазами стоит напуганная хрупкая девушка в форменном платье, которая не смеет поднять взгляд от страха.

Почему она меня боится? Что я не так сделал?! Внутри

ворочаются ярость и обида, то, что я услышал в её мыслях, не даёт сосредоточиться на текущих делах.

Демоны!

Глава 9. Учебные будни

Ли́ра

Все выходные я не выходила из комнаты, Сане удалось вытащить меня только на утренние тренировки. Понедельник прошёл в страхе и ужасе. Во вторник я злилась и накручивала себя. В среду вдруг стало всё равно.

А в четверг, когда я зашла в кабинет на урок изящной словесности, профессор Джозеф остановил меня.

– Леди Ли́ра, леди ректор просит вас зайти к ней. Что-то по поводу ваших дополнительных занятий. Если задержитесь более пятнадцати минут, назад на урок можете не возвращаться. Конспекты попросите у кого-нибудь из учениц, на следующем занятии я вас спрошу.

– Спасибо, профессор, – я изобразила подобающий случаю реверанс и направилась к леди Амалии. Наверное, по поводу экзаменов. Вот бы избавиться ещё от одного предмета!

Постучав и услышав разрешение войти, я прошла в кабинет. Леди Амалия, как обычно, сидела за столом и разбирала кипы бумаг. И откуда их столько берётся? Заметив меня, леди сложила несколько документов в папку, взяла её и встала.

– Я вас оставляю, – леди ректор изобразила сложный свет-

ский уважительный поклон и направилась к двери.

– Благодарю, – знакомый голос за спиной приморозил меня к полу. Хлопнула дверь, повернулся замок. Даже так!

Я заставила себя вдохнуть и медленно выдохнуть. Его Величество рассматривал наградные грамоты, вывешенные на стене, и потому я сразу его не увидела.

– Присаживайся, – Его Величество прошёл к диванчику у стены, снял маску и приглашающе махнул в сторону кресла.

Радуюсь тому, что манерам меня научили раньше, чем ходить, я изобразила глубокий реверанс, приветствуя и благодаря за разрешение, и молча присела на краешек кресла. Руки уложены на коленях, спина прямая, на лице нейтрально-вежливое выражение и лёгкая светская полуулыбка.

– М-да, – прокомментировал мои действия Король. – Угощайся, – и он, подавая пример, взял со столика несколько ягод винограда.

– Благодарю, – я не притронулась к закускам.

Минуту мы молчали. Вероятно, Король меня прослушивал, а я старательно изображала леди из высшего света.

– Что ты знаешь об Истинных Половинках Души? – вдруг спросил Его Величество.

– Красивая легенда, – я позволила себе легко пожать плечами и стала вспоминать всё, что когда-либо слышала об этом. Наверное, он услышит и так. Это легче, чем рассказывать вслух, боюсь, я сейчас не смогу связать и двух слов.

– Ты изучала генеалогию в изложении Марка Светлого? –

Его Величество откинулся на спинку, крутя маску в руках. Раздражающий жест.

Видимо, уловив что-то в моих мыслях, Король на миг нахмурился и положил маску на сиденье рядом с собой. Да, когда я её не вижу, разговаривать проще.

– Именно так, Ваше...

– Просто Александр.

Я подавилась словами от такого заявления. Король хмыкнул.

– Часть ответов найдешь в краткой генеалогии Королевского рода, написанной Юрием Дорожным. Книга должна быть в секции для преподавателей, доступ оформи у ректора. Это твоё задание на следующий раз.

А будут ещё встречи? Зачем?

– Затем, что мне нравится с тобой видеться, – Король пристально в меня вглядывался, словно надеясь увидеть что-то.

Не зная, как положено отвечать на такое заявление, я промолчала. Еще почти полчаса прошли в незначительных вопросах и односложных ответах с моей стороны. Сама я не заговаривала.

Король к концу нашего разговора как-то осунулся, но ничем не высказал своего недовольства моим поведением. Что он от меня ждёт?

Когда он поднялся, держа в руках запасной ключ от кабинета, я испытала облегчение. Пытка почти закончилась.

– До следующей встречи, леди, – у двери Король обернул-

ся, поклонился и, надев маску, вышел прочь.

Я опустилась обратно в кресло, неверяще прожигая взглядом дверь.

Мне. Поклонился. Король.

Эта мысль была столь невероятной, и никак не вязалась с реальным миром. Выждав пять минут, чтобы ненароком не столкнуться с Ним в коридоре, я побрела в общежитие. Мне не хотелось сейчас видеть леди ректора, но зла на неё не было. Прямого приказа послушаться не может никто.

Немного приведя мысли в порядок, я поспешила на урок каллиграфии, а после обеда взяла у Ксании конспект сегодняшнего занятия с профессором Джозефом и отправилась в библиотеку.

Помимо подготовки к занятиям, я решила сразу взять книгу, рекомендованную Королём. Мучило любопытство, что в ней такого особенного. И потом, кто знает, когда Он приедет в следующий раз? Завтра, через неделю, через месяц? Вспомнила, что надо получить допуск у леди ректора, только у стойки заведующей библиотекой.

– Не волнуйтесь, леди Лира, леди Амалия выписала вам разрешение посещать любые секции библиотеки в тот же день, как вы были зачислены. Прошу вас, отделение для преподавателей вон за той дверью, проходите. К сожалению, выносить книги из этой секции нельзя. И прошу вас, если будете делать какие-то записи, не показывайте их другим ученицам. Эти материалы подлежат обсуждению только с учи-

телями и ректором. Вам нужен стеллаж с пурпурным указателем, вторая или третья полка снизу.

Я поблагодарила и, немного робея, прошла в указанную дверь. Никогда раньше не была в этой части библиотеки, а потому стало неожиданностью, что все стеллажи сверху помечены цветными указателями.

Здесь хранятся только те книги, общий доступ к которым запрещен. И не удивительно, что серый стеллаж был подписан: «Чёрная магия. Некромантия, жертвоприношения, религии дикарей».

Я, побледнев, скорее ушла от пугающего шкафа. Конечно, никакой магии как таковой не существует. Есть отдельные люди, одарённые волей богов – настоятели храмов, великие целители, и, чего уж таить, Король. Таких людей, к счастью, единицы. Но есть дикие народы и племена, которые в силу своих религий вершат тёмные обряды. Это страшно.

Наконец, я разглядела стеллаж с пурпурной полосой по верху. Он весь оказался посвящен Королевскому роду. Рассказы о деяниях отдельных Королей или нескольких поколений, анализ причин появления и природы их способностей, величайшие ошибки правителей.

На два последних тома я смотрела, словно на призраков. Ведь Дар дан правителям богами, и дела Королей не обсуждаются и тем более не осуждаются. Но такие книги были.

Присмотревшись, я поняла, что здесь отнюдь не два тома на эту тематику, а намного больше. Тряхнув головой, реши-

ла, что подумаю об этом позже. Сначала надо закончить то, зачем я сюда пришла. Нужная мне книга нашлась на нижней полке. Выцветшая серая обложка с аккуратной надписью, немного потрёпанные уголки. Но не как от чтения, а будто книгу часто переставляли.

Я направилась с краткой генеалогией Королевского рода к столикам у окна. Как и в общей секции, стеллажи толпились в центре помещения, а по периметру, возле окон и просто вдоль стен, стояли столы с персональными светильниками и удобные стулья, а иногда и кресла.

Помимо светильников, на столах для преподавателей лежала чистая бумага и полный набор для письма, с линейками, циркулями, чернилами нескольких цветов и прочими необходимыми предметами.

За дальним столом я только сейчас заметила профессора Джозефа. Он поднял взгляд от бумаг, коротко мне кивнул и продолжил что-то чертить. Похоже, он даже не удивился моему появлению.

Приподняла на миг щиты. Действительно, он общается с леди ректором и знает про мой допуск. Я, насколько могла с занятыми руками, изобразила упрощённый реверанс и устроилась за столик у окна, подальше от профессора. Просто чтобы ему не мешать.

Книга захватила с первых страниц. В ней говорилось о Королях не как о высших, непостижимых существах, но как о людях. Их привычки, сильные стороны и недостатки, осо-

бенности внешности. К примеру, та самая родинка над бровью появляется уже не первое поколение. Я фыркнула и перевернула страницу.

– Леди, прошу прощения что отвлекаю, но разве вам не надо на занятия с леди Викторией? – профессор Джозеф стоял рядом, держа под мышкой скрученный ватман.

– Ой, профессор, простите. Да, вы правы, я сейчас убе-
ру...

– Оставьте книгу здесь, леди, её никто не тронет. Преподаватели предпочитают готовиться к занятиям в своих комнатах, тут редко кто занимается. Я скорее исключение, – улыбнулся профессор уголками губ.

– Спасибо, профессор, – я присела в реверансе и умчалась на занятия. А ведь мне ещё готовиться к завтрашнему уроку!

Сразу после предмета леди Виктории мы с Ксанией отправились ужинать, и в дверях столовой столкнулись с Анникой. Она окинула нас презрительным взглядом, фыркнула и вперёд нас прошла к столам раздачи.

Я порадовалась, что эта зазнайка не посещает уроки самообороны. А может, и зря. Полюбоваться на Аннику в следах от чернил и муке было бы занимательно. Я поделилась этой идеей с Саней, и до конца трапезы мы с ней сочиняли, где и какие пятна были бы на её бывшей соседке.

Время для подготовки к изящной словесности нашлось только после ужина, и я просидела над конспектом и учебниками до поздней ночи.

На следующий день занятия прошли гладко. С утра мы плавали в уже прохладном озере, и нам объявили, что со следующей недели заниматься будем в помещении. Мой ответ на уроке профессор Джозеф счёл достойным и похвалил за хорошую подготовку.

После обеда я сказала Сане, что хочу позаниматься в библиотеке. Подруга в шутку назвала меня занудой и ушла с другими девушками развлекаться в музыкальный класс.

Краткая Генеалогия лежала там же, где я её оставила. Через час я поняла, что за сегодня книгу не одолею, и усилием воли заставила себя закрыть талмуд. Следующие полчаса провела в общей секции, готовясь к занятиям. Правда, мыслями всё время возвращалась к оставленной книге. Мне о многом предстоит еще узнать и многое переосмыслить.

Глава 10. Вторая встреча

Остаток недели и начало следующей пролетели незаметно. Небо хмурилось и ночами проливалось дождями, но в тот день с утра радовало взор безоблачной голубой лазурью. И вот я снова оказалась в кабинете ректора, чувствуя себя неловко в ученическом платье перед Королём, пусть он и был в дорожном костюме. Король выглядел уставшим.

– Как прошла ваша неделя, леди? Узнали, что хотели? – он отложил маску в сторону, на диван, и накрыл плащом.

– Спасибо, к сожалению, не успела дочитать Генеалогию до конца, было много занятий. Я могу узнать... – как бы хотелось спросить, зачем эти встречи, почему именно я и как это всё случилось. Но не сегодня.

– Да, конечно. Спрашивайте о чем угодно, – Король взял пирожок с мясом с тарелки на столике и махнул мне, мол, присоединяйся.

– В той секции много книг с необычными названиями... – я робко сцепила пальцы на коленях, пытаюсь подобрать достойные слова. Как же с ним сложно!

– Можете брать их все, без ограничений. Если понадобится разрешение, я подпишу. Что-нибудь еще? – Его Величество ополоснул пальцы в специальной пиале и вытер салфеткой.

– Нет, спасибо.

Молчание.

– А остальное, что происходило на неделе? – Его Величество явно пытался завязать разговор.

Только как ответить? Неужели ему действительно так уж хочется знать, как я учусь? Но краткий ответ, вероятно, ему не понравится.

– Всё хорошо. Было две контрольные, надеюсь, моих знаний хватило, чтобы достойно их написать. Результаты пока не объявляли. По изящной словесности...

– Нет, это невозможно, – Король потер лоб и нахмурился. Потом встал и обогнул стол.

– Пойдём, – я недоуменно смотрела на протянутую мне руку. Без перчатки.

Кажется, это вывело Его Величество из себя, и в следующий миг он схватил меня за запястье и потянул за собой. От неожиданности я послушно встала и направилась следом.

– Я тебе кое-что покажу, – с неким предвкушением пообещал Король. Надеюсь, не спальню?

– Тебе надо научиться мне верить, – с укором оглянулся на меня Король и повёл дальше.

Было время занятий, и коридоры пустовали. Так и не отпустив мою руку, Король через чёрный ход вывел меня на улицу. Осень вызолотила деревья, стоял на удивление солнечный, редкий для этого времени года день.

Я невольно прищурилась, и, споткнувшись о порог, едва не упала. Сильные руки поддержали меня, задержавшись на

плечах на миг дольше, чем было необходимо. Сердце пропустило удар.

– Пойдем, – повторил Его Величество.

На этот раз я сама вложила ладонь в предложенную руку. Это было лучше, чем если бы он опять тянул меня следом.

– Молодец, – улыбнулся он, и от этой улыбки день стал еще светлее. Нет, нельзя поддаваться его обаянию!

Я удивилась, когда мы направились в сторону леса. Прошли по краю истоптанной поляны для занятий самооборонной, свернули по робкой тропинке направо, между деревьев. Их кроны смыкались золотистыми куполами над головой, а где-то в ветвях щелкала белка.

Наконец, Король остановился. Мы оказались на поляне чуть меньше предыдущей, но сплошь заваленной листьями. С краю высился целый оранжевый сугроб, едва ли не с меня высотой.

– Красиво, правда? – спросил Король, выходя в центр поляны.

Я последовала его примеру. Вокруг было действительно очень красочно, очень ярко. Ковёр из листьев под ногами приятно шуршал, а в стоге из листьев я любила баловаться, когда была маленькой. Против воли я улыбнулась. Он подглядел в моих мыслях?

«Немного», – улыбнулся Король.

Сейчас мы снова были одни. Без пугающей маски и клетки школьных стен. Как тогда, у реки, когда Он меня спас. Что

же всё-таки тогда произошло?

«Один из молодых прислужников сообщил разбойникам, что в Храм приехал аристократ с девушкой. Прислужнику полагалась доля в выкупе, который собирались с меня требовать. Остальное ты знаешь».

Стало на миг грустно. Молодой человек, который затронул моё сердце, рисковал жизнью, спасая меня, оказался холодным и властным правителем. Зная слухи, которые о нём ходят, даже не буду спрашивать, что стало с тем прислужником. Сомневаюсь, что суд был долгим.

– Леди, позвольте пригласить вас на танец, – произнёс Его Величество, отвлекая меня от тяжёлых мыслей.

Сейчас, на этой поляне? Приглашение было столь странным, что я, неожиданно для себя, согласилась. Никогда не танцевала в сердце осени, чтобы листья пели под ногами, а от обилия красок рябило в глазах.

Приняв игру, я присела в глубоком реверансе, склонив голову. Король отвесил светский поклон, протянул ладонь. Кончиками пальцев я робко коснулась его руки и послушно сделала несколько шагов следом.

Спустя минуту я уже не помнила своих переживаний. Король искусно вёл в танце, мы словно парили, едва касаясь земли. Под туфлями пестрилось оранжевое море, пели птицы, Солнце светило только для нас.

И не нужно было музыки, мы просто провожали осень, расставались с летом. Просто были. После нескольких мед-

ленных тактов движения стали ускоряться, и вот мы уже несёмся вскачь через всю поляну, поднимая ворохи листьев в воздух. Я задевала их подолом, и оранжевые всполохи кружили вокруг юбки.

В какой-то момент я засмеялась. Король улыбался, тепло глядя на меня и подстраиваясь под мои движения. Иногда он деликатно придерживал меня за талию, но сразу убирал руку, стоило мне об этом подумать. Дикий танец, непонятный, но только наш. Мой и того молодого аристократа, что спас меня от похитителей.

Всё закончилось внезапно и неожиданно, в сугробе из листьев. Не знаю, Александр оступился или так задумал, но мы утонули, словно в мягкой перине. Я, на миг испугавшись падения, тут же попыталась встать, но только увязла еще больше.

«У тебя листья в причёске», – Александр смотрел на меня, лежа на боку. «Позволь, я уберу».

Я перестала трепыхаться, и мой спаситель медленно, словно боясь спугнуть дикую птичку, протянул руку. Бережно, не потревожив ни одну прядь, убрал мусор из причёски. Потом хитро на меня посмотрел, улыбнулся и выудил из вороха лист невероятной красоты. Жёлтый, красный, оранжевый и зелёный переливались на нем вечерним закатом.

– Какой красивый, – выдохнула я, забыв, что говорю с Королем.

– Это тебе, держи. Для твоей коллекции. В следующий раз

принесу что-нибудь ещё.

Подсмотрел в моей голове, что я собираю гербарий? Но листик был и вправду очень хорош, и я, поблагодарив, взяла подарок. На миг мы соприкоснулись кончиками пальцев, и я отчаянно покраснела.

– Мне пора, – грустно произнес Его Величество, поднялся и помог встать мне. Какой он сильный, почти без усилий поднял меня и поставил на ноги!

«Ещё одно проклятие моего рода», – горько усмехнулся Король и, положив мою руку на согнутый локоть и накрыв её своей, повёл прочь. Всю дорогу мы молчали, и только возле корпусов Его Величество отпустил мою ладонь.

– Здесь я вас оставлю. Спасибо за волшебную встречу, леди. Надеюсь, это не последнее наше свидание, – едва коснувшись губами моей руки в светском жесте симпатии, Король стремительно ушёл прочь.

Свидание? Боги, я ведь почти всё время, что мы были на поляне, звала его про себя Александром! Я смотрела на удаляющуюся спину Его Величества, накрыв его поцелуй ладонью и прижав руки к груди, и не могла понять, что же чувствую.

Поднявшись в комнату, я сразу убрала подаренный листок из самого сердца осени в толстую тетрадь, которую держу специально для засушивания цветов, а сверху положила тяжелый справочник. Как лист засохнет, помещу его в альбом.

– У тебя мечтательный взгляд, – заметила Саня, когда вернулась в комнату с занятий. Мне на урок идти уже не было смысла, и я потратила оставшееся до обеда время на то, чтобы переодеться и переплести прическу.

Я смутилась, не зная, что на это ответить. Мне безумно нравится Александр, но я до дрожи в коленях боюсь Короля. А ещё мне симпатичен профессор Эрик, и когда Саня вошла в комнату, я как раз мысленно сравнивала милого профессора и решительного Александра. Голубоглазый блондин и кареглазый брюнет.

– Эй, подруга, кончай грезить! Или ты столь активно грызёшь гранит науки, что в пище телесной уже не нуждаешься?

– Уже иду! – я закрепила последнюю прядь шпилькой и поспешила за Ксанией.

Вечером я невольно вспоминала своего спасителя таким, каким видела его у реки – без рубашки, с тёплым взглядом и твердыми движениями мозолистых ладоней, когда он мне помогал. Вот только лицо в этом воспоминании теперь было размытым.

Я не могла заставить себя поверить, что тот молодой смелый аристократ и властный Король – один человек. Легче было поверить в то, что профессору Эрику я вдруг сделалась бы не безразличной. Интересно, а как он выглядит без рубашки? Я потрясла головой, прогоняя не достойные юной леди мысли и сильнее закуталась в одеяло. По ночам становилось прохладно.

Глава 11. Краткая генеалогия

На следующий день зарядили дожди, и небо хмурилось до первых снегов. Утренние занятия по самообороне перенесли в бальную залу. Профессор Олрид говорил, что кадетов заставляют тренироваться на улице даже в такую погоду, но для нас, как девушек, сделали исключение. От мысли, что можно тренироваться под дождём и снегом, невольно бросало в дрожь.

Леди перебежали от корпуса к корпусу, прячась под пёстрыми зонтиками и ругая погоду. Никакая причёска не выдержит такого испытания! В холле главного корпуса набежали целые лужи от сохнувших на перекладине зонтов.

Правда, обувать тёплые осенние ботиночки было пока рано, и я в числе прочих леди семеняла по дорожкам между зданий по смешной и запутанной траектории, обходя глубокие лужи и стараясь не замарать туфли.

Всю субботу я просидела в библиотеке, в секции для преподавателей, изучая рекомендованную Королём книгу. Там меня застал профессор Эрик.

– Леди Лира? Почему вы здесь? Разве все ученицы не должны быть на танцах?

Я обернулась на звук, смахнув со стола приборы для письма. Хорошо, что чернильница стоит отдельно!

– У меня допуск в эту секцию, чтобы я могла выполнять

дополнительные задания. А танцы... Знаете, профессор, я не любитель балов.

– Простите, что напугал вас. Вероятно, у вас очень сложные занятия, – покаялся профессор, собирая перья и карандаши с пола. Но любопытство не позволило ему просто уйти. Чтобы ученица, да занималась в секции для преподавателей? Вместо субботних танцев?

– Можно и так сказать, – смущенно пробормотала я.

Пожалуй, наши встречи с Его Величеством можно назвать дополнительными уроками. Интересно, а Эрик догадывается, как на него смотрят ученицы? Только воспитание не позволило выяснить ответ на этот вопрос.

– Простите моё любопытство, – начал профессор, подавая мне последний карандаш.

– Я читаю краткую генеалогию Королевского рода, написанную Юрием Дорожным, – ответила я на незаданный вопрос. – Раз в неделю приезжает придворный учитель, и в следующий раз будет меня спрашивать по этой книге. К сожалению, мне не всё кажется очевидным, я не знаю, как толковать этот труд, – вздохнула я.

Тянуло продолжить разговор, и хотелось получить ответы на свои вопросы. Хоть от кого-нибудь.

– Эту книгу надо читать, как историю любви, – пожал плечами профессор, и, придвинув стул от соседнего стола, сел рядом. – Смотрите. Здесь на развороте перечислены все Короли, о которых идёт речь, со своими супругами. Если их

имена написаны зелёными чернилами, значит, это были Истинные Половинки Души друг для друга. Если обычными, серыми чернилами, то такие правители не нашли своего счастья. Все серые Короли погибли рано, и многие их них считаются сумасшедшими. Вот, например, предыдущий правитель. Его историю вы наверняка знаете, – профессор Эрик указал на последнюю строчку списка.

– Но это не похоже на историю любви, как вы сказали, – я непонимающе смотрела на ровные столбцы имен.

– Напротив. За великими Королями, лучшими воинами, политиками, правителями стоят их женщины. Храм давно заметил эту закономерность, и Главные Настоятели придумали обряд, который позволяет усилить связь между двумя Истинными Половинками. И если Его Величество находит свою душу, храм проводит полную коронацию будущей Королевы, она становится полноправным регентом в отсутствие мужа. Такие правления самые успешные. К примеру, Роберт Великодушный. Он был жутким человеком с нелёгким характером, пока не встретил свою Королеву, Элоизу.

– Да, я читала об этом, но не придавала значения. Людям свойственно меняться со временем, – я пожалала плечами.

– Возможно. Но не так кардинально. Без одобрения Королевы Роберт не подписывал ни один указ, а леди Элоиза была добрейшей души человеком, в противовес своему мужу. Они уравнивали друг друга, и их правление считается одним из самых успешных. А Джеймс Великий умер че-

рез три дня после смерти любимой, успел лишь назначить старшего сына наследником и провести посвящение будущего правителя в Храме. Коронацию он уже не увидел, но, говорят, уходил он с улыбкой, на встречу со своей душой. Не смотря на преклонный возраст, более восьмидесяти лет, он сохранил ясный рассудок до этого дня.

– Это так... мило, – я пыталась перестроить привычную картину мира, листала страницы, переходя к главам, где шла речь про обсуждаемых правителей. И не замечала, что наши с Эриком руки иногда соприкасались.

Мне было слишком интересно, чтобы придавать этому значение. И, чего уж говорить, сидеть вот так было очень уютно.

– Верно. Но были и печальные истории. Так, Дональд Кровавый, почувствовав родную душу в одной из молодых аристократок, силой вынудил её к отношениям и браку. Она до конца жизни его ненавидела и никогда не смогла простить, а он страдал от собственной глупости. Говорят, после обряда к Королевам переходит часть способностей их супругов. А теперь представьте...

– Слышать чужие мысли, знать, что сделает человека несчастным, чего он боится и что заставит его страдать, – тихо произнесла я, понимая, наконец, какое страшное оружие против самого себя дал мне Король.

Если я захочу, смогу сделать его жизнь невыносимой. Но хочу ли я этого? Буду ли я при этом счастлива?

Он не отступится. И если это правда, если он чувствует меня, как половинку своей души, почему же я этого не ощущаю?

– Супруга Дональда дошла в своей мести до предела. Зная, что самым страшным для Короля, даже хуже, чем жизнь с ней, будет жизнь без неё, она наложила на себя руки. Не очень удачно, ещё с четверть часа она мучилась. По иронии судьбы в это же время Дональду пришла в голову мысль освободить любимую от мучений, и он принял яд. Говорят, когда до обоих супругов дошло, что они натворили, они стали каяться друг перед другом, признаваться в любви и просить прощения. Только было уже поздно что-либо менять, – с грустью в голосе продолжил рассказ Эрик.

Минуту мы молчали.

– Профессор Эрик, но как же так. Почему, если Короли сразу чувствуют свои половинки, то их супруги и простые люди этого не ощущают? – этот вопрос сейчас волновал меня, как ничто в жизни. Может, Он все-таки ошибся?

– Ты сама ответила на свой вопрос. Жёны правителей и все вокруг – обычные люди. Даже если в силу каких-то обрядов у них появится способность слышать мысли окружающих людей, их разум не изменится. У Королей возможность с первого раза опознать свою половинку – как обратная сторона их дара, их проклятия. Простые же люди не могут заглянуть и почувствовать душу других. Им надо время. Раскрыться, принять, полюбить, – профессор мечтательно смот-

рел на огонь светильника.

– Или смириться, – тихо добавила я, чувствуя, как слезы стоят у глаз.

– Что? – профессор Эрик удивленно на меня посмотрел.

– Профессор! Рад вас здесь встретить. Вы уже сдали годовой план занятий? – профессор Джозеф появился словно из ниоткуда. Поглощенные беседой, мы не заметили его прихода и оба вздрогнули от неожиданности.

– План занятий? Простите, профессор Джозеф, видимо, я это упустил, – профессор Эрик выглядел растерянным.

– Ну как же, леди Амалия ещё в первую неделю... Ах да, вас же еще не было с нами. Пойдемте, я вам объясню.

Мужчины коротко со мной попрощались и ушли за стеллажи.

Глава 12. Простуда

Несколько дней я раздумывала о доле правителей и их Истинных Половинках Души. Я всегда считала, что Истинные Половинки Души – сказка, добрая легенда, милое название для людей, которые сумели не разрушить свои отношения с годами или просто были достаточно сдержаны, чтобы не показывать разлад на людях.

Моим родителям не повезло, они то и дело ссорились, но считали скандал при свидетелях дурным тоном и всегда отправляли детей на прогулку или уходили сами. Только мы всё равно знали об их отношениях и в тайне мы с сестрой и братьями иногда говорили о том, что у нас в семьях непременно сложится лучше, чем у родителей.

Но это были не более, чем мимолётные фантазии. Ведь у аристократов браки заключаются по договору между родителями, и, вполне возможно, что своего суженного я не увижу до свадьбы. А разве можно найти счастье с человеком, для которого ты – лишь придаток, приложение к удачной сделке? Грустная доля и жестокая правда.

Так было до недавних пор. Теперь же я знала, что легенды – вовсе не пустые слова. И что человек, угадавший во мне свою Половинку, существует. И он достаточно могущественен, чтобы мои родители ответили согласием на его предложение.

Я хмыкнула. Уж да, с Королём даже в таких вопросах не спорят. Отдадут и будут рады. Вот только никакого предложения пока не последовало. Я нахмурилась. И я не знаю, согласна ли я, смогу ли я ответить тем же этому человеку.

Жёсткий, беспринципный правитель, который по древней традиции скрывает лицо за маской со дня коронации и правит страной железной рукой. Не идёт на уступки другим государствам и политическим структурам не смотря на юный для правителя возраст.

Видит мысли и помыслы людей, его невозможно обмануть, и многие желают его убить. Скрытен, не имеет официальных приближённых, угрюм, жесток. Вершит правосудие твёрдой рукой, и многие говорят, что казни доставляют ему удовольствие. Мужчина, решивший всё за меня и испортивший мне жизнь неожиданным проклятием.

Но без маски это человек, спасший мне жизнь. Он бросился за похитителями, не думая о возможных последствиях. Он сам мне признался, что в то время не думал ни о стране, ни о себе, лишь страх меня потерять гнал его вперед.

Он говорил это мысленно, и в том не могло быть лжи. От этого воспоминания мои щёки заливал румянец. Мужчина, который может смотреть так нежно, может танцевать в лесу на поляне, усыпанной осенними листьями. Может подарить только что найденный листок как знак внимания.

Александр не пытался меня купить, принудить, приказать. Он просто старался проводить со мной время, потому

как... Потому как Королю это необходимо, иначе, без Половинки Души, он попросту сойдёт с ума.

Я запуталась. Каков он, человек, избравший меня? Мужчина, перевернувший мою жизнь? Тревожащий мои сны, несущий с собой неясные и непривычные чувства.

Небо хмурилось и обрушивалось на землю дождями, вторя моим мыслям. Промокшие однажды ноги вызвали боль в горле. Я обратилась к лекарю и обнаружила, что у пожилой леди очень много пациенток. Бегло меня осмотрев, лекарь выдала мне микстуру и отпустила на занятия.

Сперва самочувствие как будто улучшилось, а под вечер навалилась страшная усталость. Следующим утром я пропустила тренировку. Аппетита за завтраком не было, я едва заставила себя съесть пару ложек творожного пудинга.

Саня тревожно на меня смотрела и уговаривала сходить к лекарю. Но ведь я у неё уже была, и леди, выписывая микстуру, заверила, что у меня ничего серьезного, о чём я и сообщила подруге. Ксения всё переживала, и я пообещала для её успокоения зайти в лекарский кабинет ещё раз, после уроков.

Только получив от меня такое обещание, Саня ушла на свои занятия. Наше с ней расписание не всегда совпадало, и я в одиночестве побрела на военное дело.

К концу урока мне стало нехорошо. В классе были закрыты все окна из-за плохой погоды, и я чувствовала, как от духоты горят мои щеки. Ничего, сейчас в перерыве выбегу

на крыльцо, подышать свежим воздухом. Но, едва прозвучал гонг к окончанию урока, в дверях показался племянник леди Амалии и вызвал меня к ректору.

Все учителя и сокурсницы уже знали, что ко мне приезжает некий придворный учитель и под присмотром леди Амалии проводит занятия. В этом институте таким было не удивить. Так, к девушкам, делающим успехи в химии, приходит вести дополнительные занятия лучший городской аптекарь, к ученицам, подающим надежды в изящной словесности, приглашают бардов.

Розалинда и Ксения иногда получают задания из городского управления – оформить бумаги, найти ошибку или нестыковку. Они жутко гордятся, что им дают такие поручения. Мне же кажется, что в управлении просто экономят время своих работников.

У Сани и еще нескольких девушек регулярно проходят занятия с направляющимися в столицу или едущими уже оттуда иностранцами. Я была удивлена, узнав, что моя соседка знает девять языков, не считая родного. Это феноменально!

Именно из-за её способности к языкам Саня попала в Королевский Институт. Нигде в другом месте ей не дадут возможность бесплатно изучать столько языков, ещё и практиковаться с носителями языка. Конечно, полученные за счет Короны знания придётся отрабатывать, но подругу это не страшило.

Я волочила ноги по пустому коридору. Звонок на следующую

щее занятие давно загнал всех в классы, и мне казалось, что я иду уже целую вечность. Вот и административный этаж.

Дверь кабинета ректора отворилась, и, не смотря на протестующий возглас леди Амалии, мне навстречу шагнул высокий кареглазый мужчина с широкими плечами и родинкой над бровью на строгом аристократическом лице. Александр сегодня был в форме военного, но без каких-либо знаков отличия.

Он окинул меня внимательным встревоженным взглядом, и в следующий миг земля ушла из-под ног, меня подхватили сильные руки. Было странно слышать совсем рядом, как бьётся его сердце, чувствовать, как вздымается грудь при вдохах.

Не слушая моих вялых возражений, мужчина отнёс меня на диванчик в кабинете ректора и аккуратно уложил, удобно пристроив под голову декоративную подушечку.

– То-то у меня третий день голова болит, – хмыкнул Его Величество, пододвигая ближе пуфик. Александр решительно и в то же время деликатно ощупал мне лоб и шею, посчитал пульс на запястье и покачал головой.

– К лекарю обращалась? Что за микстура? Как давно? – вопросы не требовали ответов, он просто просил меня об этом подумать, чтобы не лезть глубоко в мысли. Мне было сложно говорить, горло болело, мысли путались.

– Ваше величество, не стоит... – я поймала осуждающий взгляд леди Амалии в мою сторону.

– Я сам решу, что стоит, а что нет, госпожа ректор, – жёстко ответил Король, не поворачивая голову.

Стало горько. Жар не позволял трезво оценивать ситуацию, и я вдруг стала слишком остро на всё реагировать. В глазах защипало. Я не специально, я не хотела, чтобы ему было из-за меня плохо, не хотела, чтобы ему приходилось ловить меня в коридоре и сидеть рядом.

Кажется, он волнуется. Да, я должна была лучше следить за собой, тем более что теперь знаю о нашей с ним связи. Я подвела его. Как я могу теперь...

«Душа моя, прекращай себя корить, ты не виновата, я знаю. С каждым может случиться. Ты просто устала и утомилась, птичка моя. Я вообще удивляюсь, что ты так хорошо держалась до этого времени. Столько всего на тебя свалилось, хорошая моя, я восхищаюсь твоей стойкостью. А вот вашему лекарю я бы...»

Мысль оборвалась, но мелькнуло что-то, связанное с мечом и кровью. Он повернулся к леди Амалии, стал давать какие-то указания.

– Не надо! – я испуганно ухватила отодвинувшегося от меня мужчину. Он удивленно обернулся.

– Что не надо, душа моя? Ах, это, – он неопределенно хмыкнул, но всё же пообещал:

– Хорошо, не буду. Не волнуйся об этом.

Александр поправил мне выбившуюся прядь волос, и я слабо улыбнулась. Мне было настолько плохо, что не было

сил его бояться, вспоминать страшные истории про нынешнего Короля и его предков или думать о своих действиях.

«Всегда бы так», – пришла от него лукавая мысль, но я решила, что подумаю об этом потом.

«Правильно, отдыхай, душа моя».

Интересно, а почему это я – его душа? Быть может, это он – моя?

Его Величество хмыкнул и покачал головой.

Кажется, я задремала. Король диктовал ректору какую-то бумагу, не отходя от меня ни на шаг. Потом сам отнёс меня в мою комнату. Я запомнила только сильные руки, стук его сердца и что в тот миг, когда мы оказались в комнате, он даже не запыхался.

«Я же говорил тебе, что очень сильный», – подумал он, укрывая меня одеялом. Ой, а куда делись туфли и верхнее платье?

«Не думай об этом. Скоро придет лекарь из столицы, он тебя быстро вылечит».

Лекарь... Почему-то была уверенность, что это мужчина. Тут ко мне, кажется, вернулся здравый смысл. Что же обо мне подумают, если ко мне в комнату ходит мужчина, да ещё и носит меня на руках через весь двор!

«Не волнуйся. Нас никто не видел, я проверил. Спи».

– А куда все делись? – я осмелилась спросить вслух. Голос оказался охрипшим, это меня смутило и даже напугало.

– Я попросил леди Амалию устроить всем общий сбор.

Она давно хотела сделать какое-то объявление, и до ужина в жилой корпус никто не вернётся, – последовал ответ, и Александр пододвинул стул к моей кровати.

Всё время до прихода лекаря Александр сидел рядом и листал какой-то из моих учебников.

«Никогда не поздно обновить знания, так ведь?».

Я смотрела на его профиль, на тонкие длинные пальцы, переворачивавшие страницы, ловила на себе внимательный нежный взгляд.

Не было сил бояться или смущаться, и я просто позволила себе молча любоваться им. Сильный, решительный, красивый. Кажется, впервые после того, как я лечила его у ручья, я так прямо и спокойно на него смотрела. А есть ли демон, которого все так боятся?

«К сожалению, есть. Он всегда стоит где-то за моей спиной» – грустно подумал Александр. Я не смогла понять, о чём он говорит.

Потом в комнату в сопровождении леди Амалии вошли двое. Пожилой мужчина в пенсне и зелёном лекарском халате, с сундучком в руках, и его ассистентка, женщина лет тридцати с собранными в пучок волосами. Интересно, а...

«Жена. Вначале она была просто его помощницей, потом они оба поняли, что им комфортно и интересно друг с другом, и в один прекрасный день направились в храм. Любопытное ты моё чудо», – пришла ласково-насмешливая мысль от Александра.

«И это ваши новые лекари в Институте. Очень хорошие» – улыбнулся он.

Лекарь тут же выпроводил всех посторонних, в лице ректора и Александра, вон из комнаты. Я удивилась, что Александр позволил с собой так обращаться, но он только мысленно фыркнул на меня. Он представился лекарю военным и моим братом, значит, и вести должен себя соответствующе.

Лекарь разложил на столе какие-то склянки из сундучка и возился с ними, деликатно не оборачиваясь. Осматривала меня его жена-ассистентка и проговаривала результаты осмотра вслух. Если бы было что-то серьёзное, то лекарь смотрел бы меня сам, но пока он не видел в этом необходимости.

Меня спросили, чем я лечилась до этого. Я указала на пузырьёк на тумбе у кровати. Ассистентка открыла бутылочку, понюхала, хмыкнула и передала мужу. Тот, едва кинув на него критический взгляд, кинул в корзину для мусора у ножки стола. Передал жене ряд склянок и пакетиков с непонятными порошками, и та аккуратно расставила их на моей тумбе.

– Смотри, дорогуша, это всё тебе придется принимать целую неделю. Из синего флакончика – один глоток по утрам, после еды. Вот этот зеленый порошок разводить в воде и полоскать горло. Умеешь? Замечательно. Серые пилюли, две штуки, после обеда. И не надо на меня так смотреть, да, они противные и по виду, и по вкусу, зато помогают. А содержи-

мое пакетиков надо будет принимать на ночь. Три пакетика на три дня, а там ещё раз тебя осмотрим. Хорошо?

– Я всё записал, вот указания, – лекарь придавил листок синим флаконом с утренней микстурой.

Раздался стук в дверь, и, получив разрешение, вошел Александр.

– Что с моей сестрой?

Я смущённо натянула одеяло повыше, чуть не до самого носа, и заработала строгий взгляд Его Величества.

– Всё хорошо, молодой человек, не стоит волноваться. Обычная простуда. Неделю ей предстоит лежать в постели, тогда обойдётся без осложнений. Если будет принимать всё по инструкции, через десять дней вернётся к занятиям. У ваших родителей, должно быть, хорошие связи, раз нас так срочно выписали из столицы на ночь глядя, – с любопытством, как бы между прочим, обронил лекарь.

Его Величество на провокацию не поддался и никак не прокомментировал это заявление.

– Мне бы хотелось попрощаться с сестрой, мне предстоит долгий путь, – поблагодарив за оказанную помощь, добавил Александр.

«Угу, аж два часа до столицы», – мелькнула шальная мысль.

«Не хулигань. Это в тебе играет жар, душа моя», – осадил меня Его Величество.

Александр задержался у меня совсем ненадолго. Убрал

мешавшую прядь волос за ухо, чуть коснувшись при этом лба. Вздохнул, печально глядя и качая головой. Но затем бодро попрощался и вышел.

Помощница лекаря вернулась через полчаса, помогла мне переодеться, заставила выпить горький порошок против жара и положила холодную мокрую примочку на лоб. Когда вернулась Саня, я уже крепко спала.

Я неделю провела в постели. Еду приносила из столовой служанка, Саня кормила меня новостями и тетрадями с конспектами. Когда жар прошел, я, наконец, сообразила, что наделала.

Я перечила Королю. Его Величество нёс меня на руках из учебного корпуса до жилого. Он снял с меня туфли и верхнее платье. Какой ужас! Я краснела и бледнела от этих мыслей, чем немало пугала Ксанию.

И порой хотелось снова положить голову на прохладное плечо военного камзола, чтобы сильные руки меня несли... Куда? Не знаю. Но эти грёзы дополнили список тревожащих мыслей.

На второй день я проснулась поздно. И, кроме тёплого завтрака, обнаружила на подносе посылку. С любопытством заглянув в небольшую коробочку, нашла цветок – белую лилию и записку без подписи: «Прости, забыл отдать при встрече».

Мои щёки опалило жаром, и уже не от простуды. Он пом-

нит про моё увлечение и своё обещание! От этого внутри становилось тепло, словно кто-то ласково погладил п волосам. На языке цветов лилия означала непорочную чистоту, красоту и надежду. Убирая подарок сушиться, я всё гадала, где Его Величество достал цветок, ведь в это время лилии уже не цветут.

На третий день я почувствовала себя достаточно хорошо, чтобы выбраться из кровати и прогуляться по коридору. Появилась безумная мысль пойти в учебный корпус, в библиотеку, но приставленная к нашей комнате служанка меня остановила.

Предложив позвать лекарей и поинтересовавшись, не нужно ли мне что-нибудь, она, к моему огромному удивлению, передала весточку от профессора Эрика. Он прислал мне баночку малинового варенья из городской кондитерской и короткую записку с пожеланием скорее выздоравливать.

С прислугой в Институте было устроено удивительно. Мы, ученицы, почти не видели служанок, так как они убирали комнаты, пока мы были на занятиях. Они чистили одежду и обувь, относили в прачечную или починку вещи, меняли постели и даже заказывали в городе заканчивающиеся тетради и чернила.

У девушек, получающих образование за счет Короны, это входило в содержание. Пока я лежала с простудой, смогла поговорить и, я надеюсь, подружиться со служанкой. Оказалось, за женщинами закреплены всего по несколько комнат,

им не желательно попадаться ученицам и учителям на глаза, запрещено брать подарки, а так же рассказывать обо всём, что они видят и слышат в стенах Института.

За это им полагалось проживание, стол и хорошее жалование. Попасть на эту работу очень сложно и считается престижным среди служанок, поэтому все они дорожат своим местом и настроены неукоснительно соблюдать правила. Служанка приносила мне обеды и, по моей просьбе, книги из общей секции библиотеки. Женщина объяснила, что это всё входит в её обязанности. Я старалась не донимать её просьбами и капризами.

Лекарь заглядывал ко мне каждые три дня, а его помощница заходила ежедневно. Наконец, мне разрешили посещать занятия, но к утренним тренировкам мне предстояло вернуться не ранее, чем через неделю.

Пока я болела, Король не появлялся. Оно и понятно, ему некогда тратить время и ездить так далеко к простой ученице. К тому же, это опасно, ведь легко можно подхватить простуду, да и погода не располагает к прогулкам. Но когда и через неделю после моего выздоровления Он не появился, я загрустила.

Каждый день открывала альбом с гербарием, любовалась на подаренный им листок. Я называла его «дыханием осени», и Саня удивлялась, заглядывая мне через плечо, где я нашла такую красоту. Ей было невдомёк, что в потайном

кармашке за обложкой прячутся две записки, от Короля и от любимца всех учениц, профессора Эрика. Когда удавалось остаться одной, я доставала и перечитывала эти послания, находя в них некий тайный смысл.

В библиотеке, в секции для преподавателей, я старалась проводить хоть немного времени каждый день. Я старательно изучала содержимое стеллажа с пурпурной полосой сверху, и всё больше удивлялась. Короли были не такими уж небожителями, а их дар редко приносил им счастье.

Навык слышать мысли был очень полезен в политике и вопросах правления, но делал Королей уязвимыми. Как обмануть того, кто слышит мысли? Отправить к нему с ядом человека, который сам не подозревает о содержимом бокала. Или недоучку, который уверен в своих силах, но, смешивая компоненты для простой микстуры от кашля, всё напутает и получит отраву.

Способов много, и дар не делал Королей всемогущими. Кроме того, безумие мрачной тенью следовало за каждым из них по пятам, готовое в любой момент нанести свой удар. Спасала только поддержка Истиной Половины.

Не известно, как именно, но Истинная Половинка Души брала на себя что-то, одно её присутствие действовало благотворно, и Король снова мог мыслить трезво. Удивительный союз. Вот только я не чувствовала в себе способности помочь Ему.

Дни шли, и я стала тревожиться. Забыл? Решил, что я ему

больше не нужна? Может, я его разочаровала? По ночам мне снился Александр, там, на берегу, только он казался безмерно уставшим. Днём, сама того не замечая, я выбирала дорогу так, чтобы проходить недалеко от кабинета ректора.

Один раз леди Амалия встретила меня в коридоре. Я остановилась, не зная, как задать свой вопрос. Но леди ректор поняла меня без слов и покачала головой – нет, никаких вестей. Я присела в реверансе, благодаря за ответ и, грустная, пошла прочь.

Глава 13. Родительский день

С первыми холодами незаметно подошёл Родительский День. Это государственный праздник, в который принято собираться семьёй и благодарить родных за то, что они у нас есть. В Институте в этот день двери открыты для всех родственников учениц.

Девушки разослали приглашения и с самого утра весело щебетали, наряжаясь и поджидая гостей. Братья и сёстры, родители, бабушки и дедушки, дяди и тётки. Ворота для них открывались сразу после завтрака, и они могли остаться на весь день. Вечером будет бал, и весь институт с радостью ожидал его начала.

Все, кроме меня. Я знала, что Он не придёт, не появится. А с утра получила записку из дома, что родители не приедут. Я так хотела показать младшей сестрёнке наши учебные корпуса, похвастаться братьям, как научилась метать кинжал, на мишени для тренировок на заднем дворе. Обнять маму, поцеловать в щёку отца.

Но сестричка заболела, братья в городе по делам, у матери салон вечером, а у отца приглашение в клуб. Вздохнула. В Академию они приезжали лишь один раз, на первом курсе. А мой перевод в Институт восприняли тревожно. Писали, спрашивая, с кем я поругалась и кому перешла дорогу. Я пыталась их успокоить, но не уверена, что они меня услышали.

Утром, собираясь к завтраку, я улыбалась весело щебечущей Сане, слушая её рассказ про младшего брата, который летом получил в подарок щенка. Она была единственной девочкой в семье.

Старший брат женился и уехал от них пару лет назад, но писал сестре и желал успехов в учёбе. Еще четверо братьев баловали и задирали Ксанию, и она с ними наравне в детстве лазила по деревьям и ездила верхом. Я только головой качала, слушая истории об их приключениях. Сама в том возрасте я послушно сидела на уроках изящных манер и больно получала по рукам, если на семейном обеде брала не ту вилку.

– А ты сегодня кого ждёшь? – Саня шнуровала на мне верхнее платье, помогая собраться к открытию ворот.

– Никого. Сестричка заболела, и родители не смогли приехать, – я пожала плечами, скрывая досаду.

– Какая жалость! Но ты не волнуйся, я тебя одну не оставлю. Познакомишься с моими родителями, они милые. И ты им тоже понравишься, – подруга подмигнула и повернулась, чтобы я тоже помогла ей со шнуровкой.

– Ну что ты, не стоит. Не хочу вам мешать. Я посижу до вечера в библиотеке...

– И превратишься в книжную крысу к концу года! Нет уж, сегодня праздник, и я не позволю тебе корпеть над учебниками. Пойдём, у нас осталось всего полчаса на завтрак, а потом откроют ворота.

Наскоро поев, мы с подружкой отправились к воротам. За ночь подморозило, под ногами хрустел робкий лёд. В наших краях зима приходит рано, зато лето жаркое. Я была в зимних ботиночках и меховом пальто, памятуя о недавней простуде. Пушистая муфта висела на плетёном шнурке на шее, и я зябко прятала в неё руки.

Саня всю размахивала руками в варежках, ничуть не стесняясь своего недорогого наряда, и проходящая мимо Розалинда в дорогих кожаных перчатках презрительно на неё посмотрела.

– Смотри, смотри, отворяют! – послышалось со всех сторон. Раздалась приветственная музыка, кто-то толкнул меня.

– Ах, это ты. Прости, не заметила, – Анника окинула нас с Саней высокомерным взглядом и наступила мне на ногу прежде, чем ушла дальше. Она пробиралась сквозь толпу, не считаясь с окружающими. Вот ведь...

– Не расстраивайся, её только могила исправит. Зато вот достанется же кому-то жена на его бедную голову! – хихикнула Саня, и в красках описала, как должен проходить семейный обед Анники и её будущего мужа. Мы хихикнули.

Наконец, медленно растворяющиеся створки ворот застыли. Во двор хлынула толпа, и ученицы поспешили навстречу, выискивая своих родных. Саня повела меня за собой, уверяя, что я ничуть ни ей, ни родителям не помешаю.

– Вон, смотри! Вон они! Димка, папа, мы тут! – Саня подпрыгивала и махала рукой. Над толпой возвышался мальчик,

он сидел на плечах мужчины и вертел головой, выискивая кого-то. Ребёнок увидел нас и стал тоже махать рукой в ответ.

– Это и есть твой брат? – поинтересовалась я у Сани.

– Да, младший, Димка, то есть, Димитрий. Я тебе про него утром рассказывала, он летом в подарок настоящего охотничьего щенка получил. Будет этим хвастаться, будь готова, – подмигнула мне подруга и потянула навстречу своим родителями.

Оказалось, Димитрий сидел на плечах своего отца, и тот, похоже, вовсе не считал это зазорным или неприличным. Мать Ксании оказалась пухленькой смешливой женщиной, и, услышав, что ко мне сегодня никто не приедет, тут же взяла меня под свою опеку.

Приехал ещё один брат Сани, Олег, тоже младше её. Следующей осенью он поедет поступать в мужское училище. С направлением учёбы он ещё не определился, на вопросы отвечал односложно. Судя по всему, он чувствовал себя неуютно, вроде как уже слишком взрослый, чтобы баловаться и радоваться, но ещё слишком ребенок, чтобы вести себя наравне с остальными. Я подмигнула юноше, и тот смущенно отвернулся.

Мы с Саней устроили её родным экскурсию, показали учебные корпуса и нашу комнату. Олег смотрел на всё с интересом, Димку нам пришлось едва ли не за уши оттащить от мишеней на заднем дворе, а родители Сани привез-

ли нам большую корзину гостинцев. Мать Сани подарила ей собственноручно связанную пушистую шаль, а мне в подарок повязала на шею вязаный шарфик.

– Нам Ксаня сказала, что ты простывала. Впредь как следует кутайся, не ходи с открытым горлом!

Я смущалась и говорила, что не стоило обо мне волноваться, на что все только улыбались и пытались накормить меня пирожками. После гостинцев мы были такие сытые, что не пошли в столовую, а вместо этого ещё немного погуляли и отправились переодеваться.

Для гостей выделили комнаты в учебном корпусе, куда и направились мужчины, а мать Сани осталась с нами и помогла сделать потрясающие прически. А потом заговорщически подмигнула, и достала из сумки шкатулку с косметикой. Саня с радостными визгами повисла у неё на шее, и следующие полчаса мы потратили, нанося румяна и помаду.

Мне было это непривычно и весело. Мои родители всегда держались отстраненно, а здесь, с посторонними для меня людьми, оказалось легко и уютно. Я понимала, почему Анника так кривилась при виде Сани. Ни её, ни её родителей нельзя назвать цветом аристократии.

Но, возможно, именно поэтому с ними было просто, я видела, что эти люди искренне любят своих детей. Я завидовала Сане и радовалась за неё.

В первый раз после перевода я получала удовольствие от бала. Чтобы вместить всех, открыли все двери на первом эта-

же учебного корпуса, и мы вальсировали из холла в залу общих сборов, оттуда, через широко распахнутые двери, обратно в холл и залу для танцев и самообороны.

На первый танец Саню пригласил её отец, Олега родители заставили пригласить меня, а Дима танцевал с матерью. Потом я танцевала с отцом Ксании, весело проплясала полкруга с подругой в паре. Потом меня пригласил старший брат одной из учениц, а затем – профессор Эрик.

Он был в костюме модного покроя, к которому обычно полагался шейный платок, но, похоже, профессор об этом забыл. Эрик изящно склонил голову и сказал, что я чудесно выгляжу. Я смутилась и спросила профессора, где его шейный платок. Не хотелось, чтобы Эрик и дальше позорился перед гостями.

Профессор тоже смутился и сразу после танца пошел искать пропажу. Через два круга я увидела его в холле, беседующим с профессором Джозефом. Платок был на месте.

Я ещё много танцевала с чьими-то братьями и отцами, смеялась с Саней у столика с напитками и снова танцевала. В комнату мы с Ксанией вернулись очень поздно, и, уже устроившись спать, долго говорили, не зажигая света. Её родители уехали ещё до конца праздника, но мы понимали, что им предстоит долгий путь. Мы тепло прощались, и они желали нам с Саней присматривать друг за дружкой. Это был чудесный день.

На следующее утро я, наконец, смогла пойти на трениров-

ку. Правда, из-за того, что поздно уснула, было тяжело, но у леди Виктории и профессора Олрида оказался восстановительный комплекс упражнений для тех, кто недавно болел, и меня отправили вместе с тремя девушками заниматься в сторонку. Ксании поблажек не было.

Дальше в течение дня были лёгкие занятия, вроде рукоделия и музицирования, вероятно, преподаватели догадывались, что мы можем нарешать на экономике поместья после вчерашнего веселья. После обеда в честь праздника нам дали свободное время, и я с прочими ученицами играла во дворе в салочки, а потом мы пели смешные песенки в музыкальном классе и играли в карты и модные шашки.

Ненадолго к нам заглянул профессор Эрик и спел забавный куплет. Правда, вставая из-за рояля, он нечаянно смахнул ноты, и листки разлетелись по комнате. Смутившись, он помог ученицам собрать ноты и тут же ушёл. Потом на шум зашла одна из леди-преподавателей и принесла схемы для вышивания, поинтересовалась, какой рисунок лучше подойдёт для скатерти в подарок новобрачным?

Перед уходом она показала хитрый танцевальный шаг, который наверняка запутает ноги кавалеру. Мы с другими ученицами смеялись и представляли, как на ближайших субботних танцах все кавалеры разом начнут спотыкаться. Может, зря я отказывалась от развлечений и всё время сидела в библиотеке?

Вечером мы с Саней делились впечатлениями и доедали

гостинцы от её родителей. Только мыслями я была далеко от нашей комнаты. Интересно, как Александр провёл праздник? Почему-то казалось, что за государственными делами он его и не заметил.

От Сани не укрылось моё настроение.

– Что с тобой, подруга? Такая печальная. Вот, держи пирожок. Только не говори, что снова простываешь!

– Спасибо, Саня. Не волнуйся, я хорошо себя чувствую.

– А что тогда? Слушай, тебя уже давно не снимали с занятий к твоему придворному учителю. Он не приезжает больше?

Уловив мой печальный вздох, Саня отложила пирожок в сторону и удивленно на меня посмотрела:

– Лира, только не говори мне, что ты влюбилась!

– Что ты такое говоришь! – возмутилась я. – Ничего подобного! А не приезжает потому, что он занятой человек и не может тратить на меня много времени.

– Ладно-ладно, считай, что я этого не говорила, – примирительно подняла ладошки Саня. – Но ты после этих занятий всегда сама не своя.

– Просто... он меня пугает, – созналась я, глядя на свои руки.

– Такой страшный? С бородавкой на носу и шрамом на всё лицо? – округлила глаза Саня.

– Нет, что ты, обычный мужчина, – я рассмеялась. – Он... очень строгий, и я не понимаю, что он от меня ждёт, – я по-

пыталась поделиться своими переживаниями, не выдав лишнего.

– О да, что у мужчин в голове, понять невозможно. Поверь мне, сестре пятерых братьев! – заявила Саня, и мы рассмеялись.

Глава 14. Усталость

А на следующий день с утра у меня было какое-то странное настроение. Будто я что-то жду. Или кого-то. На улице падал лёгкий, редкий снег, иногда превращаясь в дождь. Снежное покрывало ещё не скоро ляжет окончательно.

Решив довериться своим догадкам, сразу после завтрака я сказала Сане, чтобы она меня не ждала, и заглянула на кухню. Повариха улыбнулась – я часто забегала к ней за молоком и ватрушками.

– Ну что, леди, уже соскучились по моим булочкам? Вроде же только завтрак прошёл!

– Спасибо, но я сегодня не за этим. Можно вас попросить передать в кабинет ректора что-нибудь мясное?

– Сегодня опять будут посетители? Хорошо, сделаю. Только леди на завтрак мясо не едят, я и не готовила ничего. Пока поставлю, пока приготовиться...

– А может, есть несладкие пироги? С капустой, с птицей...

– Как не быть, есть! – обрадовалась повариха. – Вы прямо мысли читаете, леди!

Я лишь улыбнулась, пусть меня просто считают проницательной. И надо будет помощницу лекаря попросить заглянуть на кухню, а то у поварихи уже несколько дней локоть болит, но она всё никак не соберётся сходить в лекарский кабинет.

Одна из кухонных служанок-помощниц отнесла поднос с пирогами и горячим крепким чаем к кабинету ректора.

Я постучалась и, получив разрешение войти, пропустила служанку вперёд. Брови леди Амалии взметнулись вверх.

– Леди Лира?

– Леди Амалия, мне кажется, нас скоро посетит гость. Очень голодный с дороги гость. Я могу воспользоваться вашим сервизом?

Леди ректор в некотором замешательстве кивнула. Я отпустила служанку, сама достала из шкафа чашки и блюдца, налила в одну из кружек чай. Разломил пирожок с капустой пополам, и, в тот момент, когда дверь без стука отворилась, поднесла пирожок на блюще посетителю.

Александр закрыл за собой дверь, благодарно улыбнулся, взял угощение и стал с аппетитом жевать.

Я украдкой его разглядывала. Он был без маски, в потрёпанном дорожном костюме, пальто и перчатки держал в свободной руке, а на высоких сапогах блестел растаявший снег. Всё так же стоя у входа, по-прежнему молча, он взял вторую половину пирожка и с удовольствием доел.

Это, конечно, не очень вежливо, но есть ему хотелось больше, чем соблюдать этикет. И пусть это не разносолы с королевского стола, но я чувствовала, что этому мужчине, проводившему немало времени на военных учениях и тренировках, походный паёк милее паштетов.

Откуда я это знала? Пока Александр сидел у моей кро-

вати, он приопустил щиты, позволяя слушать внешний контур мыслей. Мне так было спокойнее, чем когда он сидел, закрывшись – будто и не человек вовсе. Тогда он думал как раз о тренировках и походах.

Удивляясь собственной смелости, я протянула ему чашку с горячим ароматным чаем, и он осушил её в два глотка. Возвращая чашку обратно, он одарил меня таким взглядом, что щёки и уши запылали, и сделалось жарко.

«Прости, если смутил. Но ты меня спасла», – пришла мысль-улыбка.

– Ты невероятная, ты знаешь? – произнес он вслух, ввергая меня в ещё большее смущение. Я просто хотела позаботиться о человеке, который позаботился обо мне, вот и всё.

Леди Амалия, собрав документы в папку, неслышно выскользнула за дверь.

Александр оставил вещи на стуле и, пройдя к дивану, с удовольствием на него опустился, вытянул ноги и откинул голову на спинку. Интересно, он всегда ведёт себя так свободно? Преподаватель изящных манер за такое заставил бы меня неделю отрабатывать реверансы, проговаривая вслух все столовые приборы и их назначение.

«Суровый был у вас учитель».

– Вы выглядите уставшим, – позволила себе замечание.

Я присела на краешек кресла напротив него, через стол. Руки на коленях, спина прямая, вежливая полуулыбка на лице. Не знаю, что со мной случилось, но почему-то после того,

как он сидел у моей кровати, когда я болела, и после всего прочитанного из пурпурного стеллажа я перестала видеть в нём только избранника богов. Безумно хотелось верить, что в нём помимо прочего есть и что-то человеческое.

– Да, я очень устал. Приехало посольство от северных соседей, как раз накануне праздника. Они из меня все жилы вытянули.

Александр взял кусок пирога с птицей, я налила ему чай.

– Спасибо, – было в этом простом королевском «спасибо» что-то, от чего стало жарко.

Я молча смотрела, как Его Величество завтракает. Потом он вытер руки салфеткой и, достав из внутреннего кармана камзола, положил между нами на стол веточку мяты. Целомудрие, тёплые чувства, чистота намерений. Что вы хотите мне сказать, Ваше Величество?

– Я тебя всё еще пугаю, – отметил он, склонив голову на бок.

– Немного, – честно ответила я, прикоснувшись кончиками пальцев к подарку.

– Понимаю. Я могу тебя попросить... об одолжении? Если хочешь, попросишь взамен что угодно.

Голос спокойный и ровный, но каким-то образом я почувствовала, что для него это очень важно.

– О каком же? – я склонила голову на бок.

– Снять щиты. И я уберу свои тоже. А потом тебе нужно будет просто сидеть рядом, этого должно быть достаточно.

– Для чего? – снимать щиты не хотелось.

Первый день без них мне пришлось очень тяжело, смогу ли я без подсказки восстановить всё, как было? И потом, без них Ему будут доступны самые сокровенные мысли.

Конечно, если он захочет, мои слабые щиты не станут помехой. С другой стороны, если бы не неожиданные способности, я бы и не знала о такой защите, ходила бы открытая, как все.

Я прикусила губу, раздумывая. А вдруг он увидит, как я о нём думаю вечерами? Но какое ему может быть дело до мыслей простой ученицы, когда вокруг него при дворе наверняка толпами ходят выгодные невесты? И наверняка их мысли намного смелее моих.

– Мне кажется... Думаю, это должно помочь мне справиться с напряжением последних дней. Было очень много работы, и я стал слишком вспыльчивым. Мне это не нравится, – нахмурился Его Величество.

Видеть его таким, уставшим, напряжённым, было странно. Он Король, всемогущий, непоколебимый, он не может уставать, как все! Захотелось помочь, хоть чем-то, чтобы эти тени на лице пусть немного, но отступили.

Было страшно открываться. Я утешила себя мыслью, что другие люди ведь живут безо всяких щитов и находятся рядом с Ним. Ничего, справлюсь. Это ведь не самая большая плата за его помощь. И ещё было приятно, что окончательное решение он оставил мне, не приказывал, но просил, со-

глашаясь принять мой отказ, если такой последует.

– Спасибо, – ответил Александр, когда я начала осторожно, слой за слоем, убирать щиты. Как снять их все разом, я просто не знала. Он протянул мне руки, положив их на стол ладонями вверх:

– Так тебе будет проще, я помогу.

Я робко коснулась пальцами его ладоней. Он опять без перчаток, кожа к коже.

«И что ты цепляешься за эти перчатки? При моём прадеде были популярны яды, которые было достаточно нанести на кожу, чтобы серьезно отравить. Поэтому он и издал этот указ. Но тебя он ни в коей мере не касается. Для тебя нет никаких правил. Ты уже поняла?..» .

«Что ты видишь во мне...» – я не смогла не то, что произнести, даже подумать «свою Истинную Половину Души». Но Он понял и кивнул.

«Да, поняла. Но я...».

«Не стоит, – он покачал головой и чуть сжал мои пальцы. – Я не буду ни торопить, ни принуждать, ни настаивать. Ты достойна того, чтобы самой сделать выбор. Я просто буду рядом».

«Боишься повторения истории Дональда Кровавого?».

«Когда плохо тебе, плохо и мне, помнишь?».

Я вздохнула. И не понять, что он имел ввиду. Мне, наконец, удалось снять последние щиты. Александр начал убирать свои, и я забыла, о чём хотела спросить.

Я теперь поняла, почему Он всегда носил щиты. Его самого, его мыслей вдруг стало очень много в комнате, словно он проник в каждый уголок. Но это присутствие не было неприятным. Скорее... Волнующим.

«Остальные ощущают тревогу», чуть улыбнулся Александр.

«В том углу комнаты у тебя в мыслях что-то колючее».

«Хм, действительно... Не поверишь – это желание отдохнуть и необходимость работы так перемешались. Сам бы я не заметил, спасибо».

«И что ты будешь с этим делать?».

«Надо как-то разрушить этот клубок, пока он не перерос в большую проблему».

«Я могу тебе как-то помочь?».

«Есть один вариант...».

Когда полчаса спустя леди Амалия постучала в дверь, мы с Александром были настолько поглощены происходящим, что не сразу услышали.

Я сидела на диване и вслух зачитывала замысловатую петицию от гильдии купцов. Канцелярский язык был мне чужд, поэтому Александр мысленно пояснял непонятные места и улыбался моему недоумению – ведь можно было написать гораздо проще!

Сам он лежал на диване, головой у меня на коленях, в полудрёме. Меня это поначалу безумно смущало, но потом я

увлеклась его пояснениями и позабыла, что должна волноваться. Наверное, на это Александр и рассчитывал, когда попросил пересесть с кресла к нему на диван. Объяснил, что так ему будет удобнее заглядывать в бумагу, если я где-то запнусь.

Сперва он просто сидел рядом. Одно это заставляло сердце биться чаще, к тому же, когда он водил пальцем по бумаге, показывая, где скрыт подвох, он словно невзначай касался моих пальцев. А его волосы порой щекотали шею, когда он наклонялся ниже, разглядывая мелкое письмо.

Александр зевал, глаза закрывались. В его мыслях, словно бы летавших по комнате, не было злого умысла. Он просто устал и очень хотел быть ближе. Меня это смущало, я сама не знала, что чувствую и думаю по этому поводу, но, если Он нуждался во мне, не могла же я его прогнать? В итоге я предложила ему прилечь. Король тихо, едва слышно попросил:

– Не уходи.

И столько мольбы было, что я не смогла возмутиться и встать, когда Он опустил голову мне на колени. Только залилась краской, казалось, до кончиков пальцев, и на миг задохнулась от возмущения и нежности. Я слышала Его мысли, в этом действии не было никакого иного смысла, и я смирилась.

Леди Амалии пришлось стучать повторно. Король стремительно встал и вернул щиты, прежде, чем отворилась

дверь, но ректор все равно нахмурилась и повела плечом, словно что-то её тревожит. Я встала сразу же вслед за Александром. Не положено сидеть, когда Его Величество на ногах.

– Прошу прощения, что отвлекаю, но мужчина внизу просил передать, что очень Вас ждет, – ректор присела в глубоком уважительном реверансе.

– Спасибо, леди, я уже ухожу. Леди Лира, – Король обернулся ко мне, тепло улыбаясь. – Вы сегодня мне очень помогли. Благодарю Вас. Надеюсь, в следующий раз вы позволите отплатить вам за эту услугу.

Я вспыхнула. Неужели Он думает, что я согласилась ему помочь из-за обещания ответной услуги?!

Но, поймав его насмешливый лукавый взгляд, поняла. Это было всего лишь завуалированное приглашение на следующую встречу. Неужели при дворе все разъясняются так замысловато и запутанно? Но отказать я не нашла в себе сил. Да и могла бы?

– Почту за честь, – я присела в реверансе, сердце гулко билось в груди, а ноги, казалось, вот-вот подогнуться. Почему встречи с Ним всегда такие волнительные?

«Буду очень ждать, душа моя».

Он ушёл, оставив меня с ректором в кабинете вдвоем. Щёки горели, я никак не могла вспомнить, как правильно дышать.

– Леди Лира, у вас дрожат пальцы. Присядьте. Вот, возь-

мите, чай с мятой. Очень помогает после сложных разговоров, – ректор протянула мне кружку с ароматным напитком. Уже из другого сервиза.

Всё, что было до этого на столе, исчезло, кроме моей вешалки для гербария. Она нетронутая лежала на краю стола, там, где я её оставила. Откуда взялся новый чайник и куда делось всё остальное, я не заметила, поглощенная мыслями.

– Спасибо.

Мы пили чай в молчании. Потом я поблагодарила леди Амалию за чай, спросила разрешения уйти и, получив его, отправилась в свою комнату за тетрадами. И только тут поняла, ЧТО я забыла сделать. Я забыла поставить щиты.

Леди Амалия постоянно носила щит, закрывающий её мысли от посторонних. Если прислушиваться, кажется, будто ректор ежеминутно думает о благополучии вверенного ей Института. А если специально не заглядывать в мысли, то ничего и не слышно.

Но в коридоре ходили люди. Вокруг сновали ученицы, проходили преподаватели, спешно пробегала прислуга. А ещё люди поднимались и спускались по лестницам, сидели в аудиториях. И я их всех слышала.

Это было иначе, чем в день моего приезда. Я уже не боялась. И, выйдя от леди Амалии, была так занята своими мыслями, что приняла окружающий шум за простые разговоры.

И только когда на краю сознания мелькнуло что-то скользкое, я очнулась. В первый миг растерялась. Потом отошла

в сторонку, к стене, чтобы никому не мешать, и попыталась отрешиться от чужих мыслей, чтобы вернуть на место щиты.

Но я слишком чётко слышала окружающих, и их было очень много. Удивительно, но чужие мысли не сливались в гул, как если бы все разом заговорили вслух. Нет, каждая мысль была отдельной, ясной, и все они ломались в моё сознание.

Я зажмурилась. Через минуту удалось поставить щит, отсеивающий глубинные мысли. Стало немного тише. Щит, отсеивающий текущие потребности – голод, жажду и прочие, – тоже получилось поднять, но с огромным усилием. Решив, что в безлюдном месте будет проще сосредоточиться, я поспешила в свою комнату.

От шума и ментальных усилий, как называл такие действия профессор Сардер, разболелась голова. В жилом корпусе почти никого не было – прислуга уже закончила работу, ученицы были на занятиях. В комнате стояла тишина.

Я присела на кровать, попыталась вспомнить схемы, которые мы чертили с профессором. В висках кольнуло болью. Я вздохнула и сделала еще одну попытку вернуть щиты.

Кажется, что-то получилось. Я налила воды из кувшина. Глотнула. Голова по-прежнему болела. Сидеть в комнате больше смысла не было, так или иначе надо было идти на занятия. И если я радовалась с утра, что сегодня только светские уроки – музицирование, пение, изящные манеры, танцы, – то теперь я бы предпочла решать задачи в тишине

класса.

Дойдя до учебного корпуса, я поняла, что головная боль сама не уйдет, и зашла в лекарский кабинет. Там помощница лекаря меня внимательно осмотрела, пощупала пульс, заглянула в глаза, горло, попросила показать язык, ощупала шею. А потом дала глотнуть жутко горькую вязкую микстуру.

– Головная боль должна уйти в течение часа. Если вдруг этого не случится, обязательно заходи ко мне, дам тебе другое лекарство.

Выдав ещё несколько общих рекомендаций в питании и поведении в ближайшие два дня, помощница лекаря меня, наконец, отпустила.

Я зашла в класс после звонка. Профессор Эрик, наш преподаватель изящных манер, уже начал урок. Он, как и пододбает, держал в руках сложенный веер.

Когда леди не может сама понять, в чём ошибка, учитель может кончиком веера отвести её локоть в сторону или приподнять подбородок. Никаких прикосновений на занятиях, кроме танцев, это неприемлемо.

Девушки стояли перед профессором полукругом и отрабатывали светские поклоны. Самое сложное в них – это движения кистями рук. Они должны двигаться легко, непринужденно, элегантно, а главное – не нарочито.

Я постаралась проскользнуть к ученицам незаметно. Заняв место с краю, я изобразила светский реверанс, приветствуя профессора и извиняясь за опоздание. Ксения вопро-

сительно подняла брови, стоя на другой стороне полукруга. Я на миг опустила ресницы, обещая рассказать позже.

Профессор Эрик кивнул мне в ответ, и я начала повторять упражнение следом за всеми.

– Леди, показываю еще раз. В поклоне не нужно горбиться, не опускайте плечи. Главное – наклон головы. Вот так. Да, леди Розалинда, именно так. Только не забывайте следить за руками. Зачем вы вцепились в юбку? Руки должны свободно порхать, демонстрируя ваше спокойствие и уверенность в себе. Леди Анника, чуть присогните колени. Леди, это был поклон – или вы пытались сесть на невидимый стул? Аккуратнее, леди, не забывайте держать плечи развернутыми, – голос профессора Эрика плыл по классу, и я улыбнулась.

Рядом с ним было уютно. И, хотя сегодня профессор взял веер неподходящего цвета, Эрик был безумно мил. Голова болеть перестала, но осталось неприятное давящее чувство. Я подозревала, что это из-за неправильно поставленных щитов, а значит, лекарства не помогут, пока я не верну всё, как было.

Во время занятия мои самостоятельно поставленные щиты держались и даже работали. Но нет-нет, да и мелькала чья-нибудь мысль, пробравшись сквозь бреши в щитах.

После занятия Ксания хотела было подойти ко мне, но профессор Эрик её опередил.

– Леди Лира, задержитесь на минуту.

Ксания кивнула в сторону двери, показывая, что подождёт

меня, и я поплыла к учительскому креслу. Никогда не смогла бы вести себя так просто, как Саня! Даже сейчас, с больной головой, я мягко семенила маленькими шагами, как подобает леди в помещении. Изобразила учтивый реверанс.

– Профессор Эрик...

– Леди Лира, у вас всё в порядке? Как вы себя чувствуете? Для вас не характерны опоздания.

– Спасибо, профессор. Меня задержал преподаватель из столицы, мы занимались у леди Амалии. Профессор Эрик...

– смутилась я, и опустила взгляд.

– Да? – в голосе профессор слышалось вежливое внимание.

«А она красивая...» – мелькнула случайно пробившаяся сквозь щиты мысль. Ой, это он про меня? Щёки опалило жаром. Я стиснула ткань юбки, напоминая себе, что не должна слышать чужих мыслей и не должна на них реагировать.

– Я хотела поблагодарить за ваш подарок, профессор. Спасибо за заботу, право, не стоило, – профессор тепло улыбнулся.

– Что вы, леди, это мне ничего не стоило. Но если вы захотите меня отблагодарить, то могли бы согласиться на прогулку. В парке Института, в первый ясный вечер.

И мне очень захотелось согласиться. Это не Король, который давит своим присутствием. Профессор Эрик был таким... домашним. И я присела в реверансе.

– Это очень мило с вашей стороны, профессор. Буду рада

сопровождать вас на прогулке.

На этом я вышла из кабинета и закрыла за собой дверь. Если не хочу опоздать ещё и на следующее занятие, надо поторопиться.

Саня ждала за дверью.

– У тебя всё в порядке? Ты пришла очень бледная, а сейчас пылаешь ярче камина!

– Саня, профессор Эрик пригласил меня на прогулку! – выдохнула я, спеша по коридору.

В висках стучало, но это не мешало мне судорожно думать, подобает ли мой поступок знатной леди. Я ведь согласилась на прогулку с мужчиной! Почти наедине! Это ужасно.

– Да ты что! – округлила глаза Саня. – Об этом же мечтает половина института! Повезло тебе. Только никому не рассказывай, Анника узнает, будет пакостить.

– А ты? Тоже мечтаешь о прогулке с профессором? – я смотрела подруге в глаза и ждала её ответа. Если будет нужно, попрошу профессора уделить это время ей.

– Ты что, – совершенно не подходящим для леди образом фыркнула Саня. – Он мне совсем не нравится.

– Почему? Он же очень милый! – я приподняла подбородок, чтобы не наступить на него, и стала подниматься по лестнице.

– Вот потому и не нравится, – вздохнула Саня. – Ты видела моего отца? Какой он? Косая сажень в плечах, и он спокойно может тащить по двору в каждой руке по быку! Когда

мы маленькими были, отец сажал нас со старшим братом на плечи. Меня на левое, брата на правое. Вот такого я хочу себе мужа.

Да уж. Уточнённый профессор не похож на идеал Сани даже издалека.

Голова беспокоила до самого вечера, но я не стала повторно обращаться к лекарю. Если щиты стоят неправильно, они так и будут давить, и лекарства тут не помогут. Я собиралась на следующий день, после занятий, посидеть в библиотеке, в секции для преподавателей, и в тишине попробовать проработать щиты.

На следующий день были обычные уроки. С утра математика, экономика сопредельных стран, управление помещьем и каллиграфия. А после обеда иностранные языки и дневные занятия самообороны с леди Викторией.

Со второго урока, экономики, меня вызвали к ректору. Я удивилась. Его Величество не стал бы приезжать так скоро, проблем с оценками или дисциплиной у меня не было. Что тогда?

Я постучала в дверь кабинета ректора и получила разрешение войти.

– Леди Амалия, – я присела в реверансе.

– Леди Лира, у меня для вас две новости, – сразу перешла к делу леди ректор. – Во-первых, ваш вчерашний гость и преподаватель просил передать извинения за вчерашнюю

оплошность и передал цветок. Надеюсь, вы знаете, о чём речь. Возьмите.

– Да, леди Амалия, – я снова присела в реверансе, соглашаясь со словами ректора. Подошла ближе к столу, и на миг мне показалось, что неправильно поставленные щиты повлияли на мой разум. Этого не может быть, Королевский Цветок в это время не цветёт! И он слишком дорог, чтобы срывать его и присылать мне!

И всё-таки на столе перед ректором, несомненно, лежал Королевский Цветок. Пурпурный, белый и зелёный цвета идеально сочетаются на нем. Девять лепестков, один чуть крупнее остальных, с белым пятнышком с обратной стороны. Соседний лепесток маленький, остальные почти одинаковые. Я не знала, что сказать, и леди Амалия поняла моё замешательство.

– Это первое. Вторая новость заключается в том, что к вам прибыл учитель.

Сердце пропустило удар, я резко обернулась. Неужели Он? Но нет, возле столика стоял профессор Сардер, в элегантном, но несколько старомодном коричневом костюме и тёмных перчатках.

Профессор улыбался, от чего от его глаз веерами разбежались морщинки. Аккуратная стриженная борода была чем-то напомажена в соответствии с модой, седые волосы, как и раньше, убраны в хвост. Я сдержала огорченный вздох и присела в реверансе, приветствуя профессора.

– Рад вас видеть, леди Лира. Вы похорошели с нашей последней встречи, – улыбнулся профессор. В его возрасте уже можно делать такие откровенные комплименты посторонним леди.

– Вы тоже, профессор, – я вернула любезность.

– Леди, я предлагаю пройти в библиотеку, там удобно заниматься. А по дороге вы расскажете мне, почему ваш покровитель так за вас волновался и непрерывно тёр виски, – добавил профессор, когда мы вышли в коридор, и подмигнул мне.

– Я не знаю, что вам сказать, профессор. Вчера мне пришлось снять все щиты и, похоже, поставить их обратно без вашей помощи не удастся, – я не стала отвечать про покровителя, а профессор не стал настаивать.

Мы шли по пустому коридору и потому не боялись, что разговор кто-то услышит. Все были на занятиях.

– Что же вы так неосмотрительно, – покачал головой профессор Сардер. – Но не беспокойтесь, мы мигом это исправим. Проблема во всех щитах или?..

– Я смогла восстановить нижние два уровня, а остальное почему-то не выходит, – вздохнула я и пропустила профессора перед собой в дверях библиотеки.

– А в каком порядке вы их ставите?

Следующие два часа мы с профессором потратили на разбор моих ошибок. В итоге я смогла вернуть щиты, как было раньше, и была этому несказанно рада. Профессора ждал

экипаж, и он уехал, как только закончилось наше занятие.

До вечера у меня не было возможности сходить в жилой корпус, поэтому убрать Королевский Цветок на засушивание я смогла только после занятий. Саня ахала и восхищалась подарком и его дарителем, а я улыбалась и отшучивалась.

Не могла же я сказать, что это извинения от самого Короля! Ведь это он попросил снять щиты, и ушёл, не проследив, чтобы я вернула их на место. Но и мне самой было неловко, что я забыла всё, чему учил меня профессор Сардер целое лето!

Глава 15. Прогулка

С профессором Эриком мы встретились на следующий день, после занятий. Погода была ясной и безветренной, но всё вокруг окутал первый настоящий морозец. Пока ещё недостаточно крепкий, чтобы заставить сидеть в помещении или кутать лицо на улице, но он не оставлял сомнений в том, что первый вестник зимы ходит по улицам и уже не допустит потеплений.

Я надела сапожки, подбитый мехом плащ, пушистую меховую шапку. На шею повязала подаренный Ксаниными родителями шарфик, благо, он как раз подошёл по цвету, а руки спрятала в муфточку в тон шапке.

Профессор встретил меня у дверей корпуса. Лицо Эрика озарилось улыбкой, когда он увидел меня. Профессор тут же подошел и предложил руку, чтобы я могла опереться, пока схожу со ступеней.

– Вы чудесно выглядите, леди. Румянец вам к лицу, – улыбнулся Эрик, бросая на меня восхищенный взгляд.

– Ну что вы, профессор, вы мне льстите, – ответила я, чувствуя, что названный румянец приливает к щекам.

– Я безумно рад, что вы согласились сопровождать меня сегодня на прогулке. Знаете, свежий воздух и ходьба полезны для здоровья. Поэтому я стараюсь каждый день обходить территорию Института, – несколько сумбурно начал профес-

сор.

– Территорию Института? Это же очень много! – я представила все постройки и пристройки, корпуса, сад, лесок с полянами и озером, да много чего ещё. Да я за целый день всё не обойду!

– Ну что вы, леди, – рассмеялся профессор. – Это сущие пустяки. Вот когда я ездил на восток...

Мы брели сперва по саду, потом – по краю леса, благоразумно не заходя дальше. Снег и лёд могут сыграть злую шутку с неосторожными путниками. Я слушала захватывающие истории.

О жителях восточных государств, которые ходят, привязав к ногам смешные скамеечки. О городе, стоящем на воде, и лодках, которые заменяют там лошадей. О чудесной башне, которая строится уже второе десятилетие и всё дальше тянется к небу. Говорят, это будет самое высокое строение, возникшее под рукой человека. Профессор Эрик много путешествовал, и его истории не знали конца.

Эрик бурно жестикулировал, позабыв о манерах, и иногда шёл спиной вперед, рассказывая какой-нибудь особо интересный случай. Я смеялась, охала на самых волнительных моментах, прижимала руки к груди или теребила шарфик.

Малиновый закат окрасил всё вокруг в розовые тона. Сейчас рано темнеет, а совсем скоро будут и вовсе короткие дни. Воздух искрился свежестью, какая бывает только в начале зимы. Под ногами хрустел пока тонкий слой снега.

В какой-то момент я поняла, что начинаю замерзать. Заметив это, Эрик покачал головой и предложил возвращаться к корпусам. Мне было жаль уходить, вечер вышел таким чудесным! Но мы всё же повернули обратно. Эрик стал говорить тише и спокойнее и пошёл рядом со мной, уже не забегая вперёд.

В сумерках я не заметила лёд на дорожке и поскользнулась. Я охнула и не успела ничего сообразить, как профессор Эрик очень ловко подхватил меня, не давая упасть. На миг наши лица оказались очень близко, я чувствовала его дыхание совсем рядом и могла разглядеть своё отражение в его глазах.

Не думала, что профессор силён, но его руки держали крепко, прижимая меня к мужчине. Эрик смотрел на мои губы. Моё сердце замерло, я боялась вдохнуть, чтобы не разрушить момент. Это длилось совсем недолго, и профессор отступил первым.

– Простите, леди. Вы в порядке? Это моя вина, сейчас не самое подходящее время для прогулок.

– Ну что вы, профессор. Всё замечательно, и я благодарна вам за этот вечер. Я узнала много нового, вы чудесный собеседник, – я опустила взгляд, понимая, что говорю лишнее, на грани приличия. Что со мной?

– Леди, вы мне льстите. И я прошу называть меня просто Эриком, а то чувствую себя стариком, слыша «профессор» или «лорд». Вы знаете, я лишь младший сын своего отца, и

я целиком посветил себя науке.

– Благодарю, Эрик. Мне очень приятно вас так называть. Тогда я для вас просто Лира. И я вас очень понимаю, я лишь одна из двух дочерей своей матери, и у моего отца три сына. Сложно жить в большой семье, – пожалала я плечами.

– Но родные всегда ими остаются, ближе них никого нет. Позвольте вашу руку, Лира. Я не прощу себе, если вы поскользнётесь вновь, – улыбнулся Эрик. И тут же нахмурился, едва коснувшись моих пальцев:

– Лира, у вас холодные руки. Что же вы молчите, что замерзли? Пойдёмте скорее.

Мы поспешили к корпусам. И как-то естественно и очень просто вышло, что Эрик стал греть мои руки. Сперва просто в ладонях, а потом и своим дыханием. Мужчина обнимал мои ладошки своими, наклонялся и, почти касаясь губами пальцев, делился теплом.

Ксания уже спала, когда я вернулась в комнату. Мы так долго гуляли? Действительно, за окном окончательно стемнело. Я тихонько переоделась в ночное платье, растёрла ноги разогревающей мазью, которую готовит лекарь и выдаёт всем ученицам. Как он не устаёт повторять, «болезнь предупредить проще, чем вылечить». Что же, я с этим согласна. Заболеть мне совсем не хотелось.

Завернувшись в одеяло, я думала о сегодняшней прогулке. И тот момент, когда Эрик подхватил меня, не позволив упасть... Что могло между нами произойти? Поцелуй? Хо-

тела ли я этого?

Сердце замирало, ожидая чего-то, но оно не могло подсказать, что будет правильным. Как жаль, что нет предмета, где учили бы, что делать в таких случаях. Увы, манеры и этикет не всегда помогают в жизни. Как я начала понимать, порой они становятся преградой. Или это правильно, и они огораживают нас от ошибок? С этой мыслью я и уснула.

Глава 16. Субботний бал

После Родительского дня я пообещала себе, что буду посещать субботние танцы. Тем более, это был не бал, не занятие, а развлечение для юных леди, чтобы ученицам было, где оттачивать мастерство и куда прикладывать силы.

Та же Анника всегда целую неделю готовилась к этому событию – подбирала украшения и макияж, причёску, оттачивала движения. На субботние танцы нам позволяли некоторые отклонения от ученической формы, это давало девушкам простор для рукоделия.

Съёмные банты и рюши, дополнительные верхние или нижние юбки, броши, шарфики, пояса, – всё это шло в ход, дабы выглядеть красиво и хоть немного отличаться от прочих учениц.

Я тоже не отставала от девушек. Как благородная леди, я могла себе позволить и даже обязана была иметь много украшений и разбираться в них. В Академии этому даже был посвящен специальный предмет. Правда, недолго, всего один год. Да и зачем больше, если благородные леди учатся этому с детства?

Я достала сундучок с украшениями и в задумчивости стала перебирать его содержимое. Дважды одеть одно и то же не получится. Это противоречит правилам придворного этикета, который в нас так упорно пестуют. Да, получается на-

кладно, зато учит быть изобретательными. Тем, кто не хочет думать и повторяется слишком часто, даже достаются замечания от преподавателей.

Пожалуй, сегодня надену вышитый съёмный воротничок и такие же манжеты, длинную нитку бус обвяжу вокруг пояса – получится красивый комплект. Больше не нужно, это всего лишь субботние танцы, а не полноценный бал. Да и выделяться на фоне других девушек не хочется, у той же Сани нет дорогих украшений.

В следующий раз бусы можно будет вплести в волосы, а по подолу платья пришить на скорую руку кружевную ленту. Если длины хватит, можно будет ещё рукава или пояс украсить. На третий раз красиво повяжу лёгкий шарфик, а дальше что-нибудь ещё придумаю.

Саня собиралась, весело болтая. Но, бросая взгляд в зеркало, хмурилась. Если спросить, ответит, что всё в порядке. Как же быть?

Я приподняла щиты. Вот в чём дело, эти бусы и браслет она уже надевала. А Розалинда наверняка заметит и не упустит случая съязвить. Змея подколотная!

– Саня, а как ты смотришь на то, чтобы меняться украшениями? У меня до конца года не хватит, а новые родители пришлют только весной, ко дню рождения, – вздохнула я, задумчиво поглаживая кружевную ленту. Хорошо, что я не успела её разрезать на манжеты!

– Не знаю даже. Лира, у тебя украшения хорошие, доро-

гие. А мои тебе не подойдут, – тайком вздохнула Саня. Ей хотелось согласиться, но она понимала, что обмен будет неравноценным.

– Почему не подойдут? У тебя и у твоей мамы прекрасный вкус, шарфик, который она мне подарила, просто чудесный. И потом, это же не королевский приём. Нам главное соблюсти условности, а стоимость и происхождение украшений не так важны, – подмигнула я подруге. – Смотри, у меня есть кружевная лента, на следующий бал я хотела пришить её к платью. А сегодня пусть будет у тебя!

– Но я не успею никуда её пришить, да и резать не хотелось бы, – Саня озадаченно смотрела на ленту в моих руках.

– И не надо ни пришивать, ни резать! Обернём ленту вокруг пояса и скрепим брошью или завяжем бантом, как лучше получится. Меня этому мама научила!

Через десять минут мы с подружкой были одеты. Я всё-таки отрезала небольшой кусочек ленты и сколола его брошкой на руке Сани. Получился симпатичный комплект из пояса и браслета. Глаза Сани сияли, и мне было приятно, что смогла помочь подруге.

– Лира, ты волшебница! – Саня крутилась перед зеркалом, весело улыбаясь. – Давай я тебе волосы помогу заколоть. Невеста старшего брата, вернее, теперь уже жена, научила такую оригинальную причёску делать!

Хихикая, мы представляли лицо Анники, когда она увидит нас с Саней. За сборами время пролетело незаметно, и

к открытию бала мы опоздали. Ну и ладно, сегодня главное – танцы!

Зал был полон народу. Преподаватели стояли в дверях и ходили среди танцующих, следя, чтобы ученицы и их гости соблюдали правила. А гостями сегодня, как и большинство субботних дней, были кадеты. Ребят привозили к открытию бала и увозили сразу после его окончания.

Кадетам не разрешалось уходить из бальной залы, не предупредив сопровождающих их учителей, потому я и не видела никого из них раньше. Ни в библиотеке, ни тем более в жилом корпусе гостям было нечего делать.

И если ученицы Института были одеты в бежевые, голубые, светло-зелёные и розовые платья, в зависимости от года обучения, то все кадеты носили тёмно-синие костюмы военного кроя и отличались только нашивками на рукавах и груди.

– Сань, ты знаешь, что эти нашивки означают? – шепнула я подруге.

– Даже не представляю, – так же шепотом ответила она, и мы хихикнули. Юноши старались, наряжались, а мы даже не можем оценить их усилия!

Конечно, в знаках отличия военных чинов мы обязаны разбираться, и это преподают в институте. Но в каждом учебном заведении были собственные знаки отличия – успешных учеников от отстающих, младших курсов от выпускных.

И нам специально никто не объяснял особенности формы других институтов, считая, что леди полезно потренировать навыки ведения беседы и попытаться выведать эту информацию. И наоборот, молодые люди, приходя сюда, тоже изначально ничего не знали о наших нарядах.

Это было вроде игры. Никто не хотел выдавать эту информацию в ответ на первый же вопрос. И парни, и девушки старательно уходили от ответов или отвечали так запутанно, что разобраться, где правда, а где шутка или бахвальство, становилось невозможно.

Ученики, добывшие необходимую информацию, не раскрывали её остальным, соблюдая негласное правило, поэтому, раз я только перевелась в Институт, была не в курсе значений формы кадетов. Подсматривать в чужих мыслях не хотелось. Это же безумно занимательно, попытаться узнать всё самой!

– Леди, вы чудесно выглядите. Разрешите вас пригласить на следующий круг? – к нам подошли два кадета. Один из них был шире в плечах, но чуть ниже, и он явно обращался к Сане. Похоже, они знакомы.

Второй юноша, высокий и более уточнённый, пригласил меня.

– Благодарю и с радостью принимаю ваше приглашение, – я присела в вежливом реверансе. Саня только фыркнула, глядя на мои поклоны, и тут же ушла под руку со своим кавалером.

Первый круг я протанцевала с высоким кадетом, который так и не представился. Я не стала напоминать ему об этом отступлении от правил, но и сама не назвала себя. На второй круг меня пригласил другой кадет, Григорий, который исполнил все предписания этикета. А третий круг достался Эрику.

Профессор, вопреки привычке, ничего не напутал в этот раз. Костюм был собран согласно канонам, обувь вычищена, а перчатки подходили костюму по тону. Профессор вёл в танце мягко и уверенно, придерживая кончиками пальцев. Деликатная улыбка не сходила с его губ. Против воли всплыли воспоминания о недавнем вечере, и я залилась краской.

– Вы чудесно выглядите, Лира, – тихо произнес профессор, раскручивая меня под рукой.

– Благодарю, профессор, – я отступила на шаг и поклонилась, чтобы вернуться обратно к партнёру.

– Леди, мне казалось, мы договорились, – лёгкий укор в голосе Эрика, и я принимаю его замечание.

– Прошу прощения, Эрик. Мне непривычно, – я улыбнулась, и профессор повел меня дальше в танце, держа за руку.

– Вы разобрались с той книгой? – поинтересовался Эрик.

– Благодаря вам, – ещё несколько шагов, и круг будет завершен.

– Леди, не желаете освежиться?

– Вы правы, Эрик, сок или лимонад были бы очень кстати.

Мы прошли к столику у стены. Служанка, дежурившая у столика, тут же поставила перед нами чистые бокалы и наполнила их wybranными напитками.

Пока длился следующий круг, мы с Эриком беседовали в сторонке. Профессор рассказал, что всерьез изучал всё, что связано с королевской семьёй, и даже писал об этом диссертацию. Потому и пригласили его работать в Королевский Институт.

Правда, ведёт он совершенно другую дисциплину, зато остаётся время для исследований. Я охала и задавала вопросы. Эрик предложил вместе заниматься в библиотеке, раз меня заинтересовал пурпурный стеллаж, и я согласилась.

– Профессор Эрик, не могли бы вы сменить меня у входа. У одной леди закружилась голова, я отведу её к лекарю, – профессор Джозеф возник неожиданно. В строгом костюме преподавателя, профессор выглядел утонченно. Он лишь украсил манжеты запонками и прицепил на уголки воротника цепочку с изумрудами по краям. По углам пряжки пояса тоже блестели камни.

– Конечно, профессор, – Эрик отдал бокал проходящему мимо слуге.

– Леди Лира, – Эрик поклонился мне, извиняясь, что вынужден оставить одну, и ушёл следом за профессором Джозефом.

Я стояла у стены с бокалом, изредка касаясь его края губами. Пить уже не хотелось, но это был повод отдохнуть от

танцев и привести мысли и чувства в порядок. И я безмерно удивилась, когда мой первый сегодняшний партнер, так и не назвавший своего имени, вновь нарушил правила.

– Леди, вы уже не первый круг стоите здесь, одна. Позвольте, я составлю вам компанию.

Я задохнулась от возмущения. Он следил за мной? Какая ему разница, с кем и как долго я нахожусь у напитков?

– Не позволяю, – холодно бросила я, поставила бокал на край столика и пошла прочь.

Танец уже начался, раньше следующего круга приглашенный ждать не приходится. Вот же настырный кадет! Теперь мне придётся искать другое оправдание до конца танца в том, что я не кружусь по залу. Идти к другому столику с напитками было бы странно, и я просто старалась отойти подальше от невоспитанного кадета.

Потом на глаза попалась балконная дверь. Почему бы и нет? Еще пара шагов, и дверь затворилась за моей спиной. В зале душно от большого скопления народа, и, пока не ударили сильные морозы, нам разрешают на минуту-две выходить на балкон.

У входа на скамеечке лежали пледы, чтобы желающие подышать свежим воздухом не застудились. Я послушно накинула один из них на плечи и отошла к перилам. Как чудесно! Ветра нет, и стоять совсем не холодно. Лёгкий мороз не даст снегу растаять, но и не люзует по-настоящему. Зимой, конечно, выйти на улицу без тёплой одежды будет проблемой.

В сумерках проглядывали неясные тени. По небу плыли серые облака, между которыми иногда блестели первые звёзды. Чудесный аромат предвкушения зимы настраивал на мечтательный лад. В праздник Середины Зимы, когда я была маленькой, мы с родными обменивались пожеланиями и подарками.

Было так здорово придумывать и аккуратно записывать на полосках бумаги добрые слова для родителей, каждого из братьев, сестрёнки. Потом полагалось пририсовать к буквам завитушки, разные для каждого члена семьи. Свернуть послание в трубочку, повязать лентой, подписать, для кого оно, и опустить в глубокое блюдо в центре обеденного стола.

После праздничного ужина отец доставал послания по одному, зачитывал их вслух. Хвалил за аккуратно написанные слова, яркую ленту на послании или интересные завитушки на буквах. И вручал подарок тому, для кого было написано послание. Самое интересное, что в этот день подарки получали даже слуги, все до одного. В доме все любили этот праздник. Как он пройдет в этом году?

Домой учениц не отпускают, слишком короткие праздники, леди просто не успеют доехать туда и вернуться. Зато в Институте будет большой бал. Девушки шепчутся, что, возможно, нам даже устроят салют. Это было бы чудесно! Яркие цветные всполохи на фоне ночного неба у меня всегда вызывали восторг. Интересно, кто из знати будет присутствовать?

– Леди, вы снова одна, – голос заставил обернуться. Ох,

опять этот кадет! Что ему от меня нужно? – Вы так некрасиво оставили меня. Я страдаю от вашего отказа.

– Я не нуждаюсь в обществе. Прошу, оставьте меня, – как можно твёрже произнесла я, заморожено глядя на приближающегося молодого человека.

С этого балкона только один выход, и он сейчас за спиной кадета. Можно попытаться его обойти... Не вышло. Стоило мне сделать шаг, как кадет тоже чуть сдвинулся и неприятно улыбнулся.

– Леди, куда же вы. Мы ещё не закончили нашу беседу, – чуть понизив голос, проворковал нежданный кавалер.

Я приоткрыла щиты, и тут же отшатнулась к перилам от отвращения. Пришлось на миг отвернуться и глубоко вздохнуть. Столько неприятного, грязного было в мыслях кадета.

Молодой человек где-то достал бутылку крепкого вина и много выпил ещё перед тем, как юношей повезли к нам. На балу он тоже брал только вино. Конечно, нам подают совсем лёгкое, да к тому же разбавленное вино, что сильно раздражает этого кадета. Но алкоголь уже ударил ему в голову.

Кадет воспользовался моим замешательством, и в пару шагов оказался рядом. Положил руки на перила по обе стороны от меня. Теперь, если я развернусь, мы окажемся лицом к лицу, совсем близко. Как неприятно!

– Что вы себе позволяете! Уйдите! – на моё возмущение кадет не обратил ни малейшего внимания.

В его мыслях царил пьяный сумбур, от которого меня му-

тило. Юноша твёрдо намеревался меня поцеловать, провести руками выше и ниже от талии, ослабить шнуровку, залезть под нижнее платье. Моё мнение его уже совершенно не интересовало. Ох!

Стало страшно. Я всего лишь девушка, и мои силы несоизмеримы с мощью тренированного кадета. Что я могу ему противопоставить, как защититься?

Все знания и навыки, полученные на утренних тренировках, позабылись от страха. Если в ближайшие две минуты никому из зала не захочется на свежий воздух, кадет начнет воплощать свой план в жизнь.

Я трепыхалась, как птица в клетке. Почти кричала, хотя понимала, что никто в зале не услышит. Слишком громкая музыка, слишком толстые стены и двери. И потом, что будет, если меня застанут в столь компрометирующей ситуации? Как бы я не оправдывалась, поползут слухи.

Кадету надоело моё сопротивление. Он поймал мои руки, силой развернул к себе и сделал шаг, напрочь убирая разделявшее нас расстояние. Я оказалась зажата между телом пьяного молодого мужчины и перилами.

Мелькнула мысль, что лучше прыгнуть вниз, чем позор. Только мне никто не позволит упасть. Кадет держал крепко.

– Ну что, кошечка, доигралась? – довольно проворковал кадет.

Я не знала, каких чувств во мне больше, страха или отвращения. Я вернула шиты на место, ибо не было сил слушать

этот кошмар.

– Да, ты действительно доигрался, – мужской голос не дал пьянице продолжить.

Через миг кадета отбросило в сторону, на холодный каменный пол. Кулак плавным движением опустился на лицо моего обидчика. Я отвернулась.

Судя по звукам, других ударов не последовало. Сделав несколько глубоких вздохов, я смогла поднять взгляд от каменных плит пола. Моим спасителем оказался Григорий, кроме нас троих никого на балконе не было.

– Леди, вы не пострадали? – Григорий подал мне руку и помог оторваться от перил, в которые я судорожно вцепилась.

– Спасибо, вы появились очень вовремя, – поняв, что могу стоять без посторонней помощи, я отступила на шаг от Григория и обхватила себя руками.

– Я рад этому. Увы, у моего сокурсника тяга к крепким напиткам и девушкам. Я обеспокоился, когда не нашёл приятеля в зале, и по какому-то наитию решил проверить балкон. Леди, пройдёте в зал, пока вы не простыли, – Григорий открыл передо мной дверь.

– Что будет с ним? – я кивнула на моего обидчика. Кадет стоял на балконе на четвереньках и держался за лицо. Кажется, у него был сломан нос.

– Я сообщу о случившемся сопровождающему преподавателю. Не беспокойтесь об этом, леди.

Григорий проводил меня к столу с напитками, попросил налить для меня вина и, извинившись, отошёл к одному из преподавателей, сопровождающих кадетов.

– Леди, я доложил о случившемся нашим наставникам. Вашего имени упоминать не стал, – Григорий вернулся через несколько минут. Благодаря вину я уже отогрелась, у меня перестали дрожать руки. И, обдумав случившееся, поняла, что виновата сама.

– Благодарю, вы меня спасли, – смущенно улыбнулась молодому человеку.

– Что вы, леди, это пустяк. Разрешите пригласить вас на танец?

Хотелось уйти в тишину библиотеки или в свою комнату, но я не могла отказать спасителю. Поэтому мы протанцевали круг, и, едва Григорий отвёл меня в сторону по окончании музыки, меня пригласил профессор Джозеф.

– Леди, вы чудесно танцуете, – легко улыбнулся мужчина. В молодости он, вероятно, был очень красив.

– Благодарю, профессор. Просто у меня здесь хорошие учителя, – я присела в поклоне согласно фигурам танца.

– Леди, позвольте спросить. У вас всё в порядке? – профессор смотрел серьёзно. Рассказать про кадета? Но Григорий уже доложил их сопровождающим, незачем добавлять беспокойства нашим преподавателям.

– Благодарю, профессор, всё в порядке. Но к чему такой вопрос? – это на грани вежливости, но по всем правилам я

имею право спросить – и получить ответ.

– Я заметил, что вы уходили на балкон и вернулись в волнении. Уже несколько леди я отвёл в лекарский кабинет, у них кружилась голова. Вам нужна помощь?

В этом вопросе прозвучало больше, чем просто предложение довести к лекарю. Я кивнула, показывая, что поняла профессора и принимаю его помощь.

– Спасибо, профессор, уже всё в порядке. В танцевальной зале очень душно, я выходила подышать свежим воздухом, – разговор шёл, как ни в чем не бывало.

Но это было в соответствии с правилами этикета и для любопытных ушей. Мы с профессором общались взглядами и жестами совсем о другом. Он предлагал поддержку и помощь, я говорила, что доверяю ему.

Эlegantный профессор вызывал у меня симпатию и глубокое уважение. И если будет сложно, я скорее приду за помощью к нему, нежели к ректору. Боюсь, что она не поймёт или осудит.

Музыка отзвучала, бал подходил к концу. Гости и хозяйева склонились в поклонах, отдавая дань вежливости. Осталось несколько минут, чтобы сказать недосказанное, найти потерянные между танцами перчатки и заколки, набросить пальто и шарфик.

Кадетов их преподаватели стали созывать во двор и строить в шеренги. Слуги готовили лошадей. Леди должны будут стоять на ступенях корпуса и махать платочками, провожая

гостей. Григорий остановил меня уже в дверях.

– Леди, вы позволите писать вам на неделе? – во взгляде молодого человека была мольба, и я не смогла отказать. Сегодня он меня спас от позора.

– Конечно, лорд, – я на миг склонила голову и поспешила вслед за остальными девушками – преподаватели уже начали на меня оглядываться, поторапливая.

В том, как уезжали гости, всё говорило об отработанном годами порядке и строгой дисциплине. Иначе как объяснить, что сборы не заняли и десяти минут, а ещё через пять двор был пуст. Девушек преподаватели проводили в спальный корпус, зорко следя, чтобы никто не отстал по дороге. Мало ли, вдруг за забором ждёт поклонник, отбившийся от кавалькады кадетов?

В комнате мы с Саней скинули пальто и обувь, и прямо в платьях повалились на кровати, хохоча. Да, танцы – это весело и увлекательно. Приятная усталость только добавляла настроения.

Расплетая прическу, я рассказала Сане о своем приключении на балконе. Теперь произошедшее не казалось чем-то ужасным. Просто забавный случай и романтическое спасение. Ксения ахала и восхищалась решительностью Григория, и поведала, что тоже переписывается с несколькими кадетами с разных курсов.

Я вздохнула свободнее. Раз это не запрещается, значит, ничего предосудительного я не делаю.

Следующим утром перед тренировкой я подошла к леди Виктории и попросила уделить мне немного времени. Условились встретиться в танцевальной зале в середине недели, после занятий. Мне хотелось попросить показать, как действовать в ситуациях вроде той, в которой я оказалась вчера.

Леди Виктория очень ловко уходила на тренировках из всех захватов. Вероятно, есть способы освободиться, если тебя прижали к перилам или стене?

В воскресенье занятий не было, после тренировки и завтрака я направилась в библиотеку, в секцию для преподавателей. Ещё в прошлый раз меня заинтересовали некоторые названия книг в пурпурном стеллаже. И, раз мне разрешили пользоваться библиотекой без ограничений и ректор, и Он, я могу изучить их в свободное время.

Увидев между полок Эрика, я не удивилась. И почти полдня мы с ним провели среди книг, разговаривая, смеясь и хмурясь, споря и рассуждая. Мы искали ответы, листая страницы, и порой наши пальцы соприкасались. Мои щёки пылали, то ли от близости Эрика, склонившегося рядом со мной над книгами, то ли от жара спора.

Никогда не думала, что политика может быть такой увлекательной темой.

Вторую половину выходного дня я провела с ученицами в музыкальном классе. Мы по очереди музицировали и пели,

занимались рукоделием, учили строфы к занятию красноречия. А по возвращению в комнату меня ожидала записка и букетик цветов. Служанка сказала, незнакомый мужчина у ворот просил передать мне.

В письме оказалось ни к чему не обязывающее сообщение от Григория и пожелание хорошей недели. Я написала ему вежливый ответ, поблагодарила за цветы. Служанка обещала передать вместе с остальными письмами в понедельник.

Оказывается, к нам приезжает курьер, забирающий всю корреспонденцию – и для родных, и знакомым в другие институты. Курьер отвозит основную массу писем в городское почтовое отделение, а в кадетский корпус едет сам. Леди ректор решила, что так будет лучше, чем снующие между институтами посыльные и слуги.

В понедельник, опять с посторонним посыльным, мне снова передали записку и цветы. И на следующий день. И так всю неделю. Я отправляла ответы только с курьером от института, дважды в неделю. Мне показалась неприличной назойливость Григория. Да, он мне помог, и не стал называть моё имя перед преподавателями. Но это было уже чересчур. И потом, цветы в это время года очень дороги!

На встречу с Королём я шла в смешанных чувствах. Казалось, Его Величество не одобрит моё общение и танцы с кадетами, да ещё и занятия с Эриком в библиотеке. Ректор встретила меня в дверях кабинета и, провернув за моей спи-

ной ключ, сразу ушла. Я склонилась в предельно вежливом реверансе перед сидящим на диване Его Величеством.

– Ты напряжена. Опять боишься меня? – голос Александра звучал ровно.

– Не вас, Ваше Величество. Но Вашей реакции на мои поступки, – честно ответила я.

Юлить смысла нет, сквозь мои щиты смог бы смотреть и ребёнок. А Король ребёнком не был. Властный, гордый, красивый мужчина.

– Полагаю, вы не оставили меня здесь без соглядатаев, и знаете обо всём и без моих слов.

Я не поднимала взгляда от пола, будучи уверенной, что меня отчитают, и за поступки, и за дерзкий ответ. И сильно удивилась, когда Его Величество ласково улыбнулся и пригласил присесть.

– Душа моя, я тебя ни в чём не виню. Ты вольна поступать на своё усмотрение, я доверяю тебе. И потом, во дворце вокруг всегда будет множество лиц. Многие из них красивее меня, некоторые умнее и хитрее. Я не могу посадить тебя в золотую клетку и запретить общаться с людьми. Потому надеюсь на твоё благоразумие, душа моя. А что до случая на балу... Позволишь?

Александр положил руки на стол, ладонями вверх. Я облегченно выдохнула. Села напротив него в кресло, расправила юбки и осторожно дотронулась кончиками пальцев до Его ладоней.

Я понимала, что от меня ждут. Опустить щиты, кроме, может, самого последнего, укрывающего глубинные мысли, помыслы и желания. И думать о произошедшем на балконе. Но я начала раньше, с первого танца, когда незнакомый кадет подошёл ко мне впервые. Александр одобряюще кивнул.

Через несколько минут Его Величество убрал руки, всё с той же нежной улыбкой глядя на меня. Это смущало и заставляло сердце биться чаще. Почему он обратил на меня внимание, я же самая обычная, и вокруг Него много девушек красивее и умнее меня. Король стал чуть серьезнее.

– Знаешь, в чем твоя ошибка, душа моя? – поинтересовался он, чуть склонив голову.

– В том, что ушла одна, никого не предупредив? – если бы я не совершила этот шаг, у пьяного кадета не было бы возможности застать меня одну.

– Нет, душа моя. Порой в жизни случается так, что неприятности приходят сами, и даже нет необходимости давать им на это шанс. Твоя ошибка в том, что ты боишься делать людям больно. Боишься защищаться. Даже знай ты способы, как вывернуться из захвата, решилась бы их применить?

Я молчала, обдумывая слова Его Величества. Он продолжал.

– Вам уже наверняка объясняли самые простые и действенные приёмы. Глаза, шея, а у мужчин еще и пах. Ты ведь могла ударить в любое из этих мест и успела бы выбежать обратно в зал. Почему не стала?

Этот вопрос требовал ответа.

– Не решилась, Ваше Величество, – я не поднимала глаз от чуть шероховатой поверхности стола. Он был прав. Но поднять руку на другого человека, пусть даже ради защиты, это страшно.

– Тебе необходимо быть решительной в такие моменты. Для твоей безопасности.

Он вздохнул, коротко побарабанил пальцами по столешнице и позвонил в стоящий тут же колокольчик. Через минуту дверь распахнулась, и на пороге появилась ректор.

– Вы что-то хотели, Ваше Величество? – леди присела в вежливом реверансе.

Мне стало неудобно – я, простая ученица, сижу в Его присутствии, а леди ректор вынуждена чувствовать себя гостьей в собственном кабинете.

– Вы не могли бы пригласить профессора Олрида и его ассистентку, леди Викторию? – вежливая просьба, за который скрыт приказ.

– Конечно, Ваше Величество, – ректор вновь присела в реверансе и вышла.

В дверях повернулся ключ, чтобы снующие по коридорам ученицы и слуги не побеспокоили нас. Рядом с колокольчиком, на столе, лежал дубликат ключа, чтобы при желании Его Величество мог выйти.

Мы ждали в молчании. Я исподволь разглядывала Его Величество. Мужественное лицо, сильные руки с мозолями от

меча, широкие плечи. Легкая полуулыбка озаряла лицо, когда Его взгляд падал на меня.

В дверь постучали. Щёлкнул замок, леди ректор впустила профессора Олрида и леди Викторию и закрыла за их спинами дверь. Я заволновалась. Его Величество не надел маску!

– Добрый день, Ваше Величество, – профессор Олрид улыбнулся и склонился в придворном поклоне. Так он знает?

«Конечно, знает, Олрид один из моих людей. Ты же не думаешь, что я мог оставить дочерей высшей аристократии без присмотра и защиты?» – насмешливая мысль заставила щеки на миг залиться краской.

Нет, конечно, я так не думала, но почему-то не подозревала, что доверенным лицом может быть профессор Олрид. Одним из доверенных лиц. Я чуть развернула стул, чтобы видеть профессора, но не поворачиваться спиной к Его Величеству. Это было бы невежливо.

Я по-новому посмотрела на профессора Олрида. Доверенное лицо Его Величества, которому поручено приглядывать за детьми аристократов. Причём не просто молодыми франтами, но теми, кто отмечен высочайшим вниманием за их ум и заслуги. Теми, кто в будущем встанет на ключевые позиции. Такое доверие тяжело заслужить.

Леди Виктория тихо ойкнула и присела в полагающемся реверансе.

«А вот она меня в лицо не знала. С твоей подачи я оказал девушке высшую милость» – чуть улыбнулся в мыслях Ко-

роль. А вслух же сказал:

– Приветствую. Можете рассказать об успехах этой леди? – он легко повёл рукой в мою сторону, а меня чем-то смутил его тон.

«Вот видишь, ты меня уже понимаешь. Не волнуйся, я справлюсь. Давай послушаем, что расскажут твои преподаватели. И не вздумай вставать».

С чем справится? Непонятно. И снова Король видел меня насквозь. Его милостью я сидела на стуле напротив Него, через столик, теперь немного повернувшись. А профессору и его помощнице Его Величество не предложил сесть. Это заставляло меня чувствовать себя неудобно. Чем я лучше них?

«Эх, другая девушка бы радовалась оказанной чести, а ты только беспокоишься. Прекращай. Это так, потому что я так решил. Давай послушаем», – попенял мне Его Величество, но тон был ласковым, немного насмешливым.

– Леди с моего возвращения прилежно посещает утренние тренировки, и для человека, который занимается всего пару месяцев, делает успехи. Дневные занятия не пропускает, – профессор покосился на леди Викторию, но та не смела поднять взгляда. – Моя ассистентка хвалила леди Лиру за сообразительность и аккуратность.

Мои щеки зарделись от похвалы.

– Понятно. Могу я попросить вас об одолжении? – голос Короля звучал ровно.

– Конечно, Ваше Величество. Сделаю всё, что в моих си-

лах, – брови профессора удивленно поползли вверх. Он отвесил упрощенный вариант вежливого поклона. Вероятно, знает Короля давно, раз может себе такое позволить.

– Я прошу вас позаниматься с леди Лирой индивидуально. К концу года леди должна уметь постоять за себя и не бояться защищаться, – я бросила взгляд на Короля. Разве возможно этого достичь за год?

«Никто не заставит тебя сражаться против пятерых, душа моя. Хотя с нашим даром это не должно быть для тебя проблемой. Я лишь хочу, чтобы ты могла выходить из ситуаций, подобных недавней, без посторонней помощи. К тому же, ты сама обратилась к леди Виктории с подобной просьбой, за это хвалю, умница».

Что ж, если на то воля Короля, постараюсь оправдать оказанное доверие. Он прав.

– Как скажете, Ваше Величество. Мы научим леди всему, что возможно за такой срок, – серьезно ответил профессор и окинул меня внимательным взглядом.

– Спасибо. Можете идти, – Король коротко позвонил в колокольчик, и тут же в замке повернулся ключ, словно того и ждали. Профессор и леди Виктория поклонились и ушли. Нас снова заперли.

– Ты молодец, – посмотрел на меня Король. – Но этого недостаточно, поэтому прошу, постарайся, – Он легко улыбнулся. – Ты хотела что-то спросить по Королевской династии? – Александр откинулся назад и положил одну руку на

спинку дивана. Такой простой жест сразу превратил его из Короля в моего спасителя, Александра. Я чуть расслабилась.

– Да, в книге за авторством Алисия Дубного про северную кампанию Вашего деда приводились возможные причины такого решения. И мы с профессором Эриком не сошлись во мнениях относительно третьего пункта. Там говорилось...

Следующие полчаса прошли в лёгкой неторопливой беседе. Александр улыбался и отвечал на мои вопросы, давал интересные пояснения. Под конец встречи похвалил за любознательность и посоветовал ещё одну книгу.

Я уходила из кабинета с лёгким сердцем. Меня не собираются ограничивать в круге общения, как я того боялась. Более того, Александр, напротив, поощряет работу в библиотеке и танцы. Вот только мне показалось, или при упоминании Эрика Его Величество скрипнул зубами?

С этой встречи я унесла цветочек незабудки. Идя по коридору, бросила взгляд в окно. Двор робко присыпан снегом, голые деревья качают ветками на ветру. И откуда Он берёт цветы? Хотя, что это я, из Королевского Зимнего сада, конечно. Про этот чудесный уголок ходят слухи и легенды. Значит, он действительно цветёт и зеленеет круглый год?

Король

Стук в дверь стал настойчивее. Я стоял посреди разгромленного кабинета и медленно обводил взглядом помещение.

Опрокинутый шкаф. Перевернутый массивный письменный стол с треснутой столешницей погребён под грудой бумаг, щепок и непонятных обломков. Карниз повис на последнем гвозде. Портьеры на окнах порваны в клочья. Столик в углу печально покосился на трёх ножках. Гобелены на стенах свисают жалкими лоскутами.

Повсюду порванные бумаги, книги, осколки и обломки. Канцелярия долго будет восстанавливать документы.

Что эта девчонка со мной делает! Перед внутренним взором поплыли воспоминания сегодняшнего дня.

... Я с нежностью смотрел, как Лира неуверенно дотронулась своими тонкими пальчиками до моих ладоней. Мне уже доложили, что произошло на балу и как всё закончилось.

Виновные, которые не справились с обязанностями по охране моей леди, были наказаны. Уверен, такое больше не повторится. Про профессора Эрика, с которым Лира занималась в библиотеке, я тоже знал. Поэтому не опасался своей реакции на то, что я увижу в этой прелестной головке. Душа моя зря беспокоится.

Картина, разворачивающаяся перед моим внутренним

взором, заставила меня сдерживать злобное рычание. Пьяный кадет, прижав к перилам балкона хрупкую фигурку девушки, резко разворачивает её к себе лицом, и она отворачивается, отклоняясь назад, с выражением брезгливости и омерзения на лице.

Если бы не боязнь напугать мою леди, мне не удалось бы проглотить звуки, kloкотавшие в горле. Стиснул зубы изо всех сил, сдерживаясь. Не ожидал, что так трудно будет справиться с эмоциями, когда увижу всё своими глазами!

Как же вовремя там появился этот юноша, Григорий. Теперь главное, чтоб не слишком настойчиво ждал благодарности в ответ. За этим понаблюдают надежные поверенные. Им приказано ни во что пока не вмешиваться, только докладывать регулярно.

В мыслях моей птички проскользнуло другое воспоминание, и я ухватился за него, доставая на поверхность. Библиотека. За столом сидят Лира и Эрик, о чём-то спорят и листают по очереди книгу. Пальцы профессора, словно невзначай, касаются ладони моей малышки.

Её щеки вспыхивают красным румянцем смущения. Такая маленькая, наивная птичка, она опустила голову и не понимает, КАК смотрит на мою девочку этот Эрик.

В сердце воткнулась горсть мелких, колючих и болезненных иголок. И я не удержался, заглянул чуть глубже в воспоминания моей любимой... Я должен знать об этом профессоре!

О боги! Она была с ним на свидании! А мне доложили о невинной прогулке. Вот Эрик подхватывает поскользнувшуюся Лиру и крепко прижимает к себе, не торопясь отпустить... Всё внутри меня затопило леденящим холодом.

Я убрал руки со стола и как можно ласковей улыбнулся моей милой. Все чувства замерли, в груди медленно ворочался большой кусок льда с острыми краями. Он цеплялся за натянутые нервы и постепенно, друг за другом, они лопались с ноющей болью, заставляя сдерживаться и говорить с ещё большим спокойствием и нежностью.

Моя юная и неопытная девочка, как же я волнуюсь за тебя!

«Что с ним?» – поймал я мысль Лиры.

«Вот видишь, ты меня уже понимаешь. Не волнуйся, я справлюсь. Давай послушаем, что расскажут твои преподаватели. И не вздумай вставать».

Мне удалось продержаться всю встречу, ничем не выдав своей боли, ни словом не проговорившись моей половинке. Беседа с профессором Олридом и с его ассистенткой прошла как в тумане, нарастающая рана в душе мешала сознанию сосредоточиться на происходящем и проясниться. Кажется, Лира ничего не заметила. Лишь в конце, при упоминании профессора Эрика, я, из последних сил сдерживаясь, отчетливо скрипнул зубами. Услышала?

Оказавшись в своем кабинете, я тяжело опустился в кресло за большим письменным столом. По дороге сюда

мне казалось, что успокоился. Но сейчас, наедине с собой, невольно стал вспоминать всё показанное без утайки моей малышкой.

Когда на балконе появился пьяный кадет, моё сердце пропустило удар. Как же мне страшно, что с ней что-нибудь может случиться, и она окажется в беде! Хочется схватить и увезти её к себе, спрятать ото всех, закрыть под множество надёжных замков и беречь, как самое дорогое в мире сокровище!

Сердце заныло сильнее. Оказывается, боль не прошла, просто притупилась, и я перестал её замечать, привыкнув. Как же ещё невыносимо долго ждать того дня, когда мы сможем быть вместе! Перед глазами, очень реально, возникло её лицо. Такое нежно любимое и дорогое.

Я мысленно дотронулся губами до её виска, потом обнял и стал покрывать легкими поцелуями глаза, носик, шею... Нет, нет. Довольно. Даже в мечтах пока нельзя позволять себе большего, иначе ожидание станет совсем бесконечным.

Неожиданно память показала картину, где профессор Эрик держит в объятьях мою любимую. Внутри плеснуло горячей лавой и опалило огнём. Ожоги на коже по сравнению с этим незаметный пустяк. Я встал, обошёл стол и, подняв кисти рук к своему лицу обнаружил, что они сильно дрожат.

Проклятый профессор! Он позволил себе больше, чем я могу сделать, оберегая мою птичку и боясь спугнуть! Я не

хочу повторения судьбы Дональда Крாவого, который силой принудил супругу к браку, но как же я его сейчас понимаю!

В груди у меня уже бушевал хищный и страшный зверь. Это он изрыгал горящую лаву, испепелял огнем и рвал огромными когтями душу и сердце. Боль стала невыносимой. Не выдержав, я зарычал, схватил со стола красную нефритовую статуэтку и изо всех сил швырнул её об стену.

Прочный камень брызнул осколками, и то, что накопилось и мучило меня, вырвалось наружу. Я ломал и крушил все, что попадалось под руку, звуки, вырывавшиеся из горла, слышались мне как со стороны. Ярость затмила сознание и я перестал осознавать происходящее...

Я подошёл к перекошенному столику, с тихим рыком поднял его над головой и швырнул через всю комнату. Лира, моя девочка, душа моя. Я глубоко вздохнул, успокаиваясь. Какая она ещё наивная.

Стук повторился. Уже час дворцовый распорядитель, прислуга и стайка придворных пытаются до меня достучаться или хотя бы получить внятный ответ. И что я им скажу? Что я... ревную?! Кресло с жалобным треском врезалось в стену. Ну вот. Больше нечего крушить.

Хм, в ход пошло тяжелое вооружение – за дверью появился Эдвард. Если бы придворные знали, что он не просто придворный клеврет, который носит для меня бумаги из канцелярии... Но раз додумались позвать его, личного секретаря,

напугал я свиту не на шутку.

Ах, Лира, душа моя, как же мне с тобой сложно. Как же ты больно бьёшь, сама не зная об этом. Я собрался с мыслями и твёрдый шагом направился к двери. Уверенно распахнул створки, дабы лицезреть обеспокоенные лица моей свиты и придворной челяди.

– До завтра всё прибрать, – бросил я, ни на кого не глядя, и пошёл прочь. Сейчас в покои, переодеться, и хорошо бы зайти в конюшню. Ворон, верный конь, всегда действует на меня умиротворяюще.

Я закрыл дверь покоев и направился к шкафу. Через минуту в комнату проскользнул Эдвард. Через тайную дверь, дабы придворные не узнали о нашей дружбе.

Интересно, долго ли ещё мы сможем скрывать, что он подменяет меня на обедах? Благо под маской лица почти не видно, а телосложение у нас похожее, костюм маскирует всё остальное. Тренируемся, опять же, вместе, все мои жесты он копирует так, что не отличить. Ближайшие доверенные лица знают, конечно. Но мы ходим по острию с этой затеей.

– Ты что это делаешь? – зашипел Эд не хуже гадюки. Только другу позволено меня отчитывать. Это полезно порой, не позволяет провалиться в манию величия окончательно.

– А что такое? – ровно поинтересовался я, решая, что же выбрать. Костюм для верховой езды или сразу наряд к ужину?

– Что такое?! Ты разгромил свой кабинет, час не отзывал-

ся и заставил переволноваться весь двор. Теперь пойдут слухи о твоём состоянии. Что на тебя нашло?

– Слухи меня не интересуют. Ты же знаешь, безумие мне уже не грозит.

Наверное, Эд что-то уловил в моем голосе, потому как в следующий миг спросил:

– Это из-за неё, да?

Пока я раздумывал над ответом, Эдвард помог мне снять рубашку и сел в кресло, всем своим видом показывая, что готов выслушать. Я вздохнул, застегивая пуговицы на блузе к вечернему выходу.

– Да, – весь мой ответ.

На конюшню уже не успеваю, пропускать вечернюю трапезу сегодня нельзя. На ужине будет присутствовать посол от северных соседей. У нас не очень хорошие отношения с государством, но с послом мы ладим. Не хотелось бы, чтобы его заменили.

– Она что-то натворила? Отказалась? Шантажирует? – взгляд друга стал острым. Он за меня пойдет пешком по дну морскому. Я покачал головой, умеряя его пыл.

– Не смей плохо о ней думать. Я просто ревную, – тяжкий вздох вторил моим словам. Жаль, не могу быть рядом с ней постоянно.

– Уф, ну ты меня напугал, – Эд чуть расслабился и свободнее сел в кресле. – Нужен совет придворного сердцеда? – похабно подмигнул этот охальник.

– Как-нибудь обойдусь без твоих советов. Ты не знаешь, Тимофей уже расстался с Луизой? – я завязывал галстук перед зеркалом и покосился на отражение Эда.

– Как неудобно, Ваше Величество, вы отстали от жизни. После Луизы уже была Маргарита. А сейчас он ухаживает за Анитой. Она пока держится, но, думаю, через пару дней сдаст позиции, – отчитался мой двойник. Отлично, значит, посягательств этих трёх леди на мою скромную персону в ближайшее время можно не ожидать.

Меня же кольнула зависть. Когда ещё я смогу быть со своей маленькой леди? Я пробовал сбрасывать напряжение с придворными дамами, благо, они сами рады моему высочайшему вниманию. Вот только обнаружилось, что они перестали меня интересовать.

Я смотрю на пёстрых придворных красоток, и представляю, как бы Лира выглядела в подобных богатых платьях. Леди присаживаются в поклонах, выгодно демонстрируя декольте. У меня же мысли о том, что у моей малышки кожа белее и нежнее.

Эдвард теперь незлобно надо мной подшучивает и выполняет программу ухаживаний за нас двоих, а Тимофей, мой шут, разгоняет особо ретивых леди. Мне же остается лишь мечтать о времени, когда мы сможем быть с моей душой вместе.

– Ладно, заканчивай с лирикой. Что у нас с северными соседями? На наше предложение уже пришёл ответ?

Ли́ра

Несмотря на то, что от Короля за бал и посиделки в библиотеке не поступило никаких санкций, они не прошли для меня без последствий. Некоторые леди успели заметить интерес профессора ко мне.

Анника оказалась поклонницей Эрика, и, отчаявшись привлечь его внимание, стала мне пакостить. То в столовой, проходя мимо, уронит стакан с компотом на платье, то «нечаянно» толкнёт в коридоре. Опрокинутые на тетради чернильницы, булавки на стуле, пропавший из холла зонтик, нашедшийся потом в одной из кладовых, – в ход шло всё, что хоть как-то могло доставить мне неудобство.

– Ты почему всё это терпишь? Надо обратиться к леди Амалии, пока ты серьёзно не пострадала! – шипела на меня Саня вечерами. Я лишь пожимала плечами в ответ.

– Сань, мы не можем доказать, что компот перевернулся не случайно, а зонтик спрятала именно Анника. Она просто заявит, что мы её очерняем. Сама знаешь, она из богатой известной семьи, и нам это так просто не простят. Хочешь, чтобы из-за мелких пакостей наши семьи вступили в серьёзный спор?

Это было действительно так. Да, я слышала мысли Анники, и знала, что доставляет мне проблемы именно она. Её мысли я слушала при каждой встрече, и это помогало не са-

даться на стул с булавкой или пакетиком чернил, вшитыми в мягкое сиденье. Но ведь мне было запрещено говорить о своём даре. И я не Король, моего слова будет мало для обвинений. Приходилось терпеть.

Радовало только то, что с Анникой мы редко пересекались на занятиях, а свободного времени, когда она могла бы меня подкараулить для очередной пакости, у меня просто не было. Профессор Олрид и леди Виктория каждый день час или два занимались со мной, как того пожелал Король. Мазь от ушибов и ноющих мышц тратилась в больших количествах, и помощница лекаря стала выдавать мне по две баночки сразу.

Основные и дополнительные предметы, трижды в неделю уроки танцев, обсуждения с Эриком в библиотеке вопросов политики и королевской династии. Всё это отнимало уйму времени. К своему удивлению, я поняла, что мне это нравится. В библиотеке к нам почти всегда присоединялся профессор Джозеф, и тогда беседа становилась более степенной и серьёзной.

Следующая встреча с Королём началась с того, что Его Величество попросил леди Амалию не уходить. Леди ректор немного удивилась, но кивнула и села разбирать бумаги. Леди не поднимала глаз от счетов и отчётов, мы же с Его Величеством весь час общались исключительно мысленно.

«Радость моя, снимай верхние щиты, они будут мешать.

Сегодня ты будешь учиться слышать мысли леди Амалии», – известил меня Король, удобно устраиваясь на диване. Я, как обычно, присела на краешек стула. От подобного обращения быстро забило сердце и щёки залил румянец.

«Но она же постоянно держит щиты, я не могу её слышать», – озадаченно ответила я. Почему-то при общении мыслями так легко было забыть условности и ограничения. И присутствие леди ректора не смущало, она ведь не слышит нашего разговора. А я вела беседу не со строгим Королем, я общалась с Александром.

«Душа моя, сквозь любые щиты, которые ставлю я, ты можешь слышать. Возможно, не сразу, но это придёт», – Александр не сводил с меня взгляда, и от этого становилось неуютно, волнительно.

«А зачем вообще ставить щиты, ведь слышать мысли может только сам Король?» – эта мысль мелькнула в моей голове прежде, чем я успела её остановить. Сперва следовало спросить разрешения на подобный вопрос и подумать как следует. Ведь раз смогла слышать мысли я, то, вероятно, могут и другие. Всё это тоже пронеслось в моих мыслях, и я смутилась. Но Король ответил серьезно.

«Это правильный вопрос, душа моя. Я ставлю щиты своим доверенным лицам, потому как есть люди, умеющие слышать чужие мысли, и помимо меня. И не все они мои верные подданные», – от этой новости я удивлено вскинула взгляд, и Александр поднял руку, предупреждая вопросы. – «Конеч-

но, слышать все, даже самые глубинные мысли и помыслы, о которых порой даже сам человек не подозревает, могут не все. Насколько мне известно, такие способности есть только у нашей Королевской династии. Мои шпионы отслеживают ситуацию в других странах, пока настолько сильных менталистов им не встречалось. Но есть люди, которым доступны верхние уровни мыслей. К примеру, леди Амалия чувствует настроение, самочувствие, текущие потребности окружающих людей. На её должности это очень полезный навык. А мои шпионы способны считывать текущий внутренний диалог, обрывки образов, о которых человек думает в данный момент. Начальник моей личной охраны ощущает намерения людей, и это помогает ему понять, с какой стороны придёт следующий удар. Если он приложит усилия, верхний диалог он тоже услышит, но потом будет мучиться головной болью», – Александр замолк, давая мне возможность осмыслить информацию.

Взял яблоко из вазы на столике, лежащий тут же ножичек и стал маленькими дольками резать фрукт и сразу отправлять их в рот. Кусать фрукты неприлично, а твёрдые, вроде яблока, резать ножом и вилкой не всегда удобно. Потому в салонах допускаются подобные варианты.

«Вы...».

«Ты, мы это уже обсуждали. Мысленно только так», – резко перебил меня Александр.

«Прости. Ты сказал, есть люди, способные слышать мыс-

ли, среди твоих недоброжелателей», – несколько криво уточнила я, но меня поняли.

«К примеру, иностранные шпионы и послы, или просто сторонники людей, жаждущих смены власти. Таких великое множество. Поэтому всем людям, имеющим так или иначе отношение к государственным тайнам, я лично ставлю щиты. У этих блоков есть ещё одно свойство, о котором я никому никогда не говорю. Люди, носящие такой щит, не смогут ни написать, ни рассказать никому постороннему о государственных делах. Но при любой попытке, при малейшем желании поведать о тайных вопросах, на щите появляется метка. При встрече я отслеживаю таких людей. Их отстраняют от должности и высылают, если попытка была случайной. Или начинают следствие, если выдать секреты хотели добровольно», – я отогнала от себя мысль, что случается с предателями по окончании расследования.

«Я поняла. И ты просишь, чтобы я училась смотреть сквозь твои щиты?».

«Да. Я считаю, что так нужно. Сейчас сосредоточься. Есть щиты разной конструкции. Например, можно привязать защиту к чему-то важному, что всегда присутствует в сознании человека. Это может быть воинский устав у прилежного солдата, забота о детях у матери», – Его Величество смотрел строго, но с затаенной нежностью в глубине глаз. Или мне это только казалось?

«Или, как у леди Амалии, беспокойство о благополучии

Института?» – я бросила быстрый взгляд на склонившуюся над бумагами леди.

«Всё верно. В таких случаях тебе нужно...».

Через какое-то время мне удалось услышать настоящие мысли леди Амалии. Правда, я не сразу поняла, что справилась: леди думала о бюджете расходов на следующую неделю, об успеваемости учениц и волновалась за здоровье девушек и преподавателей. Я улыбнулась. Слушать сквозь такие щиты требует усилий, но, если потренируюсь, то справлюсь.

«Молодец», – и столько гордости и тепла было в голове Александра, что я зарделась.

Мы немного мысленно побеседовали о рекомендованной Его Величеством книге. Александр скрипнул зубами, услышав, что я обсуждала написанное с Эриком и профессором Джозефом, но их слова подтвердил и пояснил несколько непонятных для меня моментов. Поинтересовался успехами занятий с профессором Олридом и сочувствующе улыбнулся на мою невольную жалобу на ноющие мышцы. Это снова была лишь проскочившая мысль, и комментировать её Король не стал. Вместо этого Его Величество поднялся.

– Надеюсь, мы вам не помешали, леди Амалия, – ровно поинтересовался Король.

– Что вы, Ваше Величество. В этой комнате еще не бывало более молчаливых собеседников, – ответила леди Амалия. Выйдя из-за стола, достала из шкафа и подала Его Величеству плащ и перчатки. Я протянула шляпу.

– До встречи, миледи, – Его Величество склонился над моей рукой. Леди Амалия чуть присела и склонила голову, она не могла остаться просто стоять, когда Его Величество склоняет перед кем-либо голову. Я не знала, куда деваться от смущения.

Александр ушёл первым. Леди Амалия задержала меня на несколько минут, интересуясь успехами в учёбе, и отпустила.

Со встречи я брела уставшая, словно пробежала кросс по всей территории Института. Никогда не думала, что ментальные уроки могут быть такими утомительными! Я несла в гербарий новый экземпляр, со значением «прошу быть снисходительной». Разве я слишком строга? К кому?

Кажется, я начинаю привыкать к встречам с Королем, более того, незаметно для себя начала ожидать этого общения. И меня почти не тяготит задаваемый Его Величеством тон. Дружеский? Непринужденный? Всё чаще возникает вопрос, зачем это Ему? Король приручает меня? И что значат жаркие взгляды, когда Он, не отрываясь, смотрит на мои губы?

В комнате меня ждало очередное послание Григория и коробка конфет.

Вечером Саня корпела над заданием по изящной словесности и причитала, что бедным ученицам совсем не дают дышать.

– Ну что ты, совсем недавно же Родительский день был! На мой взгляд, мы отлично отдохнули, – пожала я плечами,

выписывая из учебника определения по экономике сопредельных стран. Потом ещё решить задачу по управлению помещьем, и мои задания будут выполнены.

– Хорошо-то хорошо, только мало, – вздохнула Саня, присыпая песком написанное.

– Ну, скоро большой праздник, день Коронации Его Величества, – я тоже взялась за песок, чтобы чернила не размазались и быстрее высохли.

– Да ну. С утра во дворце и в Храме будут торжественные церемонии, и дабы народные гуляния не нарушали их ход, день оставили рабочим. Так что никакого выходного, сидеть нам на занятиях, как и всегда, – пробурчала Саня и нахмурилась, обнаружив у себя ошибку. – Как думаешь, переписать или так исправить?

– Я бы переписала, на изящной словесности всегда обращают внимание на чистоту письма. А про праздник зря ты так. Вечером в городе будет ярмарка, угощения. А потом, возможно, даже салют. Это так здорово!

– Ты права, это очень красиво, – оживилась Саня. – Только я всегда пугаюсь, когда небо разрывается от грохота, зато потом над головами, прямо в воздухе, расцветают огромные сияющие цветы, которые освещают всё вокруг, как днём. Вот бы поближе посмотреть!

– Нас в город не отпустят, «ради безопасности учениц», – процитировала я правила Института. – Как думаешь, из окон верхнего этажа учебного корпуса салют будет видно? – под-

няла я взгляд на подругу. У нас с ней одновременно появилась одна и та же мысль: прийти пораньше и занять место у самого окна.

Я же задумалась о том, что следующий полноценный выходной будет на праздник Середины Зимы. Потом, уже весной, будем отмечать Проводы Зимы, в этот день везде устраивают ярмарки и народные гуляния. А там и у меня День рождения.

– Ой, Саня, а когда у тебя День рождения? – всполошилась я. Столько живём вместе, а я до сих пор не знаю!

– Так через две недели уже. А ты когда родилась?

– Весной, перед самыми экзаменами.

– То есть у тебя День второго совершеннолетия попал на весенний бал? А кто тебя ко двору возил?

– Отец. Он приехал в Академию без предупреждения, привёз платье и дал полчаса на сборы. Как я спешно одевалась! Украшения одевала уже в карете, пока служанка делала мне причёску. Скажу тебе, на ходу это сложно и даже опасно! Когда мы подсакивали на ухабах, меня несколько раз оцарапали шпильками. Но я не одна так ехала, почти треть курса Академии была представлена ко двору в этот день. Я волновалась жутко, вдруг оступлюсь! Когда подвели к Королю, боялась взгляд поднять. А Он сидел на возвышении на своём троне, такой собранный, такой строгий. И охрана вокруг, в форме личной и дворцовой стражи. А как только официальная часть закончилась и Король ушёл из зала, отец

увёз меня обратно в Академию. Я с родителями с тех пор и не виделась. А у тебя как прошло?

– Я попала на бал в честь праздника дня Его Коронации. На официальную часть мы опоздали, потому что собирали меня всей семьёй. Мама делала причёску, старшие братья рассказывали про дворец и Короля. Больше, конечно, пугали, они у меня шутники знатные. Младшие тоже участвовали, они путались под ногами и всем мешали. Потом нас не хотели такой толпой во дворец пускать. Представляешь, отец, тётка с мужем и старшие братья! Хотя больше одного сопровождавшего не положено по протоколу. Правда, там оказался профессор Джозеф, с ним мы и прошли. Я же тогда уже училась в Институте, ну ты знаешь. Представили меня одной из последних, так что официальная часть прошла мимо меня, я даже испугаться не успела. Зато потом был бал. Как я танцевала! Стоптала все ноги, и свои, и кавалеров, но не уехала, пока звучала музыка. Вот это был день!

Мы еще немного поговорили о праздниках и засобирались спать. Темнеет теперь рано, а сидеть при лампах и свечах не очень комфортно.

– Спокойной ночи, Саня, – я погасила лампу и забралась под одеяло.

– И тебе, Лира. Пусть тебе приснится принц из сказки, на белом коне! – хихикнула подруга.

– Тогда тебе пусть приснится принц на белом единороге. Спи, – я улыбнулась, отворачиваясь к стене.

На следующий день перед обедом я выкроила минутку и забежала в комнату. Служанка перестилала кровать, и я обрадовалась, что застала её.

– Здравствуйте, леди, – женщина склонилась в поклоне.

– Здравствуй. Скажи, вам же можно выходить в город?

Мой вопрос служанку удивил.

– Конечно, леди. Я живу в городе, и каждое утро прихожу сюда на работу. Леди нужно что-то в городе?

– Да. У моей соседки, – я показала рукой на кровать Сани, – скоро День рождения, а я только об этом узнала. Я могу попросить тебя зайти в лавку за подарком для неё, или это против правил?

– Конечно, я постараюсь вам помочь, леди. Что нужно купить?

Я объяснила служанке свою идею и выдала деньги, с запасом. Родители иногда высылали мне «на булавки», только тратила я их мало. Как, если нас не выпускают?

Женщина мою идею одобрила и пообещала оставить покупку в ящике моего стола, чтобы Саня не увидела раньше времени. Радуюсь, что всё получилось, я поспешила в столовую.

Саня уже сидела за столиком и замахала рукой, едва меня увидев, за что получила недовольные взгляды со стороны преподавателей. Леди так себя не ведут! Я улыбнулась и кивнула, показывая, что увидела её. Взяла поднос и через

минуту присоединилась к подруге.

– Что ты так долго! Опять на военном деле задержали? – Саня откусила от наколотого на вилку куска мяса. Я покачала головой.

– Нет, надо было в комнату забежать. А как у тебя прошёл урок языков? – я аккуратно отрезала кусочек котлеты, обмакнула его в соус, налитый на блюдечко, и целиком отправила в рот.

– Мы с профессором опять спорили. Я говорила, что у западных и восточных южан языки похожи, у них наверняка общее происхождение. А профессор утверждал, что это слишком разные наречия и общих предков у них быть не должно. Теперь мне к следующему занятию надо будет подготовить доклад на эту тему.

– Сложно, наверно, – я передернула плечами, вспомнив, с каким трудом домашние преподаватели заставляли меня учить языки.

– Ты что, это же так интересно! – замахала на меня руками Саня.

К нашему столику подошел профессор Эрик.

– Леди Лира, – профессор кивнул, здороваясь со мной, и повернулся к Сане. – Леди Ксания, вынужден сообщить, что по решению леди Амалии вам придётся пересдать правила поведения за столом. Недели вам хватит для подготовки?

Профессор излучал дружелюбие и словно извинялся за такое известие. Подруга всё равно побледнела.

– Да, п-профессор, конечно, – Саня с перепугу споткнулась в обращении.

– Не переживайте, леди. Скажу вам по секрету, сдавать вы будете не одна. Ещё четверем леди была назначена передача.

– А к чему такие строгости, профессор? – обратилась я к Эрику.

– Мне не разрешено говорить, – рассеяно отозвался профессор. Но, взглянув на расстроенное личико Сани и поймав мой умоляющий взгляд, с тихим вздохом сдался:

– Только не говорите никому, ладно? Леди Амалия считает, что, раз наш институт принимает высокопоставленных гостей на балах и пятничных занятиях, то ученицы не должны перед ними ударить в грязь лицом. В следующий раз ведите себя осторожнее, когда леди Амалия поблизости, хорошо? – профессор подмигнул, нарушив этим ряд правил. Мы с Саней улыбнулись в ответ.

– Мы будем молчать, профессор, – шепнула Саня. Эрик кивнул и ушел к преподавательскому столу, где сегодня сидела и ректор.

– Опять все разговоры про «важных персон», – передразнила Эрика Саня. – Как думаешь, может, на следующий бал приедет Король? Я слышала, он ищет себе невесту.

– Нет, не думаю, что он, – покачала я головой. Упоминание про поиски невесты неприятно царапнуло где-то внутри. – А кто такое говорит?

– Когда меня представляли Ему, потом, на неофициаль-

ной части, только об этом и говорили.

Желание продолжать разговор пропало вместе с аппетитом. Я попрощалась с Саней и направилась в библиотеку, в секцию преподавателей, где мне никто не помешает быть наедине со своими мыслями. Неприятным колючим клубком ворочались внутри слова Сани.

Я просто привыкла к мысли, что Он, сам Король, приезжает лично ко мне каждую неделю, не взирая на занятость и государственные дела. На миг представила, что Александр может так же ездить к кому-нибудь другому. Стало совсем тоскливо. Я села за облюбованный столик, раскрыла оставленную в прошлый раз книгу. Невидящим взором уставилась куда-то в центр страницы. Просто слова и мысли... Это оказалось больно.

За спиной раздались шаги. Что-то упало, досадливый возглас окончательно заставил отвлечься от тяжких дум. Эрик.

– Вам помочь, профессор? – я обернулась, не вставая.

– Не стоит, леди. Просто я уронил ложку, ерунда. Мне друзья привезли из поездки один напиток, вот, хотел вас угостить. И не отказывайтесь, в одиночестве пить будет совсем не так приятно, – сумбурно говорил Эрик, опуская на стол поднос. Я поспешно убрала учебник в сторону, зная способность профессора ронять и переворачивать что угодно. Заставила себя улыбнуться.

– Вы очень любезны, Эрик. А что это за напиток? – я вдохнула тяжёлый, пряный аромат. На подносе расположились

две крохотные чашечки, полные густой тёмной жидкости, маленькая пиала с молотыми специями, одна чайная ложка и графин с водой. Вторая ложечка осталась на полу.

– Горячий шоколад. Пробовали?

Я покачала головой, глядя, как профессор добавляет нам в питьё по щепотке приправ.

– Вы многое потеряли. Этот напиток обладает чудесными свойствами. Бодрит дух и тело, лечит от хандры, добавляет сил и красоты. И просто очень вкусный.

– А как его пьют? – поинтересовалась я, раздумывая, для чего бы мог понадобиться кувшин.

– Пока горячий, как только сняли с огня, пьют маленькими глоточками, запивая водой. Остывая, он немного густеет, и тогда его едят ложечками прямо из чашки, – профессор с умным видом поставил чашку передо мной.

– И тоже запивают водой? – улыбнулась я.

– Ну да, – довольно кивнул Эрик.

– Прямо из кувшина? – я подняла лукавый взгляд на озадаченного профессора. Эрик хлопнул себя по лбу и хотел было отправиться на поиски стаканов, но я его опередила.

– Не волнуйтесь, я сейчас принесу.

Я подняла упавшую ложку и отнесла в корзинку для грязной посуды. Очень удачно у входа в преподавательскую секцию стоял столик с напитками и стаканами, корзиной для использованной посуды и прочими нужными предметами. Я взяла необходимое и вернулась к Эрику, протянула ложечку.

– Спасибо, леди, вы как всегда меня выручаете, – смущённо улыбнулся профессор, бросая на меня непонятные взгляды. Эрик наполнил стаканы водой, поставил один передо мной.

– Ну что вы, Эрик, это всё мелочи.

Профессор, подавая пример, зачерпнул густую жижу из чашки и зажмурился от удовольствия. Я аккуратно взяла угощение на кончике ложечки, с любопытством попробовала.

Терпкий, горько-сладкий пряный вкус удивил. Очень необычное сочетание, немного тяжеловатое и непривычное. Этот напиток определенно нельзя отнести к лёгким десертам. Я сделала глоток воды, и вяжущие ощущения отступили.

– Это чудесно, Эрик! Так необычно. Откуда же привезли напиток? – я взяла еще ложечку шоколада.

– Из жарких тропических стран, где внезапные ливни сменяются жарким солнцем, океан шумит, ударяясь о берег, а воздух полон влаги настолько, что становится трудно дышать. Там ходит поверье, что приготовленный с определенными специями и выпитый на двоих напиток способен вызывать симпатию и любовь. А ещё его специально привозят к Королевскому столу.

Упоминание Короля отрезвило, я словно вынырнула из полусна. Тряхнула головой, прогоняя неприятные мысли.

– Ах, Эрик, вы поите меня приворотным зельем? – я за-

дала вопрос в шутку, и совсем не ожидала услышать:

– Что вы, Лира, я не смею и надеяться. Быть может, мы повторим нашу прогулку? Или я могу попросить леди Амалию выписать вам разрешение на выход в город, а я буду вашим сопровождающим?

Я поднесла стакан с водой к губам, давая себе время продумать ответ. Эрик коснулся моей руки, лежащей на столе. Стало грустно. Как бы мне ни хотелось выходить в город и гулять с обаятельным профессором, но это будет уже за гранью приличий и глупостью с моей стороны. Я не могу предложить профессору ничего, кроме дружбы. А ещё... Не хотелось бы, чтобы злился Александр.

– Я сожалею, Эрик, но сейчас уже не лето и даже не осень. Мы просто замёрзнем! Но я надеюсь, вы не откажетесь от встреч в библиотеке? Или они вам надоели?

– Леди Лира, профессор Эрик. Я вам не помешал? – раздался голос профессора Джозефа. Эрик поспешно отпустил мою руку и отодвинулся.

– Приветствую, профессор, – вежливо кивнул Эрик.

– Представляете, профессор Джозеф, профессор Эрик угостил меня шоколадом и рассказом о тропических странах, – я вежливо улыбнулась подошедшему профессору и чуть отодвинула стул, чтобы Джозеф мог сесть между нами. Он всегда так садился. Мужчина взял стул у соседнего стола и занял своё место.

– Вот как. Южный любовный напиток. Вы собираетесь

приворожить леди, профессор? – в шутку спросил мистер Джозеф, но в его глазах таилось что-то жёсткое.

– Это бесполезно, профессор, на леди Лиру привороты не действуют, – развел руками Эрик. Улыбнулся. – Профессор Джозеф, не желаете партию в фишки?

– Хм, было бы неплохо. Леди, присоединитесь к нам? – обратился ко мне профессор Джозеф.

– Благодарю, профессор, но мне нужно заниматься. Только допью шоколад, и сяду учить военное дело, – я взяла кружку в руки и невольно вздохнула. Не люблю я этот предмет, не понимаю.

– Леди, шоколад не пьют, его едят, – шёпотом поправил профессор Эрик, улыбнулся мне и ушёл за доской для игры.

– Он вам не досаждаёт, леди? – поинтересовался мистер Джозеф, когда стихли шаги Эрика.

– Что вы, профессор. Эрик очень мил, но не переходит границ, – улыбнулась я мужчине.

Почему-то казалось, что я могу быть с ним откровенной. С любопытством приоткрыла щиты и прислушалась. Вот это да! Профессор Джозеф не прост и носит щит. Я завела незначительный разговор об учёбе, а сама попыталась заглянуть под щит. Но он раз за разом меня отталкивал, не пропуская.

Странно, обычно щиты, которые были поставлены Королём, вели себя нейтрально. А здесь... Не решившись идти напролом, я отступила. Поймала лукавый взгляд профессора Джозефа и смутилась. Он понял, что я хотела обойти его

защиту!

– Профессор, я...

– Допивайте свой шоколад, леди. Когда он холодный, становится не таким вкусным. Или доедайте, как сказал бы профессор Эрик, – улыбнулся профессор Джозеф и поднялся. Освободил соседний стол от книг, чтобы поставить игральную доску.

– Не передумали насчёт игры? – профессор смотрел, как я составляю пустые чашки на поднос. Его заберет служанка, но оставлять разбросанную по столу посуду я не люблю.

– Нет, профессор. Мне и правда нужно готовиться. Спасибо за приглашение, – я присела в реверансе и ушла в общую секцию, к обычным книгам и конспектам. В дверях столкнулась с Эриком. Он посетовал, что я уже ухожу, и пообещал завтра принести в библиотеку интересную книгу, которую ему привезли всё те же близкие друзья. Надеюсь, не любовные заклинания?

Вечером я застала Саню, когда она с досадой на лице ли- стала учебник изящных манер. Лампа очерчивала светлый круг на столе, загадочные тени плясали по комнате. Я зажгла вторую лампу, провела рукой по чуть шершавой деревянной столешнице и присела на краешек стула.

Руки сами собой легли на колени в нейтральном жесте. Леди не положено сидеть, развалившись на стуле или в кресле, а к кровати вообще запрещено приближаться, кроме как

для сна. Строгие были у меня учителя.

– Саня? Всё хорошо? – моя соседка едва не плакала, беззвучно шевеля губами над учебником.

– Всё плохо! – Саня с досадой захлопнула книгу. – Ты не представляешь, как мне сложно даются все эти великосветские премудрости. Это ведь не языки, где всё просто и понятно. Как вообще можно жить по этим правилам? Пряча любые мысли за улыбкой, сдерживая желание пройтись по траве босиком в разгар дня. Как можно сидеть с идеально прямой спиной и вежливым выражением лица, даже когда от усталости или боли хочется упасть и завывать! Я не понимаю, почему для мяса и котлет разные приборы, зачем отдельная вилка для рыбы, и к чему на столе столько тарелок на одну персону! – взывала подруга. Вот оно что!

– А тебя этому не учили дома? – я склонила голову на бок. Если бы не уроки, вбитые с детства, подошла бы сейчас и обняла подругу с утешениями! Но не могу.

– Ты же видела мою семью. У нас за столом по-простому, – вздохнула Саня, окидывая грустным взглядом конспект с описанием сервировки стола к званому ужину.

– А в институте как проходили уроки? – я нахмурилась, когда Саня хмыкнула и махнула рукой.

– Ты помнишь нашего прошлого преподавателя изящных манер и культур иных народов? Как, по-твоему, многому он нас научил? – подруга вздохнула. – На зачёт к нему надо было надеть платье с вырезом побольше да накраситься. Самые

отчаянные ученицы, садясь сдавать ему билет, приподнимали край юбки, чтобы было видно туфельки и чулок. За это полагалось «отлично». Тем, кто поскромнее, ставили четыре. Остальным – тройки из жалости. Вот как-то так.

– И что, никто не рассказал леди Амалии? – я была в ужасе. Вот поэтому в Первой Женской Академии и не было преподавателей-мужчин! Хотя не все они такие. Профессор Джозеф, к примеру.

– Этот франт всегда выкручивался. У него высокопоставленные покровители, а за руку его никто не ловил. Просто счастье, что он тогда додумался устроить скандал под окнами кабинета леди ректора, и мы от него, наконец, избавились.

«А ещё счастье, что мой покровитель стоит выше, чем его», – дополнила про себя Санину мысль, и предложила:

– Я могу помочь тебе подготовиться. В меня эти премудрости вбивали в детства. Поверь, если разобраться, ничего сложного там нет.

Подруга вздохнула.

– Не стоит. У тебя самой уроков много, ещё и к субботнему балу надо готовиться. Я как-нибудь справлюсь.

– Ты права, дел много. Но если ты pomoжешь мне, останется время позаниматься этикетом, – я улыбнулась.

– Ну, давай попробуем, – неуверенно потянула Саня. – Чем тебе помочь?

– Я не успеваю пришить кружево к платью для субботы.

Вдвоем будет быстрее, так ведь?

– Определенно! Могла бы и не просить, я бы всё равно по-могла, – улыбнулась Саня. Взялась со стула, принялась хлопотать, раскладывая своё платье на кровати и доставая швейный набор. Всего несколько иголок разной длины и пара мотков ниток.

– Знаю. Но тогда бы ты отказалась принять от меня помощь. А сейчас мы быстренько приметаем кружево по подолу, а потом сбегает в кухню.

– Зачем? – озадачилась Саня, откусывая нитку от мотка. Я только покачала головой и аккуратно отрезала нить маленькими ножничками.

– Увидишь. Смотри, по длине вот этого отреза должно хватить...

Мы управились и вправду быстро. Приметать кружевную ленту по подолу, поясу и краю ворота так, чтобы продержалась один вечер, было не сложно. Саня решила одолжить у меня нитку бус и вплести её в волосы. С такой причёской другие украшения на ученическом балу будут излишни.

Я согласилась и, убрав готовое платье в шкаф, потянула подругу в коридор. По пути мы никого не встретили. Леди или занимались в общей музыкальной комнате, или сидели в своих комнатах.

На ходу накинув шубку, поведала Сане, как меня воспитывали в детстве. Та с ужасом слушала мои рассказы о гувернантках и уроках для благородных девиц.

– Кошмар какой! Неужели у тебя совсем не было детства?

– Смотря что под этим понимать. Да, меня не баловали, считая это дурным тоном, и родителей я обычно видела только по вечерам, когда нянечка приводила меня пожелать им спокойной ночи и получить вечерний поцелуй. Но потом, уже в комнате, няня рассказывала мне чудесные сказки. И иногда, тайком от всех, угощала меня сладким. Но больше всего я любила прогулки с братьями. Они по очереди сажали меня перед собой на лошадей, и мы уезжали кататься по владениям наших родителей. Поля, деревушки, лес с речкой, пыль просёлочных дорог. Вопреки всем нормам приличия, в такие дни я надевала брюки, пока была маленькой. Потом, когда подросла, пришлось ездить в платье и дамском седле. А затем и вовсе меня отдали учиться в Академию. Один брат женился на единственной дочери лорда Гарлета и уехал принимать дела её отца. Второй стал много времени проводить с отцом, постепенно вникая в политику и вопросы управления владениями. Он стал серьёзным и отстранённым, на шалости его больше не тянет. Как-то так. Я очень переживаю за младшую сестрёнку, мне перепали радости и любовь от братьев, а кто позаботится о ней?

– Лира, не переживай. Я уверена, у твоей сестры всё в порядке. Она уже оправилась от простуды?

– Да, мне из дома писали, что она здорова. Учится ездить верхом, пока на смирном флегматичном пони. Но уже в дамском седле.

За такими разговорами мы добрались до кухни. Дверь была распахнута настежь, оттуда доносились голоса, тянуло жаром от печей, и приятный запах теста и выпечки манил зайти внутрь. Я остановилась на пороге и вежливо постучала по косяку.

– О, леди Лира! Пришли за молоком и ватрушками? Сейчас, одну минутку, только вымою руки, – засуегилась знакомая повариха. Остальные слуги вежливо поздоровались и продолжили заниматься своими делами.

– Спасибо, но я сегодня не за этим. Вы не могли бы накрыть один столик по третьей комбинации?

– К званому обеду, полный набор приборов? Решили повторить уроки?

– Вы правы. На практике всё запоминается лучше, – я улыбнулась и вышла в пустую и почти не освещённую столовую. Ужин закончился, всё прибрали и отмыли. Повара сейчас делают заготовки к завтрашнему дню, а после уйдут по домам. Я чуть взгрустнула. Очень скучаю по родным.

– Что ты задумала? – дёрнула меня за рукав Саня.

– Даже повариха уже поняла, а ты всё в сомнениях, – улыбнулась я. – Мы сейчас посидим за накрытым столом, ты расскажешь мне, что и для чего. А если где ошибёшься, я тебя поправлю.

– Но за один раз всё выучить невозможно! – Саня с сомнением наблюдала, как поварёнок раскладывает приборы на столе. Повариха вынесла нам зажжённый подсвечник на

пять свечей и установила в центре стола.

– Значит, придём сюда ещё раз, – непреклонно ответила я и уверенно подошла к столу. Отодвинула стул и присела на край, оставив центральное место для Сани.

– Ну, вы занимайтесь, леди. Как закончите, позовите меня, я приберу, – повариха улыбнулась нам и, вежливо поклонившись, удалилась на кухню.

– Спасибо вам, – я с благодарностью кивнула женщине. Вот уверена, без угощения нас не отпустят.

Всегда меня учили, что со слугами и персоналом должны быть хорошие отношения. Это помогало мне по жизни. Например, дома я могла прятаться на кухне от нудных учителей.

– Ну, ладно, – неуверенно протянула подруга и заняла своё место.

– Не так. Нельзя откидываться на спинку. Представь, что она покрыта острыми гвоздями, будет легче держаться от неё подальше.

– Так лучше? – Саня опасливо оглянулась на спинку стула и чуть отодвинулась. – Зачем она вообще нужна, если нельзя облакачиваться?

– Так положено по протоколу, – пожала я плечами. Никогда не задавалась подобными вопросами. – Теперь хорошо. Что будешь делать дальше?

– М... Разверну салфетку и положу на колени?

– Всё верно. А говоришь, ничего не знаешь. Ты молодец.

А что делают с салфеткой мужчины?

– Цепляют её за воротник, чтобы не забрызгать рубашку. А леди нельзя прятать декольте от любопытных взоров, – фыркнула Саня.

Я положила руки на стол и чуть подалась вперёд, внимательно следя за действиями подруги.

– По сути верно, только преподавателю это не скажи, – я не смогла сдержать улыбку. – Теперь ты готова к приёму пищи. Что подают первым?..

За полчаса мы успели разобрать основную сервировку. Саня заметно повеселела, поверив в свои силы. Повариха вынесла нам ватрушки и молоко, попеняв, что занимаемся допоздна.

– Вы ещё молодые, вам красоту беречь надо, а вы всё время учитесь, – женщина ловко собирала приборы в корзинку, поварёнок унёс тарелки.

– Спасибо за заботу, мы постараемся лучше за собой следить, – я подмигнула Сане, и та, фыркнув в кружку с молоком, принялась благодарить повариху. Смущённая и расчувствовавшаяся женщина замахала на нас руками, мол, она же ничего такого не делает, а мы все для неё как родные.

Мы вернулись в комнату и, довольные проделанной работой, отправились спать. Я затушила лампу, когда Саня в своей непосредственной манере сообщила:

– Спасибо тебе. Жаль, что не все высокородные леди по-

хожи на тебя. Если бы я могла выбирать, то пошла бы работать к тебе, личным секретарём. А так и не знаешь, куда по окончании института распределят!

– Спасибо на тёплом слове. Но к чему мне секретарь? Спи, и пусть тебе приснится лето.

Саня завернулась в одеяло и отвернулась к стене, пробормотав:

– И тебе пусть приснится летний день. А ещё принц с единорогом.

К субботнему балу мы с Саней были готовы. Перед выходом мы крутились у зеркала в холле жилого корпуса, проверяя, всё ли в порядке. Окружавшие нас со всех сторон весёлой стайкой ученицы поправляли причёски, надевали шубки и сапоги. Всё-таки бежать в учебный корпус в одних туфлях не позволяет погода. Да и портить дорогую обувь по снегу никому не хочется.

Леди радостно чирикали, предвкушая танцы и расхваливая леди ректора, которая не пожалела денег и повесила здесь для нас большое зеркало. Я же дивилась, какую чудную причёску соорудила себе подруга. Всего одна нитка бус, а такая красота получилась!

– Спасибо. Это меня мама научила, – зарделась Саня, пропуская к зеркалу ждущих в очереди леди. Мы с ней отошли в сторонку, на ходу повязывая шарфы.

– Она у тебя молодец. Столько всего знает и умеет! И в

семье у вас такие тёплые отношения... – я мечтательно улыбнулась. Будет ли когда-нибудь так у меня? Смогу ли я создать и поддержать сердечные отношения в своей семье?

– Так они же с отцом заключили брак по сердцу, а не по расчёту! – удивленно посмотрела на меня Саня. – Моя мама была младшей любимой дочерью, и дедушка просто не смог выдать её за пожилого, но состоятельного соседа. Внял её слезам и мольбам, и пока он искал более подходящую пару, мама с отцом ночью сбежали в храм и обвенчались. А утром поставили деда перед фактом. Он не знал, смеяться или плакать. В воспитательных целях лишил мать приданого, всё ушло к её старшему брату. Зато на все праздники, пока был жив, баловал нас подарками и никогда не отлучал от фамилии.

– Это многого стоит, – с удивлением посмотрела я на подругу.

– Всё, пора, идём! – Саня со свойственной ей непосредственностью потянула меня за рукав шубки к выходу вслед за другими ученицами. Шумной галдящей стайкой мы направились к учебному корпусу.

Чуть в стороне от ворот, из конюшни, слышалось ржание лошадей. Для леди постоянно скакунов не держат, берут в аренду для выездов из Королевских конюшен. Говорят, количество животных там огромно, Королю и его свите ни к чему столько. Вот и придумали им такое применение. Конечно, у нас есть несколько лошадок, для обучения младших кур-

сов. Идущие рядом девушки как раз вспоминали какой-то случай из уроков верховой езды и весело смеялись.

Идти по расчищенным дорожкам было легко, лишь немного свежий снег хрустел под нашими ногами. Газовые фонари уже зажгли, хоть ещё и не стемнело окончательно.

– Леди! Ведите себя благоразумно! Что о вас подумают господа кадеты! Ну-ка, построились и придали себе достойный вид! – перед корпусом одна из преподавательниц окинула нас строгим взглядом и впустила внутрь. В холле мы поспешно скинули шубки и сапожки, поправили юбки и с гордо поднятыми головами вошли в танцевальную залу в сопровождении преподавателей.

Кадеты уже ждали нас, выстроившись вдоль противоположной стены. Синхронно отвесили поклоны, мы в ответ присели в реверансах. Кадеты гаркнули что-то неразборчивое в качестве приветствия. Судя по всему, их преподаватели-сопровождающие остались довольны, так как разрешили своим подопечным разойтись.

Ученики тут же направились к знакомым леди, принялись раскланиваться и шутить. К нам с Саней подошли Григорий и невысокий широкоплечий кадет, с которым в прошлый раз Саня танцевала дважды. Я невольно залюбовалась военной выправкой мужчин.

То, как они держат себя, как умеют носить форму, которая, несомненно, им к лицу, заставляет трепетать женские сердца чаще. И моё не оказалось исключением. Белые выход-

ные перчатки, полагающиеся к мундирам, добавляли изысканности образу. Это очень эстетично и благородно. Мелькнула мысль, что с белоснежной кружевной оторочкой я буду смотреться рядом с Григорием очень гармонично.

– Хороших танцев, – шепнула я подруге, когда парень пригласил её на первый круг.

Саня, что-то весело прощепетав, упорхнула с кавалером. Меня приглашать не спешили, хотя музыка уже звучала.

– Вы чудесно выглядите, леди Лира, – Григорий окинул меня восхищенным взглядом и деликатно коснулся губами моей руки.

– Благодарю, – я присела в реверансе. – У вас новая нашивка на груди. Могу я полюбопытствовать о её значении?

– Ах, это, – кадет небрежно махнул рукой. – девять побед из десяти зачётных поединков.

Было видно, что, несмотря на внешнее равнодушие, Григорию приятен мой интерес, и он гордится этим достижением.

– Да что вы! – я удивленно ахнула. – Как же вам это удалось?

Я приняла протянутую руку, коснувшись затянутой в перчатку ладони кончиками пальцев, и позволила увести себя в сторону. Мы медленно шли вдоль стены, любуясь парами. Почему же он не зовёт меня танцевать?

– ... вот так и получилось, – Григорий закончил рассказ о забавном случае на уроке арифметики и внимательно смот-

рел на меня, ожидая реакции.

– Это очень мило, – чуть рассеянно ответила я, склонив голову на бок и усилием воли отводя взгляд от танцующих. Так хочется к ним присоединиться! А поговорить и потом можно будет, когда устану.

– Простите, леди, мне нужно отойти, – вдруг Григорий вежливо поклонился и ушёл прочь.

За толпой людей я не разглядела, куда именно, да и не стремилась. Как он мог! Лишил меня первого круга! Если не собирался приглашать сам, мог бы не подходить, и наверняка нашёлся бы другой кавалер.

Скрывая разочарование и обиду за лёгкой улыбкой, я медленно шла в сторону, противоположную той, куда ушёл кадет. Круг закончился, пары разбивались и формировались вновь. Кавалеры уводили дам с танцевальной площадки, кланялись и приглашали других учениц.

Один танец с одной леди, согласно негласного кодекса поведения на балу. Два танца – только с сестрой, матерью или невестой. На учебных балах разрешается отступление от этого правила, и два круга допустимы, если только между ними прошло не менее трёх танцев. Два круга подряд, и пара обязана объявить о помолвке. Аристократам без разрешения родителей запрещено заключать браки, так что это в любом случае невозможно.

На меня внезапным ураганом налетела Саня.

– Ты почему одна? Я не видела тебя на площадке, – рас-

красневшись от впечатлений, с блестящими глазами, подружка выглядела очень мило.

– А меня не пригласили, – пожалала я плечами, небрежно нажаловавшись на Григория.

– Вот ведь! – нахмурилась подружка. – Так, пойдём со мной, я тебя кое с кем познакомлю.

Я не стала сопротивляться. Саня подвела меня к группе кадетов, и следующие три круга я не сходила с танцевальной площадки. Музыка, красивые движения, отточенные шаги и жесты, повороты и поклоны. Всё это сродни полёта, захватывает с головой и заставляет забыть о мимолётных неудачах.

Едва прозвучали последние аккорды четвёртого за сегодня круга, последовало приглашение на следующий танец. Я согласилась, решив про себя, что после этого круга обязательно немного передохну. Согласилась прежде, чем поняла, кто меня пригласил. Отказываться было уже поздно.

Григорий отвёл меня чуть в сторону, на начальную позицию следующего танца. Мы помолчали. Видя моё недовольство и отстраненность, Григорий вздохнул.

– Я вынужден извиниться за своё поведение, леди. Простите, что лишил вас первого танца, – Григорий выглядел виноватым.

И я бы простила его, если бы не построение фразы. «Вынужден извиниться». Кто же его принуждает к этому, интересно знать? И зачем было меня занимать разговором, если не собирался приглашать? Внешне моё возмущение никак

не проявилось, но внутри я кипела. Это верх бестактности! Щиты приопустились сами собой, и то, что я увидела, меня озадачило.

Моё настроение не мешало мне вести ничего не значащую беседу, и Григорий расслабился. Любопытство скреблось рыжей кошкой. Как случилось то, что я увидела в его мыслях? Почему именно так?

Разглядеть подробности я не успела. Закончился круг, Григорий отвёл меня в сторонку и ушёл. Слушать в толпе мысли человека я ещё не могу. Если стоит совсем рядом, то можно, конечно, на него настроиться, что я и сделала. Но когда между нами столько людей, послушать не получится. Подошёл Эрик.

– Леди Лира, чудесно выглядите. Эти кружева очень изящно оттеняют вашу кожу и подчеркивают молодость. «Ретичелла», если не ошибаюсь?

Я улыбнулась. Профессор в своём репертуаре. Сделать комплимент, а потом доказать, почему он так считает, вгоня леди в краску.

– Вы абсолютно правы, профессор. У меня была лента кружева, ещё из дома. Получилось неплохо, не так ли? – немного кокетства, это ведь не зазорно, так ведь?

– Вам удалось вдохнуть в скучный форменный наряд изрядную долю изящества. Разрешите пригласить вас на круг? – кажется, Эрик не заметил моей уловки.

– Простите, профессор, но этот круг я не танцую. Вам луч-

ше найти другую партнёршу на этот танец, – я чуть виновато улыбнулась.

Как бы мне не хотелось ответить согласием, стоит всё же выдержать паузу, если я не хочу спотыкаться и наступать на ноги кавалерам. Хотя Саню это никогда не останавливало.

– Как пожелаете, леди, – Эрик поклонился и отошёл к стойке хихикающих первокурсниц. Девушки ещё не слишком уверенно чувствуют себя на таких мероприятиях, поддержка преподавателя будет очень кстати.

Я выпила немного ягодного морса у столика возле окна. Из-за разницы в освещении было ничего не видно за стеклом, и я просто наслаждалась освежающим напитком и музыкой. Потом протанцевала ещё два круга с незнакомыми кадетами.

Ради интереса поверхностно заглянула в их мысли и не увидела там ничего странного или необычного. Желание ещё потанцевать, восхищение нарядами, разгорячёнными балом девушками у одного и усталость, ожидание, когда же можно будет вернуться в корпуса и позаниматься с мечом у другого кадета, не шли ни в какое сравнение с тем, что я увидела у Григория. Любопытство не покидало ни на минуту.

Поэтому, когда Григорий пригласил меня на второй круг, я согласилась. Но увы, ничего конкретного увидеть не удалось. Отвлекал разговор, отвлекала музыка и сложные движения танца. Я лишь утвердилась в том, что в первый раз мне не примерещилось, как музыка подошла к концу. Вежливо

поблагодарила за танец и тут же ответила согласием следующему кавалеру.

Во время очередной танцевальной фигуры оказалась лицом к столу с напитками и поймала обжигающий, полный неприязни взгляд Анники. Что опять она себе понапридумывала? Долго над этим раздумывать не вышло, Саня нашла меня среди танцующих и вместе с кавалером позвала присоединиться к шуточному танцу-игре. В него принято играть на детских балах, и никогда на полноценных, взрослых.

И всё же я согласилась. Не хотелось быть серьёзной, я ведь всё ещё ученица, а не замужняя матрона!

На предпоследний круг, перед самым закрытием, меня пригласил профессор Джозеф. Несколько минут мы протанцевали спокойный, неспешный танец, обсуждая погоду.

– Мне показалось, леди, вы чем-то озадачены, – наконец, профессор озвучил причину своего приглашения.

Несколько тактов музыки я раздумывала. Довериться или нет? Ещё и этот странный щит профессора. Явно не Король его ставил, иначе я смогла бы его прослушать. Верить или нет? Тёплый отеческий взгляд профессора разрушил мои сомнения.

– Вы правы, профессор. Вы видели кадета, который увёл меня на первом круге? – я легко поклонилась и подала руку, мы сделали несколько шагов к центру зала.

– Наглеца, который заговорил вам зубы, но не вывел танцевать? Да, обратил внимание, – профессор чуть нахмурил-

ся, кружа меня под поднятой рукой.

Шевельнулось сомнение, не следит ли за мной профессор. Но я прогнала опасения прочь. Промолчать о таком будет неверным.

– Этот кадет назвался ненастоящим именем. Его зовут не Григорий, – я вновь на полшага отступила, согласно рисунка танца.

– Ну, в этом нет ничего из ряда вон выходящего. На балах и не такое бывает, – отозвался мистер Джозеф, уверенно ведя меня в такт музыке.

– Вы правы, профессор. Только все его учителя убеждены, что это его настоящее имя. Он нарочно предоставил неверную информацию при поступлении в Институт.

– Про родовое имя он тоже соврал? – нахмурился профессор.

– Мне он его не называл, – отозвалась я. В мыслях слышать его фамилию мне не удалось, слишком была взволнована открытием и не смогла сосредоточиться.

– Я вас понял, леди. Сообщу, кому следует. Будьте с ним осторожнее, – напутствовал профессор Джозеф, кланяясь и передавая меня следующему кавалеру.

Я бы промолчала, если бы кадет просто кокетничал, или скрыл имя дабы его непредвзято судили учителя. И даже в этом случае такое решение должно было быть согласовано с его ректором. Но намерено вводить в заблуждение всех сотрудников Института, всех, кто его окружает, это может

скрывать под собой преступление.

Подделка документов – самое простое из проступков, которые вытекают из сокрытия имени. Кто-то должен был помочь ему с бумагами. Да, Григорий фактически спас меня тогда, на балконе, и меня мучают уколы совести за моё решение. Но я верю, что сэр Джозеф не станет афишировать информацию, пока всё не выяснит.

В конце концов, в Мужском Королевском Институте должен быть королевский соглядатай, который разбирается с любимыми вопросами, касающимися безопасности учеников.

Бал окончился, леди вышли на крыльцо провожать гостей. Мороз щипал щёки и нос. Не самая удачная идея, выводить разгоряченных учениц на улицу. Слуги привели осёдланных коней. Кадеты проходили мимо нас, весело переговаривались и прощались со знакомыми леди.

– Леди Лира, я знаю, как искупить свою вину. Вам понравится, – Григорий на миг задержался возле меня, легко коснулся пальцев поцелуем и ушёл к своему коню. Я ничего не успела ответить.

– Что он тебе сказал? – любопытная Саня пробралась ко мне мимо других учениц.

– Потом расскажу, ладно? – рассеянно ответила подруге, провожая взглядом спину человека, который назвался чужим именем. Зачем? Ах, Григорий... Что ты задумал?

Следующая неделя прошла для нас с Саней успешно. Мы

ещё дважды занимались вечером в столовой, и подруга спокойно сдала экзамен. В отличие от профессора Йорка, Эрик подошёл к проверке знаний с практической точки зрения и устроил пятерым девушкам, которым была назначена передача, «званный ужин».

Мы с подругой в тот же день зашли к поварихе, поблагодарить за помощь, и она весело рассказывала, как удивилась просьбе профессора накрыть стол на шесть персон по третьей комбинации.

– Вы никак знали, леди? – хитро посмотрела на меня женщина.

– Нет, что вы. Просто дома учителя готовили меня именно так, за накрытым столом. Мне показалось, Сане будет так проще всё запомнить, – я улыбнулась. И ведь действительно, почти совпадение! Я лишь услышала, как Эрик думал про «практический экзамен». А как и где он будет проходить, в тот момент профессор сам ещё не решил.

– Ты была абсолютно права, Лира! Просто вызубрив учебник, я бы никогда не смогла чувствовать себя так свободно за столом. Спасибо тебе, – расчувствовавшись, Саня заключила меня в объятия. Я растерялась.

– Берегите друг друга, девочки. Настоящих подруг найти ой, как непросто, – повариха с тёплой улыбкой смотрела на нас. Потом вдруг опомнилась. – Ой, леди, что это я. Простите мою вольность, – женщина поклонилась.

– Не стоит извиняться, право. Вы нам очень помогли, – я

ободряюще улыбнулась, а Саня не преминула спросить:

– А у вас ещё остались те чудесные ватрушки? Никогда не пробовала булочек вкуснее!

И это была лучшая похвала, которую желала бы услышать повариха.

С Эриком мы столкнулись в библиотеке. Профессор стоял у окна, опершись на край стола, и держал в руке книгу. За окном бушевал ветер, огромные хлопья снега то и дело возникали на тёмном стекле, встретившись с неожиданным препятствием во время своего буйного танца. Два разлапистых зажжённых подсвечника, на моём столе и столе Эрика, заливали этот уголок библиотеки уютным светом. На улице – метель и холод, а здесь – тепло. Я улыбнулась.

– Добрый вечер, профессор. Это та книга, которую вы мне обещали? – я поставила сумку с тетрадями на стул у стола, где обычно занималась.

– Ах, леди Лира, это вы. Не заметил, как вы пришли, – Эрик обернулся и чуть грустно улыбнулся.

– Не мудрено, такая выюга за окном, – я бросила взгляд на залепленное снегом стекло.

– Да, в этом году зима пришла рано... – Эрик не отрывал от меня взгляда.

– Профессор, всё в порядке? – что-то у Эрика сегодня странное настроение.

– Вот именно, что профессор, – вздохнул Эрик. – У меня

нет никакого морального права выделять кого-то из учениц среди остальных. И в то же время я не могу ничего с собой поделаться, – профессор раздосадовано повёл плечами.

– Мы лишь занимаемся вместе в библиотеке, и это не переходит никаких границ, – ответила я. Возможно, я чего-то не понимаю?

– Да, леди, вы абсолютно правы. Но в то же время я отбираю у вас время, которое вы могли бы провести вместе с подругами в музыкальном классе, – виноватый взгляд, опущенная голова. Я точно не понимаю чего-то очевидного! Щиты опустились уже привычным образом. Что же не так со мной или с Эриком?

Профессор думал о поцелуях. В укромном уголке между стеллажей, в пустой зале библиотеки, в парке и на лестнице. Ох! Мои щёки опалило жаром. Поспешно вернув щиты на место, заставила себя вернуться к разговору. Зря я подсматривала в его мысли!

– Что вам сказать, профессор... Я учусь всего ничего в Институте, из близких подруг у меня здесь только Саня, а у неё в это время занятия по языкам. Мне этой весной исполняется семнадцать, я окончу своё обучение и, скорей всего, родители постараются сразу выдать меня замуж, – я подошла к окну и стала рассеянно водить пальцем по холодному стеклу.

– Они уже с кем-то сговорились? – голос профессора был глух.

– Не знаю. У нас в семье не принято об этом говорить. Насколько я знаю, нет, но могу и ошибаться.

– Какие-то невесёлые у нас сегодня разговоры, – вдруг фыркнул Эрик. – Леди, как вы смотрите на то, чтобы сыграть партию в карты?

– Я надеялась позаниматься военной историей, – я бросила взгляд на лежащую на моём столе книгу. В этой секции библиотеки военные кампании правителей разбирались историками на страницах книг без прикрас. Оказывается, были и ошибки, и неверные решения, и опрометчивые поступки.

– Ммм... Давайте вы подарите мне одну партию игры, а я после этого помогу разобраться с внешней политикой Дональда Кровавого. У вас ведь закладка лежит на этой главе?

– Какая же это политика? Война за войной! – я улыбнулась и чуть расслабилась. Интересно, каково это, когда чужие губы касаются твоих?

Мы уже закончили разбирать главу, я написала краткий очерк об этом для преподавателя по военному делу и собиралась на занятие с профессором Олридом и леди Викторией, когда вдруг вспомнила о вопросе, оставшемся без ответа.

– Эрик, скажите, а что было в той книге, которую привезли вам друзья?

Профессор смутился так, что покраснели, казалось, даже волосы.

– Леди Лира, как вам сказать... Книга написана на одном из южных наречий, и я думал попросить вас или, может, ле-

ди Ксанию помочь мне с переводом. Решил ради интереса перевести первые несколько страниц, провёл полдня со словарями. И понял, что чуть не совершил едва ли не самую большую ошибку в своей жизни, – профессор, не глядя на меня, убирал писчие принадлежности.

– Так что же там было? – уже догадываясь об ответе, всё же не удержалась от вопроса.

– Эх, леди... Наука поведения в постели для молодожёнов, – совершенно смущенный профессор отвернулся к окну, а я рассмеялась.

Вечером в этот день я долго не могла уснуть. Пыталась представить, что почувствую, если Эрик и вправду решит меня поцеловать. Коснулась губ кончиками пальцев. А если не Эрик?

Принесли очередное послание от Григория, в котором он цитировал отрывок баллады о влюблённых. Что, если он решит меня поцеловать? Я представила кадета, каким он мне запомнился тогда, на балконе. Решительный, смелый. Вежливый и галантный. Его послания и намёки смущают, но он ведь не сделал ничего плохого или предосудительного.

Я уже жалела, что рассказала профессору Джозефу о том, что юный лорд назвался не собственным именем. Я ведь не знаю причин. Возможно, лучше напрямую спросить у него? И он в ответ поинтересуется, откуда я об этом узнала.

Я мысленно провела руками по плечам облаченного в вы-

ходной камзол Григория. Он в ответ притянул меня за талию... Нет, дальше не могу представить. Меня ещё никто не целовал, родители и воспитатели строго следили за моим целомудрием.

А если Александр? Щёки, и так красные от непристойных мыслей, опалило жаром. Ведь это было бы так естественно тогда, в лесу у ручья. Он без рубашки, и я вожу пальцами по сильной груди и плечам. Александр не отводит от меня горячий взгляд, медленно поднимает руку и касается шеи. Наклоняется ко мне... Тревожно заворочалась во сне Саня.

Ох. От смущения я укрылась одеялом едва ли не с головой. Прикусила губу. Он ни разу не позволял себе ничего смелее взглядов. И никогда не возвращался к теме Истинных Половинок Души. Может, мне примерещилось?

Нет, не может быть. Но почему тогда он лишь учит меня, а не старается обаять? Я ничего не понимаю. Хотя и могу теперь читать мысли, но поступки и Короля, и Эрика, и Григория для меня остаются непонятными.

Глава 17. День рождения Ксании

За два дня до праздника в честь Дня Коронации я проснулась раньше Сани. Тихо, чтобы не разбудить её, достала из ящика красиво обёрнутый бумагой подарок. Надеюсь, Сане понравится. Я поправила завязанную двойным бантом ленту и отправилась будить подругу.

– М? Уже пора? – сонно пробурчала подруга.

– С Днём рождения! – я положила на кровать возле подушки свёрток.

– Ух ты! Спасибо! А что там? – Саня сразу проснулась. Не вылезая из-под одеяла, села и принялась вертеть подарок.

– Разверни, и узнаешь, – засмеялась я.

– Тяжёлый! – осторожно, словно опасаясь, что изнутри может кто-нибудь выскочить, Саня развязала ленту и сняла бумагу. – Шкатулка! Лира, спасибо!

– Ты внутрь загляни! – я сидела на краю своей кровати и наблюдала за действиями подруги. Было приятно видеть её восторг, словно она не ждала никаких подарков и вообще забыла, что сегодня её собственный праздник.

Саня отодвинула упаковку в сторону, бросив прямо поверх одеяла. Я с улыбкой покачала головой. Крышка распахнулась, и Саня, словно не веря себе, замерла, круглыми глазами уставившись на содержимое шкатулки.

Что такое? Не понравилось? Я собралась опускать щиты,

чтобы проверить, с чем именно не угадала, но это не понадобилось. Саня медленно и осторожно отнесла шкатулку на стол, а потом с визгом бросилась мне на шею.

– Лира! Это потрясающе! Ты лучшая! Спасибо!

Я с облегчением рассмеялась. Уф, напугала меня! Следующие четверть часа мы вдвоём перебирали содержимое шкатулки. Я попросила служанку заказать для меня, вернее, для Сани, хороший набор для рукоделия и кое-что в добавок к нему. Сама уложила всё в шкатулку и упаковала.

Теперь мы доставали всё и раскладывали на столе. Полный набор хороших иголок, разной длины, изогнутые и прямые, в аккуратном чехле с перламутром, там же небольшое, но острое шило и маленькие ножнички для ниток. Прочные дорогие шелковые нитки разных цветов для вышивания. Несколько мотков шёлковых лент разных оттенков и ширины и лента белоснежного кружева.

Саня сама не смогла бы купить такие вещи, но это ведь те самые необходимые для леди мелочи, дамские радости. Подруга причитала, бережно перебирала вещицы и то и дело порывалась броситься ко мне обниматься. Мы едва не опоздали на тренировку.

Весь день Саня сияла. Другие ученицы, с которыми Саня хорошо общалась, тоже преподносили подарки. Кто-то ленту для украшения платья, кто-то брошку или нарядную шпильку. А ближе к вечеру приехал припозднившийся курьер, и Саня получила пакетик конфет и несколько поздравитель-

ных записок от кадетов и объёмный свёрток из дома.

Вечером четыре подруги-сокурсницы пришли к нам в комнату, поздравить ещё раз и полюбоваться подарками. Сания всем хвасталась швейным набором, я смущалась и радовалась за неё. Я заранее заказала на кухне сладкий пирог, и поварята принесли его и пару кувшинов ещё тёплого компота прямо в комнату, хоть это и не разрешено правилами.

Угощение было встречено смехом и радостными возгласами, мы расположились на кроватях, торжественно разложив все подарки на столах на всеобщее обозрение. Пирог крошился, и я с ужасом думала, что перед сном придётся вытряхивать одеяла и простыни. Потом мы обсуждали кадетов, делали друг дружке причёски, замысловато повязывали ленты на спинке стула, показывая необычные узлы и банты.

Мы праздновали до тех пор, пока комендант не разогнала всех по комнатам. Мы едва успели набросить на стоящий на Саниной кровати поднос с остатками пирога первую попавшуюся вещь, пряча следы угощений.

Строгая леди в белоснежном накрахмаленном переднике обвела тяжёлым внимательным взглядом комнату и притихших учениц, и, не увидев ничего запретного, попросила разойтись по собственным комнатам. Девушки, проходя мимо строгой комендантши, смотрели на нас чуть виновато и тихо желали спокойной ночи.

Убедившись, что все гости ушли, комендантша вышла и прикрыла за собой дверь. Мы с Саней переглянулись и оки-

нули взглядом комнату. Стул, украшенный множеством разных ленточек, выглядел нарядно и забавно одновременно. Забытая одной из девушек накидка на плечи висела на спинке моей кровати.

Я перевесила накидку на крючок на стене у двери, решив, что отдам завтра утром. Бродить сейчас по коридору не хотелось, ведь можно наткнуться на недовольную комендантшу.

– Ой, моё платье! – воскликнула Саня и с досадой принялась отряхивать нижнее платье, которое и прикрыло поднос с крошками от гневного взора комендантши. Не выдержав, я хихикнула. Саня, хмуро разглядывая испачканное платье, фыркнула, и тоже рассмеялась. Вот так посидели!

Потом мы с Саней вытряхивали одеяла и простыни, я расплетала невообразимое нечто, которое подружки заплели мне на голове, а Саня, быстро разобравшись с волосами, бережно укладывала швейный набор в шкатулку и убирала прочие подарки со стола.

Мы переоделись в ночные платья, и, переглянувшись, дружно решили, что спать пока не хочется. Сидя на одной кровати, мы с Саней доедали конфеты и решали, как украсить платья к ближайшей субботе.

Я теребила пушистые кисточки на углах накинутой на плечи шали. Подруга листала подаренный родителями сборник схем для вышивки, иногда прикладывая к картинкам новые нитки и ленты. Она закусывала нижнюю губу, решая, что будет лучше смотреться на ворота тёплой кофты. Я зевнула.

– Ой, Лира, прости, совсем я тебя замучила! – Саня отложила книгу и ленты в сторону.

– Ну что ты. По-моему, сегодня день прошёл просто чудесно. Надеюсь, весь твой следующий год пройдёт так же весело. С семнадцатилетием, подружка! – я повесила шаль на спинку стула и перебралась на свою кровать.

– Спасибо, Лира. Ты лучшая подружка, какая только может быть!

– Ты меня смущаешь, – я укрылась одеялом и снова зевнула.

– Я говорю чистую правду, – серьёзным голосом ответила Саня и затушила свечи. – Пусть тебе приснится принц из сказки, на белом коне, – пожелала подружка.

– А тебе пусть приснится принц на белом единороге, – привычно отозвалась я. – Кажется, вытряхнуть все крошки нам не удалось, – пробормотала я, пытаюсь устроиться лучше.

– Вот и я думаю, что пирог в комнате был не лучшей идеей, не зря продукты держать у себя запрещено. В следующий раз надо брать два пирога! Про два пирога ведь в правилах не сказано? – зевнула подружка.

Глава 18. Праздник в честь Дня Коронации

В день праздника в честь Дня Коронации с утра небо хмурилось серыми тучами. Пронзительный неуютный ветер трепал полы плащей, когда мы бежали из корпуса к корпусу. Настроение было под стать погоде.

Сегодня самые трудные для меня предметы! А ещё этот праздник означает, что Короля сегодня точно не будет. Он приезжает всегда в разные дни и в разное время, чтобы было сложнее отследить, и было не заметно, что Король куда-то исчез из дворца.

Я привыкла ожидать его каждый день, и без этого ожидания внезапно почувствовала тоску. А у Эрика после обеда занятия с младшим курсом, он не сможет прийти в библиотеку. Я чувствовала себя совсем одиноко.

К вечеру распогодилось. Ветер стих, тучи сменились бледными облаками. Решив, что слишком много времени провожу взаперти, я оделась потеплее и отправилась бродить по дорожкам сада.

Хрустальный вечер окутывал умиротворением, я с наслаждением вдыхала свежий морозный воздух и думала о том, что в жизни не так часто случаются такие чудесные моменты. Или мы просто не замечаем их, пробегая в спешке мимо?

– Эй, Лира! – мне навстречу шла Розалинда с каким-то свёртком в руках. – Подойди к старой яблоне, тебя там ждут.

Кто может ждать на морозе у скрипучего дерева? Опустила щиты. Действительно, некто остановил Розалинду и попросил меня позвать.

– Спасибо, Розалинда. А кто меня ждёт?

Сокурсница только пожала плечами и поспешила дальше. Но ответа мне и не требовалось, я уже увидела его в мыслях. Но как Григорий попал на территорию Института?

Оглядываясь, чтобы убедиться, что никто меня не видит, я поспешила к кадету. Вот удумал! А если нас увидят вдвоём, наедине, в укромном уголке сада? Нет уж! Сейчас скажу ему, чтобы больше такого не вытворял и прекратил передавать мне посылки с намёками! А то с каждым последующим письмом строчки становились всё откровеннее, чем меня смущали и злили. Как можно такое писать юным леди?

В последний раз оглянувшись, я сошла на боковую дорожку, которая стелилась между кустов шиповника до самой яблони. Дерево стояло в центре лужайки, за ней высился каменный забор. Летом кусты очень красиво цвели, а под яблоней, прямо на траве, ученицы в хорошую погоду расстилали пледы и занимались рукоделием.

Григория я увидела издалека. Он стоял спиной к дорожке, перетаптывался с ноги на ногу, пинал заиндевевшие камни, потирал лоб, прятал руки в карманы и тут же доставал их обратно. Волнуется?

Приопустила щиты. И тут же на меня нахлынула волна тоски, желания оправдаться, чувство вины вперемешку со страхом, что я его не прощу. Я сбилась с шага и вернула щиты на место. С таким шквалом чужих эмоций я без них справиться не смогу.

Раньше Григорий казался мне спокойным и сдержанным, не ожидала от него такой бури. Весь боевой пыл снесло этой эмоциональной лавиной. Разве можно злиться на человека, который настолько хочет помириться?

Кадет обернулся и, увидев меня, замер с улыбкой на лице. Я подошла ближе.

– Здравствуйте, Лира. Вы сияете, как звезда в ночи, – Григорий смотрел с восхищением, и мои щеки залил румянец.

– Добрый вечер, Григорий. Ах, что вы, право. Это очень мило. Но как вы здесь оказались? Вам нельзя на территорию Института без сопровождения и в не бальный день! – меня тревожил этот вопрос.

– Влюблённому сердцу это не помеха, леди. Помните, я говорил в конце прошлой встречи, что хочу восстановить себя в ваших глазах? Я здесь именно за этим.

– Григорий, не лучше ли было отложить это до субботы? Будьте уверены, я приняла ваши извинения, об этом можете не беспокоиться. Просто пообещайте, что больше не станете уводить меня, если не собираетесь приглашать на танец. Этого будет достаточно.

– Что вы, Лира, я больше не совершу такой ошибки! Рас-

плата за неё слишком высока. Я не переживу, если снова нечаянно вас обижу. Но позвольте мне всё же попытаться выкупить свою вину. Вы хотите в город? На празднование Коронации?

– Но нас не выпускают за пределы Института!

– Официально, конечно, нет. Но мы не будем спрашивать. Всего час, леди! Никто и не заметит вашего отсутствия!

Видя мои сомнения, Григорий умоляюще улыбнулся.

– Соглашайтесь, Лира. Там, на площади, уже половина вашего курса гуляет. Сегодня выступают лицедеи, поставили шатёр, а у фокусника на плече сидит ручная обезьянка. Я сам видел, пока шёл сюда. Ну, или хотя бы просто пройдемся, и я ещё раз попытаюсь уговорить вас. Такая чудесная погода!

Если бы не подслушанные мысли, я бы никуда не пошла. Но жгучее, почти болезненное желание вернуть моё доверие выбило меня из колеи. Сама себя ругая, я протянула Григорию руку, и тот буквально засиял. Осторожно положил мою ладонь на свой локоть и повёл вдоль высокой каменной ограды.

Он смешил меня историями с кадетской практики, с нежностью рассказывал про своего коня, спрашивал о моих родителях и интересовался, какие мужчины мне нравятся. Я отшучивалась и уходила от ответа, но Григорий всё равно подлавливал меня так, что я вынуждена была отвечать.

Мы прошли совсем немного, когда впереди мелькнула фигура в тёмном пальто. Я остановилась, переживая, как бы

Григория не заметили.

– Не бойтесь, леди. Там все такие, как я. Или думаете, откуда бы я знал, как можно пройти на территорию? Меня провели. Пойдёмте, познакомлю с ними, – и Григорий потянул меня вперёд.

Я радовалась, что дальше мы будем не наедине, это как-то стесняло. Ещё минута, и мы вышли на закрытую деревьями и кустами полянку перед оградой. Пять человек, две ученицы и три кадета, весело что-то обсуждали. Григорий поздоровался с молодыми людьми. Мы с девушками смущённо друг другу кивнули. Леди были помладше, и мы с ними мало общались.

– Ну что, все собрались? – пробасил незнакомый кадет

– Идёмте, всё самое интересное пропустим! – надула губки одна из леди.

– Юлия ещё не пришла. Вы идите, а я её дождусь. Встретимся возле фокусника, – один из кадетов пожал остальным руки и отошел в сторонку.

Кавалеры подали руки своим спутницам и повели к стене. Ругаться и говорить, что это неправильно и я никуда не пойду, было как-то неловко. Это испортило бы праздник остальным, и потом, мы же не вдвоём, нас много, так что формальности соблюдены. И до ужаса хочется посмотреть на обезьянку! Мы ведь ненадолго, всего на час, и сразу вернёмся. Никто и не заметит.

Леди весело щебетали, предвкушение праздника, при-

правленное перчинкой запретности, будоражило кровь. Я сбегая из института! Подумать только! Судя по разговорам девушек, они проделывают это не в первый раз.

В каменной ограде оказалась дыра, стыдливо спрятавшаяся за кустами. Кадеты пролезали первыми и протягивали дамам руку, помогая пробраться. Приходилось пригибаться и смотреть под ноги, чтобы не упасть.

А ещё лаз был узким, и я беспокоилась, что здесь легко можно зацепиться и порвать или испачкать пальто. Но волновалась я зря, и вот стены института остались позади. Самый сложный и непоправимый шаг сделан. Как хорошо, что леди Амалия всего лишь эмпат и не может читать мыслей!

Следом за мной выбралась последняя пара и все пошли прочь, навстречу празднику, по вытоптанной множеством ног тропинке. И как леди ректор ещё не узнала про этот ход? Судя по следам, здесь ежедневно бегают табун учеников и учениц!

Фыркнув пришедшему на ум сравнению, я старалась не отставать от других. Григорий шёл рядом, если позволяла тропинка, или впереди, то и дело оборачиваясь. Через десять минут мы вышли к первым домам, и вот мы уже посреди сияющего огнями городка. Город стоит под стенами столицы, дома невысокие, люди приветливые. Или это просто так кажется? Я ведь и столицу видела только из окна кареты.

Кавалеры уверенно вели нас в центр, на площадь. Вдоль улицы, по которой мы шли, горели два газовых фонаря, и на

каждом шагу полыхали костры в честь праздника. Возле них собирались компании, кое-где пели, везде смеялись.

Мы обходили группы людей стороной, а когда какой-то мужчина сделал комплимент одной из учениц, её спутник-кадет ответил такой бранью, что я покраснела до кончиков волос. Приятели дерзкого мужчины одобрительно заржали и, подхватив растерявшегося друга под руки, повели прочь.

Я во все глаза смотрела вокруг. Чем ближе мы подходили к площади, тем чаще попадались магазины. Мы прошли витрину с предметами для рукоделия, на той стороне улицы нарядный манекен приглашал в лавку портного, рядом поскрипывала на ветру вывеска цирюльника.

Шум толпы нарастал, и вскоре мы вышли на большую площадь. Вокруг пестрили палатки торговцев товарами и развлечениями, весёлые люди по одному, парами или компаниями бродили между палаток, смеясь и грея руки в рукавицах.

– Хочу выпить что-нибудь горячее, я замерзла, – одна из учениц бросила жалобный взгляд на своего кадета. Тот кивнул и, коротко попрощавшись с остальными, увёл леди к палатке с вывеской в виде чайника.

Я огляделась. Справа от нас на палатке вывеска в виде кошки, – интересно, что там? Прямо лавка сладостей с разноцветным пирожным на эмблеме. Дальше чайник, бусы, иголка и лента, пряник, рыбка. Я смотрела по сторонам,

словно боялась что-то пропустить.

– Итак, леди, куда желаете заглянуть в первую очередь? – с улыбкой спросил Григорий. Остальные уже разошлись в разные стороны. Заметив, что я ищу других учениц взглядом, Григорий поспешил меня утешить:

– Мы с сокурсниками договорились, что встретимся через двадцать минут у палатки фокусника. Как раз к началу представления. А пока мы можем просто погулять.

Я кивнула и, опершись на предложенный локоть, с предвкушением пошла вперёд. Ожидание праздника, чуда бурлило в крови задорными пузырьками. Давно со мной такого не было!

В палатке с кошкой оказался магазин животных. Птички, щенки комнатных собачек, котята и даже мышки копошились в клетках, поставленных одна на другую. Все малыши выглядели несчастными, хотелось почесать и накормить каждого. Если бы я могла взять их всех себе!

Я еле заставила себя уйти оттуда. После душной лавки, наполненной гомоном и шебуршанием, Григорий повёл меня в лавку сладостей. Правда, по пути нам попалась та самая палатка с иголкой и лентой, пройти мимо я не смогла и долго стояла, разглядывая красивые безделушки.

Я настояла, что в этой лавке плачу сама, так как покупаю не себе, а в подарок. Григорий пожал плечами и отошёл в сторонку, дожидаться меня. В итоге я взяла широкую, в два пальца, тёмно-синюю ленту и несколько разрисованных де-

ревянных бусин.

Когда я, счастливая, отошла от прилавка, Григория поблизости не было. Но нашёлся он быстро, кадет шагал в мою сторону, держа две дымящиеся кружки.

– Купила, что хотела? – улыбнулся он, когда подошёл ближе.

– Я бы с радостью скупила всю лавку, боюсь только, что мне это ни к чему, даже если хватило бы денег, – улыбнулась я.

– Понимаю. Я так же чувствую себя в оружейной. А уж когда начинаю выбирать ножны, это затягивается минимум на полдня. Вот, держи, надеюсь, немного согреешься, – Григорий протянул мне одну из кружек. Вопреки опасениям, она не обжигала, но именно грела руки. Внутри оказался тёплый ароматный напиток с травами и мёдом.

– Что это? – я сделала маленький глоточек.

– Ну, как мне объяснили, здесь яблоки, малина, мёд и травы против простуды. Продавщицы заверила, что юные леди берут именно этот напиток. Не нравится? Я возьму что-нибудь другое, – забеспокоился Григорий.

– Нет, что ты, очень вкусно. В доме родителей повариха делала что-то похожее, только без яблок, на малиновом варенье, – улыбнулась я.

– Тогда ладно. Пойдём к фокуснику? Все наши уже там, осталась пара минут до начала.

Сделав ещё глоток, я кивнула и поспешила за Григори-

ем. Кадет очень ловко лавировал в потоке людей, я старалась держаться поближе, так как боялась, что потеряю его из виду. Стоило отстать хоть на шаг, и тут же со всех сторон начинали толкаться и ворчать. Я порадовалась, что пришла сюда не одна.

Наконец, мы выбралась к скоплению людей. Яркая, в звёздочках и солнышках, палатка фокусника стояла чуть в стороне от остальных палаток, а перед ней был маленький помост, вокруг которого и толпились зрители. И как же мы здесь найдём своих спутников?

– Эгей! – Григорий громко крикнул и замахал свободной рукой.

– Эгей! – откликнулись из толпы, и с другого края, совсем близко от помоста, нам помахали рукой.

– Пойдём, нам заняли место, – улыбнулся Григорий и повёл меня к знакомым.

Удивительно, но окружающие не стали возмущаться, что мы пробиваемся вперёд, как я того боялась. Поэтому я выбросила все тревоги из головы и приготовилась насладиться представлением. Сокурсницы радовали взор горящими глазами и румяными щеками. Ой, я тоже так выгляжу? Озадачиться этим всерьёз я не успела.

Раздалась барабанная дробь, и из шатра на помост взбежал худой мужчина в необычных одеждах. Синий плащ в золотых звёздочках развевался за спиной, а смешная остроносая шляпа смотрелась потрясающе нелепо. Но когда он снял

с головы эту самую шляпу, и из неё выпорхнула пара голубей, толпа ахнула. Как они там оказались? Даже один голубь не смог бы спрятаться внутри! И они же живые, шевелятся, а под шляпой никакого шевеления не было!

Вторым номером фокусник достал монетку из волос ближайшей девушки, потом длинную-предлинную ленту связанных за уголки пёстрых платочков из кармана озадаченного мужчины. Потом позвал из шатра обезьянку, и она принялась бегать по помосту, жонглируя шариками.

Иногда какой-нибудь шарик падал, и обезьянка очень расстраивалась и переживала. Мы смеялись и хлопали в ладоши. Пустые стаканы один из кадетов куда-то унёс, и мы могли сколько угодно аплодировать актёрам.

На помосте из ниоткуда возникла шляпа, и в неё тут же посыпались монетки. Фокусник раскланивался с публикой, обезьянка приседала в реверансах. Мы тоже кинули несколько монеток, а потом одна из учениц толкнула меня в бок.

– Смотри! Здесь профессор Джозеф и леди Виктория! – действительно, между палаток неспешно шли преподаватели, переговариваясь. – Увидят нас, будет плохо! Бежим! – быстро зашептала девушка.

И мы все побежали. До ближайших домов добрались быстро, прячась за лотки и палатки, а возле домов все почему-то кинулись в разные стороны.

– Так нас сложнее поймать. Сюда! – Григорий держал меня за руку и вёл всё дальше от праздничного шума.

Мы завернули в какой-то переулок, и я прислонилась к стене дома перевести дыхание. Сердце стучало, словно намеревалось выпрыгнуть из груди. Веселье от получившейся шалости будоражило кровь. Я всё-таки сбежала из Института в город на праздник! И мы видели фокусника с обезьянкой, и я бродила по палаткам. Ох, кажется, преподаватели нас не заметили.

Внезапно оказалось, что вокруг вообще никого нет. Окна и двери закрыты, прохожих не видно, фонари не горят. Темнота ложилась тяжёлым покрывалом на плечи, а Григорий стоял совсем близко.

Я подняла на него взгляд. Он смотрел на мои губы, оперся рукой о стену над моим плечом и медленно наклонялся всё ниже, не отводя взгляд. Сердце гулко стучало о рёбра. Если я сейчас ничего не сделаю, Григорий меня поцелует. Но я не могла себя заставить пошевелиться или произнести хоть слово. Время текло, как густой мёд, безумно медленно.

Вдруг за плечом Григория мелькнуло светлое пятно. Я, наконец, отвела взгляд от лица кадета, и спешно опустила щиты. Кто это? Грабитель? Просто прохожий?

За спиной кадета, в нескольких шагах, стоял мужчина в светлом пальто, каких много среди горожан. Он смотрел, казалось, прямо на меня и качал головой.

«Вам нужна помощь, леди?» – услышала в его мыслях. Только эту фразу и ничего больше. Он носит щит? Следит за мной? Может, он приставлен ко мне Королём?

Лицо опалило жаром. Я покачала головой, и услышала в ответ: «Если будет нужна, кричите».

Я повернулась к Григорию, который не замечал неожиданного свидетеля.

– Не надо, прошу, – я смотрела Григорию в глаза, и видела в них досаду.

Он сделал последнюю попытку, резко подался вперёд, но я отвернулась. Щеки коснулось его дыхание. Какая щекотливая ситуация! Да ещё при свидетелях! А ведь он обязан будет донести Королю, если это действительно один из Его людей. Почему-то у меня не возникало в этом сомнений. Я посмотрела за спину Григория, но улица была пуста.

– Прости. Ты такая красивая, я не мог удержаться, – отступил на полшага кадет. Он обернулся, проследив мой взгляд, но никого не увидел. Однако я не сомневалась, что мужчина всё так же за нами смотрит.

– Не делай так больше, – я надеюсь, мой взгляд был достаточно твёрдым.

Григорий неопределённо повёл плечами и протянул мне руку.

– Пойдём, уже много времени. Тебя могут хватить.

– Хотелось бы вернуться раньше.

За всю дорогу мы проронили едва ли несколько слов. Григорий пытался завязать разговор, будто ничего не случилось, но я была слишком занята своими мыслями, чтобы поддерживать беседу. Уже у стены, возле прохода, кадет взмолился:

– Не молчите, леди, умоляю! Скажите хоть что-нибудь!
Я обернулась.

– Это была чудесная прогулка. Спасибо за фокусника с обезьянкой и горячий напиток. Но я очень надеюсь, что впредь вы будете держать себя в руках и перестанете засыпать меня двусмысленными письмами, это неприлично.

Я так и не подняла щиты, решив защитить себя от неожиданностей. И потому, лишь мельком, услышала удивление в мыслях Григория. Он не подозревал, что его послания неприличны?

За спиной Григория, на границе видимости, стоял мужчина в светлом пальто. Он кивнул мне, и я, пригнувшись, пробралась через дыру в заборе на территорию Института. Когда я повернулась, мужчины не было видно. Григорий тоже обернулся, но, как и в прошлый раз, никого не заметил.

– До субботы, леди, – поклонился кадет.

– Прощайте, – ровно попрощалась я и пошла к корпусам. Выбравшись на дорожку, посмотрела на небо, на свет в окнах учебного корпуса, и побежала. Надеюсь, успею!

Я поспешно скинула верхнюю одежду на первом этаже, среди множества таких же ученических плащей, и поднялась на верхний этаж, к кабинету каллиграфии. Девушки толпились у окон, толкаясь и переговариваясь.

– Лира! Иди скорее, я заняла место! – Саня махала рукой от правого окна. Я улыбнулась и подошла к подруге.

– Тушите свет, а то ничего не увидим! Уже вот-то начнёт-

ся! – заволновалась второкурсница у левого окна. Тут же девушки затушили все лампы, и мы замерли в ожидании, боясь испортить момент словом или жестом.

Наконец, вдали громохнул первый залп и среди звёзд расцвёл сияющий цветок. Все дружно ахнули. Синие, зелёные, золотые вспышки озаряли небо, и мы, затаив дыхание, наблюдали за их танцем. Восемь вспышек, по количеству лет официального правления. Я никогда об этом не задумывалась, но выходит, Король моложе Эрика? Он выглядит гораздо старше. Ответственность, тяжесть дара или пережитое делает его таким?

Король

Один из приставленных к Лире охранников недавно ушёл, отчитавшись за своё дежурство. Я еле дождался конца доклада, чтобы не покалечить ненароком солдата.

Этот умник ещё и заступился за малышку, сказал, что она не ожидала и ничем не провоцировала кадета. У него дочь ненамного младше моей птички, потому и выбрал его.

Я видел прогулку моей леди в его мыслях, слова же проходили мимо сознания из-за клокотавшей внутри ярости. Какой-то недоросль посмел попытаться заполучить её поцелуй!

Я стоял посреди разгромленного кабинета, тяжело дыша. Клокочущая внутри ярость пожирала, сжигала заживо, заставляя крушить всё вокруг. Перевернутая мебель, разбитые стёкла, полный хаос. Взгляд упал на резной пресс для бумаги, который я всё ещё сжимал в руках. Фигурка полетела в стену и прыснула щепками.

В груди ворочался тугой клубок мерзких скользких змей. Хотелось свернуть шею этому... кадету, хотелось прижать Лиру к себе и доказать упрямице, кто на самом деле ей нужен.

От мысли, что моей птички может коснуться кто-то другой, перед глазами падала чёрная пелена, а дыхание застревало рыком в груди. Её взгляды, её нежность, её первый поцелуй должны принадлежать только мне! Я её Король!

Эта мысль ушатом ледяной воды скользнула за шиворот, и я устало опустился в чудом уцелевшее кресло. Я всего лишь король, привыкший командовать и получать своё, не оглядываясь на окружающих. Я деспот, как подумала обо мне малышка в одну из наших первых встреч. И если я хочу получить её доверие, а я этого желаю как ничего в жизни, надо доказать ей, что я могу быть другим с ней. Для неё.

Глухой странный звук выдернул из задумчивости. С удивлением и грустной обречённостью я понял, что это был мой собственный рык. Боги, не покиньте, дайте сил дожить до того момента, как она станет моей!

Глава 19. Столичный театр

Ли́ра

Весь следующий день после праздника в честь Коронации я ходила, словно в воду опущенная. Чего-то не хватало, и я то и дело бросала взгляды в окно, за что получила замечание от преподавателя на уроке каллиграфии.

Каково же было моё удивление, когда я поняла, что мой взгляд против воли направлен на ворота, и я выглядываю на дорожках сада знакомую фигуру. Очень жду, что он пройдёт уверенным размашистым шагом через двор, направится прямо в преподавательское крыло, где к кабинету леди Амалии ведёт отдельная лестница. Жду, что меня вызовут в кабинет леди ректора к «придворному учителю». Я... скучаю по Королю?

Эта догадка настолько поразила меня, что я получила ещё одно замечание за невнимательность. До самого вечера я чувствовала себя растерянной, а на следующее утро проснулась с твёрдой уверенностью, что сегодня Король непременно приедет.

Мои предчувствия сбылись, и вовсе не так, как я ожидала. Леди Амалия вызвала меня к себе прямо с утра, сразу после тренировки и завтрака. В кабинете уже ожидал Король.

Он нетерпеливо вышагивал по комнате, не снимая пальто. Моё сердце зашлось в радостном танце, и стоило огромных усилий ровно поприветствовать, сохраняя внешнее спокойствие. Хотя Он всё равно услышал всё в моих мыслях.

«Услышал. Уж прости, но твои щиты для меня не помеха. Мне безумно приятно, что ты меня ждёшь. Готова?».

«К чему?» – любопытство заскреблось пушистой кошкой.

«Мы идём в театр».

«Что? Но как...» – в голове проскочила мысль, что ученическое платье – неподобающий наряд для светских выходов, и уместно ли будет появляться в обществе Его Величества, и что до вечера ещё далеко.

Представления ведь даются по вечерам, так? Неужели Он проделал такой путь, только чтобы сообщить о приглашении? Почему не отправил записку или не передал через охранников? Получается, Он сейчас уедет?

В груди вдруг появилось неудобное чувство пустоты. Такая короткая встреча...

«Маленькая пугливая птичка», – с тёплой смешинкой поделился мыслями Король. – «Мы едем прямо сейчас. В Столичном Театре на главной сцене сегодня генеральная репетиция завтрашней премьеры. Всё будет в точности так, как на самом представлении, но из зрителей будем только мы вдвоём. Пройдём сразу в мою ложу, там отдельный вход, никто нас не увидит. Хочешь?».

Конечно, хочу, только как сказать или подумать об этом,

чтобы это было приличным? Я была в театре всего однажды, с родителями, и мне там безумно понравилось. Богато украшенный зал, драпировки из тканей, позолота на колоннах, лепнина. А костюмы актёров, а оркестр!

Александр беззастенчиво слушал мои восторги, необходимо посмеиваясь.

«Раз тебе понравилось представление гастрольной группы в вашем уездном городке, то и Столичный Театр не оставит равнодушной».

– Леди Амалия, я забираю леди Лиру до вечера. Душа моя, переобуйся и надень пальто. Карета стоит сразу за центральными воротами. Мы будем ждать.

Мы? Я только сейчас заметила в комнате ещё одного мужчину, замершего у стены. Охрана?

«Увы, положение обязывает. Мой друг, Роман. Я познакомлю вас позже. Если не хочешь опоздать к началу, надо торопиться».

Я присела в подобающем реверансе и, получив разрешение, вышла за дверь. На миг прислонилась спиной к стене, унимая колотящееся сердце. Я еду в театр!

Почти бегом я припустила в холл, к гардеробной. Присела на скамеечку, завязывая шнурки на ботинках. Накинула пальто, и было поспешила на улицу, но тут мой взгляд упал на висящее в холле зеркало. Раскрасневшееся лицо, блестящие глаза, приоткрытые губы, малость растрёпанная причёска. И как я в таком виде покажусь Королю?

Пришлось ещё немного задержаться, поправить выбившиеся локоны. Покусила губы, надеясь, что они от этого станут краснее, сделала несколько глубоких вдохов, пытаюсь успокоиться. Видел бы кто-нибудь из учениц, как я тут прихорашиваюсь! По счастью, все они сейчас на занятиях. Ох, наверное, уже надо спешить. Надеюсь, мы не опоздаем к началу!

– Леди, позвольте вашу руку, – раздался густой низкий мужской голос, стоило выйти на крыльцо.

Я, не ожидая такого, чуть испуганно обернулась. На крыльце стоял мужчина в светлом пальто и предлагал опереться на локоть. Тот самый охранник, что присматривал за мной в городе. Я смутилась.

«Его Величество переживает, что вы второпях можете оскользнуться, и просил меня проводить вас».

Кивнув, положила руку ему на локоть, и искоса посмотрела на своего охранника. Густая короткая борода и усы, голубые глаза в обрамлении пушистых ресниц. Из-под шапки выбиваются русые пряди, а на плечи, как о том мечтала Саня, можно на каждое посадить по ребёнку и так катать по двору.

– Могу я спросить... – я смутилась. Всё-таки мужчина видел меня в не совсем однозначной ситуации.

– Что угодно, леди, – пробасил охранник.

– Вы уже доложили Ему о... той прогулке? – я смотрела на мужчину, ожидая ответа, и не заметила лёд под ногами. Охранник ловко поддержал меня, не дав упасть.

– Осторожнее, леди, – и продолжил, уже мысленно:

«Да. Мы дежури́м рядом с вами по очереди, по несколько дней. И в конце каждой смены я обязан приходить к Его Величеству с докладом».

– А... Александр сильно ругался? – меня почему-то волновал этот вопрос. Я не заметила, что назвала Его по имени, но мужчина никак это не прокомментировал. Запоздало мелькнула мысль, кто имеет право называть Его по имени, и могу ли я при посторонних?

«При мне он был спокоен. Но, говорят, после моего ухода он опять разгромил кабинет. Казначей ругается, что приходится много тратить на новую мебель», – улыбнулся в бороду мужчина. – «Только я вам этого не говорил, леди».

В смысле – опять? Ох.

Мы вышли за ворота, и, как и обещал Король, там стояла готовая к отъезду карета. Королевского герба на ней, как я ожидала, не было. Незнакомая эмблема украшала двери, но рассмотреть я не успела. Мой охранник распахнул дверь, и Король протянул мне руку:

– Садись.

Я ухвати́лась за протянутую ладонь и залезла внутрь. Странно, раньше даже просто коснуться Его было страшно, а теперь я беззастенчиво опираюсь на его руку.

В карете кроме Александра был незнакомый мужчина, тот самый, что и в кабинете ректора. Он сидел чуть дальше, в полутени, задвинув шторку на своём окне. В тёплой одеж-

де для верховой езды, шапка в руках. Волосы стянуты в низкий хвост, тонкий шрам на щеке. Посчитав, что разглядывать окружающих неприлично, я отвела взгляд.

Мужчины сидели рядом, оставив мне целую скамью. Отодвинув край шторы на окне, я увидела, как мой охранник ловко вскочил на лошадь. Карета тронулась.

«Артемий сказал, ты оскользнулась. Всё в порядке?» – в мыслях Его Величества слышалась забота. Значит, приставленного ко мне стража зовут Артемий. Неудобно даже, надо было спросить раньше.

«Спасибо, всё в порядке. Он не дал мне упасть. Александр, я хотела уточнить. Обращаться к тебе по имени...» – я не успела додумать фразу до конца, Король и так меня понял.

«Ты можешь всегда. Остальные – только по титулу, кроме самых доверенных лиц. Вот, кстати, один из них».

– Лира, позволь тебе представить. Роман, начальник моей личной стражи. Роман, леди Лира, моя Истинная Половинка, – тепло улыбнулся Александр на последних словах, глядя на меня. Я смутилась.

– Большая честь для меня, леди, – скупно кивнул Роман.

– Благодарю, – вежливо кивнула в ответ. Сомневаюсь, что он посчитал честью знакомство с юной воспитанницей Института. Скорее уж, факт, что ему доверил свою тайну Король. Александр качал головой и улыбался, слушая мои мысли.

«Я могу спросить...» – неуверенно подумала, глядя на Его Величество.

«Ты можешь спрашивать меня о чём угодно и когда угодно», – нахмурился Король. – «Ты не простолюдинка и не фрейлина, чтобы лебезить передо мной. Мы с тобой на равных. Привыкай».

Роман кинул быстрый взгляд на Александра. Тот покачал головой, и начальник стражи снова отвернулся к окну. Он приподнял край шторы и смотрел на дорогу с сосредоточенным видом.

От этой отповеди стало немного не по себе, но я взяла себя в руки.

«Хорошо. Я хотела узнать, Артемий единственный, кто присматривает за мной?».

«Нет», – откинулся на спинку сиденья Король. – «Есть ещё трое. Они дежурят обычно парами».

«А почему раньше не показывались?» – карета подскочила на ухабе, и я поспешно откинулась на спинку, по примеру Его Величества. Так легче держать равновесие. Ещё не хватало на очередной кочке упасть со скамьи.

«Я запрещал», – ровно пояснил Его Величество. – «Ты боялась всего, связанного с Коронай. Не хотелось пугать тебя ещё больше».

Так что получается, Артемий нарушил приказ? И, раз я теперь знаю об охране, они начнут сопровождать меня на занятия? Роман, уловив что-то на моём лице, бросил в мою

сторону косо́й взгляд. Брр, какой он жуткий! Ещё и этот шрам!

«Наивная маленькая птичка. Нет, что ты, всё останется как прежде. Просто теперь ты знаешь, что находишься под защитой. И не стоит пугаться Романа, напротив, если будут какие-то трудности, а меня не окажется рядом, смело обращай за помощью к своим охранникам или напрямую к нему».

Я не смогла вообразить себе ситуацию, которая требовала бы такого вмешательства, но послушно кивнула.

«Знаешь, откуда у него этот шрам?» – хитро прищурился Король.

А это прилично, обсуждать людей? Но любопытство уже зашевелилось внутри пушистым комочком, и я ответила:

«Откуда же?».

«О! Это замечательная история. Роман был одним из лучших выпускников мужского Института, и однозначно был и остаётся лучшим мечником в королевстве. Я тогда только учился, разрываясь между занятиями и государственными делами. Ты ведь знаешь, что без сертификата о высшем образовании не имеют права короновать?» – вопросительно изогнул бровь Александр.

«Да, я читала об этом в какой-то из книг в пурпурной секции», – отозвалась я, закусив губу от любопытства.

«Так вот. Я был наслышан о столь замечательном выпускнике, ну и молодецкая гордость ударила в голову. Только

ты об этом никому не говори, ладно? Тебе-то я могу сказать, а для остальных это был спланированный и взвешенный шаг!» – подмигнул мне Александр, и я смутилась. – «В общем, стало любопытно, смогу ли я одолеть его с моими способностями. Вызвал я его на поединок, запела сталь... Скажу тебе, это был последний опрометчивый поступок в моей жизни. Этот случай научил меня, что не стоит всегда полагаться только на ментальные способности. Против профессионалов этого недостаточно».

«Так откуда же шрам?» – не поняла я.

«Я его достал», – самодовольно улыбнулся Александр. Как мальчишка! Я невольно улыбнулась в ответ. – «Это было очень сложно. Я думал, он меня покалечит, сражались мы оба на полном серьёзе. Мне совершенно случайно удалось провести обманный выпад, и я его зацепил. Прибежали учителя, ректор, растащили нас в разные стороны. По праву первой крови признали меня победителем поединка, и отправили обоих в лекарское крыло. Не удивляйся, у молодых людей часто бывают травмы на тренировках, поэтому одним кабинетом там не обойтись. Самое интересное, что после осмотра Роман пришёл ко мне в палату, встал на одно колено и попросил принять у него присягу. Всего за один поединок он понял, кто я есть».

«А ты учился не как Король?» – поинтересовалась я.

«Нет, что ты. Мне нужны были оценки за знания, а не за титул. Меня все боятся, помнишь? И потом, я присматри-

вался к молодёжи, искал себе соратников. Как видишь, не безуспешно».

Остаток пути Александр рассказывал смешные истории из своей учёбы, как он пытался совместить несовместимое, убегал из дворца ради лекций по военной тактике или экономике. Он был самым молодым учеником в истории Института, и, кроме того, всю программу сдал меньше, чем за полтора года.

«Я назначил день коронации, ещё не сдав два предмета. На последнем экзамене чуть не провалился, пришлось искать ответ в мыслях преподавателя. Это был единственный случай, когда я смухлевал в учёбе. Признаться, не понимал тогда, зачем Королю знать такой предмет. Теперь вот жалею», – притворно вздохнул Король.

«А что это за предмет?» – я прикусила губу, пытаясь сдержать рвущийся наружу смех. Александр как-то странно посмотрел на мои губы и чуть помедлил с ответом.

«Язык цветов».

Смех сдержать мне не удалось.

«Мы приехали».

Карета остановилась, плавно покачнувшись. Я с любопытством выглянула в окно, но увидела только голые ветви живой изгороди.

«Здесь летом красиво, всё цветёт, как-нибудь сходим с тобой погулять. Хотя дворцовый парк, конечно, лучше», – отметил Его Величество, продолжая сидеть.

Роман вышел из кареты первый, а через минуту открыл дверь с моей стороны и протянул руку:

– Леди.

Я спустилась, придерживая юбки платья. Улыбнулась про себя. Не зря леди Амалия поставила старую карету во дворе, и на уроках изящных манер время от времени нас заставляли элегантно в неё садиться и вылезать. В пальто и с ворохом юбок это не такая простая задача, как кажется!

Едва ступив на землю, я принялась оглядываться. Артемий слез с лошади и остановился за моей спиной, Роман встал так, чтобы загораживать открытый вход в карету. Пока мы ехали сюда, я мельком несколько раз видела в окно других всадников, в одежде, похожей на ту, что носит Роман. Но сейчас других стражей не было видно.

Карета стояла в конце широкой дорожки, обрамлённой кустами. Позади виднелся витиеватый кованый забор, а перед нами высилось здание. Я подавила вздох разочарования. Трёхэтажный особняк из светлого камня, с нашей, торцевой стороны без каких-либо украшений и изысков.

Только местами серые голые ветви какой-то лианы цепляются за стену. Самая обыкновенная дверь темнела на фоне кладки. От такого места хотелось чего-то чудесного, сказочного.

«Ты ещё не была внутри, а уже расстраиваешься. С фронтальной стороны есть и лепнина, и витые колонны. А в главном холле ещё и витражи. Мы всё это в следующий раз по-

смотрим. А сейчас пойдём внутрь, представление скоро начнётся».

Я удивилась, когда Роман отпер дверь ключом, но потом одёрнула себя. Если это проход в Королевскую ложу, то ключ должен быть только у Его Величества, чтобы никто не мог подстроить неприятных сюрпризов. Сразу за дверью начиналась довольно узкая лестница.

Первым вошёл Артемий, следом пропустили меня. За моей спиной поднимался Его Величество, а последним, заперев за собой дверь, шёл Роман. Александр временами деликатно придерживал меня, и от такого простого жеста я смущалась.

На втором этаже был небольшой холл с двумя дверями.

«Направо покои из двух комнат, а в ложу можно попасть через дверь прямо или из гостиной. Сейчас мы оставим в комнате верхнюю одежду, чтобы не мешала. Ты голодная, тебе что-нибудь заказать?» – мысли Короля тёплым облачком окутывали меня искренней заботой, и я смогла только смущённо пробормотать:

– Нет, спасибо.

Дверь в покои перед нами опять открыл Роман, и снова Артемий первым шагнул внутрь. Зайдя вслед за Королём, я с любопытством огляделась. Уютная гостиная в кофейно-бежевых тонах, диван и кресла вокруг столика у стены справа, по бокам от дивана двери, если верно понимаю, в уборную и вторую комнату. По левой стене книжный шкаф, письменный стол и дверь в ложу. Возле входной двери – закрытый

шкаф с вешалками.

Александр шикнул на стражей и сам помог снять мне пальто. Я сразу почувствовала себя неуютно в простом ученическом платье в этой, безусловно, дорогой обстановке. Один только ковёр на полу у дивана чего стоит!

«Хочешь, потом в твои покои закажем похожий ковёр? У него мягкий ворс, приятно ходить по нему босиком. И не переживай, ты чудесно выглядишь».

Кажется, пунцовый цвет лица станет на сегодня для меня нормой. И... Его Величество говорил про мои покои? Ох!

Теряться в мыслях мне не дали. Артемий приглашающе распахнул дверь в ложу. За ней висели плотные портьеры цвета золотистой карамели. Роман проскользнул за них, Александр следом. Из-за штор доносились звуки настраиваемых инструментов. Король обернулся и придержал для меня портьеры. Сдерживая волнение, я шагнула к нему. Подумать только, я и не мечтала попасть в Столичный Театр!

Я оказалась в уютной ложе. У перил стояли пять удобных с виду кресел, между ними – маленькие столики. На одном стояли фрукты, на другом пара кувшинов и бокалы, третий предлагал пирожные и печенье, а на четвёртом лежали сигары. Я удивилась такому выбору.

«Роман предупредил управляющего, что сегодня на репетиции ложа будет занята. Служащие постарались предусмотреть все варианты. Угощайся. Только вон те корзинки не советую брать. Они с секретом, жутко крошатся. Очень забав-

но смотрятся на приёмах дамы, пытающиеся незаметно вытряхнуть коварные крошки из декольте. Я поначалу надеялся, что это научит дам соблюдать приличия и хоть немного прикрываться. Ну а теперь это вроде традиции, подавать этот ужас на всех приёмах и встречах».

Я фыркнула, представив, как разряженная в пух и прах леди пытается выйти из щекотливой ситуации. Едва ступив в зал, неприлично отправляться в уборную. И потом, что будет, если все леди разом вдруг захотят посетить дамскую комнату? Я улыбнулась. Робость отступила, и я приблизилась к перилам.

Зал поражал размерами. Из ложи просматривались все места: партер, амфитеатр, другие ложи, а если смотреть вверх, то и балкон. Всё было изысканно отделано и украшено. Мягкие кресла, ковровые дорожки между рядами, драпировки, позолоченная лепнина. Сцену закрывал тяжёлый бархатный занавес.

Я ахнула, взглянув наверх: огромная люстра была усыпана хрустальными подвесками, она блестела, сияла и переливалась. И... она газовая?

«Да. Управляющий театром заменил свечи и масло на газ едва ли не первым в городе. Этим он ввёл новую моду и сэкономил на расходах. За одно только представление, чтобы осветить этот зал, уходило несколько сотен свечей! Кстати, действие сейчас начнётся, видишь, музыканты заняли свои места и приготовились. Если не будешь наклоняться через

перила, нас никто не увидит. Эта ложа специально так проектировалась. Ты же этого боялась?».

– Спасибо, – улыбнулась я, не зная, как выразить бурлившие эмоции. Король лишь улыбнулся и приглашающе махнул на крайнее правое кресло.

«Оттуда тебе будет хорошо видно».

Я заняла кресло, Александр сел в соседнее. От всех закусок я отказалась. Слишком была взволнована, мне бы кусок в горло не полез! Король же, покачав головой, вынул из ножен на поясе кинжал и, выбрав яблоко со столика, стал отрезать по маленькому кусочку и отправлять их в рот с явным удовольствием.

«Люблю яблоки. Они мне детство напоминают, я тогда сбегал от гувернеров и прятался на яблоне. Залезал выше всех дворовых мальчишек», – гордо поделился Александр. Я фыркнула.

Тут грянула музыка. Аккорды разливались по залу, заполняя каждый уголок. Мелодия то взлетала вверх, до самой люстры, то опадала вниз, стелясь между кресел. Занавес медленно поднялся, и тут же вступила певица. Декорации показывали богатый дом с одной стороны сцены, где пела актриса. А напротив расположился домик бедняка.

Затаив дыхание, я следила за развитием сюжета, позабыв, что сижу в зале, а не проживаю события вместе с героями. Она – дочь знатного семейства, аристократка. Он – разорившийся дворянин, не смеющий надеяться на милость богов

и государя. Они полюбили друг друга, но отец девушки уже сосватал её за богатого, но старого и неприятного соседа. Такая участь вполне могла ждать и меня.

Влюблённый похищает невесту прямо со свадьбы, и они, убегая от погони, сразу направляются в храм к знакомому священнику. Тот благословляет их брак перед лицом богов, и, когда молодых, наконец, находит стража и отец девушки, изменить уже ничего нельзя.

В ярости несостоявшийся жених нападает на возлюбленного девушки, она переживает, и, приставив к горлу нож, угрожает отцу, что покончит с собой, если он не остановит это безумие. Тому ничего не остаётся, кроме как принять выбор дочери, своего единственного ребёнка.

Люди бывшего жениха втроём нападают на юношу. Отец девушки спешит ему на помощь, его ранят, но он остаётся жить. Молодой супруг дочери заслоняет его и один продолжает сражаться с нападавшими.

Я вскрикивала, прижимала руки к груди, волновалась.

В финале, когда коварный сосед, мечтавший заполучить наследство девушки, был повержен, я плакала. А когда отец принял и благословил брак дочери, вновь не смогла сдержать слёз.

Александр протянул мне стакан с фруктовым напитком. Только сейчас я осознала, что всю постановку Король смотрел не на сцену, а на меня. Я смутилась.

«Всё хорошо. Ты так за них переживала,» – улыбнулся

Александр. – «Надо чаще приводить тебя сюда. Пойдём, нам уже подали обед».

Чаще? То есть больше одного раза?

В гостиной я, извинившись, направилась в уборную, смыть следы слёз и переживаний с лица. Хороший он, Александр. Я улыбнулась и склонилась над раковиной, украшенной мозаикой с изображениями известных театральных героев.

В комнате на столике уже стояли тарелки и приборы, ароматно дымился гуляш, салаты и нарезки манили своим видом. Александр махнул рукой, и стражи, наполнив тарелки, коротко поблагодарили и отошли в сторонку. Они расположились в креслах у окна, тихо переговариваясь и поглядывая по сторонам.

Король сел на диван и предложил занять место рядом с ним. Но я, помня о приличиях, заняла кресло.

Обед прошёл в молчании. Я так была поглощена мыслями о постановке, что почти не замечала вкуса еды. После трапезы Александр нарушил молчание.

«Ты очень задумчивая. Всё в порядке?».

Неужели он не читает постоянно все мои мысли?

«Стараюсь не читать, тебе бы это не понравилось. И потом, иногда человеку просто нужно сформулировать неясные образы, бродящие в голове, в чёткую мысль, и проблемы и тревоги отступят».

«Спасибо», – приятно знать, что мои желания и личное

пространство в мыслях что-то значат. Александр кивнул. – «Просто я думала, что похожая судьба могла бы ждать и меня, и ожидает многих и многих девушек. Союз по сердцу – невероятная роскошь и подарок небес», – как могла, собрала разрозненные ощущения во что-то осмысленное. Действительно, стало проще. Следующие слова Александра заставили моё лицо вытянуться.

«Ты права, нам с тобой безумно повезло. Подарок богов, говоришь?».

Роман у окна переступил с ноги на ногу.

«Карета подана. К моему сожалению, тебе пора возвращаться в Институт. Хорошего вечера, милая», – Александр протянул руку и медленно провёл по моей щеке ладонью, пристально глядя мне в глаза.

Я забыла, как дышать. Столько нежности, столько ожидания, столько тепла и ещё чего-то, мне пока неизвестного, но вызывающего мурашки по всему телу, было в его взгляде и его мыслях.

«Я не могу поехать с тобой сам, мне тоже пора возвращаться. Эдвард не может заменять меня вечно», – хмыкнул Король.

Он подал мне руку, сам помог надеть пальто и проводил вниз. Охранники всё так же следовали рядом, согласно каких-то своих правил, но я их уже не замечала. В мыслях царил сумбур. Я попробовала закрыть смущающие меня мысли щитом, но Король остановил.

«Не переживай, я сейчас слышу только то, что ты хочешь, чтобы я услышал. А попытка поставить дополнительный щит заставляет тебя хмуриться. Не стоит, мне нравится твоя улыбка».

Я смутилась, в который раз за день.

Во дворе нас ждали две кареты. Одна – с эмблемой Королевской конюшенной службы, такие берут в аренду Институты, когда надо отвести куда-либо учениц или преподавателей. Несколько раз в неделю их можно увидеть у центральных ворот. Вторая карета, в которой мы приехали, так же стояла недалеко от двери, уже запряжённая.

Артемий открыл дверь первой кареты, и Король подвёл меня к ней.

– Лира, – с непонятной интонацией позвал Его Величество. Я задержалась, за миг до того, как поставила ногу на ступеньку, и обернулась к нему.

Король, пристально глядя на меня, взял мою руку для поцелуя. Нежно погладил пальцы, от чего вверх к локтю побежали мурашки. Я замерла пойманной птицей, не в силах отвести взгляд.

Король медленно поднёс мою ладонь к своему лицу. Только вместо дежурного вежливого мимолётного касания я почувствовала, как он чуть прихватил кожу губами и провёл языком. Подул на это место, и внезапно мои колени ослабли. Всё так же глядя в глаза, Александр погладил тыльную сторону ладони большим пальцем. Хрипло произнёс:

– До встречи.

Едва он отпустил руку, я поспешила залезть внутрь. Артемий закрыл дверь, карета тронулась. Мой охранник ехал рядом, верхом.

Всю дорогу я касалась пальцами места поцелуя и глупо улыбалась. Волнение клубилось внутри, вызывая незнакомые, непонятные чувства. Вот о чём шептались девушки в укромных уголках, рассказывая друг дружке по секрету, что от жарких поцелуев замирает сердце в груди.

Я потеряла дар речи, забыла, как это – думать, мои колени ослабли лишь от простого поцелуя руки на прощание. Что же будет дальше, когда он решит поцеловать меня по-настоящему? Будет ли это до свадьбы, или только после?

Да и будет ли, эта свадьба? Он никогда об этом не говорил, никак не обозначил моё будущее. Король меня не отпустит, но кем я буду при нём?

Король

Я шёл на встречу, как на сражение. Собирался заставить её жалеть о прогулке, собирался поцеловать, так, чтобы она поняла, что уже принадлежит мне и только мне. Но едва я увидел изящную фигурку в ученическом платье, заметил пока робкую радость, когда она подняла на меня взгляд, вся решимость растаяла, как дым.

Я вновь боялся коснуться моей души, спугнуть жестом, взглядом или словом. Хотелось обнять её, укрыть от всех проблем мира, защищать, оберегать. Непривычные желания, почти потребность видеть её улыбку, смешинки, пляшущие в её глазах.

Я улыбался в ответ, как мальчишка-подросток на первом свидании, и чувствовал себя абсолютно счастливым. Я готов ради её благополучия отречься от всего, лишь бы она была счастлива и так же светло улыбалась. Я... что?!

– Роман, – начальник моей личной стражи напрягся, уловив что-то в моём голосе. – Как вернёмся во дворец, сразу на тренировку.

– Полный комплект, с оружием? – понятиливо хмыкнул приятель.

– Сегодня ещё и спарринги, – отозвался я, хмуро глядя в окно кареты. А если будет возможность, потом ещё и верховая езда. Что мне сулит эта встреча, обретение своей поло-

винки? Я всегда считал, что это делает меня сильнее. Но, выходит, я могу и вовсе потерять себя?

Ли́ра

Карета остановилась у ворот, и Артемий проводил меня внутрь. Непостижимым образом, стоило мне оказаться на территории, как Артемий исчез из поля зрения. Я оглянулась, но не смогла заметить, где же он скрывается.

Улыбаясь, поспешила в корпуса. По времени у нас сейчас каллиграфия, потом изящные манеры, а после у всех язык цветов, а у меня занятие по самообороне. На первый урок я опоздала, на второй идти совершенно не хотелось. Манеры мне преподавали с пелёнок, я была лучшей в группе по этому предмету.

Решив, что не стоит портить такой чудесный день нудным уроком, я отправилась в комнату, осмыслить сегодняшнюю встречу и переодеться. Вот самооборону пропускать ни в каком случае нельзя!

Эти занятия, определённо, шли мне на пользу. Я заметила, что стала более ловкой и выносливой. Если раньше я не могла бежать по лестнице, без того, чтобы оступиться или устать, то теперь, пытаясь за короткий перерыв между уроками поспеть всюду, я только и делала, что бегала по ступеням: в библиотеку, в столовую, в холл, снова в библиотеку и в учебный класс.

Я стала реже оскальзываться на льду, и, по словам леди Виктории, если продолжу заниматься, мне не придётся за-

тягивать корсеты до потери сознания: талия и без того останется стройной. Эти перемены меня безмерно радовали, я чувствовала, что становлюсь смелее.

В комнате я повесила пальто на крючок у входа, скинула ботинки и, позабыв обо всём, упала на кровать поверх одеяла. Как Он на меня смотрел, когда коснулся руки губами. Ветер играл в каштановых чуть выющихся волосах, и я только сейчас обеспокоилась – не простудится ли? Вышел на снег без шапки!

Но мимолётная тревога ушла, уступив место другим переживаниям. Когда Он коснулся кожи языком, а потом, балуясь, подул на это место. Ох. Как же тренироваться теперь, если колени не держат? Мысль о тренировке вернула меня с небес на землю – не опоздать бы!

На входе в столовую, на ужине, я встретила с Саней.

– Ты вся сияешь! И на занятиях тебя сегодня весь день не было. Это всё дворцовый преподаватель? Он хорошенький? Расскажешь? – жарко зашептала подруга, подмигнув. Я зарделась, и в этот момент на меня кто-то налетел.

– Ах, Лира, ты такая неловкая! – ядовито процедила Анника. А потом добавила, громко, на всю столовую. – Или тебя та таинственная причина, которая заставляет пропускать занятия, так вымотала?

Я задохнулась от таких намёков.

– Ах, Анника, дорогуша, если будешь заниматься как следует, а не мечтать о балах, тоже станешь уставать, – ответила

Саня и, подхватив меня под руку, повела прочь.

– Не обращай внимания, она просто ядовитая гадкая жаба. Ты же не будешь обижаться на то, что жаба квакает? Вот и тут не стоит, – бормотала Саня, успокаивая и меня, и себя.

Анника с победным видом проследовала к своему столу. Кто-то из подруг уже взял ей ужин. Мы же с Саней подхватили подносы с тумбы в углу и направились к длинному столу, за которым повара подавали те блюда, которые попросишь. Из входящих в меню этого дня, конечно.

Весь ужин Саня бурчала, а вернувшись в жилой корпус, мы обнаружили у себя под дверью кучу грязи и мусора. Мелочь, а неприятно. Но мы с Саней и тут нашли повод похихикать, представив, как Анника собственноручно собирает и копит этот мусор. Леди в изящном платье, с аккуратной причёской, изысканными манерами и совком в руках – вот нелепица!

Глава 20. Ночная прогулка

В субботу была вьюга. Сильного мороза не случилось, но все дороги замело так, что пройти или проехать куда-либо не представлялось возможным. Кадеты к нам не приехали. Леди расстраивались, бурчали на погоду и всячески старались придумать себе занятие.

В итоге преподаватели собрали всех нас в большой зале, куда слуги принесли стулья и столики. Леди Ляля, как она сама себя называла, одна из королевских фрейлин, приехала в Институт в пятницу на дополнительный урок придворного этикета, да так и осталась – не смогла уехать из-за погоды. Она сидела с нами в зале, рассказывала забавные случаи из дворцовой жизни.

Мы смеялись, позабыв о сдержанности и приличиях, когда Ляля описывала, как одна из придворных дам решила похвастаться ловкостью и после дождя, по скользкой дорожке, побежала к лошадям, не дожидаясь, когда их подведут ближе. Конечно, она растянулась поперёк дорожки, прямо в луже.

Или как один придворный кавалер писал кляузы на всех окружающих, и в итоге Его Высочество приказал высечь его в конюшне – за злой язык, распускание слухов и ошибки в словах в этих кляузах. Вышло, что доносчик писал докладные сам на себя.

Потом мы играли в шашки, шахматы и карты. Ляля раскрыла нам несколько секретов, которые позволяют выйти победителем, свести игру в ничью или красиво проиграть. И предостерегла нас, чтобы не привели Боги нам не пришло в голову выиграть у придворных мужей. Это будет слишком большим ударом по их самолюбию. Если уж нам захочется поставить кавалера на место, стоит свести игру вничью.

Когда играть надоело, некоторые ученицы стали музицировать, а остальные пели или вышивали. Я, задумавшись про сложности жизни при дворе, вдруг поняла, что не так много времени осталось до Середины Зимы. Тихо охнула про себя – чем же порадовать Александра?

Очень хотелось сделать приятное. Понимаю, скорее всего Он не ждёт от меня подарков, но всё же... Оглянулась по сторонам. Саня стояла в кружке поющих, возле музицирующих леди. Ляля рассказывала леди, охочим до придворной жизни, что у кавалеров появилась новая мода – носить при себе надушенный платочек от своей леди.

– Как вам сегодняшней вечер, леди? Не скучаете? – голос Эрика вывел меня из задумчивости. Анника, стоящая среди тех, кто предано глядел на Лялю и внимал каждому её слову, кинула в мою сторону злобный взгляд. Стоит ожидать очередной пакости.

– Спасибо, профессор. Вечер вышел чудесным, не находите? – я вежливо улыбнулась.

– Признаться, сперва я думал, что будет лучше провести

вечер за книгой, но не прогадал, оставшись здесь. Вы представляете, трое учениц сыграли со мной в ничью! – округлил он глаза.

– Ах, какая вопиющая наглость с их стороны! – копируя интонации Ляли, поддержала я шутку. Профессор улыбнулся и присел на свободный стул напротив меня, по другую сторону столика. Доска и фигурки для игры стояли на краю, потеснённые рукоделием.

– Может, подарите мне одну игру? – невзначай поинтересовался Эрик. Я приопустила щиты – он безмерно скучал на этом «светском рауте».

– Конечно, профессор. Но в ответ вы поможете мне решить один вопрос, – улыбнулась я, убирая рукоделие в корзинку. Я опустила её на пол, возле своего стула, и стала помогать профессору расставлять фигурки на доске.

– Какой же? – поинтересовался Эрик, располагая последнюю шашку на положенном месте. Так как белые были с его стороны, то он тут же этой фигурой и сходил.

– Мне хотелось бы поблагодарить друга. Думала поздравить его с Днём Середины Зимы, но я не знаю, что его может порадовать, – вздохнула я, делая ход. Эрик задумался.

– Сложный вопрос, леди. Одно могу сказать точно – ваш друг обрадуется любому подарку, если он будет сделан вашими руками. Такие вещи несут тепло и заботу того, кто их создал. Ваш ход.

Я играла честно, не подглядывая ходы в мыслях, и так же

честно проиграла. Это было совсем необидно, ведь Эрик играл превосходно. Просто в голове не укладывалось, как ученицы могли бы его обыграть! Вероятно, он им поддался. Зато мне доставила удовольствие его искренняя радость от сыгранной партии.

Вечером, собираясь спать, я поинтересовалась у Сани, что она обычно дарила братьям.

– Ну, если праздник большой, вышивала рубашки по вороту и рукавам. Мама их сама шила, а я украшала. Или могла связать какую-нибудь безделушку, вроде шарфа. А ты отцу и братьям что дарила? – с интересом спросила Саня.

Я вздохнула.

– Отец нам всем на любые праздники выделял деньги, чтобы мы сами себе что-нибудь купили. Я, как и ты, что-нибудь вышивала в подарок, но ни разу не видела, чтобы этими вещами пользовались. Потом стала покупать, – я пожалала плечами. Я сидела на кровати в ночном платье и заплетала волосы в косу.

– Обидно, наверное. Ты старалась, а они не оценили. Слушай, а почему ты об этом заговорила? – хитро прищурилась Саня.

Она уже убрала волосы и теперь мазала руки и лицо кремом. Я тоже заказала себе такую баночку у леди помощницы лекаря. Она готовила удивительный состав из трав и масел. Выходило дорого, но всяко меньше, чем покупать в городе. И помогало поддерживать кожу мягкой даже в холодную по-

году. Я снова вздохнула.

– Я хотела бы поздравить... друга с днём Середины Зимы, но не знаю, что ему подарить, – призналась, смущённо глядя в пол.

– О! Ну, рубашка тут точно не подойдёт, – хихикнула Саня.

Я же представила, как с гордым видом преподношу собственноручно вышитую рубаху Королю и прошу сразу примерить. Он хмыкает в своей манере и, глядя на меня так же пристально и жарко, как при прощании после театра, начинает расстёгивать камзол. Вот уже снимает белоснежную нижнюю рубаху, и под ней красиво обрисованные мышцы под загорелой кожей, как тогда, у ручья. Я протягиваю руку и касаюсь его груди...

Пришлось встряхнуть головой, чтобы избавиться от смущающих, не положенных леди мыслей. Сообразив, о чём только что думала, я фыркнула и рассмеялась.

– А вы хорошо общаетесь? – поинтересовалась Саня.

– Думаю, да. А почему ты спросила? – я достала из тумбы свою банку с кремом. При такой погоде, чтобы не портилась кожа, приходится пользоваться часто.

– Ну, если вы общаетесь мало и только представлены друг другу, лучше всё же что-нибудь купить, это будет не настолько лично. Если же считаешь, что можешь проявить к нему внимание за рамками простой вежливости, то можно вышить платок. Помнишь, Ляля сегодня рассказывала, что это

модно при дворе, и принимается как знак благосклонности? Нитки у тебя хорошие, яркие. А рисунок можно в библиотеке или в моей книжке посмотреть.

– Ты разрешишь? – спросила я. В библиотеке только стандартные справочники, а в подаренной Сане книге есть более интересные схемы.

– Конечно, бери! Только не потеряй закладку из неё, а то я потом не найду, что за абракадабру начала вышивать, – улыбнулась подруга и зевнула. – Всё, давай спать. Хочешь, завтра вместе посмотрим схемы?

– Хочу. Ложись, я гашу свет. И пусть тебе приснится принц из сказки, на белом коне! – хихикнула я.

– Тогда тебе пусть приснится принц на белом единороге, – от души пожелала Саня, отворачиваясь к стене.

На следующий день мы с Саней листали её книгу, и, наконец, после долгих совещаний, выбрали подходящую схему. По краю вдоль всего платка будет изящная каёмочка, а в двух противоположных уголках платка будет по маленькому букету цветов, означавших тёплую привязанность. От такого послания мои щёки залил румянец, и Саня, заметив это, категорично сказала, что нужно брать именно этот рисунок. Я смущённо согласилась.

Потом мы подбирали нитки для вышивания, раскладывая их на основе – простом белоснежном платке, пока безо всяких украшений. Ткань была дорогой и качественной, мне будет не стыдно его дарить. Один моток, ярко-голубых ниток,

пришлось одолжить у Сани – у меня не оказалось подходящего цвета.

Наконец, я на отдельном клочке материи сделала несколько пробных стежков, чтобы убедиться, что иглы острые, нитки крепкие и ложатся, как надо. После этого пришлось бежать на дневной урок самообороны, и в честь выходного дня профессор Олрид и леди Виктория мучили меня два часа с хвостиком, вместо одного.

В комнату я вернулась измученная, но довольная собой. Я старалась выучить на этих занятиях столько, сколько могла, потому как понимала важность самообороны. До обеда ещё успела взять у Сани конспекты за пропущенный из-за театра день и переписала себе половину занятия по изящной словесности.

На обед я шла, довольная проделанной за сегодня работой. А ведь день ещё не закончился!

В столовой за соседним столиком громко щебетали леди с более младшего курса, одна из которых на балу в честь Дня Коронации была представлена ко двору и теперь официально отметила второе совершеннолетие. По такому поводу родители возили ученицу домой, отпраздновать со всей роднёй такое событие.

И теперь леди, вернувшаяся только утром, делилась новостями. Кроме того, что вчерашнюю пургу пришлось пережить на постоялом дворе всего в паре часов езды от Института, леди много говорила о своём впечатлении от двора.

– Вы знаете, у Короля новая фаворитка. Весь двор только об этом и говорит, – долетел до нас с Саней голосок леди.

Подруга наострила ушки и обернулась к сплетницам. Половина присутствующих в столовой поступили так же. Меня же словно окатило ледяной водой. Новая фаворитка? Что это значит?

В ушах гулко стучало. На краткий миг показалось, что при дворе прознали о поездках Александра ко мне, невозможно ведь это вечно держать в тайне! Но я отогнала от себя эту мысль и невольно прислушалась к продолжению разговора. Хотелось встать, уйти, спросить о чём-то постороннем, только чтобы не знать правду, но я не могла себя заставить это сделать.

– Кто же она? – спросила ученицу одна из её подружек.

– О, поговаривают, что это леди Оксана, одна из фрейлин. Она совсем недавно получила эту должность при дворе, но их с Его Величеством уже несколько раз видели в коридорах. Они обнимались и целовались, думая, что их никто не видит. Более того, я своими собственными глазами видела, как между партиями танцев Его Величество ушёл из зала с симпатичной леди в малиновом платье.

Вся столовая ахнула. Такие новости! Теперь об этом будут судачить до самой весны. Я думала об этом отстранённо, все чувства притупились, эмоции сковало льдом. Как сквозь вату, до меня долетало дальнейшее обсуждение придворных новостей.

– Погодите, я запуталась. Разве фрейлин не разогнали после смерти Королевы и гибели принцесс? – поинтересовалась леди в розовом платье первого года обучения. Я отложила столовые приборы в сторону, сделала глоток ягодного напитка. Не помогло, в горле было сухо, и сердце стучало где-то в висках.

– Так то были фрейлины, приставленные к Их Высочествам. А эти фрейлины приписаны ко двору как таковому. Им по должности полагается посещать балы, развлекать гостей разговорами, следить, чтобы всё было так, как полагается по протоколу, и никто не скучал. Говорят, многие из них работают на тайную канцелярию. И все они очень красивые, – более осведомлённая леди-третьекурсница решила вступить в разговор.

Я заставила себя дышать глубоко, но странное состояние, обрушившееся на меня лавиной, не проходило.

Саня повернулась обратно и взглянула на меня с тревогой:

– Лира, ты побледнела. Всё в порядке?

– Да, всё хорошо, просто колики.

– Тогда тебе надо к лекарю. Погоди, сейчас провожу.

– Не стоит, – остановила я подругу. – Я сама дойду. Лучше потом расскажешь, о чём ещё говорили, – я вымученно улыбнулась и выбралась из-за стола.

Я собиралась отправиться в комнату, закончить с конспектами, но ноги сами несли меня куда-то прочь.

Я пришла в себя только в одном из коридоров второго эта-

жа. Вокруг не было ни души. Сердце стучало в сумасшедшем темпе, дышать было трудно. Слова ученицы набатом стучали в ушах. «Эти фрейлины приписаны ко двору как таковому, и все очень красивые». «Я своими собственными глазами видела, как между партиями танцев Его Величество ушёл из зала с симпатичной леди в малиновом платье».

Опираясь рукой на стену, я чувствовала, что ноги меня не держат, и я в любой момент могу упасть.

– Лира? Ты что тут делаешь? – Розалинда вышла мне навстречу.

– Я... к лекарю, – с трудом пробормотала я.

– Ох, ты совсем белая. Я провожу.

Не слушая вялых возражений, Розалинда подхватила меня под руку и отвела в лекарский кабинет. На самом деле, я не собиралась туда идти, но сил сопротивляться не нашла.

Леди помощница лекаря усадила меня на кушетку, поблагодарила Розалинду, и та сразу ушла. Мне пощупали лоб, заглянули в глаза, заставили показать язык. Измерив пульс на запястье, женщина охнула и, накапав в стакан какой-то настойки, протянула его мне.

– Пейте. Вы переволновались, леди. Что же вас так поразило? Можете не отвечать, но сегодня никаких тренировок и никаких занятий. Я предупрежу преподавателей. Ложитесь на кушетку, вам надо хоть полчаса отдохнуть, и постарайтесь до вечера не волноваться больше и не напрягаться.

Леди суетилась вокруг меня, а у меня было чувство, что

я вот-вот расплачусь, но глаза оставались сухими. Что со мной? Почему обида стоит комом в горле, а внутри ворочается что-то ледяное, разрывая душу в клочья?

После капель чуть полегчало, дышать стало проще, и я отпросилась в библиотеку. Леди лекарь долго не хотела меня отпускать, говоря, что я натура впечатлительная, и книги могут меня взволновать. Но в итоге она согласилась, наказав после ужина ещё раз зайти к ней за настойкой.

В библиотеке сидели ученицы и тихо переговариваясь, готовились к завтрашним занятиям. Мне не хотелось никого видеть, потому я взяла учебники по пропущенным урокам и сразу прошла в секцию для преподавателей.

Здесь было тихо. Трещали дрова в камине, и неуловимый, но такой знакомый запах библиотеки меня сразу успокоил. Книги, они не предают и ничего не обещают, ни прямо, ни намёками. Они относятся к тебе с уважением, делясь знаниями и мудростью. Я устроилась за своим любимым столом, и время летело незаметно, пока я учила пропущенные темы.

– Сегодня выходной день, а вы всё учитесь, – добрый, чуть ворчливый голос профессора Джозефа вернул меня к реальности. Я обернулась и улыбнулась мужчине.

– Добрый день, профессор. Просто я не люблю пропускать и не хочу отстать от остальных.

– Могу вас заверить, леди, что с вашими упорством и прилежанием это вам не грозит. Позвольте нескромный вопрос. Я заходил к лекарям за мазью для коленей и мне передали,

что вы днём не очень хорошо себя чувствовали. Сильно волновались. Что же вас так расстроило?

– Ах, профессор, – я опустила взгляд, не зная, что ответить. Я сама не знала ответ на это вопрос.

– Хм. Быть может, вы согласитесь выпить со мной чаю? Шоколада у меня нет, – развёл руками профессор, – но я могу предложить чудесный успокаивающий сбор с мятой и чабрецом. Там много всего намешано, но тем не менее с мёдом вполне съедобно.

– С мёдом можно выпить всё что угодно, – заставила себя улыбнуться.

Приняв это за согласие, профессор вызвал слуг, и нам накрыли за одним из столиков в углу, подальше от стеллажей и холодных окон.

– Вот, угощайтесь. Я зимой всегда пью травы, это лучше, чем простывать и шмыгать носом. Почему-то у учениц это вызывает жалость вместо уважения, – неловко пошутил профессор, сам налил в маленькие белые чашечки пахнущую летом тёмно-жёлтую жидкость из чайника с отколотым с краю носиком. – Ну, за наше здоровье, – кивнул мне профессор. Мы чокнулись, и я пригубила травяной напиток.

– Я не знаю, что мне делать, профессор. Про человека, которому я верила, до меня дошли не очень хорошие слухи, – мне было необходимо с кем-то поделиться, я больше не могла держать это в себе. Мне был нужен совет старшего, мудрого человека.

– Хм. И эти слухи вас ранят? – профессор сделал ещё глоток, и я кивнула. – А вы сами этого человека не спрашивали? Думаю, вы сумеете разобраться, где правда, а где вымысел, если просто прямо с ним об этом поговорите, – предложил профессор. Я вздохнула. Звучало правильно, но...

– Простите, профессор, но я не уверена, что найду в себе силы снова увидеться с ним, – не поднимая взгляд от стола, я маленькими глотками пила терпкий напиток.

Он пах летом, как тот день у ручья, когда Он освободил меня из лап охотников, рискуя своей жизнью. Тогда солнце играло бликами на воде, а я перевязывала раны, восхищаясь смелостью этого человека. Потом мы вместе ехали до Академии на одном коне, он обнимал меня за талию, и мне было спокойно. Рядом с Ним казалось так хорошо и надёжно.

«Ходят слухи... Я сама видела...».

Слезинка покатилась по щеке. Профессор вздохнул, поставил свой стул рядом ближе и обнял меня за плечи. Я плакала, не смущаясь этого порыва. Профессор гладил меня по руке, по волосам, и тихо говорил что-то утешающее, впрочем, не мешая мне изливать обиду и горечь. Я комкала в руках платок, не замечая этого.

Слёзы прошли. В последний раз всхлипнув, я заставила себя дышать глубоко, промокнула слёзы и дрожащими руками взяла кружку с остывшим чаем. Профессор пересел на прежнее место и разлил остатки чуть тёплого напитка из чайника.

– Спасибо вам, профессор, – я держала кружку обеими руками, словно грела ладони.

Но на самом деле мне просто хотелось найти какую-нибудь опору, хоть что-то, что дало бы силы идти дальше. Я сейчас понимала, что разговора не избежать.

Невозможно игнорировать приказ Короля явиться к нему. Тем более это смешно делать на закрытой территории Института, где меня караулят Его стражи. Мне некуда идти, а значит, придётся к следующей встрече возвести щиты, какие только смогу, обуздать эмоции и вести себя ровно. Что ещё я могу?

– Вы приняли решение, леди? – профессор, как всегда, был проницателен. Я слабо улыбнулась.

– Да. Спасибо, профессор, вы правы. Я встречу с ним.

– Вот и замечательно. Лекарь сказал, вас освободили от самообороны на сегодня. Но, на вашем месте, я бы не стал пропускать тренировку. В молодости занятия всегда помогали мне собраться с мыслями.

Прислушавшись к себе, я поняла, что теперь я в силах заниматься. Взглянула на часы и ахнула – до тренировки осталось совсем мало времени.

– Тогда я пойду, профессор, – я встала, и принялась составлять посуду на поднос.

– Оставьте, леди, я сам уберу. Бегите, некоже опаздывать, – улыбнулся профессор Джозеф.

– Спасибо! – подхватив сумку, я помчалась по коридору.

Слёзы ушли, а принятое решение придавало сил. Сделаю, что смогу, и будь что будет. Интересно, кто же всё-таки ставил профессору щит?

Леди Виктория поинтересовалась моим самочувствием, так как ей уже доложили, что я не могу заниматься. На что я ответила, что чувствую себя превосходно, и более того, тренировка мне просто необходима. Леди улыбнулась, сказала, что ей знакомо это чувство, и предложила начать с общей разминки.

Вечером в комнате меня ждали два послания. Почерк Григория я легко узнала, и лишь пробежала глазами строки. Опять отрывок из любовной баллады, с поцелуями и объятиями. Я уже давно решила, что хранить подобные записки мне ни к чему, и сжигала их в камине в библиотеке. Кроме того, к письму была приложена ярко-розовая лента для волос или браслета. Я продемонстрировала подарок Сане, и с удовольствием наблюдала, как брови подружки ползут вверх:

– Это что за пороссячий цвет?!

На следующий день ленту я отдала служанке для её младшей дочери, и женщина была благодарна за безделушку.

А вот когда я открыла второе послание, возникло ощущение, словно мне за шиворот бросили горсть снега. Ровные строчки, твёрдый решительный почерк человека, который привык отвечать за всё и знает, что его решения не оспариваются. В письме не было подписи, да я в том и не нуждалась. Его Величество соизволил почтить меня своим внима-

нием такими строками:

«Душа моя, на этой неделе приехать не смогу. Дела во дворце, которые долг не позволяет переложить на чужие плечи, не пускают. Не знаю, что заставило тебя переживать утром, но рад, что ты с этим справилась. Если нужна помощь в чём бы то ни было, не стесняйся обращаться к своим стражам и леди Амалии. Желаю тебе хорошо провести время».

– Лира, всё в порядке? – озаботилась Саня, глядя на моё хмурое лицо и поджатые губы. Не отвечая ей, я разорвала записку на множество маленьких клочков. Уж не леди ли в малиновом платье так его занимает, что даже на дела королевства времени едва хватает?

Подруга мудро промолчала и протянула почти пустую коробку от сладостей. Переглянувшись и вздохнув, мы честно поделили две последние конфетки и отправились спать, пожелав напоследок увидеть во сне принцев на конях и единорогах. Засыпая, я думала, что маловероятно, чтобы с принцами проблем и трудностей было меньше, чем с королями.

Неделя пролетела незаметно. Я всё свободное время проводила за уроками, так как в общих комнатах, где можно было бы отвлечься от занятий, без умолку говорили о фрейлинах и их отношениях с Королём. От этих разговоров мои плечи сами собой деревенели, губы поджимались, а сердце начинало биться гулко и неровно.

Сане я не могла сказать причину своих переживаний, а по-

тому обвиняла во всём неуместные послания Григория, приближающиеся зимние зачёты и плохую погоду. Пятничный урок придворного этикета, на который, по обыкновению, прибыла одна из фрейлин, я пропустила, сказавшись больной. Леди помощница лекаря послушала мой пульс, подтвердила нервное расстройство и снова напоила горькими каплями, посоветовав отлежаться в комнате.

Вместо этого я нашла леди Викторию и попросила дополнительную тренировку. Когда надо следить за каждым шагом, каждым вдохом, суметь остановить остриё шпильки за миг до удара в цель или успеть выхватить кинжал из потайного кармана корсета во время кувырка, то просто не остаётся места в голове для посторонних переживаний. А после тренировки ноют натруженные мышцы и больше всего на свете хочется принять ванну, что тоже не позволяет оставаться с дурными, неуместными мыслями наедине. Ведь кто я и кто он? У меня просто нет права роптать и спорить.

В столовой моё настроение снова упало. Все ученицы обсуждали красоту и грацию незнакомой мне фрейлины, и от этих слов мне становилось горько. Как ни посмотри, я не отличаюсь ни особой красотой, ни изворотливостью ума, чарующим голосом и изящностью жестов.

Я обычная, я ничем не выделяюсь среди прочих учениц. Та же Саня, с её талантом к языкам, более достойна попасть во дворец, чем я. Вечером, дождавшись, пока Саня уснёт, я тихо плакала в подушку.

Он меня к себе привязал заботой и вниманием, а теперь делает, что вздумается, по праву Короля. Мне же останется только следовать за его волей, как цирковой обезьянке. Это горько и больно, так, что сердце рвётся наружу и не находит выхода, руки сжимаются в кулаки против воли, и собственная жизнь кажется делом безнадёжным и бесполезным. Саня заворочалась во сне, и я, боясь её разбудить, решила выйти в коридор.

Я обулась в тёплые домашние туфли – с наступлением холодов по полу начали гулять сквозняки, надела для тепла верхнее платье, впрочем, не затягивая его и без корсета, и накинула на плечи шаль. Взяла со стола светильник, но зажгла его только за дверью, чтобы не потревожить Саню. Холод пробежал по ногам, пощекотал спину и шею, заставляя ёжиться.

Круг света выхватил из объятий ночи тёмное окно, покрытое по краям инеем, ковровую дорожку на полу, поникший цветок в кадке, прямоугольник пейзажа на стене. Большинство картин, развешенных в Институте, рисовали сами ученицы. Немного подумав, я побрела в дальний конец этажа, где лестница: возле неё у окна широкий подоконник, на который можно поставить лампу. Приглушив, насколько это возможно, не гася окончательно, светильник, я обхватила себя руками и бездумно разглядывала двор за окном.

С моего места было видно край крыльца и угол учебного корпуса. С этой стороны здания только учебные классы, сей-

час пустые и безлюдные. Интересно, который час?

Движение вниз привлекло моё внимание. Подняв ворот пальто и спрятав руки в карманы, по расчищенной дорожке между корпусов шёл кто-то из преподавателей. Остановился, огляделся, поднял взгляд к моему окну. Я помахала рукой, узнав Эрика. Надеюсь, он не будет ругать за то, что я не в своей комнате после отбоя.

Эрик помахал в ответ и вопросительно развёл руками. Я показала, как могла, что не могу заснуть. Кажется, Эрик понял, потому как теми же жестами показал про себя. Потом обхватил себя руками и показал на меня. Я покачала головой – нет, не замёрзла.

Он постоял, переминаясь с ноги на ногу, а потом указал куда-то на первый этаж. Я встревожилась, неужели комендант проснулась? Эрик по привычке попытался почесать затылок, от чего шапка упала в снег. Профессор, досадливо качая головой, отряхнул её и убрал в карман. Посмотрел на меня и жестами попросил спускаться.

Я покачала головой, ученицам в такое время не стоит гулять по этажам. Эрик спросил, пойду ли я спать. Я отрицательно покачала головой, и тогда он повторил просьбу спуститься, показывая, что тоже подойдёт. Интересно, как, ведь комендант запирает на ночь входные двери? Или мы просто поговорим через приоткрытое окно? Но я тогда замёрзну. Заинтригованная, что же задумал профессор, я наконец согласилась. Эрик кивнул и ушёл из поля зрения.

Стараясь не шуметь, я спустилась на первый этаж. Оглядываясь, медленно пошла по коридору. Тусклый свет делал простые знакомые предметы таинственными, а порой и пугающими. Что же дальше? Профессор не сказал...

Тут одна из теней справа зашевелилась и двинулась ко мне. Я подпрыгнула и зажала рот рукой, чтобы не закричать. Эрик, шагнув в круг света, шёпотом извинился:

– Простите, что напугал вас, не хотел.

– Как вы сюда попали? – так же тихо ответила, пытаюсь унять испуганно колотящееся сердце.

– Через вход для прислуги, конечно. Я давно заметил, что они эти двери обычно не запирают, так как слишком часто приходится ходить туда-сюда, да ещё с занятыми руками. Вы знаете, где комната вашего коменданта? – поинтересовался профессор, расстегнул пальто и забрал у меня лампу. Мы говорили очень тихо, и потому приходилось близко стоять и даже наклониться друг к другу.

– Да, возле лестницы, – я махнула рукой в сторону нужной двери.

– То есть вам пришлось пройти мимо неё? – пришёл в ужас Эрик. – Вы смелая девушка, – с уважением покачал он головой и, взяв меня за руку, повёл прочь. В этом дружеском жесте не было многозначности, и я не стала заострять на этом внимание. Прохладные после улицы тонкие пальцы Эрика держали крепко.

Крадучись, мы прошли в комнату отдыха. Она была даль-

ней от комнаты коменданта, к тому же стены поверх деревянных панелей были закрыты тканями и гобеленами, чтобы шум меньше разносился по корпусу.

Эрик заглянул в дверь, осмотрелся и повёл меня к диванчику у внутренней стены. Поставил лампу на стол рядом, сделал свет чуть ярче. Вышитая скатерть стелилась до самого пола, а сверху на столе лежало незаконченное рукоделие, сборник любовных баллад и доска для игры в шашки.

– У вас тут очень уютно, – прокомментировал Эрик, снимая пальто.

Я улыбнулась и укрыла ноги вышитым пледом. По его краю красиво раскрыли крылья пёстрые экзотичные птицы. В этой комнате девушки помимо пения и музицирования занимались рукоделием, и иногда им приходило в голову украсить классные пледы или диванные подушечки. Поэтому комната пестрила узорами, и на кресле, накрытом накидкой с нежной цветочной вышивкой, лежала подушка с абстрактными геометрическими мотивами.

– Удивительно, что нам обоим не спится в эту ночь, – Эрик повесил верхнюю одежду на спинку стула и сел на диван с другого края.

– Действительно. Неужели только бессонница заставила вас выйти на улицу? – я наклонила голову, разглядывая гостя. Тусклый неровный свет лампы придавал ему вид призрака, случайно забредшего в жилое крыло.

– Именно так, – развёл руками Эрик, светло улыбаясь. –

На меня порой нападают тяжкие думы, и нет лучшего средства прогнать их, чем прогулка. А у вас как? – любопытствовал профессор.

В этот момент заколка в его волосах тихо щёлкнула и упала, звякнув об пол. Мы оба замерли, прислушиваясь, не раздадутся ли шаги в коридоре. Но всё было тихо, и профессор, облегченно выдохнув, убрал заколку в карман пиджака.

– Всё равно не держится, – пояснил он. – Так что насчет вас? Что мешает вам уснуть?

– Девичьи думы, – вздохнула я. Было странно и уютно вот так сидеть вдвоём, и было заранее жаль, что ночь не длится вечно и нам придётся прощаться. – Как думаете, профессор, что поможет их прогнать? – я кокетливо улыбнулась, а профессор в ответ привычным жестом взъерошил волосы на макушке.

– Быть может, ночное свидание и партия в шашки? – взгляд Эрика наткнулся на доску и фигуры на столе, забытые кем-то из учениц.

– Возможно, – отозвалась я. – Помнится, в прошлый раз вы обыграли меня, не оставив и шанса. Только теперь я постараюсь выиграть у вас, профессор. Но пообещайте не поддаваться, – Эрик принёс доску и поставил между нами на диван. Я помогла расставить фигуры, и в этот раз белые оказались с моей стороны.

Эрик комментировал каждый мой ход, советовал лучшие комбинации, я же спорила в ответ, отстаивая своё мнение.

Мы так увлеклись, что не сразу услышали шаги в коридоре. Только когда Эрик случайно смахнул одну из фигур на пол, мы замерли, и тут до нас отчетливо донёсся скрип половицы.

Мы с Эриком испуганно уставились друг на друга. Потом он потянулся к лампе, загасить огонь, а я, повинувшись сиюминутному порыву, схватила Эрика за руку и потянула за собой под стол. В последний момент Эрик успел схватить пальто со стула.

Укрытые скатертью от чужих глаз, мы сидели, боясь пошевелиться. Раздались шаги за дверью, ярко зажёгся свет.

– Кто здесь? Выходите! Учтите, всё равно узнаю, и тогда придётся вам чистить серебро в кабинете леди ректора! – скрипучий голос леди коменданта заставил вздрогнуть.

Шаги проследовали по комнате, обошли наш стол кругом. Я дышала через раз, казалось, сердце стучит слишком громко и его слышно во всей комнате. Комендант, обойдя комнату повторно, постояла на пороге, затем её шаги стали удаляться по коридору.

Облегчение от того, что нас не поймали, накатило волной. Я вдруг осознала, что в нашем укрытии тесно, и мы с Эриком сидим очень близко. Наши руки соприкасались, и я чувствовала его дыхание на своей щеке. Ой.

– Кажется, она ушла, – прошептал Эрик, и эмоции от этого приключения защекотали изнутри, пытаюсь вырваться наружу смехом.

Через минуту, не в силах остановить веселье, я прислони-

лась лбом к плечу Эрика. Тот попытался обнять меня за плечи, но неловко повернулся и стукнулся головой. Звук показался очень громким. Мы вновь затаились, ожидая возвращения шагов, но их не последовало.

– Вы не очень ушиблись? – шёпотом поинтересовалась я.

– Ерунда, я и не заметил, – тихо отозвался Эрик. – Пожалуйста, леди, мне лучше уйти. Вы сможете вернуться в комнату незаметно?

– Да, смогу. А вам ничего не будет за эту прогулку? – заволновалась я, выбираясь из укрытия. Эрик протянул мне руку, помогая встать.

– А мы о ней никому не расскажем, – в голосе Эрика слышалась улыбка. – А у вас, леди, не возникнет проблем? – нахмурился профессор.

– Но мы ведь никому не скажем, профессор, – я улыбнулась. – И знаете, Эрик...

– Что?

– Ночная прогулка и игра в шашки это отличное средство от тяжких дум и бессонницы. Спасибо вам.

Я взяла свою шаль с дивана, удивляясь, как комендант её не заметила, и ушла, не оборачиваясь. Длинные прощания ни к чему, да и попасться коменданту не хотелось. Если я буду одна, скажу, что забыла внизу рукоделие, без которого не могу заснуть, или ещё что-нибудь придумаю. А если нас увидят вдвоём, это уже будет скандал.

В комнату вернулась без приключений. Я в коридоре опу-

стила щиты, и с некоторым усилием удалось выяснить, что комендант проверяет читальную комнату на втором этаже. Я пробежала на цыпочках к своей комнате, и закрыла дверь в тот момент, когда комендант вышла в коридор.

В кровать я вернулась с улыбкой на лице. Чуть не попались! Я вспоминала дыхание Эрика на своей щеке, пока снимала верхнее платье, но, стоило коснуться головой подушки, как провалилась в сон.

Ночью мне грезилась незнакомая девушка. Она брела по лесу в длинном светлом платье, и было ощущение, что я с ней давно и хорошо знакома, но при этом вижу впервые. Девушка мне улыбнулась, и мы очутились на берегу речки. Звёзды и день сменяли друг друга, а по воде, мерно покачиваясь на волнах, плыли венки и свечи, как на гаданиях между последним днём весны и первым днём лета.

Глава 21. Пропущенный бал

Утром, едва проснувшись, я сказала Сане, что не пойду на субботние танцы. У меня было предписание лекаря на покой, и потому я могла провести этот день так, как мне того хотелось бы. Пока мы одевались, спросила Саню, к чему снятся гадания.

– Гадания? Ух ты! У меня в соннике было, погоди, сейчас посмотрю! – засуетилась подруга и полезла под кровать.

Я удивилась, а Саня выудила корзинку. Через плечо Сани я разглядела ловец снов, амулет на удачу в любви и верёвочку с узелками, которые обычно завязывают на успешную сдачу экзаменов. Саня достала небольшую книжицу и ногой задвинула корзинку обратно под кровать.

– Так, сейчас посмотрим... Нашла! Ох, Лира! – подняла на меня поражённый взгляд Саня.

– Что там? – озадачилась я.

– Гадание означает, что незамужней леди предстоит выбирать между двумя кавалерами, а прогулка по лесу, ручей и венок предупреждают, что принятое решение повлияет на всю её жизнь. Ух ты! – чуть не подпрыгивала подруга.

У меня же заныло внутри, словно большие камни ворочаются где-то возле сердца. Я тряхнула головой, отгоняя неприятные чувства. Так, умываться, одеваться и заниматься.

Не смотря на ночную прогулку и неясные сны, я чувствовала себя отдохнувшей и горела желанием потратить день на дополнительные занятия. Мне давно надо было подготовить письменный ответ по военному делу, но я до последнего оттягивала этот момент. Так не люблю все эти тактики и ма­нёвры!

Леди Виктория провела со мной с утра дополнительную тренировку, и на завтрак я пришла последней. Наслаждаясь тишиной в обеденной зале, я доедала омлет, когда в дверях показался запыхавшийся Юнг, племянник леди Амалии.

– Леди Лира, вот вы где! Я везде вас искал. Леди Амалия вас зовёт к себе, там что-то срочное. Можете пройти прямо сейчас?

– Да, конечно, – мне не хотелось доставлять проблемы мальчику, и я пошла следом за ним.

Уже на этаже, в коридоре перед кабинетом, на меня нахлынуло тревожное чувство, и сердце глухо застучало в груди. Я шикнула на глупое сердце, приказывая ему успокоиться, возвела все щиты, которые умела, и сделала несколько глубоких вдохов.

Манерам меня выучили раньше, чем ходить, как говорила моя мать. И потому плечи сами собой расправились, на лице появилась вежливая улыбка, ресницы чуть опустились, ибо не прилично смотреть на собеседника в упор. Руки легли на юбки выученным жестом.

Юнг открыл дверь, пропуская меня вперёд. Я шагнула с

высоко поднятой головой и обратилась к леди ректору, хотя и знала, чувствовала, что она не одна в кабинете.

– Вызывали, леди Амалия? – вежливый уважительный реверанс, полагающийся по ситуации.

– Да, леди Лира. Юнг, ты можешь идти. Леди Лира... – леди ректор подняла голову от бумаг.

– Оставьте нас, – сильный, не терпящий возражений голос прервал ректора на полуслове.

– Как пожелаете, – леди поклонилась и поспешно вышла, закрыв за собой дверь.

– Лира, – позвал знакомый голос, скрывая требовательные нотки.

Я стояла, не шелохнувшись, лицом к столу ректора, и сжимала ткань платья. Сердце глухо билось о рёбра, в горле пересохло, дыхание сбивалось. Я не могла заставить себя обернуться, но нашла силы, чтобы ответить. Вопреки опасениям, голос звучал ровно.

– Да, Ваше Величество.

В следующий миг меня снесло, словно тайфуном, и прижало к стене. Король держал мои руки, крепко, не вырваться. Я лишь испуганно вскрикнула, когда его глаза оказались напротив моих. Тёмные омуты, в которых мне так хотелось утонуть, смотрели с тревогой. Не в силах вынести этого, я зажмурилась и отвернулась.

– Лира, что происходит? – чуть раздражённый, хриплый от сдерживаемых эмоций голос миллионом булавок коснул-

ся моей кожи.

Я дышала глубоко, и невольно вдыхала такой родной аромат: терпкой дорогой мужской туалетной воды, свежей накрахмаленной белоснежной рубашки, самую малость – лощадей. Сил обернуться к Нему и взглянуть в глаза у меня не было. Я дёрнулась в тщетной попытке освободиться, но Король держал крепко и стоял очень близко. Так близко, что я чувствовала идущее от него тепло.

– Всё в порядке, Ваше Величество, не стоит переживать из-за меня, – смогла ответить ровным голосом, ругая себя за слова. Разве он переживает? Я не стою этого. Он волен делать, что пожелает, и волнение из-за чувств невзрачной ученицы никак не может входить в этот список.

– Лира, убери щиты, – спокойно, почти ласково попросил Король.

Я малодушно отрицательно покачала головой. На глаза навернулись непрошеные слёзы, и я сильнее вжалась в стену за спиной, желая отступить хоть на шаг, а лучше – оказаться как можно дальше отсюда.

– Лира, это был приказ, – предупреждающе произнёс Его Величество. – Не заставляй меня силой взламывать твои щиты, в этом мало приятного, поверь. Я не хочу делать тебе больно, – я хотела возразить, что уже сделал, но промолчала. – Ну же, девочка, опусти щиты. Я тебя не обижу, я хочу помочь.

От этих слов, от того, как они были сказаны, с теплом и

заботой, внутри меня словно сломалась плотина. Щиты рухнули, будто я и не тратила столько сил, чтобы их возвести. Я опустила голову и всхлипнула, по щекам скатились слезинки, оставляя мокрые дорожки.

– Девочка моя... – поражённо прошептал Александр. Его голос звучал настолько растеряно, что я подняла на него взгляд.

– Как же тебе плохо, душа моя. Никогда не думал, что эта боль коснётся и тебя. Мне она знакома, и мне жаль, что она тебя терзает. Ты вся дрожишь, – с сочувствием произнёс Александр, я снова опустила взгляд и всхлипнула.

Не хочу, чтобы он видел, как я плачу... из-за него. Король и не думал меня отпускать, и я по-прежнему стояла прижатая к стене, не в силах пошевелиться.

– А теперь давай поговорим, душа моя, – я почувствовала знакомые мурашки на коже от ощущения незримого присутствия, заполненности комнаты.

Король опустил щиты. Я смотрела в сторону, избегая его взгляда, но Он отпустил одну мою руку и, бережно взяв за подбородок, заставил повернуться к нему. Я тут же упёрлась рукой ему в грудь, отталкивая, хоть и понимала, что это бесполезно. Он склонился надо мной, так, что между нашими лицами почти не осталось расстояния, и смотрел мне в глаза.

«А теперь, моя хорошая, послушай, что я хочу тебе сказать. Первое, чтобы ты больше никогда больше об этом не волновалась: с момента нашей встречи все остальные жен-

щины мира перестали для меня существовать. Для меня есть только ты, душа моя, и никто больше меня не интересует. Порой мне даже становится страшно от этого, ведь я готов бросить всё королевство к твоим ногам, лишь бы видеть твою улыбку. Это непривычно, порой это меня злит, но я ничего не могу с этим поделать».

Я стояла, не в силах отвести взгляда. Его глаза обещали все блага мира, всю нежность и заботу, которую Он в силах мне подарить, и даже более того. Александр отпустил мой подбородок и осторожно коснулся щеки, вытирая слёзы.

Медленно провёл ниже, погладил шею, от чего по всему телу разбежались восторженные мурашки. Сердце замерло, а на Его лице появилась нежная, тёплая улыбка. Я судорожно вздохнула и вдруг поняла, что свободной рукой сжимаю ткань его рубашки. Александр провёл от шеи вниз, вдоль выреза платья, а потом положил руку поверх моей ладони на своей груди.

«И второе, пугливая моя птичка. Бал был на второй день после праздника в честь дня моей коронации, когда закончились все официальные протокольные мероприятия. Этот день, пренебрегая своими прямыми обязанностями, я провёл с тобой, душа моя. Или ты уже забыла нашу поездку в театр? Эдвард получит выговор за то, что так меня подставляет, как только я вернусь. Надеюсь, я прощён?» – Александр заискивающе посмотрел мне в глаза, и мои щёки залил румянец горячего стыда. Как я могла так...

«Могла, потому как я сразу с тобой не объяснился, а значит, в этом только моя вина. Не переживай об этом, моя девочка. Ну-ка...».

Я и ахнуть не успела, как Александр подхватил меня на руки и в несколько широких шагов оказался у дивана. Он сел на своё обычное место, не выпуская меня из рук, и я оказалась сидящей у Него на коленях.

Я напрягалась, словно готовая в любой момент вскочить и отбежать. Вот только кто бы дал мне такую возможность? Александр держал крепко и нежно, я чувствовала тепло его руки сквозь тонкую ткань накидки на плечах. Вторая рука лежала у меня на коленях, поверх вороха юбок.

«Ну что ты опять пугаешься, – устало и как-то обреченно вздохнул Александр. – Я тебя не обижу».

Мне стало его жаль, таким тоном прозвучала эта мысль.

«Я просто никогда раньше не сидела на коленях у мужчины», – покраснев, отозвалась я.

«Что, даже у отца? Действительно, нет. Надо же. Я думал девочек родители балуют вниманием», – Александр уже видел все ответы в моей голове, но я всё же ответила.

«Балуют вниманием старшего сына, как наследника рода. Виктор уже завывает от такой опеки, ему и шага не дают ступить, всё поучают и наставляют. Он потому и сбежал в Академию, хотя родители настаивали на домашнем обучении. Теперь он вернулся и может уже дать отпор. Ещё балуют младшую дочку. Мою сестрёнку все просто обожают, у

неё есть лучшие платья, все игрушки, которые только захочет. Она часто простывает, и тогда мать сама сидит у её кровати», – я вспомнила лицо сестрички и улыбнулась.

Она провожала меня на учёбу в институт так, как никто другой. Накануне отъезда отказалась уходить и спала вместе со мной, а потом подарила любимую ленточку, чтобы я её вспоминала.

«Ты её тоже любишь», – глаза Александра улыбались.

«Да, очень люблю и скучаю. Ну а я, – я не смогла сдержать вздоха, хоть и считала, что меня это уже не ранит. – Ну а я лишь шанс породниться со знатной фамилией и обуза, так как на меня необходимо собирать приданое. Потому меня и отправили без капли сожаления в Академию, дабы я набралась там полагающихся достойным жёнам знаний, как выразилась моя матушка. Они с отцом ни разу не приезжали в родительские дни», – я снова вздохнула. Александр погладил меня по волосам.

«Не переживай и не думай больше об этом. Этот вопрос решён».

И мне хотелось ему верить. Хотелось верить рукам, которые обнимают меня и обещают защищать от любых проблем, глазам, которые смотрят с нежностью и затаённым желанием на дне, губам, которые привыкли командовать, но не улыбаться, однако сейчас изогнуты в красивой полуулыбке.

И я позволила себе эту малость. Поражаясь собственной смелости, я чуть откинулась и прислонилась к Его плечу.

Александр тут же погладил шею, ласково и немножко щекотно, от чего я фыркнула ему в шею.

«Умница».

«Почему ты сказал, что тебе знакома эта боль? У тебя тоже так бывает?».

Александр вздохнул, медленно и задумчиво перебирая мои волосы. От такой простой ласки я смущалась и краснела. Он думал о том, что сейчас щиты сняты, и меня не удастся оградить от ненужных пока мне знаний. Но раз я сама спросила, значит, это меня волнует. Интересно, у меня в мыслях такой же сумбур?

«Ещё хуже, – усмехнулся Александр. Потом стал серьёзным. – Да, бывает, и чаще, чем мне того хотелось бы. Только я не умею держать всё в себе, как ты. У меня злость вырывается наружу, мне хочется крушить, выплёскивая ярость. Мой камергер посоветовался с государственным казначеем, и они приказали принести в комнату рядом с кабинетом старую мебель, чтобы я не ломал дорогой стол или шкафы ценных пород. Они говорят, что обставлять кабинет заново обходится слишком дорого, – фыркнул Александр. Я же слушала его эмоции и отголоски мыслей, скользящих на втором плане.

«Ты уже дважды крушил свой кабинет?» – я была поражена.

«И трижды бушевал в организованной для этого комнате», – Александр длинно вздохнул, его грудь под моей ла-

донью поднялась и медленно опустилась. – «Ничего не могу с собой поделать. Стоит только представить, что этот кадет, как его там, находится рядом с тобой, тогда как мне приходится быть очень осторожным, чтобы не напугать тебя, и видеться мы можем только урывками, тогда как я хотел бы проводить с тобой каждую минуту, и глаза застилает красная пелена ярости».

Александр не забыл имя Григория, он просто не хотел его называть, ему было это неприятно. Он продолжил.

«Или твой профессор. Я понимаю, что для тебя он интересен просто как собеседник и хороший человек, но вот он-то тебя любит, и мне больно, что кто-то другой может дарить тебе свою любовь, и ты даже отвечаешь ему привязанностью».

Я не вслушивалась в слова, решив, что подумаю об этом потом. После целой недели переживаний и душевной боли я просто наслаждалась покоем и Его близостью. Вдруг Александр замер, словно прислушиваясь к чему-то. Я с тревогой посмотрела на него – всё ли в порядке? Он улыбнулся, возвращая мне нежный взгляд.

«Скоро мне нужно будет ехать».

Тоска от предстоящего прощания накрыла серым холодным туманом. Так скоро... Я вновь прислонилась к Его плечу. Пальцы Александра словно в задумчивости перебирали пряди моих волос, мои руки теребили пуговицу на вороте его камзола.

В мыслях Александра мелькнула мысль-сообщение от его охраны, что ректор закончила дела и направляется обратно, минут через пять будет стучать в двери, нужно ли её задержать. Александр это сообщение проигнорировал, продолжая бережно обнимать меня. А я вдруг осознала, как сейчас выгляжу: юбки смяты, волосы растрёпаны. Я не могу в таком виде предстать перед ректором и идти через весь институт до комнаты!

«Тшшш, не суетись. Ректор тебе и слова не скажет, и тебя не должно волновать чужое мнение. Как же ты любишь из-за всего переживать!».

Александр всё же выпустил меня из рук, и наблюдал, как я расправляю юбки и пытаюсь приглаживать волосы. Придётся переплетать.

«Можно я?» – с непонятной интонацией поинтересовался Александр. Я с недоверием посмотрела на него.

«Я иногда заплетал волосы младшим сестричкам. Иди сюда», – он посадил меня на диван и принялся доставать заколки из спутанных волос. – «Когда они играли, на головах получались дикие безобразия, за которые им часто попадало от гувернанток. Поэтому они тайком пробирались ко мне за помощью. Я до сих пор виню себя, что не смог их уберечь», – горько закончил Александр. Чувство вины огромной каменной плитой придавило меня.

«Прости, сейчас пройдёт», – Король принялся возводить щиты, чувство наполненности комнаты постепенно ушло.

«Ты не виноват. Это всё проклятый дар», – я коснулась его руки, и Александр слабо улыбнулся.

«И всё же в моих силах было это предотвратить. Я до последнего надеялся, что отец придёт в себя, старался не оставлять близких с ним наедине. Но дни шли за днями, безумие не отступало, а я всё чего-то ждал. Не будем об этом больше. Знай одно, я никому не позволю причинить тебе вред. Я не могу потерять ещё и тебя. Больше у меня никого не осталось».

Я молчала, не зная, что ответить. Александр закончил с моей причёской, легко коснулся щеки, а стоило мне обернуться, поцеловал в лоб.

«Не смущайся. Ректор уже здесь. Пойдём».

Он протянул руку, помог встать. Король пристально смотрел мне в глаза, и я не могла отвести взгляд. Он поглаживал ладонь и пальцы, и вверх по руке бежали мурашки.

Ненадолго отпустив меня, он надел камзол, а потом вновь завладел рукой и повёл меня прочь из кабинета. Дверь открылась в тот миг, когда леди Амалия занесла руку, чтобы постучать.

Быстро справившись с удивлением, леди почтительно отступила на пару шагов, чтобы мы могли беспрепятственно выйти. В коридоре Александр остановился, развернул меня к себе и, пристально глядя в глаза, склонился над моей рукой с поцелуем. Краем глаза я отметила, что леди Амалия была вынуждена присесть в реверансе и склонить голову.

Но потом Александр завладел всем моим вниманием. Он дразнил меня, касаясь руки не только губами, но и языком. Я прерывисто вздохнула, хотелось забрать у него руку от смущения, и в то же время не хотелось, чтобы он останавливался. Запутавшись в своих чувствах, я окончательно смешалась.

Александр, так и не отведя взгляда, выпрямился.

«А теперь, душа моя, тебе стоит вернуть щиты, пока я ещё здесь. В прошлый раз такая оплошность стоила мне головной боли», – он неизбежно усмехнулся, и выгнул бровь, ожидая моих действий.

С трудом собравшись с мыслями, я сумела выстроить три основных щита. Только один раз Александр меня поправил, а потом похвалил, сказав, что у меня хорошо получается. Охранник, до этого незаметно стоявший у стены напротив двери, занял место за плечом Короля.

Александр ушёл, кивнув мне на прощание, и я провожала взглядом его спину до тех пор, пока она не скрылась за поворотом. Он шёл к чёрному выходу в конце коридора. Я же, развернувшись, пошла в сторону центральной лестницы.

Сердце радостно билось, в голове раз за разом повторялся сегодняшний разговор. И я сидела на коленях Короля. Эта мысль вызвала смех. Знал бы кто, не поверил бы! Я и сама ещё вчера обозвала бы лгуном человека, который посмел бы намекнуть мне о такой возможности.

В холле звучала музыка. Она доносилась из приоткрытой

двери бальной залы. Я и забыла, что сегодня танцы!

Я была поглощена мыслями о Короле и нашей встрече, а потому не придавала значения стоящим у входа в бальную залу людям. Кажется, кадеты, а может, ученицы или преподаватели. Это было не важно, в душе шевелилось что-то тёплое и пушистое, я улыбалась и сияла на весь мир.

Только когда одна из фигур отделилась от компании и преградила мне путь, я вынырнула из своих дум и подняла глаза на заступившего дорогу человека. В зелёном выходном мундире, с нашивками ученика Мужского Королевского Института, гладко причёсанными волосами и хмурым взглядом, требовательно смотрит на меня и чего-то ждёт. Григорий.

– Вы что-то хотели? – не выдержала я затянувшегося молчания. Григорий никак не вписывался в картину моего внутреннего счастья. Сердило его поведение, он, как мужчина, не имел права меня останавливать и должен был заговорить первым.

– Куда ты сейчас идёшь? Пойдём, потанцуешь, – Григорий попытался взять меня за руку, но я успела шагнуть назад и убрать руку за спину.

– Я не могу. Лекарем мне предписан покой, я должна находиться в комнате и пить настойки. Желая вам весело провести бал.

Обойдя Григория по широкой дуге, я направилась к нише с вешалками с верхней одеждой. Да как он посмел хватать

меня за руки! Вопиющая бестактность!

Я выскочила в двор, и холодный ветер бросил в лицо горсть снега. Я остановилась, заматывая шарф плотнее, и от стены сбоку от входа отделилась фигура. Мой охранник от Короны. Странно, ещё миг назад мне казалось, что там никого нет.

– Позвольте вас проводить, леди, – учтиво склонил голову мужчина и предложил опереться на его локоть. Я вежливо улыбнулась, принимая приглашение.

– Скажите, Артемий, становиться невидимым – ваш личный талант иди у всех Его стражей есть такая способность? – мой охранник встал так, чтобы загораживать меня от порывов ветра.

– Что вы, леди. Это навык, который тренируют годами. Я просто становлюсь настолько скучным и незначительным, что люди, даже глядя прямо на меня, не помнят этого уже через миг. Вы же не помните о своей тени, хотя она всегда с вами.

Я задумалась. Уже возле жилого корпуса Артемий снова ко мне обратился.

– Леди, позвольте совет.

– Конечно, Артемий, я всегда готова вас выслушать, – а про себя добавила, что сама буду решать, следовать ли советам или нет. У всех людей свой взгляд на вещи, и своё понимание правильного и ошибочного.

– Будьте осторожны. Возле института мы несколько раз

замечали посторонних людей, есть подозрение, что их специально подсылают выведать что-то, – Артемий многозначительно замолчал, глядя на меня. Выведать что-то или выследить кого-то. Я кивнула, показывая, что поняла его мысль.

– Прошу вас, воздержитесь от прогулок за пределы территории, там проще причинить вам вред, а нам сложнее вас защитить. Я буду провожать вас из корпуса в корпус, не пугайтесь, если заметите, что за вами идут, – мы подошли ко входу, и Артемий открыл передо мной дверь. – Прошу.

– Благодарю... – я шагнула за порог, а обернувшись, никого не увидела.

Покачав головой, поднялась к себе и устроилась с учебниками за столом. Только вот знания в голову не шли, стоило мне остаться одной, как стали вспоминаться все встречи с Его Величеством, начиная от представления ко двору и до сегодняшнего дня. Я улыбалась и чертила на полях тетради цветочки и завитушки, пока полностью не стемнело.

Так меня и застала Саня, в полумраке мечтательно глядящую за окно. Подруга словно светилась, щёки ещё горели после быстрых танцев, глаза блестели от услышанных комплиментов. Переглянувшись, мы с ней расплылись в понимающих улыбках.

– Как всё прошло? – первой спросила я, пока Саня снимала верхнюю одежду.

– Замечательно! Я натанцевалась на целую неделю! И мне целых три раза сказали, что шарфик мне очень к лицу. А у

тебя как прошёл день? – хитро прищурилась подруга.

– Тоже хорошо. Можно мне ещё разок одолжить твою книгу с вышивками? Кажется, я потеряла срисованную схему, – вздохнула я, вспоминая, как рвала бумагу на крошечные кусочки и кидала в камин в библиотеке.

– Сколько угодно! – Саня плюхнулась на кровать, юбки взметнулись колоколом. Видели бы это мои учителя изящных манер, пришли бы в ужас. Воспользовавшись разрешением, я отыскала на Санином столе нужную книгу. Кажется, я оставляла закладку. Саня провожала все мои действия внимательным взглядом.

– Так значит, вы помирились? – нетерпеливо спросила она, вернув юбкам положенный вид, и принялась отстёгивать и развязывать украшения, брошку и шарфик.

– С кем? – не поняла я, поглощённая своими мыслями.

– С Григорием, конечно, – захлопала на меня глазами Саня. А потом тихим голосом, словно нас могли подслушать, пояснила. – Он как приехал на бал, всё тебя выглядывал, ни с кем не танцевал, всё бродил по залу и был мрачнее тучи. Потом подошёл ко мне, спросил, где ты. Ну, я и сказала, что ты приболела. Он тогда вышел в холл, а как вернулся, его было не узнать: взгляд блестит, весь такой целеустремлённый. Ни одного круга после этого не пропустил!

– Это не он, Саня. И, если честно, Григорий мне совсем не нравится. Представляешь, он в холле преградил мне дорогу и пытался за руку куда-то утащить.

– Да ты что! – Саня смотрела на меня круглыми глазами. – Как он посмел! Я ему больше ни полсловечка про тебя не скажу. Но погоди, ты сказала, что «это не он». Значит, ты всё же о ком-то вздыхаешь? – Саня аккуратно расплетала причёску, по одной доставая заколки.

Я вздохнула, понимая, что проговорила. Но, может, у Сани хватит такта, и она не станет спрашивать, кто это? Тогда у меня будет, наконец, с кем поговорить о своих переживаниях.

– Только это большая тайна. Нельзя, чтобы кто-то узнал или заподозрил что-то, – я прикусила губу, ожидая ответа.

– Тогда мы никому об этом не скажем. Если тебе вдруг нужно будет отлучиться, ты говори мне, а я всем скажу, что ты была вместе со мной в комнате и мы учили язык цветов. Хотя нет, его ты уже сдала. Тогда, что ты помогала мне с заданием по какому-нибудь предмету.

– Спасибо! – я расплылась в улыбке, и Саня подмигнула мне в ответ. Я провела рукой по волосам, не решаясь расплести, ведь это Он мне заплетал.

– Ой, а что это у тебя за причёска? – Саня вытянула шею, с любопытством пытаюсь разглядеть получше.

Я залилась краской, а потом, набравшись смелости, всё же созналась подруге:

– Сегодня днём мы виделись... с Ним. И... это Он заплетал, – я с трудом оторвала взгляд от пола, и поняла, что Саня смотрит на меня поражённо. – Что-то не так?

– Что ты! Всё так! Просто... Мне старшие братья похожую заплетали, когда я маленькой была. И отцы дочерям такое заплетают. Это вроде как деревенское поверье, защита самой любимой и близкой женщины. Он действительно тебя очень любит, – улыбнулась Саня.

Если я думала, что покраснеть сильнее невозможно, то ошибалась. Чувствуя, как жар заливает щеки, провела рукой по волосам. И откуда Король знает деревенские поверья?

– Не хочешь расплестать? – понятливо хмыкнула Саня. Я кивнула. И понимаю, что к утру причёска превратится в кошмар, но ничего поделать с этим не могу. – Тогда давай я с утра тебе такую же сделаю? Я умею!

– Саня! – я не могла подобрать слова, чтобы выразить благодарность. На глаза навернулись слёзы, и я бросилась подруге на шею.

Причитая и утешая, благодаря друг другу и заверяя в вечной дружбе, мы сидели так, пока комендант не заглянула в комнату, ругаясь, что до сих пор горит свет. Пришлось заверить, что мы сейчас ляжем, и собираться спать. Мы помогли друг другу расшнуровать платья, пожелали волшебных снов с единорогами и принцами и погасили свет. До праздника Середины Зимы ещё времени много, вышивку я успею закончить. Очень на это надеюсь.

Следующий день вышел суматошным. Леди Виктория и профессор Олрид, воспользовавшись моим недавним настроением, добавили ещё несколько тренировок в неделю. Я

не смогла им возразить, так как видела результат этих занятий. Но и так свободного времени почти не оставалось!

Раздумывая, не слишком ли много на себя беру, столкнулась в столовой с Анникой. Она бросила на меня презрительный взгляд, фыркнула и поинтересовалась, что это за убожество у меня на голове. Я в ответ пожала плечами и ответила, что это последнее веяние среди приближённых к Королю кругов. Откуда знаю? Получила вести из дома, а отец только вернулся из дворца, где был по делам.

И я почти не соврала – причёску мне навёл собственноручно Король, более приближённый круг сложно представить. Письмо из дома я тоже получила, вместе с деньгами на карманные расходы и пожеланием хорошо провести праздник Середины зимы.

И мой отец действительно только вернулся из столицы. Было грустно, что он не заехал меня навестить, ведь здесь совсем рядом. Пришло понимание, что Александр, не смотря на свою занятость, выкраивает время и, невзирая на погоду, преодолевает разделяющее нас расстояние ради коротких встреч.

В груди разлилось тепло, было удивительно, как это чувство может занимать столько места и что оно во мне помещается. Казалось, это тепло вот-вот начнёт плескаться через край. Я улыбалась и была рассеянной на занятиях, за что получила дополнительное задание по каллиграфии. Это было совсем на меня не похоже.

Занятия в классах, утренняя и дополнительные тренировки, самостоятельная работа по учебникам в комнате – времени совсем не оставалось. Я с трудом выделила полчаса в день и, сидя в общей комнате жилого корпуса, начала вышивку.

Другие ученицы заинтересовались схемой и стали просить у Сани показать чудесную книгу. В ответ делились своими схемами, предлагали мелочи для рукоделия вроде иголок или ниток – ведь если кто-то возьмёт схему для украшения воротничка, к примеру, то хозяйка книги уже не сможет сама её использовать.

Саня была рада неожиданной популярности и с готовностью меняла схемы, а чаще отдавала безвозмездно. Анника, хоть и поглядывала в сторону нашего кружка заинтересованно, но подходить не стала. А отлучившись на минуту, я обнаружила в своём стуле пару воткнутых в сиденье иголок, и еле успела остановить Саню, когда та собиралась облокотиться на подушку с таким же «сюрпризом».

На моё возмущение девушки в комнате растерянно переглядывались, никто из них не заметил, кто подходил к нашим вещам. Это злило и раздражало, ревность Анники перешла все разумные границы. Если сможем подловить её на очередной гадости или доказать, что это была она, без раздумий сдам её леди ректору. Калечить меня и моих подруг никому не позволю!

Не добавили душевного спокойствия занятия, которые вёл Эрик. Я старалась вести себя, как обычно, но против во-

ли то и дело незаметно смотрела на профессора или, наоборот, смущённо отводила взгляд. Слова Его Величества не шли у меня из головы. Неужели Эрик и вправду мной заинтересован?

Эрик на моё поведение удивлённо поднимал бровь и задавал вопросы по теме урока, просил не отвлекаться. Мне казалось, что девушки в классе переглядываются. Ох, надеюсь, они не решили, что я влюбилась в профессора?

Глава 22. Разговор с Эриком

После разговора с Королём я словно чувствовала крылья за спиной. Они помогали держать спину прямо, не опускать взгляд, говорить уверенно. Я верила, что у меня всё получится, и, как по волшебству, всё, что я задумывала, сбывалось.

Я наконец-то сдала военное дело, с трудом, но набрала минимальную необходимую оценку. Теперь дважды в неделю у меня появился свободный час, чему я была очень рада. По вечерам, когда выдавалась минутка, занималась вышиванием в общей комнате в жилом корпусе.

На мой взгляд, получалось неплохо. Плавные узоры ниток чистых, нежных тонов расплзались по ткани, превращаясь в задуманный рисунок. Надеюсь, Ему понравится.

Только один человек омрачал мою картину счастья. Я понимала, что делаю ему больно, но оставаться с ним в прежних отношениях означало бы обманывать его. Я не знала, что делать. Зачем Король мне это сказал?

Всю неделю я избегала встреч с Эриком. После его занятий уходила одной из первых, в библиотеку заглядывала совсем ненадолго, только взять новые книги или сдать старые. Но в пятницу, с утра получив долгожданное освобождение от военного дела, я задержалась.

Сдала учебники по этому предмету и бродила среди стеллажей в общей секции, выбирая, что бы взять для чтения.

Любовный роман или альбом модных платьев? В альбоме можно подсмотреть идею для субботнего наряда, но я для себя, для удовольствия давно ничего не читала.

– Леди, – я вздрогнула, услышав за спиной знакомый голос. Почему он хриплый? Надеюсь, Эрик не заболел?

– Добрый день, профессор, – я обернулась и изобразила вежливый реверанс.

– Леди, не уделите мне пару минут? – всё таким же хриплым, напряжённым голосом поинтересовался профессор.

Я подняла на него взгляд. Под глазами залегли тени, заколка еле держится в растрёпанных волосах, камзол чистый, но мятый, печальный больной взгляд. Что с ним? Беспокойство заворчалось внутри. Может, отвести его к лекарям?

– Конечно, профессор, – я не смогла отказать.

За стеллажом щебетали ученицы, и профессор предложил пройти в секцию для преподавателей. Я кивнула, и, идя следом за ним, напряжённо смотрела ему в спину. Хотелось подойти, обнять, утешить, помочь собрать волосы в причёску.

Мне было безумно жаль Эрика. Но, боюсь, жалость ученицы не то, что необходимо взрослому мужчине. Меня с детства учили, что нельзя показывать свою жалость мужчинам, это их унижает и лишает сил. Потому я, вцепившись в юбки, старательно делала вид, что всё в порядке. И всё же, когда в секции для преподавателей Эрик устало оперся руками о стол, не удержалась от вопроса:

– С вами всё в порядке, профессор? Вы не больны?

– Болен? Да, пожалуй, вы правы. Но от этого недуга так просто не избавиться, – Эрик со вздохом опустился на стул.

– Я могу вам как-то помочь? – я подошла ближе, гадая, вызвать лекарей сюда или проводить к ним профессора.

Эрик снова вздохнул и тяжело на меня посмотрел.

– Я могу быть с вами откровенным, леди?

– Конечно, профессор, – я присела на краешек стула, понимая, что разговор будет долгим.

Несмотря на дневное время, за окном было сумрачно из-за густых облаков, и библиотеку освещали лампы и свечи. Камин тихонько трещал, заполняя помещение уютным ароматом горящих поленьев. При свете настольной лампы Эрик казался ещё более утомлённым и несчастным.

– Простите мне мои слова, леди. Если они вас чем-то ранят, только скажите, и мы сделаем вид, что этого разговора не было. Если позволите... – Эрик помолчал, подбирая слова. Я его не торопила, догадываясь, куда идёт разговор.

– В эту неделю вы очень переменились ко мне, леди. Я понимаю, вы, возможно, получили письмо из дома, в котором определялась ваша дальнейшая судьба, и потому решили действовать сообразно с этим, – я молчала, не подтверждая, но и не отрицая его слова. Эрик, не дождавшись ответа, продолжил.

– Более того, леди. Я понимаю, что, крадя ваше внимание и время, поступаю некрасиво. Мне нечего вам предложить. Поместье досталось моему старшему брату, а у меня кроме

имени и знаний нет ничего. Я не смею даже претендовать на вашу руку. Но, боги, вы не представляете, как же больно ранит ваша холодность! – Эрик внезапно вскочил, с шумом отодвинув стул, и прошёлся перед стеллажами, избегая смотреть на меня. Заколка слетела, но профессор, кажется, не заметил этого.

– Я понимаю, что веду себя дерзко и прошу слишком многого, но быть с вами в одних стенах и не видеть, не иметь возможность перемолвиться словом, это слишком жестоко. Я умоляю, леди, не отталкивайте меня, хоть то короткое время, что вам осталось учиться. Прошу, – внезапно Эрик оказался на коленях передо мной.

Я замерла, растерянная, не зная, что делать. Успокаивать? Пристыдить? Оттолкнуть? Что будет честнее по отношению к нему, ко мне и к Александру? Эрик смотрел мне в глаза, ожидая решения, а я, на свою беду, опустила щиты. Шквал эмоций захлестнул, закружил, заставляя задыхаться и терять опору.

Я барахталась в чужих мыслях, как в водовороте, а взгляд Эрика молил о пощаде. И я не смогла бросить его в этом омуте.

– Только если вы согласитесь на несколько условий, профессор, – тихо произнесла, и от чужой надежды и радости закружилась голова.

– Всё, что угодно, – хрипло выдохнул Эрик и коснулся моей руки. Я, чувствуя себя ужасно не по себе, мягко высвобо-

дила ладонь. Эрик смущённо и растеряно уставился на свою руку, словно удивляясь, как так вышло.

– Первое. Сядьте на стул, профессор, так очень неловко с вами разговаривать, – я говорила ровным, спокойным голосом, и профессор послушался.

Он перебрался на стул, лицо заливала краска смущения. Он сам не ожидал от себя таких слов и действий. Эрик сделал несколько глубоких вдохов, провёл рукой по волосам. Справившись с эмоциями, смог поднять на меня печальный взгляд.

– Что второе, леди? – его слова, голос, взгляд падали тяжёлыми камнями мне в душу.

– Во-вторых, профессор, я вам ничего не обещаю. Никаких авансов или намёков, и я не потерплю ухаживаний с вашей стороны. Вы были правы, говоря, что моя судьба predetermined, и мне бы очень не хотелось портить отношения с будущим супругом. Сами понимаете, от этого зависит моя дальнейшая жизнь, – Эрик растрепал волосы, жалея, что вообще затеял этот разговор.

– Я понимаю, леди. Это было не разумно с моей стороны...

– И третье, профессор. Я вам верю. Верю, что вы не станете меня компрометировать, и буду очень рада продолжить наши занятия по книгам и учебникам из секции для преподавателей, – я обвела рукой раскинувшиеся перед нами стеллажи. – Боюсь, одной мне не суметь пробраться сквозь де-

бри этой мудрости, – улыбнулась, надеясь приободрить профессора. Очень мне не понравилось что-то тёмное, мелькнувшее в его мыслях.

– Это больше, чем я смел надеяться, леди. Если бы я сейчас умер, то умер бы счастливым, – выдохнул Эрик с безумным блеском в глазах.

– О чём вы говорите, профессор! – испуганно воскликнула я.

– Ох, простите, леди, я вовсе не то имел в виду, – нахмурился Эрик. Кажется, он начал приходить в себя.

– Ваши слова меня напугали. Обещайте никогда больше об этом не думать! – строго попросила я.

– Обещаю, – тепло улыбнулся Эрик. Вновь провёл по волосам, обнаружил, что заколки нет, и принялся оглядываться в поисках пропажи. – А вам разве не пора собираться на танцы, леди? – рассеяно поинтересовался Эрик.

– Вы правы, мне пора идти. Учтите, профессор, вам в нынешнем виде появляться в бальной зале нельзя, распугаете всех учениц и гостей, – шутливо попеняла профессору. Ему, как всегда, нужно будет дежурить на балу, а с него станется прийти помятым и растрёпанным. Мне не хотелось, чтобы о нём плохо говорили.

– Вы так считаете? – удивился профессор. Он, наконец, нашёл заколку и кое-как заколол волосы.

– Поверьте мне на слово. Увидимся в зале, профессор, – я изобразила вежливый реверанс на прощание и покинула

библиотеку.

– Увидимся, – эхом счастливо отозвался профессор.

Я помчалась собираться на субботние танцы. Саня помогла с причёской, мы зашнуровали друг дружке платья... Так, кажется, готовы. Внизу уже ждали другие ученицы, с которыми мы хорошо общались. Было неудобно, что приходится переобуваться и надевать верхнюю одежду, но погода не располагала к прогулкам налегке, всё же зима.

Весело переговариваясь, мы поспешили в основной корпус. Я увидела Артемия, он проводил нас между зданиями, а остальные девушки его, кажется, не заметили. Холл встретил нас тёплым светом и гулом возбуждённых голосов. Общее настроение легко завладело умами, и вот мы дружной толпой стоим перед дверьми, с нетерпением ожидая, когда нас объявят.

Грянула музыка, мы ступили в зал. Кадеты встретили нас слаженными поклонами и хором гаркнули неясное приветствие. На мой вопрос Саня ответила, что тоже не знает, что же такое при нашем появлении кричат кавалеры.

Заприметив Григория, мы с Саней начали игру, о которой договорились ещё на прошлой неделе. Стоило кадету попытаться пройти ко мне, как я тут же исчезала. Заручившись поддержкой подружек, мы все здорово развлекались. Я отвечала на приглашения и выходила танцевать раньше, чем Григорий успевал ангажировать меня.

После круга я просила кавалеров отвести меня в сторону,

противоположную Григорию, и те вежливо меня провожали. Там я сразу же шла с кем-нибудь танцевать, или же, хихикая, пряталась за колоннами, а подружки заслоняли меня и на вопросы Григория отвечали, что буквально только что видели меня в другом конце залы.

Девушки просили знакомых кадетов подыграть нам, и те с радостью соглашались. Оказалось, что Григория считают странным и недолюбливают среди кадетов. Что ж, я их понимаю.

Бал был чудесным. Омрачал день только полный ярости и злобы взгляд Григория, который я чувствовала на себе во время танцев. Но, в конце концов, я ему ничем не обязана и не давала повода вести себя столь навязчиво.

За весь вечер Григорий так и не смог ко мне подойти. Мы с Саней натанцевались вдоволь, завели несколько новых друзей и отлично развлеклись. Подружки тоже с весельем вспоминали наши прятки, и в столовой появилась новая тема разговора – как избежать кавалера. Ведь так можно подразнить и того, кто нравится, так ведь?

Во вторник я, чуть волнуясь, спешила в библиотеку. За окном выл ветер, сыпал снег, укрывая мир лёгкой вуалью. Как-то так вышло, что все ученицы знали, когда День рождения Эрика.

Наш профессор родился холодной зимой, под пение пурги и метели. И, хотя поздравлять посторонних мужчин с праздниками не очень правильно, я себя утешала тем, что даль-

ше смотреть на мучения профессора просто нельзя. Да и это ведь не нейтральный праздник вроде дня Середины зимы, поздравления с которым и вправду выглядели бы странно.

В секции для преподавателей было сумрачно. Я положила приготовленную коробочку на стол, зажгла лампы. В ожидании Эрика села за задания по каллиграфии и изящной словесности.

Глава 23. После признания

Я ждала. Уютно потрескивал огонь в камине, бумага приятно шуршала под механическим пером. Я прислушалась к себе. В последнее время стала замечать, что неосознанно чувствую присутствие людей вокруг. Развивается Дар или слабеют щиты?

Например, сейчас за стеной, в библиотеке, пять человек. Один из них – смотритель книг, а прочие? Ученицы? Вот кто-то подошёл к двери в преподавательскую секцию. Неслышно отворилась и закрылась дверь, посетитель замер, но я уже знала, что не одна. Тихие шаги и раздавшийся в тишине библиотеки голос не стали для меня неожиданностью.

– Леди Лира, не ожидал вас здесь увидеть. Разве у вас нет сейчас занятий?

– Хорошего дня, профессор Эрик. Я наконец-то сдала военное дело, и эти часы у меня теперь свободны. Не знаю, надолго ли, мне уже предложили дополнительные часы по некоторым дисциплинам, я пока раздумываю, что выбрать, – ответила я, повернувшись к профессору.

– Да, леди Амалия не оставляет своим подопечным времени на посторонние мысли и встречи, – непринуждённо улыбнулся Эрик.

Я невольно залюбовалась россыпью смешинок, блеснувших в его глазах. Профессор отодвинул соседний стул и при-

сел сбоку от стола, за которым я занималась. После того разговора Эрик не позволял себе садиться рядом.

– Что вы учите, леди? – любопытно спросил он.

– Пытаюсь совместить задание по изящной словесности и каллиграфии, – улыбнулась я, отодвигая тетрадь.

– Не буду вас отвлекать, леди, – профессор собрался уходить.

– Пойдите, профессор. У меня к вам есть одно дело, – я остановила его, придвигая к себе коробочку.

– Какое же? – заинтересованно наклонил голову профессор.

Я снова улыбнулась. Мужчины такие любопытные, хуже леди! В этот момент заколка профессора с тихим щелчком расстегнулась и упала на пол. Эрик со вздохом поднял её и привычным жестом провёл рукой по волосам.

– Погодите, профессор, не закалывайте пока волосы. У меня для вас кое-что есть, – улыбнулась я и подошла к профессору.

Эрик, удивлённо подняв брови, следил за мной. По крайней мере, мне удалось его удивить. Я положила перед профессором коробочку.

– С Днём рождения, Эрик. Желаю вам удачи и счастья, – он, казалось, перестал дышать, и не сводил взгляда с подарка. – Ну же, откройте! – посоветовала я, видя замешательство профессора.

– Откуда вы узнали, леди? – глухо произнёс Эрик, реши-

тельно потянув за золотистую тесьму, которой был перевязан подарок.

– Мне кажется, все ученицы знают о вашем Дне рождения, – мягко ответила я.

– То-то с утра все так странно на меня смотрят, – вздохнул Эрик. – Под дверью комнаты нашёл утром стопку писем, вы представляете! А на столе в кабинете – коробку конфет.

– И что же вы сделали? – полюбопытствовала я. Интересно, как поступают преподаватели в таких случаях?

– Как что? Письма, не открывая, отдал леди Амалии, а конфеты разделили между ученицами в классе.

– Дайте угадаю, вы сами не взяли ни одной? – лукаво улыбнулась я.

– Именно так. Ох, леди, красота какая. Право, не стоило! – профессор раскрыл коробку и, развернув ворох бумаги, достал тёмно-синюю ленту для волос. Ту самую, что я купила на ярмарке во время прогулки с Григорием. Я сразу заметила безделицу на прилавке, и первым делом подумала, что она отлично подошла бы Эрику.

– Я рада, что вам понравилось, профессор, – ответила я, с замиранием сердца глядя, как Эрик бережно достаёт подарок. – И, надеюсь, с лентой у вас будет меньше проблем, чем с заколками.

– А что не так с заколками? – не понял профессор.

– Ах, профессор, не заставляйте меня это говорить, – рассмеялась я.

– Вы уже начали, леди, так что договаривайте, – выжидательно посмотрел на меня Эрик. Я покачала головой.

– Только не обижайтесь, профессор. Ученицы перед каждым занятием спорят, сколько раз за урок слетит ваша заколка, – чуть смущённо ответила я. Надеюсь, он не спросит, принимала ли я участие в этой забаве, иначе окончательно вгонит меня в краску.

– Вот как, – озадаченно потянул Эрик и перевёл взгляд на ленту. Покрутил её в руках, задумчиво пропустил между пальцев. – Но я не умею пользоваться лентой, – как будто про себя произнёс он.

– Именно для этого я здесь, профессор, – улыбнулась я и, взяв ленту из рук Эрика, достала расчёску из кошелька на поясе и зашла ему за спину. Эрик сидел напряжённый, как натянутая струна. Я только головой покачала.

За оставшееся до занятий время я успела показать профессору несколько причёсок и узлов, сложных и не очень. Эрик вздрагивал каждый раз, когда я его касалась, или когда наши пальцы случайно встречались. Он отвечал скупой, охрипшим голосом, и не сводил с меня задумчивого, глубокого взгляда.

Пришлось срочно вспоминать уроки изящных манер, быть весёлой и старательно притворяться, что не замечаю взглядов Эрика. В душе бушевал ураган. Он меня любит. Как боги допустили, чтобы на его долю выпало такое испытание? Или это проверка и для меня? Сердце замирало, когда я чув-

ствовала на себе преданный взгляд Эрика.

Он смотрел на меня, словно на сошедшую с небес богиню, а я не знала, как уменьшить его мучения. Мне и самой было тяжело. Эрик очень милый, он светлый и преданный человек, очень добрый, красивый, изящный и гибкий. А на уроках танцев и утренних тренировках от него невозможно отвести взгляд.

Не просто так об Эрике вздыхали многие ученицы. Он замечательный, и любая была бы рада оказаться на моём месте. Только вот я совсем не радовалась. Сердце разрывалось на части, я искренне привязалась к профессору. Что же будет с нами?

– К сожалению, мне пора идти, профессор, – тихо произнесла я.

– Спасибо вам за всё, леди, – серьёзно ответил Эрик, глядя мне в глаза. Я кивнула и поспешила уйти, чтобы он не заметил навернувшиеся на глаза слёзы. Как тяжело смотреть, с какой нежностью и трепетом он касается ленты. Такая безделица, а Эрик ведёт себя, словно это самый дорогой подарок в мире.

Этим же вечером он появился на занятиях и за ужином с лентой, чем произвёл фурор. По чуть растрёпанным волосам было видно, что он продолжал тренироваться завязывать ленту и после того, как я ушла. Что же, у него почти получилось, только узел немного кривоват.

Тёмно-синяя лента смотрелась в волосах профессора

очень элегантно, и тут же на Эрика со всех сторон посыпались комплименты и вопросы о том, где же его заколки. Профессор отшучивался, мило краснел и не знал, куда деваться от внимания. Ближайшие несколько дней новая причёска профессора стала главной темой для разговоров. Не так часто что-то происходит в закрытом, огороженном мирке Института, чтобы такую, казалось бы, мелочь обошли вниманием.

Утром я проснулась с улыбкой на лице. За окном было темно, в комнате Саня уже зажигала лампу. Было слышно, как комендант стучит в двери, чтобы разбудить спящих леди. Предвкушение ворочалось в груди нетерпеливым пушистым котёнком. Ох, неужели я сегодня снова увижу Александра!

Может, он снова поцелует мне руку? При встрече возьмёт мои пальчики и запечатлеет поцелуй на тыльной стороне ладони. Как тогда, после театра. Наверное, мы снова будем сидеть рядом, он станет играть с моими волосами, а я осмелюсь провести по его щеке... А может, меня ждёт настоящий поцелуй?..

– Эй, Лира, не спи, профессор Олрид ждать не будет! Заставит бегать вокруг залы лишние пять кругов! – Саня в своей непосредственной манере запустила в меня подушкой, но я со смехом увернулась. Она права, пора собираться.

– О чём мечтала? – полюбопытствовала подруга.

– О поцелуях, – честно призналась я. После того, как Саня

не стала выпытывать имя моего ухажёра и обещала посильную помощь, я стала с ней откровенной.

– О поцелу-у-ях, – потянула Саня. – Здорово! Расскажешь потом? – подмигнула она мне, завязывая волосы лентой и убирая их в тугую узел.

– О чём? – не поняла я, надевая тренировочную форму.

– О том, понравилось тебе целоваться или нет, конечно! – возмутилась моей непонятливостью Саня. – Помоги завязать... Ага, спасибо. Ой, мы опять опаздываем!

– Саня, я не расчесалась, – я в панике стала расплетать ночную косу. Меньше мечтать надо было, верно говорят, что приличной леди нечего думать о поцелуях!

– Ох, горе ты моё. Садись на стул, сейчас быстро сделаю!

На занятие мы забегали почти последними, но всё же успели к началу. Как хорошо, что зимой мы тренируемся в бальной зале основного корпуса, до поляны в лесу мы бы точно не добрались в срок!

После тренировки я долго наводила красоту. Ополоснуться в душе, переодеться, переплести волосы. Я покусала губы, чтобы они выглядели ярче, и тут же смутилась своих действий. Саня фыркнула и увела меня завтракать со словами, что бурчащий желудок не украшал ещё ни одно свидание.

Завтракала я так, словно опаздывала на собственную свадьбу. Саня хмыкала и просила хотя бы немного жевать. Я шикнула на подругу, но последовала её совету. Я как раз доела пирожок с вареньем, когда к нашему столику подошёл

племянник леди Амалии. Я не стала дожидаться его слов, спросила первой:

– Меня зовут в кабинет ректора? – мальчик кивнул. – Спасибо, Юнг, я сама дойду.

Ковёр послушно ложился под ноги, когда я шла, придерживая юбки, по коридорам. Сердце радостно трепыхалось в груди, я не замечала ничего вокруг, ведомая мыслью о скорой встрече. Я увижу Его...

Дверь кабинета открылась, выпуская леди Амалию. Я коротко вежливо поприветствовала её и прошла в кабинет. Дверь за спиной закрылась, и я ахнула, когда сильные руки подхватили меня и мир закружился ярким калейдоскопом. Я рассмеялась и обхватила Александра за шею.

«Как здорово, когда ты смеёшься, радуешься. И ещё приятнее, когда рада мне. Ты ведь ждала нашей встречи?».

«Очень», – честно ответила я. Зачем скрывать, если он и так всё видит? Александр улыбнулся, поставил меня на пол, странно, горячо на меня посмотрел. Я потерялась в его взгляде. А потом, словно боясь, что передумает, он решительно наклонился, его губы мягко коснулись моих, и я замерла, теряясь в незнакомых ощущениях.

Я всегда считала, что поцелуй – просто прикосновение губ, и потому очень удивилась, когда Александр коснулся моей нижней губы языком, а потом легонько обхватил губами. Я испуганно отпрянула, и Он тут же отпустил, глядя нежно и чуть с сожалением. Ох. Мои щёки залил румянец,

и я опустила взгляд. Сердце стучало, словно пыталось выпрыгнуть из груди.

«Птичка моя», – улыбнулся Александр. – «Я сегодня ненадолго, еле вырвался из дворца. Посидишь рядом? Иди сюда».

Александр подвёл меня к дивану, и я присела на краешек, а Александр откинулся на спинку. Сбоку от дивана стояла коробка с эмблемой модного магазина, а на столике перед нами был кувшин с ягодным напитком, сушёные фрукты и блюдо с пирожками.

«Знала бы ты, как мне тебя не хватает, изо дня в день, каждую минуту. У правителей нет выходных, нет отдыха. Я должен следить за собой, за словами, за жестами каждый миг. Ты моя единственная радость. Как прошла твоя неделя?».

Я рассказывала, мысленно и вслух, и не заметила, как расслабилась и Александр, приобняв меня, притянул к себе ближе. Как же здорово вот так быть рядом, чувствовать его тепло, ощущать его аромат. Терпкий запах туалетной воды, морозная свежесть после улицы. И глубокий нежный взгляд тёмных глаз, в котором я теряю себя...

Я хвасталась, что сдала экзамен по военному делу, рассказывала о новых приёмах, выученных на тренировках по самообороне, без утайки рассказала про разговор с Эриком. Александр чуть напрягся при этом, рука на моей талии дрогнула, и я вопросительно посмотрела на него. Александр нежно улыбнулся и покачал головой.

«Я просто завидую тем, кто может проводить с тобой больше времени, чем я сам. Хочешь, ещё съездим в театр?».

Я согласно кивнула. Было бы замечательно. Александр поцеловал меня в макушку и потянулся к коробке.

«Я хотел бы подарить тебе весь мир, окружить всеми благами, которые только могу дать, осыпать драгоценностями, но понимаю, что ещё не время. Я не могу подвергать тебя опасности, мы будем скрывать твоё существование и мою привязанность так долго, насколько это будет возможно, душа моя. Для твоей безопасности, милая. Слишком многие хотели бы видеть своих протеже на твоём месте. Но я не в силах совсем ничего тебе не дарить, поэтому держи, это тебе», – и Александр протянул мне коробку. Я с любопытством заглянула под крышку и ахнула. Невесомый воздушный шёлковый шарф, с кружевом и вышивкой жемчугом.

– Это потрясающе, – выдохнула я, доставая подарок. Нежная ткань струилась в ладонях, вызывая улыбку. Поддавшись внезапному порыву, я встала и, отойдя на несколько шагов, накинула шарф на плечи. Александр с интересом наблюдал за мной. Я улыбнулась, присела в реверансе и закружилась перед ним.

– Мне к лицу этот шарф, Ваше Величество? – поинтересовалась я. Александр гибким движением поднялся и протянул мне руку.

– Вы прекрасны, леди, – ответил он, серьёзно глядя мне в глаза. Я зарделась. – Позвольте пригласить вас на танец?

Я вложила пальцы в его ладонь, и он легонько сжал их, давая уверенность и опору. Он положил вторую руку мне на талию, я придерживала юбки, согласно этикета. Шаг, второй... Мы танцевали под слышную только нам музыку.

Александр стал напевать, мысленно и вслух, и это меня очень позабавило. Чтобы Король, и мурлыкал себе под нос! Он вёл спокойно и уверенно, отсчитывая такт, и я шла за ним, доверяя себя в этом танце. В дверь постучали. Я от неожиданности вздрогнула, и Александр привлёк меня к себе.

«Это за мной, птичка моя. Мне пора».

«Так скоро?» – я подняла на него растерянный взгляд, и Александр, улыбнувшись, коснулся моих губ пальцем, мягко обвёл их контур. От этого жеста сердце сбилось с ритма, а дыхание застряло в горле.

«Увы. Я буду очень ждать следующей встречи, душа моя».

Александр наклонился и легко коснулся губами моих губ. А потом стремительно вышел, прихватив пальто с вешалки у двери. Я осталась стоять посреди кабинета, потерянная, озадаченная. Кольнуло чувство одиночества, потери, но я прогнала это ощущение прочь. Тряхнула головой, перевела дыхание и решительно направилась к лестнице.

Я еле дождалась вечера, чтобы рассказать всё Сане. За ужином мы с ней загадочно переглядывались, жалея, что в течение дня не было возможности переговорить наедине. Наконец, занятия кончились, ужин прошёл, для учениц на-

стало свободное время. Отказавшись от приглашений посидеть в комнате соседок или в общей комнате, мы с Саней, сославшись на усталость, поспешили к себе.

Едва закрыли за собой дверь, как я повалилась на кровать поверх покрывала, как была, в платье. Кажется, я начинаю понимать, почему Саня иногда так делает!

– Ну что? – с нетерпением поинтересовалась подруга.

– Ага! – счастливо отозвалась я.

– Что, по-настоящему? Прямо так взял и поцеловал? – Саня присела на краешек своей кровати.

– Сначала подхватил меня и кружил по кабинету, потом поставил на ноги, посмотрел прямо в глаза и... Ах! – я прижала ладони к горящим щекам.

– Ух, ты! И как оно? – Саня подалась вперёд, и ждала ответа, затаив дыхание.

– Очень волнительно, – честно призналась я.

– А Олика говорит, что мокро, – озадаченно отозвалась Саня. Я рассмеялась. О чём ещё говорить запертым в стены корпусов и клетку приличных манер леди, как не об объятиях и поцелуях? И эти разговоры были тем откровеннее, чем запретнее были темы.

– Так может, её кадет просто сам ещё не умеет целоваться? – я села и хитро посмотрела на Саню.

– Да уж, удивляюсь, как их ещё не поймали. Прямо в бальной зале, в нише за шторой!

– А мне она говорила, что за пышным цветком в кадке, –

нахмурилась я.

– Ой, да она всем разное говорит, – махнула рукой Саня. Залившись краской, посмотрела на меня и прикусила губу.

– Спрашивай уж, – улыбнулась я, начиная разбирать причёску.

– А он... Ну, языком... – Саня смущённо почесала нос.

– Как тебе сказать, – задумалась я, чувствуя, как сильнее краснеют щёки. – То, что Олика говорила, такого не было. Он просто коснулся губами моих губ, – Саня выглядела разочарованной. – А потом стал целовать по отдельности мою верхнюю и нижнюю губу, касаясь языком и легонько поса-сывая. Это очень волнующе... – выдохнула я. После таких откровений я была пунцовой до кончиков волос.

– Вот это да! Никогда о таком не слышала! – восхитилась подруга. – Тебе с ним очень повезло, он настоящий мастер, – Саня подмигнула, и я поняла, что сильнее покраснеть невозможно.

– А я всё думаю позволить поцеловать себя Лениниду, или нет? Но вдруг он с языком полезет, как рассказывала Олика? Я же просто не выдержу, фу, звучит очень противно! До сих пор не понимала, зачем люди целуются, – Саня многозначительно на меня посмотрела. Я же поняла, что от смущения руки не слушаются, и вместо того, чтобы разобрать причёску, я окончательно запутала волосы.

– И ещё вопрос, что он обо мне подумает, если я соглашусь? Я ведь не какая-нибудь Олика, которая со всеми ко-

кетничает! И не портовая девка, чтобы сама ему на шею кидаться! Так что я не знаю, что и делать, – горестно вздохнула Саня.

– А ты ничего не делай, – посоветовала я. – Не соглашайся и не говори об этом сама, а как он в следующий раз попытается, просто не противься. Ай! – я неудачно потянула шпильку, зацепившуюся за волосы.

– Точно! А после можно будет и поругать, чтобы не подумал чего, – хихикнула Саня. – Давай я тебя расчесу, сил нет смотреть, как ты над волосами издеваешься! Они у тебя такие красивые! – покачала головой подруга, отобрала у меня расчёску и села рядом на кровать.

Я долго не могла уснуть. Лежала, обнимая одеяло, и смотрела на полосы света, падающие от окна. Я целовалась. Не могу поверить! И это было здорово. А ещё руки, ласково, но твёрдо лежащие на моей талии, взгляд, полный нежности и непонятной мне тоски. И как он обвёл губы перед прощанием... Определённо, любовные отношения не приносят спокойствия юным леди.

Дни тянулись чередой. Александр стал передавать мне записки и подарки через стражей. Пирожные из модной кондитерской, конфеты, шампунь и чудесное дорогое мыло с нежным цветочным ароматом, крем для рук от королевского аптекаря.

Я смущалась и радовалась каждой коробочке, с предвкушением и замиранием сердца открывая крышку – что там на

этот раз? Мыло и шампунь я брала в душ и умываться по утрам, и другие ученицы восхищались ароматом и количеством пены и спрашивали, откуда у меня такие вещи. Я пожимала плечами и отвечала, что отец привёз из столицы.

Позже у одной из девушек появился шампунь в баночке с такой же эмблемой, но с другим ароматом. Она пояснила, что родители подарили ей на день рождения, а когда она назвала цену баночки, все дружно ахнули. Я же подумала, что Король простых подарков не делает, и улыбнулась.

Эрик носил ленту, не снимая. Он был предельно вежлив со мной, держался учтиво, а я малодушно боялась заглядывать в его мысли. Порой он словно невзначай касался ленты, и его лицо озаряла улыбка.

Я часто сидела в библиотеке с Эриком и профессором Джозефом. Втроём мы обсуждали книги из секции для преподавателей, иногда играли в шашки или шахматы, раскладывали пасьянсы, а порой Эрик или профессор Джозеф придумывали что-нибудь из ряда вон выходящее.

Например, мы по очереди называли города южной части страны, а если возникал спор, где на самом деле находится город и существует ли такой вообще, долго нависали над разложенной на столе картой. Оказалось, что город Лазурный находится вовсе не у моря, как я считала, а на границе степей и гор. Зато город Сухостой, который назвал профессор Джозеф, стоял на самом берегу.

Иногда Эрик приносил что-нибудь интересное, привезён-

ное им из путешествий или полученное в подарок от друзей, побывавших в далёких странах. Однажды это был искусный расписной шёлковый веер, какой носили мужчины в восточных странах. Каркас был выполнен из тонкого металла, и потому веер часто использовался как оружие. Эрик показывал фигурку божка с западных островов, и смешной музыкальный инструмент, на котором играют с помощью губ и языка, издающий дребезжащие звуки, из северных снежных селений.

Вдвоём со мной Эрик старался не оставаться, и, если кроме нас в библиотеке никого не было, он вежливо здоровался и сразу уходил.

Вечерами я сидела в общей комнате общежития и вышивала. Когда поблизости не было коменданта, девушки шептались о поцелуях, подарках и просто знаках внимания от молодых людей. Разговоры бывали порой весьма откровенными, но кроме как друг с другом, поговорить о таких вещах и получить совет, нам было не с кем.

Я кроме Сани никому не сказала о своих свиданиях, для окружающих я просто дополнительно занималась с приезжающим преподавателем под присмотром леди Амалии. Юлия, первокурсница, часто подсаживалась к нам с Саней за вышивкой, и мы обсуждали схемы, нитки и ленты – говорить об отношениях Юлия пока стеснялась, а ещё больше стеснялась того, что говорить пока было не о чем. Анника бросала в сторону нашей компании презрительные взгляды, но мы не

обращали на них внимания и хорошо проводили время.

Один раз перед занятием по изящной словесности к нам с Саней подошла однокурсница, которой я как-то помогла с заданием по языку цветов, и поинтересовалась, знаем ли мы, какие слухи ходят среди учениц про нас с Саней. Краснея, бледнея и отводя взгляд, девушка поведала, что говорят, будто мы с Саней уже переступили порог третьего совершеннолетия и не отказываем кадетам, желающим хорошо провести время наедине.

Краска отлила у меня от лица, а в горле застрял горький ком. Было ощущение, будто меня разом опустошили, и я совершенно не знала, что на это ответить. Это позор! И если обо мне такое говорят, как я буду смотреть в глаза окружающим?

Саня, в отличие от меня, не растерялась. Она безразлично пожала плечами:

– Ой, да чего только не говорят. Вон, Анника на той неделе хвасталась, что чуть ли не сам Король к ней сватался. И что, теперь всем слухам верить? Кстати, ты уже нашла балладу, по которой надо сделать задание по изящной словесности? В библиотеке было всего два экземпляра, и оба кто-то забрал.

Разговор перешёл на учёбу, чему все были рады. А я порадовалась, что у меня есть Саня.

Источник слухов найти не удалось. Конечно, я могла бы воспользоваться способностями и прослушивать мысли уче-

ниц и преподавателей, но не хотелось ворошить этот улей. А так мы с Саней просто не обращали внимания на косые взгляды и шепотки, и они угасли, не получив пищи для роста.

Девушки, с которыми мы дружили, слухам не поверили, они пылали праведным гневом и только больше с нами сблизились. К ним присоединились леди, которых возмущал сам факт подобных разговоров об аристократках. В итоге моё положение среди учениц только укрепилось, уж не знаю, чего на самом деле добивались сплетницы.

Обо всём я написала Александру и передала письмо через Артемия. Александр ответил, что мы поступили правильно, не став раздувать скандал, и что через неделю никто уже и не вспомнит об этом. Он пообещал, что его люди выяснят источник слухов, посоветовал мне ни о чём не беспокоиться и хорошо проводить время, спрашивал об успехах в учёбе и отношениях с другими ученицами.

Я с таким мечтательным лицом вглядывалась в ровные строчки и твёрдые уверенные буквы, что Саня стала фыркать и посоветовала съесть лимон прежде, чем выйду из комнаты. Я запустила в подругу подушкой, та со смехом увернулась и в ответ запустила подушкой в меня. Впервые в жизни я с кем-то так дурачилась, не ожидая гневного окрика преподавателя изящных манер за спиной.

Глава 24. День Середины Зимы

Праздник Середины зимы неумолимо приближался. Все вокруг нервничали и суетились. Преподаватели и персонал были заняты подготовкой, леди переживали за наряды и подарки. Я попросила служанку купить в городе подарки подружкам, а ей самой подарила заколку для дочки – деньги или подарки для себя она брать отказалась.

Вышивку для Александра я закончила и красиво упаковала в нарядную коробочку, перевязала лентой с замысловатым бантом. Для Сани была припрятана коробка конфет, родителям я отправила письмо с поздравлениями, сестре передала самодельный браслет, матери – семена цветов для клумбы у входа, отцу и братьям чехлы на пояс для механического пера.

Я представляла, как пышно будет всё цвести вокруг, и как мы будем рады снова друг друга видеть летом, когда я вернусь домой. Тогда у меня уже будет аттестат, подтверждающий, что я получила достойное образование. Согласно Закону о семье и браке, аристократы после окончания обучения могут вступать в брак. При этой мысли внутри всё похолодело. Что меня ждёт? Сговорились ли с кем-то родители?

Александр говорил, что это вопрос решённый. Что он имел в виду? Может, он сам посватался за меня к моим родителям? Представив, как Король в маске и официальном оде-

янии просит моей руки, а родители стоят, поражённые, потерявшие дар речи от удивления, я хихикнула. До того нелепая картинка! А как тогда? Напишет официальное извещение и поставит их перед фактом? Тоже как-то неправильно.

Я вздохнула и вернулась к заданию по каллиграфии. Осталось всего два дня занятий, потом будет день, чтобы проверить наряды, упаковать подарки и закончить приготовления к празднику. Бал середины зимы – единственный день в году, когда можно не следить, сколько танцев какому кавалеру отдаёшь. После него в свете часто заключаются помолвки, а в Институте разрешено сговариваться о парах на весь вечер.

Вечером принесли письма. Родители благодарили за подарки и передали деньги на следующие полгода. Сестрёнка тоже написала поздравления. Я расстроилась, узнав, что она снова простыла. Какая она хрупкая, как цветочек, совсем холода не переносит!

Братья благодарили и писали, что у них всё хорошо, а старший из них как-то туманно намекал про мою дальнейшую жизнь. Ох! Перечитав письма по несколько раз, я убрала их в шкатулку. Саня на своей кровати тоже разбирала письма из дома. Я открыла последний конверт, и мне на колени выпала веточка сушёных цветов. Приглашение.

– Здорово! Тебя на бал приглашают, просят быть дамой на весь вечер. У меня тоже такая есть, от Ленинида. Я ответила согласием, – сказала Саня. – А у тебя от кого?

– От Григория, – нахмурилась я.

– Ох, как он не поймёт, что ты ему не симпатизируешь. Такая настойчивость становится неприличной! – возмутилась Саня.

– Ты права, – вздохнула я, решая, как поступить.

– Что будешь делать? Напишешь ответ с отказом? – Саня теребила свою веточку-приглашение, и я даже подумала, что та может осыпаться раньше бала.

– Нет, я ничего не буду отвечать. Просто верну цветок, и всё, – я решительно потянулась к стопочке чистых конвертов на столе.

– А с кем ты тогда пойдёшь? – полюбопытствовала Саня.

– Не знаю, да мне и не важно, – пожалала я плечами и вложила веточку в конверт, чтобы вернуть с курьером. Заранее договариваться о паре, да и танцевать весь вечер с одним кавалером было не обязательно, так что я не волновалась об этом.

В день Середины зимы, несмотря на все приготовления, было суетно и шумно. Подарки будем дарить после полуночи или завтра утром, а пока все в предвкушении ожидали танцев. Мы бегали по этажу, делали друг другу причёски, помогали зашнуровать платья, делились украшениями, и даже немного подкрасили глаза и губы.

Я добавила капельку румян и теперь с удивлением смотрела на себя в зеркало в холле. Саня помогала кому-то с причёской, а Анника издали бросала на меня злобные взгляды. Весь наряд я оформила под новый шарф, заплела волосы

нитками жемчуга, надела серьги и кольца. Сегодня нет ограничений на украшения, и все леди сверкали. Мой наряд получился очень воздушным, я сама себе напоминала райскую птичку или фею из сказки.

– Леди, выходим через минуту. Наденьте пальто, за дверью не лето! Леди Юлия, где ваши перчатки? – комендант строгим взглядом обвела нарядных леди, проверила, все ли собрались и все ли готовы.

Потом распахнула дверь, за которой нас уже ждал профессор Эрик, чтобы проводить в главный корпус. Леди Амалия не хотела, чтобы ученицы оставались одни с кавалерами или убежали без присмотра, и с нас не спускали глаз.

Я улыбнулась, заметив, как мелькнула чуть вдалеке фигура моего охранника. Мы с Саней шли в центре нарядного круговорота под названием «леди перед балом». Было шумно, все смеялись и спешили оказаться в тепле и поскорее снять пальто, чтобы не помять наряды и не попортить причёски на ветру.

В холле нас встречали кавалеры. В парадных мундирах с нашивками за успехи в учёбе, гладко причёсанными волосами и в масках, все до одного.

Они отыскивали в толпе своих дам, помогали снять пальто, галантно целовали ручку и вели даму в зал. С лёгким недовольством я заметила, что ко мне проявляет слишком пристальное внимание один из кадетов, со знакомой синей нашивкой на рукаве. Приопустила щиты и вздохнула – так и

есть, Григорий. Снова будет пытаться вручить мне цветок.

Я постаралась затеряться в толпе девушек, так, чтобы ко мне было сложно подойти, и судорожно думала, как же избежать встречи? Тут рядом со мной возник Артемий, в преподавательской форме, и помог снять пальто. Мысленно заинтересовался, всё ли в порядке, ему показалось, что я выгляжу встревоженной. Я улыбнулась и успокоилась. Хорошо иметь личного охранника!

– Артемий, благодарю. Проводите меня в залу? – среди толчеи я заметила, что Григорий бросал в мою сторону непонятные взгляды, но подойти уже не мог. Распознав его однажды за маской, было несложно снова узнать: по нашивке, жестам, манере держаться и взглядам в мою сторону.

– Как скажете, леди, – коротко кивнул Артемий и довёл меня до дверей.

Там я сразу присоединилась к подружкам, которые чирикали, стоя нарядным кружком, а страж остался у входа, рядом с преподавателями. Я заметила, что он что-то сказал профессору Джозефу, и тот бросил в мою сторону внимательный взгляд.

Заиграла музыка, пока не танец, просто для настроения. К нашей стайке подходили самые решительные кадеты, приглашали кого-нибудь, девушки смущались и отвечали согласием. Я заметила, что к нам направляется Григорий. Ох, нет, не хочу портить себе настроение разговорами с ним!

Поэтому, когда ко мне подошёл незнакомый кадет, молча

поклонился и протянул руку, я без раздумий вложила свою ладонь в его. Мы вышли в центр залы, ожидая, когда заиграет музыка для первого круга. Григория закрыла толпа, я была рада, что хотя бы на один круг он меня не потревожит.

Только теперь я обратила внимание на необычную молчаливость моего спутника. И было что-то в нём такое, что царапало сознание, но я никак не могла понять, что именно. Разворот плеч, осанка, скупые плавные уверенные жесты. Что же не даёт мне покоя?

Озадаченная этими размышлениями, я тоже не торопилась заводить разговор. Наконец, заиграла музыка. Кавалер, как положено, предложил мне руку, вторую положил на талию, но с первым шагом он внезапно притянул меня ближе и тихо произнёс, так, чтобы нас не услышали:

– И когда ты научишься использовать свой дар постоянно, душа моя?

Вдох застрял в горле, я вскинула голову, чтобы встретиться с насмешливым властным взглядом. Так близко, глаза в глаза, рука в руке. Он здесь! От неожиданности я споткнулась, но Александр удержал меня и даже не сбился с такта.

«Ну что ты пугаешься, птичка. Это всего лишь я», – я в спешном порядке изменила щиты и услышала обращённую ко мне фразу.

«Всего лишь Король инкогнито на ученическом балу, – я изогнула бровь, возвращая толику иронии, а потом открыто улыбнулась. – Я рада тебя видеть».

«Я знаю. И очень рад быть здесь, с тобой».

Александр каким-то образом перестроил щиты, и я ощутила его эмоции. Радость, словно тёплый ветер, прошлась по коже, нежность укутала меня мягким невесомым покрывалом, из-под которого не захотелось бы вылезать, а удовольствие от удавшейся шалости пощекотало спину.

«Александр, прекрати так баловаться!» – шикнула я на кавалера. Между прочим, действительно щекотно!

«Хорошо, больше не буду. Может быть», – улыбнулся он и закурил меня в хитром пируете.

Музыка закончилась, как мне показалось, непростительно быстро. Александр остановился, и моё сердце испуганно подскочило к горлу, чёрной волной накатила тревога. Вдруг он сейчас уйдёт?

«Нет, милая. Я сегодня освободил вечер и буду с тобой до самого последнего танца. Ты ведь не откажешься быть сегодня моей парой?» – Александр достал из кармашка на груди и протянул мне веточку цветов.

«Я подумаю над вашим предложением, милорд. Пожалуй, ещё одного танца для раздумий мне хватит. Вы же пригласите леди?» – я с вежливой светской улыбкой вопросительно склонила голову.

Внутри пузырилась радость и предвкушение чудесного вечера, хотелось танцевать и одновременно хотелось вот так стоять рядом с ним, смотреть друг на друга, и чтобы это никогда не кончалось.

«Ах, так», – с предвкушением прищурился Александр. Отступил на шаг, протянул мне руку, глядя в глаза.

– Леди, позвольте пригласить вас на следующий круг, – произнёс он проникновенным голосом, от которого у меня по спине побежали мурашки.

Уже подозревая неладное, я вложила пальцы в его ладонь и как можно равнодушнее ответила:

– Позволяю.

Пристально глядя мне в глаза, Александр склонился, погладил пальцы, медленно поднёс мою руку к губам. От горячего поцелуя по коже побежали невидимые колючие звёздочки, а от не менее горячего взгляда подогнулись колени. Ох.

Как мы оказались в середине залы, я не заметила, судорожно пытаюсь успокоить колотящееся сердце. Александр, как и положено по танцу, положил одну руку мне на талию, второй деликатно взял мою ладонь. Улыбнулся кончиками губ. От его взгляда и этой полуулыбки я обмерла и, казалось, позабыла все шаги и повороты разом.

Александр вёл изумительно. Мы словно парили над полом, и кружившие рядом пары перестали существовать. Я вдруг поняла, что мне нет нужды беспокоиться о шагах и порядке фигур, что Он не даст мне оступиться, всегда поддержит. Что на него можно положиться, довериться. Удивительное, пьянящее чувство.

Александр не сводил с меня взгляда, и мне казалось, в

глубине его глаз я вижу всполохи огня. Сердце гулко стучало, словно норовя выпрыгнуть из груди, дыхания не хватало. Я растворялась в этом взгляде настолько, что в какой-то момент испугалась, что потеряю себя.

«Не бойся. Ты сильная, сильнее меня, хоть и не знаешь об этом. Я просто буду рядом, когда ты этого пожелаешь, когда будешь к этому готова. Больше всего на свете я боюсь потерять тебя. Не оставляй меня, прошу».

«Не оставлю».

Лёгкая полуулыбка в ответ. Слова, смысл которых ускользает. Что он хотел сказать? Что я ответила?

Музыка снова смолкла, сменившись лёгкой ненавязчивой мелодией. Короткий перерыв, чтобы у пар хватило времени поговорить на новый круг, выпить морса или разбавленного вина. Я поняла, что в горле пересохло от переживаний.

Отведя меня к столикам, Александр налил из кувшина в бокал и протянул мне ягодный напиток. На вино покосился с неодобрением и себе тоже взял морс. Не любит алкоголь? Запомню.

– Я заслужил вашу благосклонность, леди? – тихим, проникновенным голосом поинтересовался Александр. Я смущённо кивнула. Он улыбнулся, забрал у меня из рук пустой бокал и сам прикрепил веточку цветов к броши, скалывающей палантин и край платья.

– Леди, у вас всё в порядке? – голос Эрика из-за спины пролился на меня ушатом холодной воды. Сквозь приспу-

ценные щиты пришло понимание, что он вправду волнуется за меня. А ещё – Александр напрягся, хоть и никак не показал этого внешне.

– Благодарю, профессор, всё хорошо, – я обернулась к Эрику и благодарно улыбнулась, присев в реверансе.

Профессор кивнул, коснулся ленты, вплетённой в волосы, вернул мне улыбку и удалился, продолжая обход залы. От него веяло печалью и при этом светлой горькой радостью – он был счастлив уже тому, что я счастлива и он имеет возможность видеть меня хоть издалека. Александр покачал головой.

«Я не смог бы тебя отпустить. Он человек удивительной душевной силы. Жаль, что эта встреча тебя так расстроила. Хочешь ещё ягодного напитка? Или, может, пойдём погуляем? Танцы?».

«Лучше потанцуем, – я подняла взгляд на Александра и улыбнулась. – Ты ведь за этим приехал?».

«Я приехал, чтобы провести время с тобой», – Александр повёл меня в центр залы и закружил в быстром танце.

Одна мелодия сменяла другую. Несколько раз Александра звал начальник его охраны, и он был вынужден меня оставлять в стайке щебечущих леди, под присмотром Артемия в преподавательской форме, которая ему очень шла.

Каждый раз Александр возвращался с извинениями и подарками. В первый раз он надел мне на руку чудесный браслет. Дорогой даже по виду, но очень нежный, я охнула и за-

рделась, глядя на эту красоту. В другой раз он подколот мне в причёску шпильку с явно драгоценным камнем, я не успела толком разглядеть. Потом он шепнул мне на ушко, что в комнате меня ждут сладкие извинения.

От его слов, от тона, каким это было сказано, по спине побежали мурашки, а сердце глухо стучало в груди. Мы танцевали, пили морс, разговаривали мысленно и вслух, и в кольце его рук я чувствовала себя счастливой, как никогда в жизни.

Объявили последний танец, а после пригласили всех во двор, смотреть салют. Александр помог мне надеть пальто, хмуро посмотрел и попенял за то, что без шапки. Пришлось под его строгим взглядом повязать голову шарфом на манер платка. Я чувствовала себя неудобно, потому что теперь было не видно причёску, и я выглядела не так нарядно, как ученицы вокруг. Но при этом была приятна забота Александра. Он за меня волнуется.

Я заметила ещё одну ученицу, Светлану, в шапке. Мы с ней понимающе переглянулись, а Александр и её кавалер дружелюбно друг другу кивнули. Во дворе мы с ними стояли рядом. Интересно, что было бы, узнай кавалер, с кем он только что так неформально здоровался?

Небо расцветило яркими всполохами, и я прижалась спиной к Александру. Он обнимал меня за плечи и мысленно комментировал, какие вещества должны входить в состав для салюта, чтобы получился тот или иной цвет. Мне было

приятно чувствовать его близость, слушать, пусть и мысленно, его голос, и слова не имели значения.

После салюта Леди Амалия с крыльца громким голосом поздравила всех с Днём середины зимы и объявила, что бал окончен, но в честь праздника у нас ещё четверть часа, чтобы поздравить друг друга, после чего господа кадеты отбывают к себе. Вокруг все засуетились, преподаватели нахмурились, ведь усмотреть за таким количеством парочек будет сложно. Я оглянулась на Александра:

– У меня есть для тебя подарок, но он в комнате. Подождёшь, пока я за ним поднимусь?

Александр удивлённо кивнул. Он не ожидал от меня ответных подарков, одно моё присутствие было для него лучше любых подарков. Я зарделась от его мыслей.

Они с Артемием довели меня до дверей жилого корпуса, где на входе застыла комендант строгим неподкупным стражем. Она одобрительно посмотрела на Артемия, вероятно, увидев в нём преподавателя и помощника в нелёгком деле присмотра за юными леди. Мужчины остались во дворе, чуть в стороне от входа, я же спешно поднялась в комнату.

Не разуваясь и не снимая пальто, метнулась к шкафчику. Доставая тёмно-синюю коробочку, порадовалась, что сообразила заранее всё упаковать. На секунду замешкавшись, надела шапку и повязала шарф, как обычно. На лестнице, спускаясь вниз, столкнулась с поднимающейся Саней. Мы с ней обменялись понимающими улыбками, и я поспешила во

двор, волнуясь, как примет мой подарок Александр, понравится ли ему?

Александр одобрительно посмотрел на шапку и мысленно похвалил. Я почему-то смутилась, а потом тряхнула головой. Не за этим я поднималась!

Смущаясь, я произнесла поздравления и протянула коробочку. Артемий деликатно отошёл, оставив нас одних. Александр бережно принял подарок из моих рук. С улыбкой потянул за ленту, и та порвалась, что немало озадачило Александра. Я улыбнулась, показывая, что всё в порядке, и Александр открыл крышку.

Развернул шуршащую бумагу, осторожно достал платок. Первым делом поднёс его к лицу, вдохнул – я капнула на ткань своими духами. Потом он развернул платок и вгляделся в вышивку. По краю вдоль всего платка шла изящная каёмочка, а в двух противоположных уголках раскинулись маленькие букеты цветов, означающие тёплую привязанность, а вместе с рамочкой намекающие, что это может перерасти во что-то большее.

Я стояла, не зная, что и думать. Его лицо ничего не выражало, и это заставляло меня переживать.

– Знаешь, душа моя... Это лучший подарок в моей жизни, – тихо произнёс он, и от этих простых слов к горлу подкатил ком. – Это правда? – пристально посмотрел мне в глаза.

– Что именно? – так же тихо ответила.

– То, что говорит этот рисунок?

Я зарделась, и это послужило ответом. Александр тепло, лучисто улыбнулся и на миг притянул к себе. Ему хотелось обнять меня и поцеловать, как тогда, в кабинете, но вокруг были люди, и нас бы не поняли. Александр привык не обращать внимания на такие вещи, он Король, он может поступать правилами, но он не хотел неприятностей для меня. Потому он сразу отступил и, пристально глядя мне в глаза, поцеловал руку в своей невозможной манере, из-за чего мои колени подогнулись, а дыхания сбилось. Он грустно улыбнулся.

– Мне пора.

Кадетов уже собирали их сопровождающие, слуги выводили осёдланных коней из конюшни. Я присоединилась к столпившимся вокруг стоящей на ступенях леди Амалии ученицам, и с грустью наблюдала, как кавалеры, кто-то по-прежнему в масках, кто-то уже без них, выезжают за ворота. Вот створки захлопнулись за их спинами, замок и затвор заняли свои места, и нас, пересчитав по головам, отправили в жилой корпус. Через десять минут комендант обошла комнаты, проверяя, чтобы все ученицы были на месте.

В своей комнате мы с Саней обнаружили на кроватях коробки, заглянули внутрь, поохали. Свёрток от Григория, подписанный знакомым наглым почерком, я не стала открывать и отодвинула его в сторону. Завтра будет курьер, верну подарок отправителю. От родных я посылку получила рань-

ше, и недоумевала, откуда столько коробочек на моей кровати. А выяснив, улыбнулась.

Александр решил меня побаловать! Мне передали от него разные сладости из популярной столичной кондитерской, ленту для волос с изящными кистями-подвесками из бусин на концах и деревянные пяльцы. Я улыбнулась – мои как раз недавно сломались. Меня ждал ещё целый ворох свёртков и коробочек от Него, и я не знала, что открывать вперёд.

Саня получила подарки из дома. Тёплую вязаную шаль на плечи от родителей, поздравительные рисунки от младшеньких, заколки и ленты для волос от старших братьев.

Когда коробки и свёртки с подарками закончились, я достала из тумбы приготовленный пакет и протянула его Сане.

– С Днём середины зимы! Пусть весь год у тебя будет таким же приятным и сладким, как эти конфеты, и таким же ярким, как эти бусины.

– Ох, Лира! Спасибо! – подруга растроганно кинулась мне на шею. – А у меня тоже есть для тебя подарок!

Саня преподнесла мне собственноручно сделанный браслет, и я тут же надела его на руку. Потом к нам в дверь постучали, и, получив разрешение, заглянула Юлия, потом пришли ещё подружки, после мы с Саней заглядывали с поздравлениями к соседкам. Мы обменивались лентами, изящными булавками и пакетиками сладостей.

Комендант, грозно покрикивая, старалась разогнать всех по комнатам. В итоге мы сговорились, что завтра после зав-

трака устроим сладкие посиделки в общей комнате, и на этом разошлись.

Ноги гудели после танцев, причёски растрепались. Мы с Саней устало заплели косы и переоделись, дружно решив, что обсудить бал можно и завтра. Саня только удивлённо округлила глаза, когда я достала из причёски подаренную Александром шпильку и сняла с руки его браслет.

– Он? – благоговейным шёпотом поинтересовалась подруга.

– Он, – покраснев, подтвердила я. Судя по взгляду подруги, завтра меня ждёт допрос о том, когда мы успели свидеться, ведь ещё утром ничего такого у меня не было.

Сидя на кровати в ночном платье, я потушила свет и пожелала Сане, чтобы ночью ей привиделся принц на белом коне, услышала в ответ пожелание увидеть принца на белом единороге, и, едва голова коснулась подушки, я провалилась в сон.

Утром нас ждали шумные весёлые посиделки в общей комнате. Потом мы лепили во дворе Снежную Леди и играли в снежки, а после ужина преподаватели объявили творческий вечер и мы, собравшись всем институтом в парадной зале, слушали, как профессора и некоторые леди, пожелавшие выступить, читают стихи, добрые сказки или страшные истории, поют, танцуют и показывают фокусы. Разошлись гораздо позже, чем обычно бывает отбой, с удовольствием обсуждая выступления и планируя тоже выступить на Весен-

нем балу.

Глава 25. Сессия и отравление

После праздника будни в Королевском Институте потянулись своим чередом. Но были и изменения. К Светлане, ученице, которая смотрела салют в шапке, её жених прислал камеристку. Теперь девушка была под неусыпным контролем, и всё время, когда была не на уроке, вынуждена была проводить в обществе личной служанки, которая, не смотря на все просьбы и увещевания, не отходила от леди ни на шаг.

Мы все дружно сочувствовали однокурснице и старались не раздражать её смотрительницу, а Света тяжело вздыхала украдкой и рассказывала нам, какой её жених замечательный и как он о ней заботится. Как я поняла, многие леди были помолвлены, но имён, рангов и должностей никто не называл. Мне была непонятна такая таинственность, но в то же время я была рада, что ко мне самой никто не лез с расспросами, стоило дать понять, что на эту тему мне говорить не хочется.

В первую неделю после праздника в учебном корпусе повесили расписание экзаменов и зачётов. Леди список изучили, оценили и дружно решили, что в ближайшую неделю обойдутся без танцев. Учителя и леди Амалия покачали головами, но согласились и известили Мужской Королевский Институт.

Ученицы засели за учебники. В библиотеке стало много-

людно, в воздухе витало ощущение приближающейся катастрофы в виде зачётов. Я порадовалась, что могу заниматься в секции для преподавателей, потому как атмосфера всеобщей паники не давала сосредоточиться. А смысл волноваться? Это на экзамене не поможет. Что выучили, на то и сдадим.

Профессор Джозеф взял за правило читать в библиотеке у камина, и, если он видел, что я над чем-то безрезультатно бьюсь, предлагал помощь. Профессор Эрик, когда не дежурил в основной секции библиотеки, тоже приходил посидеть в тишине. Он иногда заглядывал через плечо в мои тетради и молча указывал пальцем на ошибки. Это помогало.

Вечерами мы с Саней разбирали пройденные темы вдвоём. У подружки проблем возникнуть не должно было. Она очень тщательно вела конспекты и заучивала их почти наизусть ещё во время полугодия, и теперь просто повторяла. Многие предметы у нас расходились, и учить вместе не получалось.

Несколько раз я получала сладости и короткие лаконичные записки без подписи от Александра. Конфетами я щедро делилась с подругами, иначе к концу года мне пришлось бы целиком менять гардероб, расширяя платья в талии. Но эти подарки поднимали настроение и успешно подслащивали горький гранит наук.

Первые зачёты прошли гладко, паника среди учениц чуть улеглась. Так всегда, ожидание страшит и нагнетает, а стоит

начать, и всё оказывается по силам.

Леди Амалия как-то за завтраком поздравила всех с успешным началом сессии и объявила, что в награду нам следующий субботний бал состоится, тем более что до следующего большого экзамена почти неделя. Леди озадачились. Тут бы экзамены сдать, а не о платьях думать!

Я спросила об этом у профессора Джозефа, когда мы снова свиделись в библиотеке.

– А вы сами что об этом думаете, леди? – склонил он голову в ответ на мой вопрос.

– Мне кажется, леди Амалия хочет, чтобы ученицы чуть отвлеклись и расслабились. И вели себя более сдержанно, как полагается леди. Похоже, уже во всех комнатах стоят успокоительные настойки, – я доставала писчие принадлежности и рассуждала вслух. – Верно?

– Абсолютно. К тому же, сколько бы у леди ни было дел, светские обязанности с неё никто не снимет. Надо уметь отнестись ко всему проще и всё успевать.

– Ох, профессор, до такого мастерства нам всем ещё очень и очень далеко, – вздохнула я, решая, что делать первым: задачу по экономике, управлению слугами, иностранному языку или изящной словесности.

Утром в субботу, когда мы с Саней переоделись после тренировки и завтрака, к нам в комнату заглянула Юлия и поинтересовалась, не могу ли я одолжить ей на сегодняшние танцы брошку.

Я согласилась, с условием, что она вернёт мне её вечером. Юлия, счастливая, ушла к себе, а мы с Саней спешно занялись причёсками. Ничего сложного и замысловатого, просто плетения из кос. Всё же не то настроение и не тот повод, чтобы возводить пышные светские башни на голове.

Так думали не только мы. Все леди, которых мы встретили внизу у зеркала, были одеты скромно и лаконично. Одна только Анника блистала, за что удостоилась хмурых неодобрительных взглядов со всех сторон.

Прибывшие кавалеры тоже выглядели строго и вели себя сдержанно. Никаких масок, парадных нашивок, чуть встрёпанные после езды волосы. Не только у нас сложные экзамены!

Григорий, преследовавший меня с упорством носорога, оказался рядом первым и пригласил на открывающий бал танец. Я только вздохнула. Так надоело бегать и скрываться!

– Леди, вы чудесно выглядите, – улыбнулся Григорий, едва зазвучала музыка.

– Да, вас экзамены тоже несколько потрепали, – отозвалась я, делая положенный поворот, и с удовольствием увидела недоумение на лице кавалера.

Пожалуй, следовать правилам этикета абсолютно всегда не стоит. Это изрядно усложняет жизнь, хоть я и считала раньше наоборот. К чести Григория, он уловку понял и не стал рассыпаться в заверениях моей неземной красоты, это было бы слишком нарочито.

– Леди, я огорчён. Вы вернули мой подарок обратно, даже не взглянув на него, – добавил укора в голос Григорий.

– Простите, Григорий, но воспитание не позволяет мне принимать подарки от посторонних мужчин, кроме цветов и сладостей, – да, а вот теперь правила этикета очень даже помогут. Мы отступили друг от друга на шаг, поклонились и вернулись в пару.

– Я никоим образом не хотел вас обидеть, леди. Но на прошлом балу ваш охранник не позволил мне подойти к вам. Леди, которых он привёл с собой, не давали мне и шагу ступить. Это очень меня раздосадовало, я всего лишь хотел лично вручить вам подарок. Быть может, тогда вы бы более благосклонно отнеслись ко мне, – Григорий прожигал меня взглядом, а я судорожно пыталась найти ответ. Признаться, я не заметила на балу посторонних леди, как и пребывала в уверенности, что Артемия примут за преподавателя и никак не свяжут со мной. Ох!

– Хотите узнать, как я догадался про стража? Леди, не держите меня за идиота. Своих учителей я всех знаю в лицо, а у вас в Институте всего трое мужчин-преподавателей, и все они были в зале. И потом, тот мужчина следил только за вами и вашим окружением. Могу я узнать, что за таинственный рыцарь завладел вашим вниманием на весь вечер? Олег? Сергей? Иннокентий? – Григорий называл имена кавалеров, с которыми я танцевала хоть раз. Меня пугала его осведомлённость и манера вести разговор. – А может, это был кто-

то посторонний, что думаете, леди? Мог на бал пробраться ваш жених?

Жених? Ну, пусть думает, как ему заблагорассудится.

– Мой жених ведёт себя скромно и порядочно, и да, он приставил ко мне охрану, потому как ему не нравится настырность некоего кавалера. Григорий, будьте добры, оставьте меня в покое. Я не хочу, чтобы мой жених подумал что-то плохое. Мне не нужны неприятности, да и вам, думаю, тоже, – я пристально смотрела на Григория, гадая, возымеют ли мои слова хоть какое-то действие. Я уже устала намекать, изворачиваться, просить. К чёрту правила этикета, когда они мешают жить! Не буду я больше юлить с этим кадетом!

– Мне нравится ваша откровенность, леди, – к моему огромному удивлению, Григорий наклонился ко мне и произнёс таким тоном, с придыханием, от которого внутри всё перевернулась.

Я дёрнулась, на что Григорий рассмеялся и отвёл к стоящим в сторонке леди, благо, музыка уже кончилась. Подруги смотрели на меня чуть виновато, они не успели перехватить настырного кавалера. Я им ободряюще улыбнулась, а Григорий, облизав мне руку, с чувством выполненного долга удалился. Я незаметно вытерла руку о юбки. Какая мерзость! Король никогда так не делает!

Я боялась, что Григорий станет меня преследовать, провоцировать, компрометировать. Он же, вопреки моим ожиданиям, за всё оставшееся время даже ни разу не взглянул в

мою сторону. Неужели внял моим словам? Не верится.

До вечера я танцевала с разными кавалерами, несколько раз пропускала круг, общаясь с ученицами возле столика с напитками. Без шума и суеты после завершающего круга кавалеры попрощались и уехали. В комнату я возвращалась в приподнятом настроении. Григорий больше не донимал, ноги приятно устали от танцев, и, не смотря на строгость наряда, я получила несколько искренних комплиментов.

Вечером в комнату заглянула Юлия.

– Лира, Ксения, добрый вечер! Можно к вам?

– Да, конечно. Заходи, – позвала я девушку. Саня что-то искала на своём столе, кажется, конспект по языку цветов, и на гостью не обратила внимания.

– Лира, возвращаю брошку, которую брала на танцы. Спасибо тебе большое! Хочешь, на следующую субботу взять мой браслет? – Юлия протянула браслетик и мою камею.

– Ух ты, красота какая! Правда, можно? Спасибо, буду очень рада! – я крутила в руках браслет, решая, с какими аксессуарами его можно надеть.

– Леди, посылки! – постучавшись, в комнату заглянула комендант с небольшой тележкой. – Леди Ксения, вам два письма. Леди Лира, возьмите, вам вот этот свёрток. О, леди Юлия, вы здесь! Тогда вот, и вам посылка из дома. Не сидите допоздна, отбой в обычное время! – раздав посылки, комендант ушла, а мы, переглянувшись, с нетерпением открыли письма.

– Ой, представляете, мой брат объявил о помолвке! Следующей осенью будет свадьба! – подпрыгнула на кровати Саяна.

– Здорово! А мне к празднику «на булавки» прислали. А у тебя что? – радостно прочирикала Юлия.

Я поморщилась. Мне опять Григорий прислал отрывок из какого-то любовного эпоса. Ну когда он перестанет?

– Лира, а что в коробке? – любопытствовала Юлия. Саяна на неё шикнула, но было видно, что подруге самой интересно. Вздохнув, сняла бежевую обёрточную бумагу. Под ней оказалась розовая нарядная коробочка с эмблемой известной кондитерской.

– Ух ты! Кто тебе присылает такие подарки? – выдохнула Юлия. В её словах не было злой зависти, она лишь мечтала, что когда-нибудь, на старших курсах, ей тоже будут поклонники посылать конфеты и дорогие ленточки.

– Не знаю, – озадачилась я. Григорий обычно пишет в письме, что отправляет мне что-то, и обязательно приплетает к этому витиеватый комплимент. Например, что я прекраснее всех цветов мира, или что один мой взгляд слаще любых конфет. Все эти выражения заставляли меня досадливо морщиться. Но сегодня в письме никаких намёков на подарки.

– Погодите, там случайно нет открытки, или хотя бы адреса? – озадачила я девушек. Втроём мы осмотрели коробочку и обёртку, но нашли лишь написанный аккуратным почер-

ком адрес Института и моё имя.

– Как-то мне это не нравится, – нахмурилась я.

– Почему? Разве у тебя не может быть тайного поклонника? А может, послание внутри? – не унывала Юлия.

Я приподняла крышку. Внутри оказалось четыре крошечных пирожных, и никаких открыток, визиток или хотя бы карточек.

– Какие миленькие! – воскликнула Саня, разглядывая угощение.

Я же напряжённо думала. Внутри скреблось неприятное чувство, будто я что-то пропустила. Тревога щекотала шею, не давая сосредоточиться.

– Можно, я возьму? – умоляюще посмотрела на меня Юлия. Я против воли улыбнулась, так она в это момент напоминала котёнка, выпрашивающего сметану.

– Конечно, девочки, угощайтесь, – махнула я рукой.

Ксания тут же достала пирожное в белой бумажной корзинке. Юлия потянула руку к коробке...

– Погодите! Постойте, – девушки недоумённо на меня посмотрели. Саня замерла, не донеся угощение до рта. – Разве у этой кондитерской не должны быть все обёртки розовыми? Это же их фирменный знак!

Саня, вздохнув, покосилась на бежевую обёрточную бумагу, печально посмотрела на угощение и вернула его в коробку.

– Думаешь, подделка? – грустно отозвалась подруга.

– Ты помнишь, леди Ляля привозила на пятничный «светский вечер» коробку леденцов из этого магазина? Ленточка на коробке была серебристой, а здесь просто белая, – я повернула крышку, чтобы девушкам было видно. При Юлии я не стала добавлять, что такие коробочки мне передавали и позже, от Короля, который остаётся для Сани безымянным кавалером.

– А ещё леди Ляля долго мучилась, развязывая ленту, а здесь бант просто приклеен на крышку, – согласилась Саня и посмотрела на меня. Не знаю, как леди Ляля, а мы с подругой долго пытались угадать, за какую из ленточек потянуть, чтобы добраться до угощений. Я ей кивнула.

Значит, не зря тревожилась. Уроки самообороны не проходят даром! На вечерних уроках леди Виктория нам порой рассказывает, как отличить подделку от настоящего. По её словам, очень полезный навык для леди, собирающейся за покупками. Похоже, леди, получающим подарки, этот навык так же необходим.

– И что это значит? – переводила взгляд с меня на Саню Юлия.

– Это значит, что содержимое этой коробки может быть опасным, – Саня опасно косилась на подарок. – Нам леди Виктория и профессор Олрид такие ужасы порой рассказывают, что потом ночью кошмары мучают.

– Да что вы, в самом деле! Чем могут быть опасны сладости? Вы, может, и не хотите себя порадовать, но я отказы-

ваться от угощения не буду! – с этими словами Юлия забрала своё пирожное, попрощалась с нами и ушла к себе. Мы же с Саней, переглянувшись, убрали коробку со сладостями в стол. Может, завтра получится узнать, кто передал коробку.

Среди ночи в коридоре раздался шум, туда-сюда стали бегать люди. Спросонья не сообразив, что происходит, мы с Саней какое-то время сидели на кроватях, недоуменно переглядываясь. Потом решили узнать, что происходит, вдруг пожар? Выглянув в коридор, увидели взволнованную леди коменданта.

– Всем оставаться в комнатах! Не выходить! Обо всём объявят утром! – рявкнула она на нас и девушек, выглянувших из соседней двери.

Стушевавшись, мы закрыли дверь и вернулись к кроватям. Спать с таким шумом всё равно не вышло бы, поэтому мы зажгли лампу, потом накинули платья и шали и решили вновь выглянуть в коридор. Вдруг что-то узнаем? Прокравшись на цыпочках к дверям, приоткрыли щёлку и тут же уткнулись взглядом в чей-то бок.

– На вашем месте, леди, я бы послушал коменданта, – ровно произнёс знакомый голос.

– Артемий! – выдохнула я.

– Ты его знаешь? – прошептала Саня, пропуская меня вперёд.

– Потом расскажу, – так же шёпотом ответила я и уже громче обратилась к своему охраннику. – Артемий, что здесь

происходит?

– Одна из девушек сильно отравилась, вызвали лекаря, – ответил он, поставив ногу так, чтобы мы не могли распахнуть дверь широко.

«Не выходите, леди, в такой суматохе легко причинить вред», – мысленно обратился он ко мне.

– Я поняла, – кивнула я, не пытаясь открыть дверь шире. – А что за девушка? Она в порядке?

– Кто-то из комнат в конце коридора.

«Комната 5А, Юлия. Соседка заметила, что она не здорова, и позвала коменданта. Лекари успели вовремя, девушку на несколько дней переведут в лекарский кабинет, но она будет в порядке».

Саня за моей спиной молчала, не вмешиваясь в разговор, и испуганно глядела на меня.

– Лира, там же... – прошептала она, думая о том, что Юлия живёт в той стороне.

– Да, – кивнула я ей, подтверждая догадки. Саня, охнув, закрыла рот ладонями.

Я же судорожно думала, как поступить. Отрава могла быть в пирожных, но кому об этом сообщить в первую очередь?

– Артемий, мне нужно видеть леди Викторию и профессора Олрида. Дверь пока будет заперта, – я сама не ожидала от себя такого тона, ровного, не терпящего возражений. И это при том, что от страшной догадки сердце стучало, слов-

но в разгар тренировки. Неужели от Короля научилась?

«Понял», – кивнул Артемий.

Я закрыла дверь, больше не интересуясь, что и как он будет делать. Это его работа, не мне указывать каменщику, как возводить стену.

Саня хотела что-то спросить, но я покачала головой, и та молчала, беспокойно сидя на краю кровати. Я поправила платье и посоветовала Сане тоже привести себя в порядок, потому как к нам могут зайти учителя. Подруга спешно затянула шнуровку и опять накинула шаль.

Совсем скоро в дверь постучали. Саня подскочила, чтобы открыть, но я её остановила.

– Кто там? – громко спросила, опустив щиты.

– Это профессор Олрид, леди. Со мной леди Виктория, вы просили нас подойти, – раздался сухой и резкий, как взмахи клинка, голос преподавателя самообороны. Судя по мыслям, это действительно были они.

«Мы втроем, леди», – спокойные, чёткие мысли охранника выделялись среди обычной мысленной кутерьмы стоящих за дверью людей.

Я кивнула Сане, и та с облегчением открыла дверь. Артемий тут же отодвинул её в сторону и, едва преподаватели оказались в комнате, запер за ними и сам остался у входа. Могучий широкоплечий мужчина смотрелся странно рядом с вешалкой и миниатюрными ученическими пальто, но мне было не до смеха.

Профессор Олрид первым делом поинтересовался, в порядке ли я. Леди Виктория выглядела напряжённой. Она окинула меня внимательным взглядом и оставила мужчинам право вести разговор.

– Спасибо, профессор, я в порядке. Но, как мне думается, ученица сегодня пострадала из-за меня. Вчера вечером мне передали вот эту коробку, – я достала из шкафчика и продемонстрировала всем вчерашнюю посылку. Взгляд Артемия стал острым, леди Виктория прищурилась.

– Я могу на неё взглянуть поближе? – поинтересовался профессор Олрид.

Я поставила коробку на стол и отошла в сторону, он вместе с леди Викторией склонился над подарком. Я пояснила:

– Мне показалась коробка странной, ленточка на ней была не серебристая, а просто белая, и бант приклеен отдельно. Сама пробовать пирожные я не стала, а Юлия не удержалась, взяла одно. Может ли быть, что она заболела из-за него?

Сквозь щиты я слышала, что профессор не исключает такой возможности, но делать выводы, пока не узнает наверняка, не станет.

– А вы пробовали? Или кто-нибудь ещё? – поинтересовалась леди Виктория у Сани. Та отрицательно покачала головой.

– Я вас понял. Поступим так. Одно пирожное отдадим на экспертизу нашим лекарям, одно я проверю сам, а последнее вместе с коробкой ваш охранник проверит своими метода-

ми. Спасибо, что сообщили, леди. Будьте внимательны, яд можно подсыпать не только в еду. Поэтому постарайтесь в ближайшее время не принимать никаких посылок. При малейшем недомогании, не важно, закружилась голова или напала сонливость, зовите врачей. Леди Виктория вас дополнительно проинструктирует.

Страшное слово прозвучало, и мы с Саней тревожно переглянулись. А если и вправду хотели отравить? Но кто и зачем?

Забрав коробку, профессор Олрид и Артемий вышли, оставив нас с леди Викторией. Мне подумалось, что Артемий, скорее всего, останется дежурить в коридоре или пришлёт своего сменщика.

Леди Виктория озвучила нам с Саней указания, потом попыталась успокоить, заверив, что достаточно быть внимательными к тому, что происходит вокруг и друг к другу, и ничего страшного не произойдёт. Улыбнувшись, похвалила нас, что мы очень хорошо держимся. В её мыслях пронеслись образы леди, доказывающих и требующих что-то, и я подумала, что многие ученицы, да и преподаватели, станут паниковать и даже впадут в истерику, если узнают, что кого-то пытались отравить.

– Юлия съела несвежий пирог, который получила из дома, не так ли? – робко предположила я. Леди Виктория удивлённо на меня посмотрела, но потом подтвердила, что да, так и было. Судя по задумчивому виду, это будет официальным

диагнозом. Саня понятливо закивала.

В дверь постучали и заглянул профессор Олрид. За его спиной, в коридоре, я заметила Артемия. Профессор забрал леди Викторию, и мы с Саней остались вдвоём. Меня потряхивало, а Саня была белее мела. Я села рядом с подругой на краю её кровати.

– Расскажешь? – тихо спросила подруга, не поворачивая головы.

– Я не знаю, что можно рассказывать, а что нет, – честно призналась я. Саня кивнула и повернулась ко мне. – Мужчину, что стоял у двери, зовут Артемий, его приставил ко мне человек, который решит моё будущее.

– Это для него ты вышивала платок? – Саня села боком, подобрав одну ногу под себя. Мне тоже хотелось сесть удобнее, но вбитые с детства правила заставляли сидеть на краю, выпрямив спину и сложив руки на коленях.

– Да, – отозвалась я, не зная, радоваться или огорчаться её догадливости. Как бы это не вышло ей боком.

– А охранника он тебе приставил, как жених камеристку Свете, – пробормотала Саня, не спрашивая, просто размышляя вслух. Тряхнула головой. – Лира, меня это не касается, конечно. Но мне спокойнее знать, что на территории корпуса есть человек, которому ты доверяешь и к которому можешь обратиться в крайнем случае. Странно, конечно, что это не солидная матрона с толстым томиком церковных баек, но в этом плане тебе повезло больше, чем Свете.

Я улыбнулась.

Суета в коридоре быстро утихла, до времени подъёма оставалось несколько часов. Мы с Саней разошлись по кроватям и укутались в одеяла, но так и не уснули до утра.

Утром я столкнулась со сменщиком Артемия. Поджарый неприметный мужчина с резкими экономными движениями обратился ко мне мысленно, и я кивком головы поприветствовала его, показывая, что слышу. Сменщик Артемия проводил меня до зала тренировок и, окинув помещение взглядом, остался за дверью, чтобы не смущать леди и не мешать занятию.

Всё было хорошо, ничего необычного не происходило, но после тренировки я не могла найти себе места, металась, хватала и тут же бросала вещи. Леди Виктория, заметив это, заинтересовалась, спала ли я сегодня, и настоятельно порекомендовала зайти в лекарский кабинет за успокаивающей настойкой. Не понимая причины своего состояния, я сочла это хорошей идеей и, предупредив подруг, что на завтрак приду чуть позже, пошла за настойкой.

Я старалась не хмуриться и не обращать внимания на следующего по пятам сменщика Артемия. Хотелось бежать и одновременно забиться куда-нибудь, спрятаться. Любой шорох казался подозрительным. В коридоре, пустом в такое время, я сама себе казалась привидением.

Когда из-за угла внезапно появился ещё один человек, охранник как по волшебству оказался передо мной, прикры-

вая. Но в тот же миг страж отлетел в сторону, а меня смело невероятным сильным вихрем и укутало чужой заботой и тревогой.

«Я в порядке», – я перестроила щиты. – «Здравствуй».

– Цела, – выдохнул Александр и, крепко обняв меня, прислонился к стене. Я готова была рассмеяться от облегчения. Оказывается, это не я переволновалась, а Александр не находил себе места. Он прижимал меня к себе, нашёптывал милые вещи мысленно и вслух, а я старалась передать ему ощущение спокойствия, радости от встречи и мысли о том, что меня хорошо охраняют и я в безопасности.

«Но отраву всё же смогли тебе передать», – покачал он головой, глядя на меня, как раненный зверь.

«Там всё же был яд?» – страх ледяной иглой коснулся сердца.

«Да».

Я вздохнула и сама крепче прижалась к Александру. Он перевёл взгляд на охранника. Тот, склонив голову и преклонив колено, замер у стены.

– Цел? – поинтересовался Александр. Он уже успел взять себя в руки и старался говорить спокойно, но я слышала сумасшедшую бурю мыслей и образов у него в голове.

– Простите, не признал, – отозвался охранник, не произнося имён и регалий.

– Ты молодец, всё сделал верно. Но на будущее, постарайся не вставать между мной и этой леди. Могу не сдержаться.

ся, – я подняла взгляд на Александра. Это что же, отбрасывая человека так, что тот отлетел к окну, он сдерживался? Что же будет, когда он совсем потеряет контроль?

«Это будет страшно», – с горечью подумал Александр, и я поняла, что не хочу этого знать. Охранник, повинуясь жесту Александра, поднялся на ноги и занял наблюдательную позицию.

«Тебе пора, иначе останешься без завтрака», – вздохнул Александр, не спеша отстраняться.

«Ну, завтрак не такая большая потеря...» – я согласна была пропустить и завтрак, и обед, и ужин, если он будет вот так же стоять рядом и обнимать меня.

«Не вздумай! Ты должна хорошо питаться и следить за своим здоровьем».

«Как скажешь», – покладисто согласилась я. Вот странно, обычно Александр уходит первым, а сегодня моя очередь прощаться.

«Я ещё приеду к тебе. Не грусти».

Он коснулся моей щеки, заставив посмотреть на него. Убрал выбившуюся прядь волос за ухо, улыбнулся.

«Ты умница. Не знаю, как это произошло, но я без тебя не смогу».

Я хотела возразить, что сможет, ведь жил он как-то раньше, но Александр покачал головой, и я смолчала. Он повёл меня в сторону лестницы, но остановился уже через несколько шагов. Склонился с поцелуем к моей руке и приказал ид-

ти на завтрак. На верхних ступенях я оглянулась, чтобы убедиться, что коридор пуст.

Вечером леди Амалия собрала всех в актовом зале, чтобы сделать объявление. После общих слов приветствия, она попросила всех быть внимательнее к получаемым посылкам, и, если что-то кажется подозрительным или неправильным, немедленно сообщать коменданту или звать преподавателей.

Пояснила, что два года назад уже был несчастный случай, когда леди отравила ревнивая соперница, а в этом году ученица пострадала, попробовав несвежую выпечку из дома. Посылки идут из дома долго, за это время могут испортиться, поэтому нам нужно быть внимательными.

После слов об отравлении мы с Саней переглянулись. Неужели это уже не первый случай в стенах Института? Когда-то давно несколько леди не поделили кавалера. Но кому я могла перейти дорогу?

Леди ректор тем временем стала говорить, что традиционно во второй половине учебного года многим старшекурсницам родители или женихи присылают охрану или слуг, и просила отнестись с пониманием к проявлениям заботы наших близких, не провоцировать конфликты, но быть внимательными. Если заметим незнакомого человека без знака, подтверждающего, что ему разрешено находиться на территории Института, немедленно сообщать преподавателям или сотрудникам Института.

Я задумалась. Есть ли у Артемия и его сменщика такие

знаки? Тут леди Амалия продемонстрировала нам брошь-эмблему, и я успокоилась. Такие эмблемы я видела у своих охранников, но не придавала значения, мало ли, какие нашивки им положены.

Похоже, мне стоит подробно изучить значение нашивок, эмблем и знаков отличия. Для своей же безопасности, да и наверняка поможет в будущем. Общее понимание рангов давалось в Институте, но ведь тема гораздо более глубокая и интересная.

После объявления нас быстро отпустили. Мы с Саней и несколькими ученицами пошли проведать Юлию, справиться о её самочувствии. Юля чувствовала себя гораздо лучше, поделилась новостью, что из-за болезни ей придётся сдавать все экзамены позже, одной. Она обрадовалась нашему приходу, попросила в следующий раз занести ей конспекты. Пока лекари всё равно не разрешают ей заниматься, и она с чистой совестью отдыхала и читала романы.

Возле комнаты меня окликнул Артемий.

– Леди, – после короткого приветствия он протянул мне конверт. Я поблагодарила и, заперев дверь, вскрыла письмо. Там была всего одна строчка:

«За мной следили».

Я порвала бумагу на мелкие клочки, с тем, чтобы потом сжечь в камине в библиотеке. Было тревожно. Кто, зачем, а главное – как узнали, кто ко мне приезжает? Саня, видя, что я расстроена, не стала ни о чём спрашивать и просто

предложила успокоительную настойку, которую она по примеру многих учениц взяла у лекарей в преддверии экзаменов.

Вздыхнув, мы с ней чокнулись стаканами с горьким составом и придвинули к себе тетради. Подумаю обо всём остальном позже, после экзаменов. В конце концов, службы безопасности Его Величества наверняка уже занимаются расследованием.

Александр перестал ко мне приезжать. Несколько раз передавал небольшие подарки и короткие лаконичные записки о том, что служба безопасности работает день и ночь и он очень по мне скучает. Я тоже скучала, безумно, но, похоже, преподаватели и леди Амалия задались целью не допускать того, чтобы у учениц было время на посторонние мысли.

Несмотря на подготовку к последним экзаменам, нас постоянно чем-то занимали: музицирование, танцы, изящные манеры, самооборона, каллиграфия. Объявили конкурс рукоделия и артистизма, победителям пообещали призы. Пока установилась тихая погода, за главным корпусом залили коток, на который нас несколько раз в неделю выгоняли в обязательном порядке, ну и он всегда был доступен для желающих.

На мысли и самокопание времени не оставалось совсем, мы с Саней вечерами просто падали в кровати от усталости. Судя по разговорам в столовой, у остальных леди дела обстояли так же.

Артемий следовал за мной тенью и проверял всю мою почту. Ещё дважды мне присылали подозрительные угощения, один раз – письмо со странным порошком внутри. Потом внезапно опасные посылки прекратились. Опусов от Григория я больше не получала, Артемий или его сменщик сразу отправляли послания назад, чему я была только рада.

Эрик в библиотеке почти не появлялся, был постоянно занят – присматривал среди прочих преподавателей за ученицами на дополнительных занятиях. Он носил ленту не снимая и, когда о чём-то задумывался, касался её, не замечая этого. Было похоже, что Эрик пытается забытья в работе, потому как у остальных преподавателей работы тоже было много, но не настолько.

Экзамены я сдала, почти не заметив этого. Некоторые ученицы, чьи родители были в столице или поблизости, на неделю уехали к ним. Мы с Саней обе остались, и теперь каждое утро и вечер удивлялись, что учениц стало меньше, а шума – больше.

Глава 26. Деликатная история

В тот день я не пошла на утреннюю тренировку из-за женских недомоганий и позволила себе полежать в кровати чуть дольше. Когда все ученицы ушли на занятие, я отправилась в душевую комнату в конце коридора, захватив с собой подаренные Александром баночки. Мне ужасно нравился их аромат, и пену шампунь и мыло дают пышную, густую.

В коридоре, в тени у лестниц, дежурил сменщик Артемия. Я кивнула ему, показывая, что у меня всё в порядке, и он кивнул в ответ.

Предвкушая тёплый душ, я умывалась над раковиной, и никак не ожидала, что за дверью одной из туалетных кабинок послышатся звуки, означающие, что кому-то плохо, и следом сдавленные рыдания.

– Кто здесь? Вам нужна помощь? – отозвалась я и пошла на звук. – Позвать врачей?

– Не надо врачей, – я не узнала осипший, полный отчаяния голос. – Всё в порядке, уходи.

Раз так обращаются, значит, это кто-то из знакомых учениц.

– Я в этом не уверена. И не уйду, уж прости, но я собиралась принять душ. Ты уверена, что помощь не нужна?

– Уверена! – огрызнулись из-за ближайшей дверцы. – Ох...

Вновь послышались звуки тошноты, следом рыдания, на этот раз громче. Я потянула незапертую дверь. Ирина, моя однокурсница, с не разобранный после сна косой, в накинутом кое-как платье, сидела на полу, упершись в него руками. Её плечи вздрагивали от рыданий.

– Что случилось, милая? – тихо, с сочувствием поинтересовалась я. Присела рядом, обняла девушку за плечи. Она была примерной ученицей, занималась прилежно, относилась ко всем тепло, помогала младшим с заданиями. Добрая и отзывчивая леди. Что же стряслось?

– Ира, ты неважно выглядишь. Давай ты сейчас умоешься, и всё же покажешься врачам...

– Я не могу к врачам! – сорвалась на крик всегда тихая леди, а у меня в голове сложился пазл.

– Ира, ты что... В положении? – поражённо спросила я. Рыдания стали мне ответом.

– Ты только не говори никому. Он не виноват, и я не хотела, так получилось. Он хороший, это моя вина, и я... Ох, Лира, что теперь со мной будет? – Ира плакала у меня на плече, я гладила её по волосам, понимая, что никакие слова и утешения не помогут.

Я опустила щиты и теперь слушала печальную историю. Ирина полюбила одного из кадетов. Судя по всему, он души в девушке не чаял, окружал вниманием. Нашёл лаз в ограде, и, когда выдавалась возможность, навещал любимую. Поцелуи, объятия. Однажды они, прячась от холода, нашли пу-

стю хозяйственную постройку.

Как всё вышло, Ира и сама не знала, она была ослеплена чувствами и ни о чём в тот момент не думала. Ей просто было хорошо. Когда случилась задержка, забеспокоилась, а теперь и вовсе никаких сомнений не осталось.

Вот только у её кадета есть официальная невеста, за которую сговорились его родители. По воспоминаниям Ирины любимый отзывался о той леди очень холодно. И сама Ирина не так давно получила из дома указания. Её женихом станет партнёр отца по делам, мужчина лет сорока. Он девушке никогда не казался привлекательным, а теперь, когда она в положении, и вовсе выйдет скандал.

Возможно, чтобы скрыть неприятность, отец и уговорит партнёра взять её в жёны, за огромное приданое. Но бастарда тот мужчина любить не будет и никогда не признает, не такой он человек.

Сейчас Ирина больше всего боялась, что у её кадета могут быть неприятности, или что он на горячую голову наворотит дел. О своих подозрениях она ему сразу сказала, о чём сейчас жалела.

Натворили они дел, сломанные жизни, несчастные люди. Мне стало до боли жаль Ирину. Мы с ней не были близки, но её характер, готовность помогать я уважала, мы тепло общались за рукоделием или когда сидели рядом на занятиях. Что же делать? А что я могу?

Решение пришло как-то само собой.

– Погоди, я сейчас. Вот, держи платочек, я принесу тебе воды.

Оставив леди, я направилась в комнату, быстро написала пару строк на листе бумаги и, прихватив стакан и кувшин с водой, вышла в коридор. Записку отдала охраннику, попросив отдать Александру, а воду унесла Ирине. Она уже справилась со слезами и умывалась у раковин.

– Спасибо. Знаешь, мне полегчало от того, что я тебе рассказала. Только не говори никому, ладно? Я хочу закончить институт, осталось не так много времени, я справлюсь. А летом уже нельзя будет ничего поправить, и я смогу родить ребёнка любимого. Пусть дальше всю жизнь придётся прожить с чужим человеком, но у меня будет хоть эта радость.

Ирина всхлипнула, но взяла себя в руки, через силу улыбнулась и пошла в комнату, одеваться к завтраку.

На следующий день с утра в комнату постучалась леди Виктория и предупредила, чтобы я была готова сразу после завтрака. Саня решила, что речь о дополнительных занятиях по самообороне и только фыркнула, не собираюсь ли я становиться наёмницей с таким выбором предметов. Я отшутилась и на всякий случай оделась тепло.

Из здания меня выводили чёрным ходом. Леди Виктория заказала для себя карету и сделала вид, что едет в столицу по делам Института. Стоило карете остановиться на повороте за углом ограды, почти вплотную к чёрному ходу, куда тайно вывели меня, как сменщик Артемия распахнул дверь, загля-

нул внутрь, помог мне подняться, захлопнул дверь за моей спиной, а сам занял место рядом с кучером. Леди Виктория, сидящая спиной по ходу кареты, ободряюще улыбнулась.

Я была растеряна и уже не чувствовала, что поступаю верно. Своей затеей я могла отвлечь Александра от важных дел, подвести нескольких людей разом. Я не была уверена, что имею право на такое прошение. И потом, если за Институтом, мной и Александром действительно следят, я могла выдать нашу с ним связь.

Всю дорогу я сидела, как на иголках. Я не приближалась к дверям и не отодвигала шторы на окнах из боязни, что меня кто-нибудь увидит, а потому не знала, где мы проезжали.

Леди Виктория говорила о незначительных вещах, и мне не стоило труда поддерживать беседу. В карете было тепло, я даже сняла шапку и расстегнула верхние пуговицы. Всё дело в ящиках с горячим углём, которые прятали под сиденьями в холода.

Наконец, мы остановились. Кто-то стукнул в переднюю стену кареты, леди Виктория так же, стуком, ответила. Не перекрикиваться же с кучером, в самом деле! А так нам сообщили, что мы приехали, но просили пока не выходить.

Через какое-то время дверь распахнулась, и охранник подал мне руку.

Как и у театра, карета остановилась почти вплотную к дверям, и я оказалась внутри дворца. С моего прошлого визита, когда я была представлена ко двору, ничего не изменилось.

Богатое, но не кричащее убранство, со вкусом оформленные помещения.

Страж вёл меня и сопровождавшую меня леди Викторию не по парадной и не гостевой части замка, там коридоры были шире, отличались цвета и детали оформления. С непонятным для себя чувством я определила, что мы находимся в жилой части дворца.

Скоро я увижу Александра. От этой мысли стало тепло, словно солнышко выглянуло в хмурый день, и улыбка сама появилась на моём лице. Леди Виктория посмотрела на меня с пониманием и улыбнулась. Щёки опалило жаром.

Мы оказались в приёмной перед кабинетом. Диванчики и кресла вдоль стен, стол секретаря у двери. Мужчина в форме государственного служащего заступил нам дорогу.

– Кто и по какому делу? – серьёзно поинтересовался он. И что ответить? Леди ученица Королевского института с прощением? Звучит несерьёзно.

Мой страж коротко бросил, что нас ждут, но секретарь возразил, что у него никаких указаний не было. Я украдкой вздохнула. Понятно, что у человека должность такая, не пускать кого попало и докладывать обо всех посетителях прежде, чем их пропустить, но всё равно мне было неловко. Кто я такая и что здесь делаю?

«Лира?» – отголосок чужой мысли заставил улыбнуться.

«Рада тебя слышать», – отозвалась я, надеясь, что меня услышат, не смотря на стены.

«Проходи, тогда будешь не только слышать, но и видеть», – фыркнули на меня в ответ.

Я уверенно обогнула секретаря и направилась к двери, продолжая улыбаться. Мужчина хотел остановить меня, но дверь распахнули изнутри и один из помощников Александра вышел к нам в приёмную.

– Леди, заходите, вас ожидают, – он учтиво придержал для меня дверь, охранник проследовал тенью следом.

– Я закончу порученные дела и буду ожидать здесь, – предупредила леди Виктория прежде, чем дверь за моей спиной закрылась.

Первое, что я увидела в кабинете, был сидящий за массивным столом Александр. В светлой маске, в положенном ему по статусу костюме, подчеркивавшем разворот плеч, с перстнями, унизывавшими пальцы, он выглядел внушительно. Я запоздало поняла, что не изобразила реверанс, полагавшийся при встрече с монаршими особами, и поспешно склонилась в поклоне.

«Ты смешная. Не нужно реверансов. Мне достаточно того, что ты рада меня видеть. Я отпущу секретаря и тогда поговорим о твоём вопросе, если, конечно, это не срочно».

«Нет-нет, что ты. Не смею тебя отвлекать».

Александр мысленно фыркнул и добавил, уже вслух, указав на уютный диванчик у стены:

– Душа моя, подожди немного, я скоро закончу.

Я вновь склонилась в реверансе и проследовала к дивану.

чику. Присела на краешек и, наконец, огляделась. Щиты я держала приопущенными, чтобы слышать Александра. Мой страж встал рядом с диваном, так, чтобы защитить меня в случае опасности, но не стоять между мной и Королём. Похоже, прошлую встречу он запомнил.

Большое помещение было залито светом, по центру и у левой от входа стены располагались столы с картами, бумагами, справочниками. У стены сидел один из помощников и что-то писал, второй секретарь сновал по кабинету, подавал бумаги и требуемые папки.

За широким столом расположился Александр. Вдоль стены справа от входа стоял шкаф и диванчик, который я заняла. К ведущимся разговорам я не прислушиваясь, помощники на меня не обращали внимания, только мысленно мелькали вежливый интерес и любопытство.

Я смотрела вокруг и понимала, что в кабинете нет ничего лишнего, только необходимые предметы и мебель. Но, к примеру, на диванчик было бы неплохо добавить пару вышитых подушечек, сразу стало бы уютнее, и сидеть с подушкой под спиной удобней.

Я перебирала в уме вышивки, которые подошли бы к интерьеру кабинета, когда до меня донёлся смешок. Александр отложил механическое перо и смотрел прямо на меня. Помощники почтительно молчали, не прекращая, впрочем, писать или разбирать бумаги.

«Ты просто прелесть».

Я смутилась.

– Пригласите леди Валерию, – бросил Александр одному из помощников, прежде чем вернуться к работе. Буквально через несколько минут в кабинет постучались, и, получив разрешение, в кабинет вплыла придворная фрейлина.

Я с удивлением узнала леди Лялю, которая приезжала к нам на дополнительные занятия по придворному этикету по пятницам. Идеально отточенным движением она изобразила реверанс, выгодно продемонстрировав свои достоинства. Александр даже не поднял на неё взгляда от бумаг. Закончив писать, отложил механическое перо и только тогда посмотрел. На меня.

– Душа моя, позволь представить, леди Валерия, придворная фрейлина.

Леди мысленно взяла на заметку, что мне её представили первой. Более того, представлял сам Король, и точно не из-за её заслуг.

– Леди Валерия, позаботьтесь о том, чтобы пребывание во дворце было максимально комфортно для этой леди. И выпишите пропуск. Пропускать ко мне в любое время, – добавил Александр, обратившись к одному из секретарей.

Фрейлина повернулась ко мне, встав в пол-оборота к Его Величеству, присела в вежливом реверансе.

– Леди что-нибудь желает?

Я ответить не успела. Александр фыркнул и известил:

– Леди желает вышить подушечку и морс.

Фрейлина, получив задание, вышла, не поворачиваясь к Его Величеству спиной. Я сидела смущённая. Когда мы с Александром вдвоём, не считая охраны, и он без маски, всё совсем иначе.

«Ну что ты, душа моя. В моём обращении к тебе ничего не изменилось. И ты сама можешь делать, что пожелаешь».

Только вот мы с ним в неравном положении. Королю простительны любые причуды, меня же не поймут, если я начну расхаживать по кабинету и из любопытства заглядывать в шкафы. Я фыркнула, представив эту картинку. Александр недовольно повёл плечом и больше на меня не отвлекался.

Леди Валерия вернулась очень быстро. В этот раз её пропустили без стука, и она, изобразив реверанс для Александра, тут же проследовала к моему диванчику. Следом слуги несли трёхъярусную подставку для корзин с рукоделием и всё необходимое для вышивания, поднос с напитками и лёгкими закусками.

Я отпустила фрейлину, сообщив, что больше мне пока ничего не нужно. Она вежливо улыбнулась, просила называть её Лялей и оставила мне свои карточки. Их используют при дворе, чтобы передавать мелкие поручения или вызывать к себе. Нужно передать такую карточку курьеру или слуге с указаниями на словах, а лучше, написать их с обратной стороны карточки.

Я взяла украшенную сложным орнаментом и надушенную картонку, на которой значилось: «Леди Ляля, придворная

Фрейлина. Кабинет 3Ф». Получается, у леди есть собственный кабинет? Никогда о таком не слышала.

Спустя недолгое время Александр отпустил помощников.

«Я освободился. Расскажешь, почему написала, что хочешь со мной поговорить?».

«Я не знаю, как это объяснить словами, чтобы осветить все моменты».

«А ты не говори, подумай. Так даже лучше».

Я старательно вспомнила все подробности вчерашнего утра, поступки и слова Ирины, которые мне запомнились за время нашего знакомства, припомнила кадета, с которым она часто танцевала. Я знала его имя, увидела в мыслях Ирины. Илья Светлодубский. Мне тоже довелось протанцевать с ним круг или два.

Александр задумался. Постучал пальцами по столу, что-то прикинул. Позвонил в колокольчик, подзывая дежурного помощника из приёмной.

– Подготовьте бланк 3-7-15 и текущий зелёный список по столице. И пусть привезут кадета из Королевского института. Как прибудет, доложите.

Помощник с поклоном удалился. В ответ на моё нетерпение Александр необидно фыркнул и пояснил, что нужно сперва посмотреть на этого кадета, а потом уже принимать решение. Пока ожидали, Александр просматривал какие-то бумаги, я вышивала.

Вокруг были люди, входили и выходили помощники,

несколько раз заглядывала леди Ляля, леди Виктория передала записку через слуг, что она зайдёт к столичному аптекарю, закажет составы для Института, просила без неё не уезжать. Мой охранник взял записку из рук прислуги и сам передал мне, убедившись, что внутри не вложено ничего опасного.

Кадета привезли в рекордно короткое время. В кабинет его ввели двое стражей, ещё несколько охранников встали у окон и дверей, помощник, которому Александр говорил про бумаги, вошёл следом. Все остальные покинули помещение.

Кадет изобразил поклон, полагающийся при встрече с монаршей особой. В мыслях Ильи царило смятение, почему бы его могли вызвать и без объяснений привести к Его Величеству. По пути он успел подумать и про суд чести, и про тайную канцелярию, про тюрьму или внезапные проблемы у родителей, но никак не ожидал очутиться в этом кабинете.

«Сейчас не слушай его, будет много лишнего».

Я послушно подняла щиты, и только после этого Его Величество, грозный в костюме и маске, холодно произнёс:

– Из-за вас некая леди переступила порог третьего совершеннолетия.

Илья побледнел и, несмотря на то, что ему не было позволения подняться, вскинул голову. Александр подал знак одному из своих людей, и тот вышел из кабинета.

Кадета никто не спрашивал и не давал права говорить. Он просто смотрел на холодную бесстрастную маску Его Вели-

чества, бледнея всё больше, а Александр смотрел на него. Мне было жаль юного лорда, но он сам поставил себя в такую ситуацию. Я ожидала решения Александра.

– Что скажете в своё оправдание? – ровно поинтересовался Его Величество спустя какое-то время.

– Мне нет оправдания, – глухо отозвался Илья и опустил голову, признавая вину.

– И что вы собираетесь делать? – так же ровно спросил Александр.

– Жениться, – выпалил кадет. И было в этом порыве Ильи столько риска, самоотверженности, смелости и безумства, что я поняла опасения Ирины о том, что её кадет может наломать дров.

– Жениться, – будто бы в задумчивости произнёс Александр. – Вам должно быть известно, что у родителей леди другие на неё планы. Как и у ваших родителей есть некие договорённости за вас.

– Всё, что угодно, – выдохнул, почти прошептал Илья и опустил на одно колено, низко склонив голову.

Стражи переместились, отреагировав на его движение. Двое закрыли меня, двое встали между Его Величеством и кадетом, стражи, сопровождавшие Илью в кабинет, оказались сбоку и за спиной кадета. Я поняла, что Александр смотрит на меня, и приопустила щит.

«А он неплох, – довольно сообщил мне Александр. – Пожалуй, для него найдётся место в моих службах».

Повинуясь жесту, стражи отвели Илью в сторону, а в кабинет привели Ирину. Я не ожидала увидеть здесь свою сокурсницу, и с замиранием сердца ожидала, что же будет дальше.

Кадет, казалось, перестал дышать и не сводил с Ирины глаз. Он попытался было подойти, но охранники не позволили. Леди его не видела, для этого нужно было бы оглянуться, но правила этикета не позволяют отворачиваться от монаршей особы, пока не отпустят.

Ирина вошла и с достоинством поклонилась. Александр её самообладание оценил.

«Ну что же...».

– Леди Ирина, скажите, что вас связывает с кадетом Ильёй Светлодубским?

– Я его люблю, – просто ответила леди. Илья от звука её голоса дёрнулся, расцвёл счастливой улыбкой, но потом вновь нахмурился, ожидая решения Его Величества.

– И согласились бы выйти за него замуж?

– Да, – так же спокойно, с достоинством ответила Ирина.

– Даже если у вас не будет пышной церемонии, а это решение потом придётся отрабатывать? Вы готовы пойти против воли родителей, лишиться приданого, жить ограниченно в средствах, обходиться без слуг?

– Мой ответ не изменится, Ваше Величество, – ответила Ира. Была видно, что обо всём этом она уже думала и для себя давно приняла решение. Кадет стоял, стиснув зубы, и не сводил с неё глаз.

– Леди, лорд, вас проводят в храм.

Кадет поспешно подошёл к своей невесте, поклонился Его Величеству, и они в сопровождении двух стражей покинули кабинет.

– Подготовьте бумаги на подпись. Что там зелёным списком? – обратился Александр к одному из помощников.

– Двухэтажный особняк на улице Ткачей, дом с пристройкой на Песчаной, этаж над магазином в Ювелирном Переулке.

– Ещё есть дом на Аллее Военных и особняк на Рыбацкой улице, но они пока не готовы для переезда, – добавил второй помощник. Называя тот или иной дом, помощники припоминали информацию по ним.

– На Аллее Военных, – решил Александр и повернулся ко мне.

«Я думаю, душа моя, что мы с тобой только что получили двух верных подданных. Леди с её самообладанием самое место при дворе, а этот кадет прыгнет выше головы, если понадобится, ради семьи и долга. Иметь такого человека в должниках совсем неплохо. С его родителями конфликта быть не должно, когда они узнают о назначении сына на службу. Он второй по старшинству, и карьера в королевских службах – лучшее, что может его ждать. С родителями леди будет сложнее. Они прохладно относятся к власти, придётся их убедить, что их фамилия едва избежала громкого скандала. Это повредило бы и делам, и карьере их сына, думаю,

они в итоге примут это решение как наименьше зло. У нас есть примерно полчаса, ты проголодалась?».

Принесли обед. Александр объявил перерыв и приказал накрыть прямо в кабинете. Помощники вышли, остались только мы с Александром, слуги, стражи Александра замерли возле дверей. Моего охранника Александр отпустил жестом, и я знала, что он направился в трапезную.

Вышколенные слуги даже в мыслях не позволяли себе задаваться вопросом, почему это Его Величество изволил обедать в обществе леди в ученическом платье, их присутствие было практически незаметным, только блюда и приборы сменялись в самый подходящий момент. Стражи, повинаясь команде «пропускать в любое время, охранять» внимательно всмотрелись в моё лицо, запомнили и больше не мешали.

Мы мысленно беседовали, смеялись. Я смущалась от комплиментов, от его мыслей о том, насколько он рад меня видеть, от взгляда и загадочной полуулыбки.

«Я буду счастлив, если ты сможешь приезжать сюда, скажем, раз в неделю. Сам появляться в Институте часто не могу, всё же присутствие мужчин в женском учреждении не остаётся незамеченным. Ты согласна?».

Мне очень хотелось видеть его, хотя бы и вот так, за работой. Само его присутствие стало для меня важным, и я согласилась.

Александр вернулся к текущим делам, я снова пересела

на дванчик.

Приводить Ирину и её кадета обратно в кабинет не было необходимости, но Александр растягивал время, которое мы могли побыть вместе. Потому сияющих от счастья новобрачных привели на поклон.

Молодожены поклонились. Ирина, светясь от счастья, стала благодарить за оказанную милость. Илья же, удивив всех и, кажется, даже самого себя, опустился на колено.

– Прошу принять мою клятву, – выдал он. В кабинете повисла тишина.

– К вашему сведению, лорд, вы и так являетесь моим вассалом, а с момента зачисления на службу обязаны подчиняться напрямую мне или указанному мной начальнику и никому больше, – Александр почему-то покосился на меня и не сдержал смешок. Илья густо покраснел. – Но ваш порыв я понимаю и принимаю. Полную клятву вы дадите моему первому сыну, когда тому исполнится пятнадцать лет. Ему нужны будут верные люди и собственные службы. А до тех пор постарайтесь отличиться на тех заданиях, которые вам поручат. Леди, к вам у меня будет отдельная просьба. Напишите родителям обо всём, что с вами случилось. Можете написать, что ваш муж обратился ко мне с прошением, и я решил его удовлетворить, и что ваш супруг отныне числится в королевских службах. Встаньте.

«Следом за письмом от леди, её родители получают ноту из моей канцелярии, в которой я буду выглядеть спасителем и

защитником чести их фамилии. А вот бизнес её отца и его партнёра подвергнется тщательной проверке. Мои люди уже докладывали о сомнительных операциях у кого-то из них, но повода для вмешательства не было».

Повинуясь жесту, один из помощников подвёл новобраных к своему столу и вручил каждому по комплекту бумаг, поясняя назначение каждой.

Я стояла у диванчика и понимала, что пора уезжать. Мне было грустно, что наша встреча с Александром вышла такой скомканной. Александр, чувствуя моё состояние, подошёл ближе и взял за руку.

Он мысленно убеждал меня, что разлука будет недолгой, что я молодец и поступила правильно. Говорил, что очень тоскует каждый миг, когда не может видеть меня, что любое, даже короткое расставание даётся ему нелегко, но скоро нам не придётся покидать друг друга. Он перебирал мои пальцы и смотрел в глаза, а я понимала, что тону в его взгляде.

От простых прикосновений мои щёки залил румянец. Я вспомнила его поцелуй и невольно облизнулась. Его взгляд потемнел.

«Ты провоцируешь меня, милая. Не надо, не при всех. Мне так нравится смотреть на тебя, душа моя. Ты как невеста, такая наивная птичка, такая же прекрасная, и так же веришь всему, что видишь вокруг. К слову, я рад, ты стала смелее, уже решаешь судьбу окружающих. Только прошу, будь осторожна. Мы не можем осчастливить всех страждущих, да ча-

сто им это и не нужно. Многим нравится быть угнетаемыми и несчастными, хоть они в этом никогда и не признаются».

Я и не заметила, но ведь в самом деле, я нашла в себе смелость вмешаться в чужую судьбу. Александр спрашивал меня об учёбе, говорил комплименты, в шутку пожаловался на казначея, который буквально преследует его по пятам, куда бы он ни пошёл.

Илья и Ирина стояли к нам спиной, и, судя по всему, пытались осознать случившееся. Они муж и жена, и их ребёнок родится в признанном браке. В кабинете раздавался только голос помощника, выдававшего новобрачным бумаги.

– Это свидетельство, заверенное печатью храма, о вашем браке, и запись о его регистрации в Королевской канцелярии. Вот распоряжение о вашем назначении. Для вас, леди, в должность статс-дамы, вам надлежит явиться ко двору по первому требованию. По решению Его Величества вы будете входить в личную свиту Её Величества. До этого момента в связи с прохождением обучения и до момента, как вы приступите к своим обязанностям, вам будет начисляться жалование на уровне младшей фрейлины, далее – по заслугам и по решению Её Величества. Вам будут назначены дополнительные занятия в Институте. В связи с вашим положением должен пояснить, что, если это будет необходимо для выполнения ваших прямых обязанностей, вам могут выделить кормилицу для присмотра за ребёнком. Для этого вам нужно будет написать заявление в канцелярии. Кроме того, с на-

стоящего момента и до тех пор, пока вы разрешитесь от бремени, для вас действует предписание по возможности отказаться от корсетов, при дворе с этим строго. Для вас, лорд, вот назначение в личные службы Его Величества. Вам надлежит немедленно по окончании обучения и получении диплома отметитья вот у этого человека, о дальнейшем вам сообщат. Вы числитесь на службе с этого момента, размер жалования указан здесь, далее по заслугам. Вам будут назначены дополнительные предметы в Институте. Эти бумаги надлежит передать вашим ректорам. Кроме того, на время, пока вы несёте службу, вам предоставляется частично меблированная квартира, адрес дом семнадцать на Аллее Военных. Въехать сможете сразу по окончании Института. Перед уходом вам обоим необходимо поставить ментальные щиты, профессор Сардер, специалист в этой области, уже ожидает вас в приёмной. Какие-нибудь вопросы?

Ирина растерянно держала в руках бумаги и не знала, что делать дальше. Илья уточнил, где ему найти человека, у которого нужно будет отметитья, и спросил разрешения заранее осмотреть квартиру, чтобы определить, что необходимо будет привезти или докупить для обустройства.

«Пора», – чуть грустно подумал Александр.

– Береги себя, душа моя, – произнёс он вслух.

В кабинете повисла тишина. Илья оглянулся, бросил быстрый взгляд на меня и держащего меня за руку Александра и что-то шепнул Ирине. Та обернулась, её глаза удив-

лённо округлились. Все смотрели, как Александр наклоняется и целует мне руку. Илья склонился в поклоне первым, потянул за руку растерявшуюся супругу. Склонились все, слуги, помощники, новобрачные. Никто не может стоять, когда Король склонился. Только стражи продолжали нести дежурство.

«Постарайся никуда не ходить и не оставаться одна. Если Ирина захочет сблизиться, не отталкивай её и не отказывайся от помощи. Всё, иди».

Я заставила себя первой отвести взгляд, присела в подобающем реверансе и направилась к выходу, не оборачиваясь. Рядом тут же возник заместитель Артемия. Я и не заметила, когда он вернулся в кабинет.

Илья вывел супругу следом за мной. В приёмной уже ждали профессор Сардер и леди Виктория. Они оба встали с диванчиков, и профессор, сухонький старичок с аккуратной стриженной бородкой и седыми волосами, убранными в хвост, вежливо меня поприветствовал. Леди Виктория удивлённо посмотрела на Ирину под руку с кадетом и поинтересовалась, оставив остальные вопросы на потом:

– Я так понимаю, в Институт мы возвращаемся втроём?

Я подтвердила, но потребовалось ещё некоторое время, чтобы профессор Сардер поставил новобрачным первые блоки. Он предупредил их, что понадобится ещё несколько встреч, чтобы закрепить результат.

Малолюдными коридорами я, леди Виктория, новобрач-

ные и мой охранник проследовали к одному из выходов. Карета ждала нас, прогретая и запряжённая, кучер проверял лошадей. Страж махнул ему рукой и заглянул в карету, проверяя.

Я наконец-то решила заглянуть к своему стражу в мысли и выяснила его имя. Яков, вдовец, единственная дочь недавно вышла замуж.

Леди Виктория села первой, по ходу кареты, следом Яков помог подняться мне. Ирину чуть задержал муж и что-то сказал, та согласно кивнула. Илья помог супруге подняться, и Яков за её спиной закрыл дверь.

Ирина помахала мужу рукой в окошко, после чего леди Виктория попросила её задвинуть шторы. Ирина послушно отодвинулась от окна.

В карете повисла тишина. Леди Виктория мучилась любопытством, как и почему во дворце оказалась вторая ученица, Ирина бросала в мою сторону непонятные взгляды и бережно прижимала к груди полученные бумаги.

Я же пыталась успокоить скребущих на душе кошек. Александр говорил про наследника, помощник упоминал Её Величество. Неужели уже всё решено? Почему тогда не объявляли о помолвке? Обычно принято устраивать по такому поводу народные гуляния, чтобы чествовать будущую Королеву.

И... кто она? Принцесса соседнего государства? Дочь влиятельного лорда? И почему он мне ничего не сказал, почему

продолжает дарить улыбки и опаляющие взгляды? Неопределённость пугала. Мне никто ничего не обещал, и я не сме- ла надеяться, запрещала себе даже думать об этом.

Кто я? Ученица старшего курса, из хорошего рода, но отец особого влияния не приобрёл, предпочитая придворным играм насущные дела вверенных ему земель. У меня хорошее, но не выдающееся приданое, я не блистаю красотой или умом. Я обычная леди на выданье.

Вероятно, что-то отразилось на моём лице, потому как леди Виктория вдруг поинтересовалась:

– Леди Лира, всё в порядке?

– Я не понимаю мужчин, – неожиданно для самой себя произнесла я.

Леди Виктория попыталась сдержать смех, но Ирина захихикала. И вскоре мы втроём громко смеялись, позабыв о приличиях. Что за день!

Глава 27. Дворец и шут

К Институту мы подъехали уже в темноте. Хотя день и пошёл на возрастание после дня Середины зимы, это было пока не очень заметно, и по-прежнему большая часть дня проходила потемну. Снег хрустел под ногами, когда мы с Ириной прошли через чёрный ход. Леди Виктория, как и утром, вышла у парадных ворот, и мы договорились с ней встретиться у кабинета леди Амалии.

Леди ректор ждала нас. Она встретила нас в коридоре и, коротко поприветствовав, пригласила в свой кабинет. У меня было странное чувство, будто кто-то смотрит мне в спину, но, оглянувшись, я никого не увидела. Стража мои действия насторожили, и, едва мы оказались в кабинете, он тихо спросил:

– Вы что-то чувствуете?

Леди Амалия стояла у стола, Ирина протягивала ей бумаги, которые секретарь Его Величества сказал отдать ректору. Чувство взгляда в спину не прошло, и я приопустила щиты. По моим ощущениям, в комнате нас было не четыре, а пять человек.

– Там! – я указала на гобелен на стене.

Яков в миг оказался возле него и отдёрнул в сторону. На ровной стене за тканью оказалось маленькое отверстие, достаточное, чтобы услышать или подглядеть. Страж молча вы-

бежал в коридор, и почти одновременно с этим в кабинет вошли леди Виктория и профессор Олрид.

– Что случилось?

– Кто-то следил за моим кабинетом, – ответила леди Амалия, опускаясь на стул. У неё в голове не укладывалось, что у кого-то могло хватить наглости подслушивать за стеной кабинета ректора.

Запыхавшись, вернулся Яков.

– Сбежал, – покачал он головой. – Леди, вы смогли понять, кто это был? – обратился он ко мне.

– Нет, – я покачала головой. Человек, прятавшийся за стеной, носил ментальный щит, и поставлен он был не людьми Александра, иначе он не стал бы для меня преградой.

– Так, давайте решать вопросы по порядку. Сперва я отпущу леди, потом с профессорами мы поговорим о безопасности моего кабинета, – решила леди Амалия. – Леди Лира, если вас не затруднит, я бы посоветовала дожждаться леди Ирину, я её долго не задержу, тогда вы вместе вернётесь в жилой корпус. Вы же в курсе всей истории? Если хотите, можете подождать в коридоре.

Я посмотрела на Ирину, та покачала головой, показывая, что не возражает, если я останусь в кабинете. Она чувствовала себя растерянной и смущённой. Я ободряюще улыбнулась.

Леди Амалия бегло пролиставала бумаги Ирины.

– Судя по тому, что здесь написано, вы являетесь женой

некоего Ильи Светлодубского, вам надлежит окончить вверенное мне учреждение, и королевской канцелярией вам выдано предписание отказаться от формы и разрешение не посещать занятия верховой езды, самообороны, танцев и другие по вашему усмотрению. Леди, вы в положении? – леди ректор посмотрела в упор на Ирину.

Та, залившись краской, кивнула. Леди Виктория охнула, закрыв рот рукой, мужчины неодобрительно на неё посмотрели.

– Ясно. Отец ребёнка – ваш муж?

Ирина снова кивнула, нервно комкая юбки. Во дворце она держалась спокойнее.

– Ну что же. Поздравляю вас с браком по сердцу, – леди Амалия потёрла переносицу. – Я видела всякое, но, чтобы замужняя дама оканчивала Институт, такое будет впервые. Я убедительно прошу вас, леди, не распространяться о вашем новом статусе, вашем положении и всём, что с этим связано, с другими ученицами, – строго предупредила леди Амалия Ирину. – Лекарей я предупрежу, раз в неделю будете приходиться к ним на осмотр. Травы от утренних недомоганий они так же вам выдадут. С преподавателями я переговорю, без указания причин, и уровень нагрузки вы подберёте себе сами, но учтите, что экзамены вам придётся сдавать вместе со всеми, по единой программе и в общем порядке. Если будут какие-либо сложности или вопросы, обращайтесь ко мне напрямую, решим по мере возникновения.

– Леди, я бы посоветовала вам не отказываться от вечерних занятий по самообороне. Сложных упражнений я там не даю, но уметь носить и прятать предметы, которые можно использовать для защиты, и распознавать опасность, может быть полезным. И вы можете обращаться ко мне по любым вопросам, – произнесла леди Виктория.

– Благодарю, леди, я воспользуюсь вашим советом. Леди Амалия, а как быть с формой? Мне предписали отказаться от корсетов...

– Можете говорить окружающим, что ваш жених счёл форму Института слишком нескромной. Швея приготовит вам платье по форме женских Академий, там не предполагается корсетов.

– Благодарю, леди, – коротко поклонилась Ирина.

Наконец, нас отпустили. Время ужина уже прошло, и я предложила Ирине зайти на кухню, а на удивлённый взгляд пояснила, что иногда заглядываю туда, и повара угощают ватрушками или поздним ужином.

Ирина согласилась, и под присмотром Якова мы прошли на кухню. Там охающая повариха выдала нам по стакану молока, мясо с подливой и кашей, мягко попеняла, чтобы мы впредь не засиживались допоздна и не пропускали ужин. Яков тоже получил свою порцию. Отужинав, мы поблагодарили женщину и отправились в жилой корпус.

Саня сидела над учебником иностранного языка. Когда я вошла, она обернулась и тут же пристала с расспросами, где

я пропадала весь день?

И что ей рассказать? Ответила, что вместе с леди Викторией ездила в столицу. И, это большой секрет, но, похоже, я теперь регулярно буду выезжать туда на занятия. Ведь наши встречи с Его Величеством в какой-то мере можно назвать занятиями по ментальным навыкам?

Саня покачала головой и поделилась, что в столице сейчас делегация иностранцев, и один из них, вернее, одна леди, согласилась заниматься языком с желающими. За это корона будет оплачивать потраченное время и леди может получить право на приобретение жилья в столице. Сане предстоит ходить на занятия к ней, чему подруга была рада – общаться с носителем языка, узнавать об их традициях из первых рук, это так интересно!

Дни неслись снежной лавиной. Мне приходилось заниматься в комнате и библиотеке, чтобы нагонять пропущенные из-за встреч с Александром уроки. Дополнительные уроки по самообороне и текущие домашние задания не оставляли ни капли свободного времени.

Раз в неделю я в сопровождении леди Викторией выезжала во дворец и несколько часов проводила в кабинете Александра. Чаще всего я вышивала, он решал текущие вопросы, и при этом мы мысленно беседовали. Иногда он давал мне задания, например, прочитав мысли присутствующих сквозь щит, или самой поставить щит кому-нибудь из прислуги. Государственных служащих мне пока не доверяли.

Я старательно проделывала все порученные упражнения, и в итоге Александр меня осчастливил, заявив, что базовый щит Ирине поставил профессор Сардер, а вот основной придётся возводить мне. От сомнительной чести я попыталась отказаться, всё же работать с мыслями, разумом других людей мне было боязно, на что получила недовольный ответ, что рано или поздно мне всё равно придётся это делать, и лучше уж потренироваться сейчас и отделаться малой кровью, чем потом совершить непоправимую ошибку.

Юлия от отравления поправилась, но теперь должна была несколько месяцев соблюдать строгую диету. У нас с Саней в комнате постоянно были угощения, присланные Александром или родными Сани, и Юлия почти перестала к нам заглядывать. Зато в общей комнате по-прежнему подсаживалась к нам с рукоделием, поболтать, и иногда менялась со мной и Саней украшениями к субботним танцам.

Как и ожидал Александр, Ирина стала подсаживаться ко мне в столовой, на совместных занятиях, с рукоделием в общей комнате. По его совету я не стала отказываться от её дружбы, мне и самой была приятна компания деликатной и вежливой леди.

Если Саня всегда говорила то, что видела и что думала, то Ирина часто ограничивалась сдержанной улыбкой и меткой фразой. Она не заговаривала о том дне, когда я узнала её деликатный секрет, и не спрашивала, как и почему я оказалась у Его Величества. Но, как-то заглянув в её мысли, я

увидела, что Ирина поняла, кто просил за неё у Короля, и считала себя обязанной.

Мне бы не хотелось, чтобы её дружба ко мне строилась только на чувстве долга, но, как оказалось, это только усилило давнее расположение. Ирина считала меня хорошим человеком и образцовой леди, и была рада завести со мной дружбу.

По субботам я ходила на танцы. Меня приглашали разные кавалеры, я вела лёгкие светские беседы и получала ничего не значащие комплименты. Несколько раз, в разные дни, меня приглашал Эрик. Он вёл меня в танце кончиками пальцев, деликатно и отстранённо, но смотрел, как на утраченное сокровище. Ученицы, которые раньше потешались над вечно падающими заколками, теперь шутили над неизменной лентой преподавателя.

Кто-то считал, что Эрик повязал её и забыл, иные считали, что он завязывал её, когда руки случайно оказались испачканы в клею, и теперь просто не может снять. Самые романтичные шептались, что это подарок от возлюбленной или память о погибшем друге. Когда меня втягивали в подобный разговор, я пожимала плечами и отвечала, что, возможно, лента просто нравится профессору?

Григорий ко мне больше не подходил, что немало меня порадовало и одновременно насторожило. К чему такая резкая смена поведения? Тем не менее, он продолжал присылать записки со строками из поэм, которые не подобает знать

приличным ледеи, равно как и подарки. По моей просьбе Артемий и Яков все посылки от него отправляли обратно.

В тот день я сидела в кабинете Его Величества с вышиванием на облюбованном диванчике и украдкой бросала взгляды на Александра, любуясь его статью, разворотом плеч, гордо поднятой головой, решительными твёрдыми жестами, и улыбалась, слушая его голос. Иногда я ловила на себе его взгляды, полные нежности и чего-то ещё, мне непонятного. Меня это смущало.

Мысленно мы говорили о странностях в поведении Григория и расследовании попыток отравления. За Григорием с первой нашей с ним встречи велась слежка, но ничего подозрительного пока замечено не было, кроме того, что в свой выходной день он время от времени посещал даму лёгкого поведения. Я возмущённо фыркнула, Александр ласково улыбнулся.

Что до расследования, то было несколько подозреваемых среди прислуги, преподавателей и учениц. Слуг опросили, после чего рассчитали или перевели в другие казённые заведения, с преподавателями провели беседы и приставили слежку. Человека, подслушивавшего у кабинета ледеи Амалии, так и не нашли.

Что Александра тревожило, так это щит, достаточно сильный и поставленный непонятно кем. Для меня это тоже было загадкой. Как бы мне ни хотелось, в памяти всплыла ассоциация с профессором Джозефом, на что Александр меня

успокоил, посоветовав просто поговорить с почтенным профессором напрямую.

В этот момент дверь распахнулась и, отвесив шутовской поклон до самого пола, коснувшись при этом пером на шляпе ковра, вошёл мужчина. Без приглашения. Не дожидаясь позволения, он поднялся и громко возвестил:

– Алекс, ты не поверишь, тут та-а-а-кое было! Милашка из посольства от северных соседей, которая вздыхала по тебе, внезапно оказалась в моей постели! Боюсь, она теперь постесняется и дальше оказывать тебе знаки внимания, уж прости.

Александр при появлении мужчины едва заметно напрягся. Моё сердце не успело тревожно ёкнуть при новости о поклоннице Александра, как я смутилась откровенным разговором, а через минуту уже улыбалась непосредственным речам мужчины. Он не ждал ответа, просто болтал обо всём, что видел вокруг.

«Мой шут. Не вздумай слушать его мысли», – с непонятной интонацией произнёс Александр.

Я послушно подняла шиты. Как я поняла из образов, мелькнувших в мыслях Александра, этот мужчина, шут, не раз его выручал из всевозможных ситуаций, но порой приходилось ставить его на место, когда он забывал, с кем говорит. С одной стороны, Александр был рад его видеть, как шепотного приятеля, с которым время от времени они проворачивали шалости и строили каверзы придворным. С дру-

гой стороны, почему-то именно сейчас его присутствие было нежелательно.

Шут стоял лицом к чуть напряжённому Александру, спиной ко мне, и я пока видела только его спину. Высокий, в нелепом костюме, который вроде и скроен по последней моде, но всё в нём было слишком.

К примеру, сейчас при дворе были в моде кружевные манжеты, так у вошедшего мужчины они были слишком пышные и слишком широкие, и они смешно колыхались, как паруса на ветру, когда он слишком патетично взмахивал руками. При дворе набирали популярность мужские шляпы, которые полагалось в помещении снимать и держать в руках или отдавать слугам.

Мужчина же и не подумал снять шляпу со слишком широкими полями, слишком длинным и слишком пышным пером. И зачем он надел чёрные перчатки? Решил таким образом оттенить кипельно-белые кружева? Да он одним своим видом высмеивал придворную моду!

Мужчина продолжал:

– Эх, знаю-знаю, ты был бы рад, если бы я похитил внимание твоего казначея, но тут, увы, я бессилён. Он непреклонен и всё своё служебное рвение готов отдавать только тебе! Ой, а это кто тут у нас? Такая милочка! Алекс, будь осторожен, такие леди очень быстро умеют повиснуть на чьей-нибудь шее, а твоя ценится особенно высоко, – шут обернулся, и я поняла, что мужчина не носил перчаток.

Чёрным был он сам, целиком. С антрацитово-чёрного лица на меня смотрели пронзительные синие глаза, объёмные губы кривились в многозначительной заискивающей улыбке, а длине его ресниц позавидовала бы любая леди.

Я вдруг поняла, что до неприличия прямо, во все глаза смотрю на мужчину. Темнокожего мужчину в придворном наряде, который говорит на нашем языке, как на родном, и при этом похабно мне подмигивает. Сразу вспомнились перешёптывания леди в укромных уголках о мужской силе темнокожих иностранцев, но я тряхнула головой, отгоняя подобные мысли.

Мой страж придвинулся ближе, так, чтобы стоять между мной и шутом. Только вот никакого вреда тот наносить мне, судя по всему, не намеревался, а вступать в разговоры стражам не положено.

– Леди, как ваше имя? Хотя не говорите, не надо, я угадаю! У вас такие чудесные розовые щёчки! Роза? Нет? Тогда, вероятно, Светлана, вы так светлы ликом! Снова нет? Ой, скажу вам по секрету, бросайте того недотёпу, кем заняты ваши чудные мысли! Я гораздо лучше вашего кавалера, я остроумен, галантен и, чего таить, гораздо лучше в постели...

Тихий рык, стремительное движение, и не успела я охнуть, как Александр оказался передо мной, а шут отлетел сторону и с грохотом упал на один из столов, перевернув его. Бумаги разлетелись по полу. Я прижала руки ко рту. Шут, не

спеша подняться, ошарашенно смотрел на Александра. Все в комнате замерли.

– Хоть жестом, хоть словом, хоть взглядом, хоть отголоском мысли ты позволишь себе хоть что-то в отношении этой леди, и я не стану сдерживаться, – тихо, но чётко произнёс Александр. Это он ещё сдерживался? Ох!

– И что тогда, убьёшь? – с кривой ухмылкой поинтересовался лежащий на полу, среди раскиданных бумаг, мужчина.

– Тогда смерть покажется тебе благом, – ещё тише ответил Александр. Судя по взглядам присутствующих, они такого никак не ожидали, но поверили каждому слову. Поверила и я.

«Я тебя не напугал?» – Александр обернулся ко мне.

«Я боюсь того, что могу невольно стать причиной твоей ярости. Что из-за меня может кто-то пострадать», – честно ответила я.

Всё равно я для него, что открытая книга. И в тот момент я боялась не силы Александра, не его порыва, а того, что он так рьяно бросился на мою защиту. Обратив на кого-то внимание, я невольно могла направить ярость Его Величества на этого человека. Если бы я не растерялась из-за вида шуток, на его разговоры я могла бы отшутиться, как это не делала, и в иной ситуации никто бы не пострадал.

«Я постараюсь быть более сдержан. Просто слишком хорошо знаю этого человека... Прости».

«Всё хорошо. Думаю, сегодня мне лучше уехать».

«Как пожелаешь. Карета будет готова через пятнадцать минут».

В дверь постучали и, не дожидаясь ответа, вошла леди Валерия, Ляля. Окинула помещение быстрым взглядом, сделала выводы.

– Леди, вы не желаете осмотреть гостевую комнату на первом этаже? Там на стенах висят полотна кисти известных художников, и есть чудесный рояль. Можете приходить туда в любое время, просто скажите, что вы от леди Ляли, и слуги вас туда проводят. А может, желаете прогуляться по портретной галерее?

Присев на прощание в реверансе, я вышла вслед за Лялей. Шут так и лежал на полу, и, когда я проходила мимо него к двери, смотрел в пол.

Король

Я наслаждался обществом своей птички. Она, как чудесный сон, как сказочное видение, хрупкая и воздушная, занималась вышиванием в уголке моего кабинета. Одно её присутствие несказанно меня радовало, а возможность слушать её мысли и беседовать будоражила и пьянила не хуже крепкого вина.

Хлопнула дверь. Уже зная, кто мог бы так бесцеремонно ко мне ворваться, я всё же поднял глаза от прошения о помиловании. Юристы дали свои комментарии по этому делу, на трёх листах, и мне предстояло вынести решение в последней инстанции.

Уж лучше бы ещё пять дел о преступниках, чем он. Чёрный Шут, а попросту Тимофей. Он лучший помощник в ситуациях, когда нужно кого-либо скомпрометировать. Он же придворный охальник, охочий до юбок всех возрастов и любого положения.

То, что малышка может услышать в его мыслях, ей не понравится. И о том, как на моё совершеннолетие Тимофей уговорил меня посетить публичный дом, и о его нынешних похождениях. Не стоит ей пока этого слышать.

Шут моё недовольство его появлением проигнорировал. Так, очередную открывшую на меня брачную охоту леди он обезвредил в своей обычной манере и, вероятно, явился для

получения оговоренной премии за подобную помощь. Хорошо, что душа моя, похоже, пропустила его слова мимо ушей. Не хотелось бы, чтобы она расстраивалась или переживала о чём-то.

Пока я искал повод и слова, чтобы выставить Тимофея, тот, к моему ужасу, заметил тихонько сидящую на диванчике мою птичку и повернулся к ней. В его мыслях тут же мелькнуло желание попробовать её поцелуй на вкус и полюбоваться на стройные ножки без вороха юбок. На глаза упала красная пелена.

Грохот и испуганный вздох моей малышки. Тимофей с растерянным видом раскинулся на полу, мысленно интересуясь, какая бешеная блоха меня укусила, но, к счастью, не пытается встать. Если бы он хоть пошевелился...

Вдох. Медленный выдох. Я не могу его убить за одни только мысли. За спиной моя птичка, она не простит, если на её глазах я кого-нибудь покалечу. Тимофей замер, увидев что-то в моих глазах. Пожалуй, стоит сказать, за что он пострадал.

– Хоть жестом, хоть словом, хоть взглядом, хоть отголоском мысли ты позволишь себе хоть что-то в отношении этой леди, и я не стану сдерживаться.

Кажется, он поверил. Очень надеюсь, что больше он к ней не приблизится и на пушечный выстрел.

А душа моя? Я её сильно напугал? Ох, боги! Она, добрейшее создание, боится не моих порывов, а того, что из-за неё

мой гнев может быть направлен на невинных, в её понятии, людей.

Я задохнулся от нежности. Обнять бы её, прижать к себе и не отпускать, беречь от любых невзгод, но нельзя. Золотая клетка, равно как и проявление слабости перед помощниками и Тимофеем, не лучший выход. Сейчас я должен её отпустить.

Леди Валерия, Ляля, появилась как нельзя вовремя. Бросила на меня вопросительный взгляд и, когда я незаметно кивнул ей в ответ, увела мою малышку. Хорошо. Теперь шут.

Я медленно вернулся за стол, положил руки перед собой, тяжело посмотрел на Тимофея.

– Можешь встать. Медленно, без лишних движений.

Он, кряхтя и демонстративно потирая ушибленные места, поднялся. М-да, хорошо я его приложил, придётся ему всё же показаться лекарям. За что же боги наказали меня такой силой! Самое страшное, что я могу ненароком покалечить друзей или близких мне людей.

– Тимофей, ты понимаешь, за что пострадал? – глухо спросил я. Он медлил с ответом, оглядывая опустевшую комнату. Помощники незаметно вышли, стражи изображали статуи у дверей.

– Тимофей!

– Вероятно, ты присмотрел себе кралю, но почему-то забыл поставить об этом в известность окружающих, за что мы теперь и страдаем? – поднял бровь шут.

– Она моя половинка, Тимофей. Истинная Половина Души.

Шут уставился на меня во все глаза. Сообразив, что я не шучу, выругался так, что даже у стражей покраснели уши, и принялся с поклонами и реверансами поздравлять меня.

– Тимофей! Прекрати паясничать. Я прошу тебя лишь об одном – держись подальше от моей малышки. И ещё. Если с ней что-нибудь случится, я сойду с ума.

– Вот только берсерка в коридорах замка нам и не хватало, – разом растеряв весёлость, буркнул шут.

– Ты прав. Потому о ней никто ничего не должен знать как можно дольше.

– Понял, – отозвался Тимофей. – Так что, в Дом Красных Юбок тебя больше не звать? – ухмыльнулся шут.

– Верно понимаешь. Она уже слышит окружающих, и я не хочу её расстраивать. Её наивное доверие для меня важнее мимолётных страстей.

– Ох ты ж ё! – высказался Тимофей. Я хмыкнул и позвал помощников, пусть соберут бумаги и позовут слуг, убрать остатки стола. А мне нужно придумать, как утешить и порадовать мою малышку.

Ли́ра

На следующий день Артемий, заступив на дежурство, передал мне от Александра коробку конфет, чудесную заколку с драгоценными камнями и письмо, полное нежности.

Я смущалась, краснела и боялась, что стук моего сердца слышен даже на первом этаже, так меня взволновало это послание. Он писал, что у него нет никого дороже, что больше всего на свете боится потерять меня, что готов ради меня на что угодно, даже отречься от престола, лишь бы я смотрела на него с улыбкой и нежностью.

Писал, что сам боится своих чувств, как бы ему ни тяжело было в этом признаваться. Просил относиться к нему снисходительно, поправлять его, когда он переходит границы. Писал, что не сможет жить, если я от него отвернусь, если со мной что-нибудь случится. Что страдает каждый миг, проведённый вдали от меня, и просит не лишать его возможности хоть раз в неделю видеть меня, говорить со мной. Писал, что я нежная и хрупкая, что ради одного моего взгляда он готов на всё.

Едва не пропустив завтрак, я написала ответ. О том, что тоже скучаю, и прошу обещать, что, несмотря ни на что, он будет жить и продолжать дело его отцов, ибо я не вправе требовать от него такой жертвы и никогда не прощу себя, если стану причиной его несчастья. И что я по-прежнему соглас-

на приезжать к нему, ибо говорить и видеть его мне доставляет огромное удовольствие.

Я старалась подбирать нейтральные слова и выражения, потому как приличным леди не положено говорить и, тем более, писать о своих чувствах мужчинам, с которыми их не связывают семейные или брачные узы. И потом, я не была уверена, что мои письма до того, как они попадут к Королю, не просматривают иные люди. Стражи или секретарь, к примеру.

Запечатала конверт с ответом, капнула своими духами на бумагу, передала Артемию. Заколку сразу воткнула в причёску, а письмо от Александра спрятала в один из потайных кармашков платья. Позже, в библиотеке, если буду одна, прочту его ещё раз. И, несмотря на всё моё желание сохранить его на память, придётся его порвать и сжечь. Негоже правителю писать об отречении, и тем более нельзя хранить такие бумаги.

В столовой я наткнулась на полный неприязни взгляд Анники. Уже привычно игнорируя её поведение, я прошла к столику, где меня ждали Саня и Ирина. Саня заканчивала завтрак и почти сразу ушла, ей надо было торопиться на занятие с иностранной леди. Ирина неспешно доедала отбивную, заедая её пирожком с вареньем.

Уже выходя из столовой, я поняла, что забыла в комнате тетрадь с выполненным заданием по экономике поместья. И что делать? Отправить за ней слугу? Пожалуй, быстрее бу-

дет сходить за ней самой, чем объяснять, на какой полке она лежит и как выглядит.

Поднимаясь по лестнице в жилом корпусе, я услышала шум на нашем этаже. Тоже кто-то что-то забыл, или слуги так торопятся с уборкой? Странно, мне казалось, они приходят позже. Артемий, как и я, нахмурился, жестом остановил меня и мысленно попросил подождать, пока он проверит. Я кивнула.

Меньше чем через минуту послышался отчаянный женский крик и мужская брань. Ноги сами понесли меня вперёд. Шум, к моему ужасу, раздавался из нашей с Саней комнаты, и я застыла на пороге, разглядывая царящий в комнате беспорядок.

Всё содержимое шкафов и полок раскидано по полу, поверх одежды – порванные книги и тетради, перевернутая чернильница пятном синего мрака залила опрокинутую корзину с нательным бельём, рукоделие превратилось в неопишувемый клубок ниток и лоскутков, кровати разворочены, словно по ним проскакала вся королевская конница.

Посреди этого безобразия стоит с невозмутимым лицом Артемий, удерживая вырывающуюся леди. Юлия. У их ног валяется коробочка, точно такая, в которой мне передавали отравленные пирожные.

Пока я пыталась осознать произошедшее, на этаже появились комендант и леди Виктория, которая, как оказалось, собиралась занести Юлии лекарство от лекарей. Оценив обстоя-

новку, леди Виктория поспешила за леди ректором и профессором Олридом.

Юлию увели, в комнату зашла служанка, охнула, всплеснула руками и принялась наводить порядок. А я всё медленно бродила по комнате, пытаюсь осмыслить увиденное. Юлия. Зачем? Почему? И разве она не пострадала от тех отравленных пирожных? Я считала её подругой.

Почему-то больше всего меня расстроил порванный, распотрошённый альбом с коллекцией сушеных листьев и цветов. Я осторожно собирала уцелевшие сухоцветы, горюя над каждым.

Вот поверх моих конспектов поломанный, раскрошенный лист, который мне подарил Александр, когда мы с ним танцевали в вихре осенних красок. Вот веточка мяты, чудом уцелевшая, тоже от него. Под кроватью нашлись незабудки, возле шкафа цветы, которые мне из поездки привёз старший брат. Как я ни старалась, Королевский Цветок так и не нашла.

Вскоре я узнала, что Юлией, по настоянию Его Величества, занялись его собственные службы. Оказалось, девушка неровно дышала к профессору Эрику. И однажды, выйдя в выходной день в город, она встретила доброжелателя. Мужчина, тщательно спрятав лицо за шарфом и мехом шапки, почувствовал расстроенной леди, разговорил её, а после обещал помощь.

Незнакомец сообщил Юлии, будто ему точно известно,

что профессор тайно встречается со мной. Но, если со мной что-нибудь случится, то родители сразу заберут меня домой, а у неё появится шанс. И стал присылать ей записки с указаниями, а после пирожные, которые она тайком подкинула к посылкам, привезенным курьером.

Отраву она съела, испугавшись, что её кто-нибудь заподозрит, и тут же, на всякий случай, вызвала рвоту и отправила соседку за лекарями. О том, что в пирожных и прочих посылках было не просто нечто неприятное, но самый настоящий яд, она не знала. Лица мужчины она не видела, кто приносил записки и посылки для меня, не знала. Все послания ей оставляли тайно, просунув в щель в ограде в условленном месте.

Последив за оградой две недели, стражи никого не увидели и пришли к выводу, что организатору как-то стало известно о том, что Юлию поймали. Самое странное, что Юлия никогда не следила за кабинетом леди Амалии и понятия не имеет, кто устроил погром в моей комнате. Она лишь принесла очередную посылку и собиралась оставить её на моей кровати, но растерялась и замешкалась, увидев беспорядок, тут её Артемий и поймал.

Погром устроила не она. Более того, Юлия не знала, но, похоже, незнакомец поставил ей щиты на мысли и эмоции, связанные со мной. Я и подумать не могла, что подруг надо проверять на наличие чужих щитов!

Дни шли за днями, сплетаясь в изящное кружево, на котором яркой нитью были вышиты наши с Александром встречи. Я всё так же мучилась неизвестностью, какую судьбу он мне уготовил, но уже понимала, что не смогу отказать, даже если это лишь роль простой фаворитки. Я понимала, что династический брак с принцессой северных соседей поможет укрепить позиции страны, а я... Я просто не смогу отвернуться от Него, добровольно уйти, покинуть. Эти мысли причиняли боль.

Незаметно погода переменилась. Пургу и морозы всё чаще сменяли погожие деньки, капель жизнерадостным звоном омыла уставшую от зимы землю. Сошли сугробы и первая робкая травка проглянула вдоль дорожек Института. Скоро утренние тренировки вновь перенесут на поляну, укрытую за деревьями позади основного корпуса, и мы будем возвращаться в комнаты, перемазанные грязью до самых бровей, а потом толпиться в душевой, торопясь на завтрак.

Несколько раз в неделю я старалась выделять время, чтобы посмотреть очередную книгу из секции для преподавателей. Я теперь не ограничивалась только королевским стеллажом, мне было интересно всё. Улучив момент, когда мы с профессором Джозефом были в библиотеке одни, я набралась смелости и спросила про его щиты. Профессор тепло и немного лукаво улыбнулся.

– Вы знаете, леди, что в некоторых знатных домах в том или ином поколении примешивалась королевская кровь. Ко-

нечно, чаще младших принцев и принцесс переманивают к себе иностранные правящие семьи, получая сильную кровь и выгодные союзы, но, если их высочества нашли себе пару по сердцу, их обычно не неволят. Правда, ментальные способности в первом же поколении сильно слабеют, а потом и вообще сходят на нет. Вероятно, боги следят, чтобы только у их избранника, Короля, были способности. Не знаю, леди, какова причина на самом деле, – покачал головой профессор.

Зачем он мне это говорит? Насколько я помню общую генеалогию, в его семью поколений семь назад вошла младшая принцесса, отказавшись от брака с правителем одного из племени степняков, из-за чего едва не началась война. Но силой её и впрямь принуждать к браку не стали. Я задумалась.

– А могут способности проявиться спустя несколько поколений? – спросила я. Профессор Джозеф одобрительно кивнул.

– Именно так, леди. У моей внучки есть Дар. Правда, как это обычно бывает в таких случаях, годам к десяти-двенадцати он полностью угасает, но до тех пор ребёнок требует особых учителей. Говорят, при регулярных тренировках некоторым удаётся сохранить часть Дара, как это произошло у леди Амалии, да это и не секрет. А на мне внучка тренировалась ставить щиты, я не возражал. Сейчас её способности и вправду стали слабее, но она не огорчается.

– Да, это нелёгкое бремя, – сказала я прежде, чем успела

себя остановить. Ох! Но профессор сделал вид, что не услышал, и предложил вместе разобрать генеалогию семей северных соседей. Я благодарно улыбнулась.

Глава 28. Тайна Григория

В ту субботу с самого утра у меня было приподнятое настроение. За последние дни просохли дорожки в парке, и леди пёстрыми щебечущими стайками наслаждались прогулками. Солнце щедро разбросало по дорожкам свои лучи-улыбки, на распускающихся деревьях то тут, то там чиркали птицы, радуясь теплу.

Я шла из учебного корпуса, щурясь на пробегающие по небу пушистые облака. Внутри щекоталось неясное предвкушение, ожидание, будто я вот-вот увижу кого-то очень важного и дорогого. Неужели Александр задумал опять обратиться на субботний бал? Я улыбнулась. Такая шалость вполне в его духе!

Ирина неспешно шла рядом, легко поддерживая непринуждённую беседу, Саня отправилась в библиотеку, сдавать прочитанные книги. Она очень ловко совмещала приятное с полезным, читая женские романы, но написанные на иностранных языках. Она утверждала, что именно это и помогло ей выучить столько языков.

Внезапно кто-то заступил нам с Ириной дорогу. Тёмные начищенные сапоги, кадетская форма, обязательный меч в ножнах на боку, знакомые нашивки на груди, требовательный прищур глаз. Григорий. Не обращая внимания на выразительный взгляд Ирины, он и не подумал уйти с дороги,

и, не отрываясь, смотрел на меня. Все приехавшие на танцы кадеты уже скрылись в основном корпусе, почему он отстал от них?

– Леди, мне нужно с вами поговорить, – не терпящим возражений тоном извещил он.

Я нахмурилась. Он уже очень давно не проявлял ко мне никакого интереса, что меня вполне устраивало. Спокойно танцевать, не ожидая каждую минуту провокации или назойливого внимания, меня вполне устраивало.

– Доброго вам дня, лорд, – подчёркнуто вежливо поздоровалась я. – Если нужно, говорите, – я чуть наклонила голову, показывая, что готова выслушать.

– Наедине, – отрезал Григорий.

Я покачала головой. Нет, так не пойдёт. Это не тот случай, когда мне хотелось бы нарушить правила этикета и остаться с мужчиной вдвоём.

– Лира, пойдём, нас уже ждут, – попыталась увести меня от явно неприятного разговора Ирина. Григорий делал вид, что её здесь нет.

– Леди, вы не понимаете, это **ОЧЕНЬ** важно, – Григорий подошёл ещё на полшага ближе. Мне захотелось отступить, но я осталась на месте. Не буду я от него бегать и уступать не стану!

– Леди, от этого зависит жизнь человека. Мне больше не к кому обратиться, – я сделала ошибку и посмотрела Григорию в глаза. В них плескался страх. Я опустила верхний щит,

и недовольно нахмурились, ведь Григорий верил в то, что говорил, и считал это правдой. – Вы ведь помогли однажды одному человеку, помогите ещё раз. Это важно.

Как бы мне хотелось оказаться подальше отсюда, в библиотеке, к примеру, а не стоять посреди дорожки с настырным кавалером! И откуда он знает, что я помогла Илье с Ириной? Неужели кто-то из них проболтался? Они оба не казались мне людьми, которые стали бы рассказывать о таком. Неужели снова я ошиблась, как с Юлией?

Григорий был не на шутку встревожен. Ладно, послушаю, о чём он желает поведать, а потом решу, как поступить дальше. В конце концов, где-то поблизости должен быть мой охранник, Яков, и если Григорий попытается позволить себе лишнее, его остановят.

Я кивнула кадету и попросила Ирину идти дальше без меня. Та вежливо попрощалась со мной и Григорием и предупредила, что через пять минут меня ждут в учебном корпусе. Конечно, меня никто не ждал, но Ирина дала мне повод прервать разговор и уйти, ежели пожелаю. В её мыслях мелькнуло, что надо бы предупредить кого-нибудь из учителей.

Я благодарно ей кивнула и свернула вслед за Григорием на боковую дорожку. Далеко уходить я не собиралась, но так показалось удобнее, чем мешать проходящим мимо леди. Григорий не спешил начинать разговор, он шагал по дорожке, хмурясь и даже не глядя в мою сторону. Наконец, мне это надоело. Мы были уже достаточно далеко от учебного кор-

пуса, и уходить дальше я не видела смысла.

– Григорий, о чём вы хотели со мной поговорить? – я осталась, всем свои видом показывая, что не сделаю больше ни шагу, пока не узнаю, в чём дело. Григорий не обратил на мои слова и действия никакого внимания, он продолжал идти. Мои брови удивлённо поползли вверх. Что за странности? Уже на повороте дорожки, возле декоративных кустов, Григорий обернулся и задумчиво бросил через плечо:

– О Короле, конечно, – и пошёл дальше.

Сердце пропустило удар.

– О Короле? Что вы имеете в виду? Григорий?! – я была вынуждена догнать кадета. За поворотом тропинки его не было. Я в замешательстве принялась озираться, и тут мне в бок упёрлось что-то острое, кто-то грубо и очень крепко схватил меня за руку выше локтя, и полный яда голос прошипел:

– Один звук, одно лишнее движение, и ты мертва.

Я кивнула.

– Умница.

Это не Григорий. Куда же делся кадет? И где Яков? Я, конечно, могу вырваться и убежать, спасибо урокам профессора Олрида и леди Виктории. Если смогу сбить напавшего с ног, это даст мне фору, и между вон теми кустами я должна успеть добежать до центральной дорожки. Три вдоха, чтобы мужчина посчитал меня не опасной и ослабил хватку, и у меня появится шанс.

– Держи её крепче, Лось, – в поле моего зрения появился Григорий, и с ним ещё один мужчина. За спиной зашуршали шаги. Спешно опущенные щиты подтвердили, что вокруг меня сейчас четыре человека. Ох, от четверых мне не уйти! Где же Яков?

– Ждёшь своего охранника? – неприятно усмехнулся Григорий. Его взгляд горел торжеством. – Он не придёт. Правда, он забрал с собой двух моих людей, но от ножа со спины уклониться не успел. Никто бы не успел, – развёл руками кадет.

– Мы не твои люди, Крыс, – зло сплюнул невидимый мне четвёртый мужчина. Григорий его слова проигнорировал. Что делать?!

Мужчины не спешили убивать или уводить меня. В мыслях всех четверых царило безмятежное спокойствие и мечты о горячем обеде. Снова щиты, и опять поставлены не Александром, а потому я через них не слышу!

Мы продолжали стоять, укрытые от чужих взоров кустами и деревьями, локоть всё так же сжимали сильные пальцы, крепко, больно, до синяков, и в бок всё так же упиралось остриё, вероятно, кинжала. Мужчины чего-то или кого-то ждали, Григорий откровенно скучал. Кадет бросил на меня насмешливый взгляд:

– Желаете о чём-то спросить, леди?

Наверное, раз меня напрямую спросили, не ткнут в бок за ответ?

– Если позволите, лорд.

Григорий довольно фыркнул и милостиво махнул рукой, мол, спрашивай. Его моя покладистость, похоже, порадовала. Спутники недовольно покосились на Григория, но промолчали.

– Вы очень убедительно говорили, что судьба человека зависит от того, соглашусь ли я пойти с вами...

– Верно. От этого зависела моя судьба. Похвалят меня и одарят за заслуги или нечаянно уронят с балкона или крыши с ножом в спине, таков был выбор. И, как видите, леди, я на коне, – самодовольно развёл руками Григорий, красуясь. Ну-ну. Он получил ещё несколько злых взглядов в спину.

– Вы говорили, что я уже однажды помогла одному человеку. О ком вы?

– Вы будете удивлены, леди, но все мы когда-то кому-то помогали, просто к слову пришлось, зато это позволило мне вас убедить. Ведь так? И кстати, меня зовут не Григорий.

– Знаю. Вас зовут Крыса, – не сдержала я сарказм. Григорий сделал вид, что не услышал.

– А зачем вы оказывали мне знаки внимания, посылали мне письма? Ведь я вам совсем не мила, – спросила я, лишь бы только потянуть время. Может, Ирина сумеет кого-нибудь позвать? Григорий хмыкнул.

– Я должен был завоевать твоё доверие, чтобы, когда придёт время, ты беспрекословно пошла бы за мной. Ты не представляешь, как я напугался, когда ты обиделась на меня на

балу. Подумаешь, не пригласил на первый танец, и что с того? Все леди одинаково безмозглые и мелочные! Я после этого такого наслушался от своего наставника... Ты поставила мою карьеру и даже жизнь под угрозу, Лира, – выплюнул кадет моё имя. – Если бы мне не удалось вернуть твоё доверие, я перестал бы быть полезным. Вместо меня к тебе подослали бы кого-нибудь другого, а за свою судьбу я не ручаюсь. Но ты согласилась сбежать в город на праздник, и это чудесно. Жаль, что забор заделали, иначе было бы проще сейчас увезти тебя. Все юные леди любят фокусников с обезьянами и горячий ягодный напиток, не так ли? – зло усмехнулся кадет. – Я ничего тебе никогда не писал и не посылал. Ещё чего не хватало! А ты молодец, задала наставнику задачку, когда сделала замечание о слишком откровенных письмах. Я получил удовольствие, наблюдая, как он сочиняет очередную романтическую писульку. Так забавно.

Я стояла, словно оцепенев. Боялась пошевелиться, да и не могла, иначе получила бы кинжал в бок.

– Ты же спас меня, в первый день, когда мы только познакомились, – смогла произнести тихим и почти спокойным голосом.

– Ха! Было трудно уговорить этого недотёпу припугнуть тебя, но он был мне должен. Я его несколько раз прикрывал, когда он пьяный валялся в казарме вместо занятий или поздно возвращался из борделя. Свращать юных девиц ему ещё не приходилось, но крепкое вино перед поездкой сдела-

ло своё дело, – ухмыльнулся кадет.

Было неприятно смотреть на него, но я не могла себе позволить отвернуться или малодушно закрыть глаза. Я ждала и надеялась на малейший шанс, и потому следила, как Григорий вышагивает передо мной, меряя шагами расстояние между кустов. Пусть меня хватаются, пусть сюда забредут прогуливающиеся преподаватели, ну хоть кто-нибудь!

– Вы говорили о Короле, – решила я.

Наверное, я слишком волновалась и дёрнулась, потому как кинжал пропорол ткань на боку. Я сделала несколько глубоких вдохов, пытаюсь успокоиться. Паниковать нельзя.

– Да, говорил, – равнодушно пожал плечами Григорий. – Вероятно, пропажа фаворитки немного его огорчит. А может, и нет. Но если он не желает огласки, ему всего лишь нужно будет...

– Заткнись, Крыс, – грубо оборвал Григория один из его спутников.

Мои щёки залило краской от слов Григория. Я не фаворитка! Только вот доказывать что-либо этой шайке я не буду, зачем метать бисер перед свиньями? Почему-то от этой мысли вернулось спокойствие. Я – леди, и буду вести себя достойно, в любой ситуации.

– Кто-то идёт. Лось, следи за ней, – доселе невидимый четвёртый спутник Григория, судя по шороху шагов, пошёл выяснять, кого же принесла нелёгкая на эту тропинку.

Я же мыслями потянулась в сторону, откуда пришла са-

ма. Ох! Эрик! Один! Он был первым преподавателем, кого встретила Ирина. Надеюсь, она расскажет о непонятной встрече ещё кому-нибудь, и очень надеюсь, что это будет профессор Олрид, тот мог бы справиться в такой ситуации, а вот за Эрика я не ручаюсь.

Мысли прыгали испуганными зайцами, за которыми несётся стая борзых. Если Эрик встретится с кем-нибудь из спутников Григория, его уже не отпустят. Что же делать?! Впервые за сегодня я по-настоящему испугалась.

Я Григорию зачем-то нужна была живой, меня не тронут, но вот всех остальных эта милость не касалась. Я позволила себе чуть расслабиться и прикрыла глаза, ментально пытаюсь дотянуться до Эрика, мысленно крича ему, чтобы не ходил, вернулся к корпусам. Я чувствовала, как профессор, ничего не подозревая, подходит к повороту, где его ждёт один из спутников Григория.

– Эй, не спи! И никаких глупостей, слышишь? Шевели ногами! – я вздрогнула и послушно отошла к ближайшему дереву, куда Лось, так и не отпустивший меня, решил встать. Откуда-то из-за кустов раздался негромкий свист, Григорий свистнул в ответ, Лось за моим плечом довольно усмехнулся. На поляну вышли ещё трое. Ох.

– Повозка будет минут через десять, как только выгрузят муку и заберут деньги за груз. Нас будут ждать у калитки, которая по западной стене. Все считают её заколоченной, – отчитался один из вновь прибывших. Скользнул по мне рав-

нодушным взглядом и встал в сторонке.

Сердце колотилось, грозя выпрыгнуть из груди. Внутри клубком змей шевелилась тревога и страх. Кричать бесполезно, Эрик помчится сюда, какие бы слова ни услышал, и только быстрее угодит в лапы преступников. Я вновь потянулась мыслями так далеко, как сумела, и в этот раз едва смогла сдержать улыбку и с облегчением выдохнула. Кинжал предупреждающе дрогнул, оцарапав.

Эрик прошёл мимо спутника Григория, который затаился в кустах. Профессора заманивали в ловушку, собираясь перекрыть ему пути к отступлению.

Только вот Григорий и «не его» люди не учли, что сегодня суббота, и они не единственные гости, решившие посетить Институт не совсем официально. Чуть в стороне от дорожки, никем не замеченные, крались двое.

Вот один из них ушёл чуть вперёд и в сторону, и я перестала ощущать отголоски мыслей мужчины, который караулил Эрика. Не задерживаясь, двое продолжили пробираться в мою сторону.

Александр и начальник его личной охраны, Роман.

«Не переживай ни о чём, душа моя, мы уже близко» – пришла мысль, полная тревоги и заботы.

«Знаю» – послала я улыбку в ответ. Я стояла, стараясь не шевелиться, и не поднимала взгляда от редкой молодой травки под ногами, чтобы Григорий или кто-то из его спутников ненароком не заметили торжествующий блеск в моих глазах.

Как там говорил Григорий, он на коне? Ну что же, чем выше заберёшься, тем больше падать.

Исчезли мысли ещё одного мужчины, неосторожно отошедшего в сторонку по нужде, и в этот миг из-за поворота, скрытого кустами, показался Эрик. Увидел меня и Лося с кинжалом за моей спиной, мазнул взглядом по Григорию и его спутникам и моментально вытащил меч из ножен на боку.

– Не делайте глупостей, профессор, вы же не хотите, чтобы леди пострадала? – вкрадчиво поинтересовался Григорий. Пока профессор напряжённо смотрел на Лося за моей спиной, к Эрику за спину заходил один из преступников.

– Я не думаю, что леди что-то грозит, ведь так, душа моя? – чуть сбоку от дорожки из-за кустов показался Александр. Без маски, в одежде старшего офицера без каких-либо знаков отличия.

Судя по мыслям, Роман затаился за деревом позади Григория. Все повернулись на голос и уставились на Александра, а я воспользовалась замешательством и вывернулась из захвата Лося. Я сумела выбить кинжал из его руки и сильно ударить в болевую точку, как учил профессор Олрид, и бросила пакет с едким порошком из тайника в рукаве в сторону ближайшего преступника.

Лось согнулся и упал на колени, второй преступник закашлялся, а я юркнула за дерево, чтобы никому не мешать. Время, казалось, застыло. Злые крики, звон скрещенных

клинков, звук падающего тела, крики боли... Я потерялась во всём этом.

«Щиты! А, чтоб тебя! Верни сейчас же щиты на место!».

Судорожно всхлипнув, я заставила себя выполнить этот приказ. Сразу стало легче.

Король

С самого утра всё было готово для моего побега из дворца. Эду предстояло вместо меня в маске и неудобном костюме отсидеть обед, поприсутствовать на прогулке в саду со свитой, а если я не успею вернуться вовремя, то и выслушать отчет казначея.

Я споро позавтракал в своей комнате и вместе с Романом тайком выбрался из дворца. Лошадей взяли на ближайшем постоялом дворе, ехали налегке, наслаждаясь погодой и столь редкой свободой. Настроение было чудесным, и, кажется, это были не только мои эмоции. Похоже, птичка как-то меня чувствует и уже ждёт.

Всё было прекрасно и безоблачно, пока уже на подъезде к Институту меня не кольнула тревога. Подав Роману знак, я нахмурился и, сосредоточившись, сквозь щиты принялся слушать. Через пару секунд я пришпорил лошадь. Тревога была не моя, а малышки.

Пройти на территорию Института не составило труда, что меня немало разозлило. Зачем из казны выделяем столько денег на содержание и оплату охраны Института, если они пропускают всех подряд и не могут усмотреть за одной без-

защитной леди? И где, демон их раздери, стражи, что я приставил к своей девочке?!

Увы, страж нашёлся в канаве под забором, убитый подлым ударом со спины. Но, судя по двум наёмникам, что лежали рядом, он дорого отдал свою жизнь. Покойся с миром, друг.

Мы с Романом не стали задерживаться и направились напрямиком туда, где я ощущал свою птичку. Лира была напугана, и я молил богов, чтобы с ней ничего не успели бы сделать.

Мы шли осторожно, обходя дорожки и тропинки стороной, стараясь не создавать шума и не привлекать внимания. Такая тактика позволила нам выловить двух преступников, неосторожно отбившихся от банды. Пощады они не получили бы ни при каких обстоятельствах. Я не могу простить тех, кто обидел мою малышку.

Остановившись чуть в стороне, я прослушал мысли всех, кто был вокруг Леры. Выделив двух ключевых людей, я дал Роману знак, и тот подобрался к тому, кто считал себя главным.

Я же собирался заняться тем, кто действительно командовал всей шайкой и должен был «уронить» зарвавшегося «командира» в ближайшую речку, с ножом между рёбер.

Хм, а это кто тут? Влюблённый профессор, которого моя малышка взяла под свою опеку, мчится ей на помощь? Ну что же, самоотверженность и преданность моей леди заслуживают награды.

Медлить не стоит, если её несравненный профессор по-

страдает, Лира мне этого не простит. Я мысленно передал моей душе, что от неё требуется, дождался ответа и шевельнул ветку ближайшего куста, подавая знак Роману. Досчитав до пяти, встал в полный рост, отвлекая на себя внимание. Сердце заполошно ударилось о рёбра, когда я увидел Лиру, такую хрупкую, в окружении преступников. Им не жить.

Моя душа сделала всё, как надо. Стоит выдать премию Олриду и его ассистентке, они хорошо обучили мою девочку, хотя, конечно, практики ей не хватает. Я не ожидал, что она не просто вывернется из захвата и уйдёт на безопасное расстояние, но выбьет кинжал, достанет до болевой точки урда, что посмел приставить к ней оружие, да ещё и временно выведет из строя второго увальня, швырнув что-то тому в лицо. Ай да малышка!

Лира

Я поняла, что всё закончилось, когда Александр опустил-ся передо мной на корточки. Как тогда, целую жизнь назад, в покосившемся домике похитителей.

«Посмотри на меня».

Я послушно подняла взгляд. Как мне показалось, бесконечно долго он смотрел мне в глаза. Больше всего мне хотелось кинуться ему на шею и расплакаться, ощутить его сильные руки на своей спине, почувствовать себя в безопасности, но что-то удерживало меня от такого шага.

А потом всё исчезло, словно кто-то снял камни с моих плеч и запер начинающуюся истерику в дальний угол. Я себя

чувствовала так же, как и утром, когда мы с Ириной гуляли по дорожкам парка.

«Щит?» – поинтересовалась я.

«Блок. Со временем он истончится, и его нужно будет обновить. Зато для тебя это происшествие не будет иметь никаких последствий».

«Спасибо. А моё похищение в том году...».

«Тоже закрыто блоком. Прости, времени нет. Побудь пока с преподавателями и ученицами, хорошо? Будь на виду, никуда не ходи одна. Я с тобой свяжусь».

Александр поднялся и протянул мне руку. Вместе с ним я вышла из своего укрытия, и первое, что увидела – Эрик, баюкающий раненную руку. Преступники лежали на земле, и Роман, коротко мне кивнув, продолжил связывать одного из них его же ремнём. Я поспешно отвела взгляд, стараясь не смотреть на пятна крови на одежде преступников. Мертвы? Без сознания? Не думаю, что мне действительно нужно это знать.

– Профессор, благодарю за помощь. Будьте любезны, проводите леди к врачам, у неё рана на боку. И попросите прийти сюда профессора Олрида с помощницей.

«Это просто царапина,» – возразила я.

«Любая царапина нуждается в обработке. И потом, кто проводит самого профессора?».

Эрик нахмурился и с тревогой посмотрел мне в лицо, но я слабо ему улыбнулась, показывая, что в порядке. Он подо-

шёл и предложил опереться на его локоть, но я отказалась от помощи.

Мы с профессором направились в основной корпус. К этому времени все леди и приехавшие кадеты уже ушли в балльную залу, и мы никого не напугали своим потрёпанным видом.

У входа в корпус, заламывая руки, нас ждала Ирина. Охнув, она подбежала и взяла меня под руку. От её поддержки я не стала отказываться.

Нас не стали ни о чём спрашивать. Лекарь увёл Эрика в соседнюю комнату, а меня его супруга проводила за ширму, и, пока она ходила за бинтом и заживляющей мазью, Ирина осторожно помогла мне раздеться, стараясь не потревожить рану. Бок саднил, на испорченном платье расплылось кровавое пятно. Кажется, меня оцарапали сильнее, чем я считала.

Леди лекарь, осмотрев порез, заверила, что от него не останется даже шрама, если я буду соблюдать все предписания. Обработав рану, она наказала мне до вечера никуда не ходить, несколько дней не посещать тренировки и не поднимать тяжёлое, даже сумку с тетрадями. Просто для того, чтобы края пореза правильно срослись.

Служанка принесла новое платье, и я отпросилась в свою комнату. Меня отпустили, попросив быть осторожной. Артемий уже ждал меня в коридоре. Кивнув, он неспешной тенью проследовал рядом.

Вероятно, что-то отразилось на моём лице, так как Арте-

мий, покосившись на Ирину, тихо пояснил, что охрана усилена, и кто-нибудь постоянно будет рядом, а остальные станут наблюдать издалека. Я чуть улыбнулась, благодаря за пояснения.

Когда мы спускались по лестнице, ведущей к центральному холлу и выходу из главного корпуса, нос к носу столкнулись с Анникой. И если мы с Ириной просто остановились, пропуская спешащую куда-то ученицу, то Анника остолбенела, а после отшатнулась от меня, словно увидела призрака. Краска вмиг сошла с лица, и Анника стала белее мела.

– Анника, ты так и будешь стоять или позволишь пройти? – с лёгкой насмешкой поинтересовалась Ирина.

– А вы смотрите лучше, куда идёте! Чуть не сбили с ног! – возмутилась Анника, всё же отходя к перилам и давая нам дорогу. Я попыталась заглянуть в мысли ученицы и едва не охнула – там были привычные рассуждения о занятиях и невыполненном домашнем задании, злость на меня, но ни намёка на причину её удивления и страха, ни тени раздражения тем, что ей пришлось посторониться. Так не должно было быть.

В голове сложилась мозаика. Профессор Джозеф говорил, что в знатных родах порой появляется Дар у детей, но с возрастом пропадает. Лишь в результате тренировок и регулярных занятий немногим из них удаётся сохранить крохи способностей.

Вспомнился неизвестный, подслушивавший у кабинета

леди ректора, которого так и не удалось поймать. Этот человек держал очень сильные щиты, и, если верить словам профессора Джозефа, то это должно быть единственной доступной частью Дара, но, возможно, тот человек смог бы ставить щиты и другим.

Вспомнились полные ненависти и зависти взгляды Анники, когда она замечала у меня новые украшения – подарки Короля, вспомнилось генеалогическое древо её семьи. И ведь того, кто устроил погром в моей комнате, так и не нашли...

Ирина поймала мой взгляд и словно невзначай отстала, а Артемий, напротив, оказался рядом.

– Артемий, вы можете как-то устроить, чтобы леди, с которой мы только что столкнулись, вернулась к себе в комнату, перед этим ни с кем не поговорив? – тихо спросила я у охранника. Тот на миг задумался и кивнул. Я заметила, как он махнул рукой проходящему мимо слуге.

В жилом корпусе я сразу же подошла к леди коменданту, сидящей с рукоделием за столиком у входа, и попросила позвать леди Амалию как можно скорее. Комендант нахмурилась, но кивнула и подозвала подметавшего в коридоре слугу. Я же отпустила Ирину, а сама вместе с Артемием осталась в коридоре второго этажа, у окна рядом с лестницей.

Аннику долго ждать не пришлось. Пыхтя, как закипающий чайник, она поднималась по лестнице, а увидев меня, лишь обожгла неприязненным взглядом и попыталась прой-

ти мимо. Я заступила ей дорогу, Артемий оказался у неё за спиной.

– Что случилось, Анника? Разве танцы уже окончились? – участливо поинтересовалась я.

– Да этот остолоп, слуга, опрокинул на меня фужер с морсом!

– Ох, как же так! Анника, тебе не нужна помощь? Я могу расшнуровать корсет...

– Справлюсь, – прошипела ученица и скрылась за дверью комнаты.

Из этого разговора я узнала многое. Во-первых, среди слуг есть те, кто присматривает за порядком в Институте, а может, и за мной. Во-вторых, расчёт расторопного слуги оказался верен, и гордая Анника первым делом побежала переодеваться, не успев вернуться в зал. Не могла же она в таком виде показаться кому-нибудь на глаза? А в-третьих, у неё действительно стояли щиты.

Леди Амалия появилась почти сразу за Анникой. Я позволила себе заглянуть в её мысли, благо, щиты, поставленные Королём, не были для меня преградой. Леди уже сообщили о том, что на меня напали, и что пострадало несколько сотрудников. Коротко поздоровавшись, леди ректор поинтересовалась, всё ли в порядке и зачем я её звала.

– Леди, у меня есть полномочия от Его Величества... – начала я, но леди Амалия совершенно по-девичьи махнула рукой:

– Знаю, меня предупреждали. Желаете, чтобы я стала свидетелем вашей... хм... беседы? – поинтересовалась леди ректор.

– Если это вас не затруднит, – кивнула я, и, получив согласие, подошла к двери в комнату Анники. Артемий вежливо отстранил меня и постучал сам.

– Кто там? Я одеваюсь! – раздался раздражённый голос из-за двери. Никто из нас не ответил, и Артемий вновь постучал.

– Я же сказала... – Анника неосторожно распахнула дверь, и её разъярённая тирада прервалась на полуслове, так как Артемий втолкнул леди в комнату. Мы с леди Амалией вошли следом. Анника уже успела переодеться, и пострадавшее от морса платье неаккуратно лежало у стула, на который Артемий усадил растерявшуюся леди и остался рядом, удерживая её за плечо.

– Что происходит? – уже почти спокойным голосом поинтересовалась Анника, стараясь сохранить лицо. Я встала напротив неё и тихо попросила:

– Сними щиты.

– Что?!

– Сними сейчас сама, или их снимут тебе королевские дознаватели. Поверь, они не будут вести себя деликатно, – так же спокойно повторила я просьбу.

Анника смотрела на меня с ненавистью, лицо покраснелось, руки сжаты в кулаки. Я порадовалась, что Артемий её

держит. Своей цели я добилась, и Анника потеряла самообладание. По сути, я не ждала, что она добровольно опустит щиты, и не собиралась сама лезть в её мысли. Мне просто нужен был официальный повод, чтобы можно было леди знатного происхождения передать в руки дознавателей, при этом не получив самой в ответ приглашение на Суд Чести.

– Скажи, Королевский цветок ты когда-либо видела? – внезапно спросила я нейтральным голосом. Анника, не ожидавшая такого, на миг растерялась, и в её мыслях мелькнуло название книги. Этого было достаточно. Я молча развернулась и проследовала к шкафу, взяла в руки том по генеалогии знатных родов королевства.

– Нет, – всхлипнула Анника, уже зная, что её ждёт. – Нет!
Я протянула книгу леди ректору.

– Леди Амалия, вы видели, что у меня не было возможности что-либо подложить. Будьте любезны, проверьте страницу девяносто семь.

Леди Амалия открыла книгу. Между листов лежал засушенный Королевский цветок. Пурпурный, белый и зелёный цвета в идеальном сочетании, девять лепестков, один чуть крупнее остальных, с белым пятнышком на обратной стороне. Соседний лепесток маленький, остальные почти одинаковые. До боли знакомые детали, подробности.

– Вы знаете, леди, кто и когда подарил мне этот цветок, – тихо произнесла я, глядя в глаза леди ректора. Внезапно навалилась усталость, словно стержень, который держал меня

всё это время, разом вынули. Леди ректор повернулась к поникшей Аннике.

– Леди, вы обвиняетесь в воровстве на территории вверенного мне учреждения, у благородной леди. Это даёт мне право в целях расследования передать вас в руки дознавателей. Ввиду вашего происхождения, вы будете переданы в руки не простого суда, но королевских служб.

– Ненавижу, – прошептала Анника, глядя на меня глазами, полными злых слёз.

– Я буду в комнате, – предупредила я Артемия и вышла прочь.

Аннику увезли прежде, чем окончились танцы, и никто этого не видел. Когда возникли вопросы, куда пропала ученица, леди Амалия коротко ответила, что леди по срочному вопросу вызвали домой.

Стоило мне вернуться в комнату, как заглянула Ирина. Она до самого вечера оставалась со мной, развлекая разговорами. Когда вернулась с танцев довольная Саня, я, подмигнув Ирине, стала рассказывать, что оступилась в парке и неудачно упала, и теперь меня освободили от тренировок.

Саня охала и сказала, чтобы я не вздумала ничего поднимать или доставать с верхних полок сама. Ведь меня не украсит шрам на боку? Девушки окружили меня вниманием, и я даже прослезилась от их заботы.

Леди лекарь вечером зашла ко мне в комнату, осмотрела и перевязала рану. От Александра ни в тот день, ни на сле-

дующий, не было никаких вестей. Артемий только головой качал на все мои вопросы. Эрик ходил с перевязанной рукой и бросал на меня в столовой и на занятиях странные взгляды. К нему в мысли заглянуть я не решалась.

Только спустя неделю я вновь увидела Короля. Меня отвезли во дворец, но, против обыкновения, встречавшая меня Ляля повела не в кабинет, а в одну из комнат возле личной библиотеки Его Величества.

Александр сидел в уютном кресле, в светлой мягкой кожаной маске, скрывавшей верхнюю половину лица, а на столике перед ним лежала раскрытая книга. Увидев меня, он поднялся навстречу, и, едва Ляля закрыла за моей спиной дверь, подхватил меня на руки и прижал к груди.

Сердце ухнуло в пропасть, когда я внезапно потеряла опору под ногами, и я вцепилась в плечи Александра. Мелькнула мысль, что, как и предсказывал шут, я уже вишу на шее Его Величества. Александр фыркнул и, не отпуская, потянулся к моим губам. Этот поцелуй не был похож на все прошлые, осторожные, вежливые.

В этот раз Александр целовал меня властно, требовательно, жарко. Я терялась в своих ощущениях, и, когда он чуть отстранился от меня, поняла, что не в силах стоять. Дыхание сбилось, щёки горели. Взгляд Александра обещал мне нечто неизведанное, волнующее, горячее. Не отпуская меня, он вернулся в кресло, удобно устроил меня на своих коленях, уткнулся носом мне в волосы.

«Я давно хотел так сделать. Надеюсь, это не сильно тебя смущает, душа моя», – улыбнулся Александр.

«Но ты же меня всё равно не отпустишь», – ответила я, не сдержав улыбки. Мысли Александра на этот счёт были однозначны. Решив, что, раз мы одни, никто меня не осудит, я положила голову на плечо Александра.

«Верно», – одобрительно подумал он. А потом стал серьёзным.

«Ты помешала очень влиятельным людям, душа моя. Я рад, что тебе не успели навредить. Мы выявили и поймали всех заговорщиков, больше тебе ничего не угрожает».

«Заговорщиков?» – уцепилась я за слово.

«Да. В одном из влиятельных знатных родов семнадцать лет назад родилась девочка с сильным Даром. Родители приложили все усилия, чтобы развить способности и не дать им угаснуть. Частично им это удалось, и девушка сохранила способность держать и ставить щиты. Сильные щиты. Леди с детства внушали, что её ждёт великая судьба, что ей суждено стать супругой Принца, а то и Короля. Предполагалось, что после свадьбы Его Величество станет жертвой несчастного случая, а леди, благодаря Дару, сможет при поддержке семьи удержать престол».

«Они что, забыли, что ты слышишь мысли?» – озадаченно спросила я. Александр бы сразу услышал, что леди что-то замышляет!

«Ты мне льстишь, душа моя. Расчет заговорщиков стро-

ился как раз на умении леди держать щиты. Её специально на это и тренировали. Да, я бы понял, что что-то не в порядке, но не сразу, как и ты. В конце концов, на представлении ко двору я эту леди пропустил».

Я вздохнула. Столько времени разгадка была совсем рядом, а я не замечала!

«Не вини себя. Анника сумела подсмотреть за нашей с тобой встречей в кабинете ректора. Она догадалась, кто я, и потому так тебя изводила. Ревновала».

«Но она же тебя не любит! Она даже не знает тебя!» – встрепенулась я.

«Но она любит власть. Она сообщила родителям об увиденном и своих догадках, и её отец, радея о будущем дочери, нанял Григория, дабы тот соблазнил тебя, влюбил в себя или хотя бы заслужил доверие. За эти услуги он получил фальшивые документы на новое имя, так как не благородного происхождения, и был устроен через подставных лиц в Королевский Институт. Как выяснилось, отец Анники сам отправлял тебе записки и подарки, так как у Григория просто нет на это средств. С Юлией разговаривал один из людей отца Анники. А отравленные пирожные и письмо с ядовитым порошком для Юлии передавали через Аннику, с обычными посылками из дома. Анника сама оставляла их в саду».

У меня в голове не укладывалось то, что говорил Александр. Я вцепилась в белоснежную рубашку, пытаюсь найти опору в этом мире.

«Хочешь что-нибудь? Морс? Пирожные? Помнится, тебе в прошлый раз понравились вафли с кремом и фруктами. Сейчас устрою».

«Не надо, спасибо», – возразила я. Так не хотелось, чтобы он меня отпускал! Сидеть бы всегда вот так, под надёжной защитой его рук, вдыхая его запах, свежий, как гроза в лесу. После такого разговора аппетита совсем не было.

Александр всё же позвал слугу, и мне пришлось смириться с тем, что он пересадил меня в отдельное кресло. А после, переведя разговор на нейтральные темы, Александр проследил, чтобы я поела. Нам накрыли полноценный обед, и я в отместку тоже уговорила его поесть. А после мы сидели рядом, и Король рассказывал мне, как будет проходить Королевская Охота этим летом. А после он склонился к моим губам...

Глава 29. Вести из дома

По решению Александра, всю охрану в Женском и Мужском Королевских Институтах заменили и приписали к сторожам несколько собак из королевской псарни. Животные были обучены на охрану территории от чужаков, а так же на поиск ядовитых веществ и алкоголь.

На последнее на ближайшем субботнем балу «по секрету» жаловались все кадеты, леди же делились, какой ужас они пережили, когда каждую из них представляли двум собакам.

Я только загадочно улыбалась в ответ на все эти разговоры. Знали бы они, как я испугалась, когда по решению Александра леди Ляля проводила меня на дворцовую псарню, и слуги одного за другим подвели ко мне животных, пока я сидела на лавочке неподалёку. Псы были огромными, смотрели на меня с подозрением, по команде старательно ко мне принялись, и я очень надеялась, что никогда не встречу в таком звере врага.

Что меня удивило, так это безупречный порядок. Слуги во дворце высоко ценят своё место, и все животные, виденные мной, были отлично выдрессированы и ухожены, почти не было характерного запаха возле зданий, отведённых для животных. Когда одна из собак лизнула мне руку, я ойкнула от неожиданности, а псарь рассыпался в извинениях.

Я рассказала об этом Александру, он удивил меня, послав

узнать, кто из собак меня лизнул, и пообещал, что это будет моё личное животное. Я озадачилась, так как совершенно не представляла, что полагается делать с собакой. Если держать для охоты или охраны территории, то понятно, а зачем личный пёс? Александр хмыкнул и ответил, что я всё пойму.

Занятия в Институте проходили, как и раньше, почти не оставляя мне свободного времени. Всё же я старалась заглядывать в библиотеку, читая всё, что вызывало интерес или, на мой взгляд, могло бы пригодиться в будущем. Иногда в секции для преподавателей я встречала кого-нибудь из учителей, но мой столик у окна никто не занимал.

В тот день, зайдя в секцию для преподавателей, я сперва решила, что буду заниматься одна, но потом заметила Эрика, застывшего с книгой в руках между стеллажами.

– Добрый день, профессор. Как ваша рука? – я присела в вежливом реверансе.

– Спасибо, леди, всё в порядке, – сухо отозвался Эрик. Решив, что профессор не настроен на беседу, я поспешила к столу. Почему-то стало неловко.

Через минуту профессор подошёл к соседнему столу.

– Вы позволите?

– Да, конечно, – быстро ответила я, не понимая, почему Эрик вдруг решил спросить разрешения. Я никогда не возражала против его компании. Профессор отодвинул тяжёлый стул, сел, задумчиво глядя куда-то пред собой, а затем, решившись, повернулся ко мне.

– Леди, я бы хотел у вас спросить, – нерешительно начал он, словно не зная, имеет ли он на это право. Я опустила щиты, и ответила на вопрос прежде, чем Эрик его задал:

– Вы сами всё знаете, – мой голос звучал грустно. Эрик понял, кто сражался рядом с ним на той поляне, понял по стилю боя, манерам, привычке приказывать и решать, по тому, как Александр предугадывал все действия окружающих. И понял, что влюбился в леди, выбранную Королём.

– Я счастлив за вас, леди, – Эрик встал и склонился передо мной в церемонном поклоне для членов королевской семьи.

– Ах, бросьте, профессор, – покачала я головой. Я до сих пор не знала, не верила, боялась предположить, какую роль подле себя мне уготовил Александр. Но в тот миг меня больше беспокоило другое.

– Скажите, профессор, вы уверены в своём решении? Тропические леса и пустыня не самые гостеприимные места.

Эрик хотел уехать. Сразу, как окончатся экзамены, так далеко, как только получится. Погрузиться с головой в работу, исследования языков и традиций южных племён, изучить древний город в устье одной из самых длинных рек нашего континента.

Всё что угодно, лишь бы его близость не была опасной меня и для него, ведь Королю, вероятно, не понравится его интерес. И, конечно, в надежде, что сердце перестанет болеть при мысли о голубоглазой ученице.

Глаза Эрика удивлённо округлились. Первый вопрос я

могла угадать, это было бы не сложно, а вот о своих планах профессор пока никому не говорил. Промелькнула мысль, слышу ли я его, и я кивнула. Эрик горестно вздохнул.

– Всегда?

– Иногда, – честно ответила я.

Профессор помолчал. На миг промелькнула мысль, не играла ли я с ним, не специально ли заставила полюбить себя, ведь, когда видишь человека насквозь, это не сложно, но Эрик решительно отогнал от себя эту мысль. Он не хотел сомневаться во мне и в своих чувствах.

– В таком случае, леди, вы лучше меня знаете, что мне лучше быть от вас как можно дальше, – справившись с собой, ответил Эрик на мой вопрос.

– Но ведь вовсе не обязательно при этом так рисковать! Осталось совсем немного, каких-то пара месяцев, и я навсегда покину стены Института. Ничего не мешает вам и дальше преподавать.

– Я не смогу, леди. В любой ученице я вижу вас, в любом классе, на любом занятии мне мерещится, что вот-вот прозвучит ваш волшебный голос, отвечая на вопрос. Мне нужно время, чтобы прийти в себя.

Мы помолчали. С улицы раздавались голоса прогуливающих по парку леди.

– Пообещайте мне, профессор, – наконец, произнесла я.

– Что угодно, – глухо ответил Эрик, не отводя взгляда.

– Пообещайте, что не станете рисковать понапрасну, и

непрерывно станете счастливым.

Губы Эрика тронула улыбка, он машинально коснулся ленты, вплетённой в волосы. Профессор вновь поклонился мне и вышел из библиотеки.

Экзамены приближались с неумолимостью тайфуна. Как солнце каждый день поднимается из-за горизонта, чтобы вечером вновь скрыться в лучах заката, как осень сменяет лето, а за зимой приходит весна, так и каждое учебное полугодие заканчивается сессией.

Ученицы нервничали и не расставались с конспектами даже в столовой, за что время от времени получали замечания за нарушение норм изящных манер. Но передача столового этикета у ставшего задумчивым профессора Эрика девушек страшила меньше, чем провал на экзамене по экономике сопредельных государств или домоуправлению.

Саня, зубрившая свои подробнейшие конспекты всё полугодие, пыталась освежить в памяти выученное, я выписывала на отдельные листочки определения и краткие тезисы по каждой теме.

Ирина, которой лекари запретили волноваться и предписали больше гулять, неспешно прогуливалась по дорожкам в парке или сидела с конспектами на скамейке. Прикрыв фигуру просторной шалью, Ирина всем говорила, что лекари нашли у неё малокровие и предписали хорошо питаться и много гулять.

Решив, что сидение взаперти делу не поможет, мы с Саней

часто присоединялись к Ирине. По тем предметам, которые у нас совпадали, вместе повторять было гораздо веселее.

Ожидание всегда страшнее чем то, чего, собственно, ждёшь. Сессия для нас с Саней вместо цунами обернулась простым прибоем, Ирина старанием и прилежностью так же одолела все предметы. Оставался последний экзамен, после чего все выпускницы получают аттестаты, отгремит заключительный бал, и мы навсегда покинем стены Института.

Всем ученицам разрешено потратить месяц, чтобы съездить домой и уладить дела. После чего леди, обучавшиеся за счёт Короны, обязаны получить назначение и приступить к отработке своего долга. Некоторые ученицы предпочитают начать службу сразу по окончании Института, и Ирина собиралась явиться во дворец вместе со своим мужем, сразу после получения аттестата. Ксения же хотела сперва навестить родителей. Все леди больше думали о предстоящих назначениях и каникулах больше, чем о последнем экзамене.

Накануне экзамена я сидела в парке с учебником. Солнце радостно обнимало мир своими лучами, на дереве напротив суетились какие-то птицы. Я смахнула севшую на книгу букашку и перевернула страницу. По дорожке раздались торопливые шаги.

– Леди Лира, леди Лира! – заметив меня, закричал пожилой мужчина.

Я вскочила, забытый учебник упал на траву у моих ног. Марис, старый слуга моих родителей. В детстве он часто со

мною возился, рассказывал об охоте и лошадях. После бесконечных правил этикета, эти разговоры казались мне очень интересными и увлекательными. Но что он делает здесь, вдали от дома? Марис едва не бежал, и от этого прихрамывал на левую ногу сильнее, чем обычно.

– Марис! Что ты тут делаешь? – я поспешила навстречу слуге.

– Леди Лира, хозяйева вас очень ждут дома! Сказали, чтобы выезжали срочно, время не терпит.

– Что случилось? – я сняла щиты, чтобы скорей узнать новости. К сожалению, Марис ничего не знал. Он выполнял приказ привезти меня домой как можно скорее, а зачем и отчего, ему, конечно, никто не объяснил. Письма мне тоже не передали.

Я спешно вернулась в комнату и принялась бестолково метаться, собирая вещи. А если тяжело больна сестрёнка? Она почти всю зиму мучилась кашлем. Если что-нибудь с матерью или отцом? Мысли о том, что можно не ехать или отправиться чуть позже, даже не возникло. Отец сказал, как можно скорее, значит, это важно.

Леди Амалия в этот день отсутствовала в институте. Юнг, её племянник и помощник, сказал, она на какой-то встрече в столице, потому я написала ей записку, сообщив, что меня срочно вызвали домой. Скрепя сердце, я написала Александру и попросила передать письмо Артемия.

– Я еду с вами, – не терпящим возражения тоном возразил

страж. Мне некогда было с ним спорить, и спустя полчаса от того, как я увидела Мариса, я уже сидела в карете. Артемий ехал верхом, а Марис сидел рядом с кучером.

Мы добрались меньше чем за неделю. Ночевали на постоялых дворах, и с ранними петухами выезжали на дорогу, завтракая на ходу. Артемий следовал рядом, мрачней с каждым днём. Он сказал, что передал моё письмо через доверенное лицо, и несколько раз просил меня передумать и вернуться в столицу.

Я не хотела слушать. Было боязно за родных. Отец знал, что у меня ещё не закончились экзамены, а вручение аттестата и вовсе в начале следующего месяца. Леди Амалия выслала всем родителям приглашение на торжественную церемонию вручения аттестатов, он тоже должен был такое получить.

Марис мне сочувствовал, ведь ехали мы почти без передышек, а, по его мнению, для юных леди такие поездки очень утомительны. Когда мог, он развлекал меня разговорами о том, что случилось в поместье с моего прошлого визита, и с опаской косился на сопровождавшего меня стража. К концу шестого дня мы подъехали к воротам поместья.

Едва я переступила порог дома, кто-то из слуг помчался сообщить о моём возвращении, и совсем скоро мать заключила меня в объятия. Радостно хлопоча вокруг и отдавая распоряжения слугам, она причитала, что я совсем исхудала, наверное, в Академии экономят на питании учениц.

– Не в Академии, мама, а в Институте. Что случилось? – я с тревогой вглядывалась в её лицо.

– Что значит – что случилось? – не поняла она.

– Зачем меня вызвали так скоро? Экзамены не окончены, вручение аттестатов только...

– Ах, кому нужны эти аттестаты! – всплеснула руками мать. – Поверь, это не главная добродетель благородной леди.

В холле появился отец.

– Лира! Рад видеть, дочка, – он обнял меня и расцеловал в щёки, оттеснив мать. Тут его взгляд упал на стоящего за моей спиной Артемия. – А вы ещё кто такой?

Артемий коротко поклонился.

– Я по решению Короны приставлен к вашей дочери для охраны.

– Что значит, приставлен по решению Короны? Мужчина? К моей дочери? Мне ни о чём таком не сообщалось! Покажите грамоту!

Артемий протянул отцу бумаги.

– Мама, так отчего была такая спешка? – шёпотом спросила я, пока отец изучал бумаги, иногда бормоча что-то под нос. Я опустила щиты, надеясь, что так скорее получу ответ на свой вопрос.

– Ах, дорогая, всё потом, – отмахнулась мама. Я же отшатнулась от неё, как от огня, услышав в мыслях невероятное:

– Как свадьба?! – воскликнула я, прижимая руки к груди.

Артемий нахмурился и придвинулся ближе ко мне.

– Ну да, свадьба, а ты что ожидала? Все юные леди через это проходят, – непонятливо посмотрела на меня мать.

– Но я... За кого? Я не могу...

– Что значит, не можешь? – поднял взгляд от бумаг отец. – Мы уже обо всём договорились, и даже оградили тебя от проблем, связанных с торжеством. Платье готово, гости скоро придут. А вы, будьте добры, отойдите от моей дочери! – нахмурился на Артемия отец.

– К-как гости? – пролепетала я.

– Я уполномочен Коронай... – начал Артемий, но отец его перебил:

– На охрану Лиры в стенах Института! Это прямо прописано в ваших бумагах. Так что не морочьте мне голову! У вас нет никакого права здесь находиться. Уйдите добровольно, или вас выведут. Стража! – рявкнул отец.

Я же стояла, опустив руки. Так не может быть, не должно, не со мной! Александр говорил, что моя судьба решена, в его мыслях было обещание быть рядом... Выдохнув, я постаралась объяснить матери и отцу, что произошла ошибка, но вызвала только раздражение и жёсткую отповедь:

– Ты должна быть нам благодарна! Мы подыскали тебе лучшую партию, собрали немислимое приданое, лишь бы лорд согласился на этот союз. А ты теперь, вместо благодарности, устраиваешь нам истерику! Другая на твоём месте рыдала бы от счастья и руки нам целовала! Марис! Запри её в

комнате!

– Пойдите! Так нельзя! Я не могу...

В суматохе я не заметила, как Артемия вывели прочь. Я не успела с ним поговорить, не успела передать записку, я оказалась в полной изоляции и без какой-либо связи с внешним миром.

Я пыталась объяснить с родителями, пробовала сделать вид, что смирилась, лишь прошу пригласить на свадьбу подругу и учителя, в надежде передать кому-нибудь письмо, но бесполезно было уговаривать, спорить, убеждать, доказывать. Мне не верили, меня не слышали.

В итоге отец запер меня в комнате до самой церемонии. Платье и украшения для «неблагодарной дочери» уже были готовы, и у меня не было никакой возможности передать весточку. Наши слуги слишком дорожили своим местом и обо всём сообщили бы отцу, а больше никого ко мне не пускали. Я рыдала два дня, а потом всё стало безразлично.

Когда я поняла, что остановить это безумие мне не под силу, что-то внутри меня сломалось, треснуло, и начало болеть сердце.

Король

Когда посреди приёма у меня потемнело в глазах, я не сразу понял, что произошло. Но почти сразу мне в сердце словно воткнулась тупая игла, и я, к ужасу всех присутствующих, начал падать. Роман мгновенно оказался рядом, поддержал, но я, наплевав на приличия, оттолкнул его и вылетел из зала,

как только смог стоять.

Что-то с моей малышкой.

И ведь ничего не предвещало беды! Её зачем-то вызвали домой, но не станут же собственные родители ей вредить? Мои службы их проверяли, они бы заметили опасность. И Артемий с ней. А, демоны, как же больно!

Я влетел в комнату и поймал обеспокоенный взгляд Эдварда.

– Шута ко мне и председателя Совета. Приготовить коня.

– Что случилось?

– Что-то с Лирой.

Я потёр грудь, надеясь, что моей птичке не так больно, как мне.

Лира

Я сидела на кровати, опершись на спинку и подогнув под себя ноги. Сколько я так сижу? Кажется, за окном успело стемнеть и рассвети. Сердце ныло, и я иногда тёрла грудь, словно надеясь стереть боль. Ничего не происходило. Я безучастно наблюдала, как за стеклом колышется ветка. Вверх-вниз, вперёд-назад.

Кажется, заходила служанка и уговаривала меня переодеться. Зачем? Какая разница, как я выгляжу? Когда она попыталась расчесать мне волосы, я выгнала бедняжку. Знаю, кричать нехорошо, но так хотелось побыть одной. Ветка качается...

Король

Заскакивая в карету, я рыкнул на кучера, чтобы гнал, не останавливаясь. На карете настоял Эд, они с Романом пригрозили, что никуда меня не отпустят в таком состоянии, да ещё и верхом. Я устало откинулся на спинку сиденья – сейчас от меня ничего не зависит, вперёд лошадей бежать невозможно. Как же саднит сердце! Я с силой потер грудь, словно надеясь, что это пройдет. Не помогло.

Эдвард, с тревогой глядя на меня, то и дело высовывался в окно, чтобы поторопить кучера.

– Оставь человека в покое, – хрипло попросил я друга. – Он делает всё, что может. Я же слышу.

– Прости. Но ты очень плохо выглядишь. Я боюсь опоздать, – тихо ответил он, глядя на меня, как на больного.

– Да всё со мной в порядке! – я рывкнул, подскочив на сиденье. И откуда во мне столько агрессии?

– Ты бледнее смерти, друг, – примиряюще ответил двойник.

– Мне без неё плохо. Душа болит, – нехотя сознался я и добавил, глядя на летящие за окном дома. – Я чувствую, что она в беде, отчаялась, не справится сама. И от этого мне плохо вдвойне. На что я обрекаю девчонку?

– На счастливую жизнь с любящим мужем, не зная нищеты и горя! – отрезал двойник. – Кончай себя грызть, если ты её чувствуешь на таком расстоянии, то и ей достаются отголоски твоих эмоций. Хочешь совсем заморить малышку? – наклонившись вперед, рывкнул он почти мне в лицо.

– Потерпи, скоро вы увидите, – уже тише добавил двойник и высунулся в окно, чтобы узнать у кучера, когда ближайшая остановка. Увы, но лошадям нужен отдых.

Личная охрана мчалась рядом с каретой верхом. Они благоразумно старались не попадаться мне на глаза, но постоянно держались рядом.

Несколько раз мы меняли лошадей. Конечно, было неразумно покидать столицу, не оставив за себя даже двойника. А если что-то случится? Но ждать было выше моих сил, а Эд отказался отпускать меня одного в таком состоянии. Шут и председатель Совета сделают всё, чтобы моего отсутствия как можно дольше не заметили.

На всякий случай есть отговорка, что я отправился на охоту в свои угодья. Странно и подозрительно для этого времени года, но решения Короля не обсуждаются. Если всё получится, высший свет будет обижаться, что их не взяли на развлечение. А если мы не успеем выручить мою малышку, станет на одного сумасшедшего Короля больше. Или, если повезёт, я быстро уйду на встречу с богами. Как же болит сердце!

Очередной привал и смена лошадей. Я даже не выхожу из кареты, и Эд остаётся рядом, хотя ему и хочется пройтись. Слуги всё делают споро, и скоро мы опять несёмся мимо полей. Рядом с кучером на последней станции сел подросток, он и правит сейчас лошадьми. Правильно, кучеру тоже нужен отдых. Я безразлично смотрю за окно.

Наконец, мы стали замедляться, и мальчишка, что правил последние сутки, стукнул в стенку:

– Приехали!

Я поправил маску и, едва мы остановились, стрелой вылетел из кареты. Кажется, я чуть не сломал дверцу. Было невыносимо ждать, когда кто-нибудь её откроет по всем правилам.

Я пересёк двор и, не замечая ничего вокруг, устремился вверх по ступеням крыльца. Роман, начальник охраны, бежал передо мной, разгоняя челядь и вопя на всю округу:

– Дорогу! Именем Короля, разойдись! Пропустить!

Кто-то придержал передо мной входную дверь. Роман с ребятами охраны уже строили домочадцев и требовали позвать хозяев.

– Что здесь... – появившийся на лестнице мужчина замолчал и уставился на меня во все глаза, хватая ртом воздух. Он вцепился в поручень, словно от этого зависела его жизнь. Я окинул взглядом просторный холл, прислушиваясь к мыслям окружающих. Наверх.

Я метнулся по лестнице, не замечая ничего вокруг. Направо, третья дверь... Здесь.

Я услышал отголоски её мыслей ещё от лестницы. Сердце устроило дикие пляски в груди, дверь я снёс, даже не заметив.

Она резко обернулась на шум. На миг застыла, не веря себе, а потом с вскриком кинулась мне на шею. Я прижал к

себе своё самое дорогое сокровище, желая никогда больше не отпускать.

Она плакала, не в силах остановиться, а я гладил её по распущенным волосам и шептал что-то утешительное. Тупая игла, несколько дней терзавшая моё сердце, растворилась, стоило Лире коснуться меня. Она дрожала от переживаний, и я накинул ей на плечи свой плащ и крепче обнял.

Время перестало существовать, были лишь мы вдвоём во всём мире. Когда она перестала плакать, я осторожно вытер слезинки с родного лица. Она подняла на меня взгляд, и я открыл перед ней свои мысли. Моё счастье, немного робко, открыла свои в ответ.

Не знаю, сколько мы так стояли, упиваясь чувствами друг друга. Нас отвлекло покашливание от двери, и я, наконец, начал воспринимать окружающее. Мы всё так же стояли в обнимку посреди комнаты. Дверь висела на одной петле, опираясь углом на мягкий ковер.

Странно, мне казалось, обычно дверь распахивается в коридор. Моё счастье, уловив эту мысль, хихикнула и уткнулась мне в шею. Действительно, до моего громкого появления двери открывались в другую сторону. Я хмыкнул куда-то ей в макушку, наслаждаясь её доверчивыми объятиями.

В коридоре, сбоку от двери, стоял Роман с одним из своих ребят. Его команда умело рассредоточилась, и теперь они контролировали и дом, и двор. Я опять хмыкнул. Роман решил нарушить наш покой, так как переживал, всё ли в по-

рядке, слишком долго нас не было слышно.

– Всё в порядке, Роман, сейчас уже поедem, – громко сказал я, не сводя глаз со своего чуда. Она казалась безмерно уставшей, и я подхватил её на руки, желая поскорее оказать-ся далеко отсюда, в безопасном для неё месте.

Ли́ра

Я услышала внизу какой-то шум, но не придала этому значения. Уже давно всё стало неважным, потеряло всякий смысл. Ветка за окном всё так же мирно качалась, вверх-вниз...

С оглушительным грохотом распахнулась дверь, и я обернулась. Не веря себе, я смотрела в глаза Короля. Он тяжело дышал и опирался рукой о дверной проём, слово только что взбежал на самую высокую гору мира. Лицо было скрыто под маской, камзол чуть помялся, и я с удивлением отметила, что его пальцы дрожат.

«Ты?» – прокралась недоверчивая мысль.

«Я» – прозвучал ответ Его Величества.

Вскрикнув, я кинулась ему на шею, позабыв обо всех правилах и приличиях. Слезы лились водопадом, а я не могла найти силы их остановить. Кажется, я вывалила на него разом все свои невзгоды и переживания последних дней. Он гладил меня, утешая. Его мысли укутывали теплым одеялом, загораживая от прочего мира.

Он осторожно, словно боясь напугать, вытер мои слезы. Смешной, разве можно напугать заботой? Я подняла взгляд,

счастливо улыбаясь. Боги, как я сейчас, наверное, ужасно выгляжу! Заплаканная, босая, простоволосая. Да ещё и в домашнем платье! Кошмар!

«Ты красивее всех на свете», – нежная мысль заставила смутиться. Король накинул мне на плечи свой плащ, подбитый мехом, и тот укрыл меня до самого пола.

А потом... Я не поняла, что именно случилось. Просто исчезли все барьеры, и его разум раскрылся передо мной книгой. Не нужны были больше слова, я могла слышать и чувствовать его душу. Кажется, тогда, у похитителей, он утешал меня подобным образом. Не осознавая, что делаю, я опустила все щиты и раскрылась в ответ. Я ещё успела распознать удивление и нежность, гордость за меня прежде, чем утонула в его сердце.

Мы были вдвоём, полностью открытые друг перед другом. Он держал меня за руку и ждал ответа на вопрос, заданный мысленно.

«Согласна ли ты поехать со мной во дворец и остаться там?».

«Кем я там буду? Рядом с тобой?».

Александр пристально смотрел мне в глаза.

«Моей Королевой, принявшей корону наравне со мной. Моей любимой. Моей женой. Моей жизнью».

Мысленно невозможно слукавить. Сердце пропустило удар. Значит, он всё же видит меня не игрушкой, не любовницей, но той, кого хочет чувствовать рядом, равной себе.

Александр нахмурился, его плечи закаменели – как я посмела усомниться в нём? Я лишь улыбнулась и коротко ответила:

«Я согласна».

От этих простых слов словно ручей омыл мысли Александра, стирая все тревоги и сомнения. Будто кто-то сдёрнул тень с его лица, с его мыслей. Он сиял такой чистой радостью, что я невольно засмеялась. Он счастливо засмеялся в ответ и, подхватив меня, закружил по комнате.

Потом он сам нёс меня на руках. Я вдруг поняла, насколько устала за последние дни, и спрятала лицо у него на плече. Хватило сил только удивиться тому, что внизу собраны все домочадцы. Я обнимала за шею своего Короля, а он нёс меня, босую, растрёпанную, в домашнем платье, укутанную в его плащ, как самое дорогое сокровище. Меня затопила нежность, и я щедро делилась ей со своим любимым. Он крепче обнял меня в ответ. Перед моими родителями он остановился.

– Как семье моей Истинной Половины Души и родителям вашей будущей Королевы, я подпишу лист о привилегиях, его пришлют в ближайшее время с курьером. Обо всём, что сегодня произошло, советую молчать.

Слова прозвучали чётко и холодно, они падали в тишине тяжёлыми глыбами на мраморные плиты пола, заставляя вздрагивать присутствующих.

Король направился к карете, так и не отпустив меня с рук. Последнее, что я успела заметить – как отец с мыслями «Что мы наделали» рухнул на ближайшую скамью, а мать даже не повернула головы, чтобы проводить меня. Она думала лишь о том, что свадьба была назначена на завтра, что же они скажут гостям, жениху? Что делать с заказанным обрядом в Храме и банкетом?

Младшая сестрёнка, которую, похоже, подняли из кровати, мечтала о том, что когда-нибудь в неё так же сильно влюбится какой-нибудь Король и увезёт в своё королевство. Она добежала до двери и стояла там, глядя нам вслед, пока взрослые её не прогнали.

А я пыталась осознать, что человек, к которому я привязалась, которого я полюбила всем сердцем, который уже не раз меня спасал, Его Величество Александр Четвёртый сделал мне предложение разделить с ним его судьбу, и я ответила согласием. Я тонула в его мыслях, таяла от нежности, которой он меня окружал, чувствовала себя маленькой и беззащитной в его надёжных сильных руках. Что же меня ждёт во дворце?

***

От автора

Отличного настроения и чудесного дня, уважаемый Читатель! Надеюсь, Вы хорошо провели время с этой книгой.

Огромное спасибо моим родным и друзьям за поддержку, спасибо всем, кто ставит оценки и оставляет комментарии, это очень вдохновляло и продолжает вдохновлять Музу. Низкий поклон моей неизменной бете, Рине, без неё ничего бы не вышло. Спасибо Constantinich за помощь и веру в меня.

Вторая и заключительная часть диалогии про Лиру и Короля уже закончена, вы легко сможете найти её в сети.

Желаю вам отличных книг, счастья и крепкой любви!

Всегда ваша, Кира Бег.

***

В оформлении обложки использованы фотографии:

– автора Inarik «Woman Pink Long Dress, Girl with Flying Silk Scarf Cloth» с <https://www.istockphoto.com>

– автора Kparis «Venetian Mask» с <https://www.istockphoto.com>